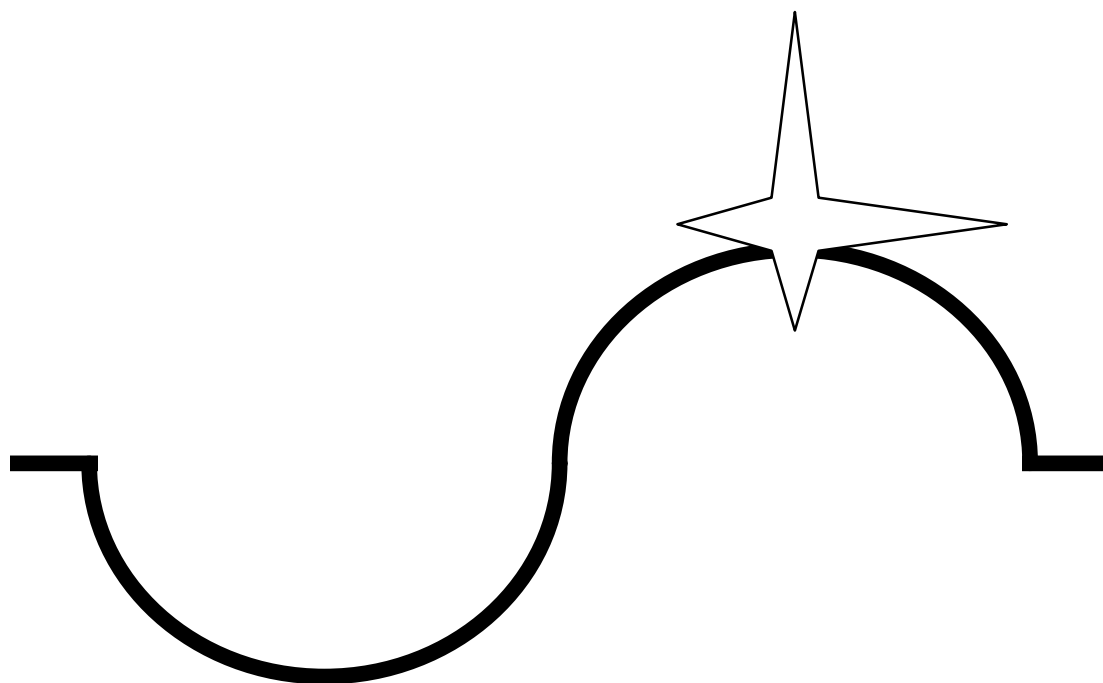

Сеть Организаций Рона СНГ

ЛЕКЦИИ ОБ УЧЁБЕ

С глоссарием и предметным
указателем

© 1999, Copyright by OTC CIS trustee

Этот перевод был создан в рамках программы создания полного собрания сочинений Л. Рона Хаббарда, основателя Дианетики и Саентологии, на русском языке.

Не разрешается какое-либо копирование, сканирование и иное воспроизведение данного перевода без разрешения владельцев авторских прав.

Комментарии переводчика в квадратных скобках.

Слова, отмеченные звездочкой (*), вынесены в Глоссарий.

УЧЁБА: ВВЕДЕНИЕ.....	1
УЧЁБА: УСВОЕНИЕ СВЕДЕНИЙ	13
КОРОТКО О ГЛАВНОМ В УЧЁБЕ	24
УЧЁБА: ПОСТЕПЕННОСТЬ И НОМЕНКЛАТУРА.....	38
УЧЁБА: ОЦЕНКА ИНФОРМАЦИИ.....	51
УЧЁБА И ОБРАЗОВАНИЕ.....	64
ОБЗОР УЧЁБЫ.....	78
УЧЁБА И НАМЕРЕНИЕ	91
ОБУЧЕНИЕ: ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ.....	100
ОБРАЗОВАНИЕ.....	114
ГЛОССАРИЙ.....	121
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	131

УЧЁБА: ВВЕДЕНИЕ

18 июня 1964 года

Благодарю вас.

Ну, я тоже рад вас видеть. Что у нас сегодня?

Женский голос: 18 июня.

Я сейчас в таком состоянии, когда мне думается большими периодами времени. Это забавно — я заметил, что 16-е число длилось два или три дня, и 17-е два или три дня, и теперь у нас 18-е, так что сегодня 18 июня 14 года эры Дианетики, Специальный Инструктивный курс Сент-Хилла*.

Все у нас идет просто отлично. То, что я сейчас скажу, совершенно не относится к теме этой лекции, эта лекция будет о крайне важном предмете — об учёбе.

Довольно интересно отметить, что стоит воздать дань вкладу, хотя и косвенному, со стороны одитинга студентов Сент-Хилла, которые прошли материалы низших уровней и дошли до коодита. Они на самом деле продвигали своих преклиров вперед, несмотря на значительное количество пропущенных зарядов.

Я это говорю не в шутку. Это чистая правда. Потому что труднее всего выяснять, что находится в верхушке МПЦ. Вам не пришлось столкнуться с этими заморочками, и, вероятно, не придется, но я просто хочу рассказать вам об этом мимоходом.

Самое трудное на свете занятие — искать верхние пункты МПЦ. Я сосчитать не смогу, сколько потенциальных противотерминалов и терминалов пришлось отбросить, прежде чем обнаружили подлинные. Всяких загибов разного рода в банке просто не меряно. В настоящий момент у вас есть совершенный линейный график. И поэтому вам все сходит с рук. Но вершины реактивного ума, реактивного ума целиком, будет достичь не менее трудно, потому что на всем этом заряде сидит сам тетан.

Точно так же, у вершины какой-то серии будет труднее всего отыскать корневые слова. И вот такой бардак возникал до того, как эта штука не была полностью исследована. Это очень забавно. Я получил остальные корневые слова этой серии. И это все прошло как нож по маслу, абсолютно никаких вопросов. Но получить вот эти точные верхушки — это было крайне сложно. И при приведении этого материала в точную систему мы постоянно сталкивались со сложностями в отношении того, что это в точности такое. Конечно, вы могли бы послать все это подальше, отпихнуться от этого и не одитировать ничего этого в течение пары лет, и позволить мне самому пройти весь банк целиком. Однако при этом вы бы рисковали обнаружить, что к тому времени, когда я прошел бы весь банк, я мог бы вами более не интересоваться. Шутка.

Во многом это произошло благодаря тому факту, что там были — там были какие-то отсутствующие элементы, в том совершенном линейном графике, ведь они начинали — они не начинали с совершенного, но получали его в течение 24 часов — и эти материалы довольно хорошо упорядочены, точно известно, как они

проходились, какие там были схемы. Это все было достаточно хорошо отутюжено, но, тем не менее, тем не менее, было гигантское количество пропущенного заряда, такое гигантское, что коодит вряд ли когда-либо столкнется с этим в будущем. А одиторы коодита действительно работали достаточно гладко, и все такое, и поэтому их преклиры просто продолжали продвигаться, и не было никаких заметных потерь.

Если посмотреть на это чисто поверхностно, они могли бы прикончить кого-нибудь таким количеством заряда. И если одитинг был бы хоть немного грубоват, соответственно, они бы просто подрывались на каждом повороте. Были бы разрывы АРО и мятежи, массовые исходы и побег — это было бы просто ужасно. Если только вы можете понять величину катастрофы, вызванной промахом мимо одного-единственного пункта... А здесь они промахивались по целой серии. И, тем не менее, они продолжали одитировать поверх всего этого заряда и на самом деле имели довольно приличные достижения, и вчера днем я получил от них очень красивые отчеты. Все прошло просто здорово.

Черт возьми, это очень хороший одитинг, просто чертовски хороший одитинг. И я хотел бы сейчас поблагодарить их за это, а именно — за их одитинг. Они, должно быть, просто ужасно классно работают. Все это теперь уже исправлено, и я представляю себе, что в нынешних сессиях эти кейсы просто стартуют как ракеты. Они, должно быть, доходят до верхушек тех других серий, и это проходит просто со звуком *вззз!* Фактически, я никогда не видел ничего подобного с такими показаниями, что бывают на упущенном элементе, на том, что было пропущено. Просто пальба и дым, новое рождение и соединение.

Короче, вывод из всей этой ситуации состоит в том, что я очень-очень рад этому. Они здорово продвигаются, все очень-очень счастливы и пребывают в большом энтузиазме по этому поводу. И иногда мне удается подглядеть, что пишут в письмах, что отсылаются отсюда, и мне теперь не нужно говорить “Вот оно”. “Вот оно” — это слишком, слишком спокойное утверждение по сравнению с некоторыми утверждениями, которые, как я слышал, выходят отсюда по различным линиям. И я думаю, что ни у одного человека на коодите в уме нет никаких сомнений, что мы своего добьемся. Может, мы только одной ногой там, может, мы еще притормаживаем и размышляем, но мы это сделаем, мы в пути, и дорога широко открыта.

Отлично. Ситуация с одитингом зависит от другого предмета, и этот предмет называется “учёба”. Если вы не можете ничему научиться, что ж, вы не можете узнать, как что-либо делать. Подобно тому, о чем я рассказывал вам в прошлой лекции — что общение не есть весь процессинг, но оно абсолютно и жизненно важно, если одитор собирается когда-нибудь прийти к преклиру и что-нибудь для него сделать, так же верно будет сказать, что учёба яв-

ляется дверью — закрытой или открытой — к умению одитировать.

Если одитор не может ничему научиться, он, конечно, не будет способен одитировать, невзирая ни на его отношение к человеческому роду, ни на его желание сделать что-то для людей, как, впрочем, и на другие его желания, любой формы, масштаба или содержания. Все это будет перечеркнуто одним-единственным пунктом: он не может ничему научиться.

Поэтому для того, чтобы научить кого-нибудь одитировать, необходимо, чтобы он был способен учиться. Вот это страшно важно, жутко! Основ-то тут этих — кот наплакал*, но, тем не менее, все самые большие успехи строились на внимании к основам. Все строится на основах. До тех пор, пока вы не сможете выделить основы, вы, конечно же, оставите фундамент вашего здания незавершенным. И потом оно будет как бы все время висеть в воздухе, пока вы не найдете фундамент, с которого можно начать строить. Вы не построите никаких небоскребов, если не заложите фундамента.

Но что это за фундамент? Фундамент одитинга — это, конечно, учёба: способность познавать. И если ее нет, что ж, у одитора начинаются ужасно тяжелые времена.

Я действительно не хочу, чтобы вы пропустили мимо ушей и запихнули в дальний чулан то данное, которое я сейчас собираюсь вам дать, потому, что именно это целиком и полностью определяет будущее Саентологии. Это знание единственного пункта, одного единственного пункта: того, что добрая половина Саентологии состоит в дисциплине применения, состоит из технологии применения, состоит из ноу-хау применения. Это более, чем 50% предмета — более, чем 50% предмета.

Возможно, это данное вас не очень-то впечатляет, но позвольте мне пояснить мою мысль, и вы увидите, насколько оно впечатляюще. Вы можете передать всю совокупность процессов, которые давали результат в Саентологии — а их очень-очень много — вы можете передать их все разом “специалистам по человеческому уму”, предоставить им карт-бланш* — просто процессы, просто команды — и они с ними ничего не смогут сделать. С их помощью они не смогут получить никакого результата никоим образом.

Будут делать всякие ослиные заявления подобно Чикагскому Университету*. Это колледж. Вот что мы говорили о нем в университете Джорджа Вашингтона. Мы были терпимы по отношению к Чикаго. Большинство из нас хотело пойти туда, потому что просто надо было проболтаться там пару лет, и тебе вручали “корочки”, а нам было скучно. Но эта контора выдала следующее ослиное заявление: “Мы испытали все техники Дианетики и обнаружили, что она не работает”. Ну, это утверждение ослиное прежде всего потому, что все техники Дианетики не существовали в опубликованном виде, и они никак не могли бы их испытать. То есть сразу ясно, что это чепуха.

Я, например, знаю техники, которые были выпущены в первом Фонде, в Элизабет*, кото-

рые так никогда и не увидели света; я никогда не видел их опубликованными.

На самом деле, я видел три или четыре разрозненных группы, которые неожиданно начались со штучки, просто предназначенной для помощи одному преклиру — они решили, что это применимо ко всем преклирам. Есть несколько типов терапий, болтающиеся сейчас вокруг, которые просто состоят из техники, разработанной для одного преклира в Элизабет. Вот так, какая-то контора высокомерно смотрит сверху вниз и говорит: “Мы испытали все техники Дианетики”... Каково утверждение, а? Они не имели того, что испытывать. Откуда они могут знать, что они испытали “все техники”? Сразу видна их безответственность. Кроме того, говорить, что “она не работает”, также будет ослиным, потому что если бы они испытали бы ее хотя бы кое-как, они получили бы хоть какой-то результат, если только все это изначально не делалось в виде публичного заявления для защиты своих корыстных интересов.

Но все это не относится к сути. А суть дела проста: Да, они могли бы достать все техники. Они могли иметь их все. Не имели, но могли иметь. И они могли своим методом “научного тыка” испытать эти техники, и они не сработали бы — потому что среди всей этой толпы нет ни одного специалиста по Дианетике. Там нет никого, кто был бы обучен базовым данным Дианетики, а это включает в себе 50 или более процентов той технологии, которую они намеревались собрать. Существенно, не так ли?

А вот еще: Рэг* и я, плавая по глубокому синему морю, придумали курс, который не был связан с Саентологией, но имел отношение к бизнесу и коммерции, и, тем не менее, очень широко использовал Саентологию в бизнесе и коммерции. Но курс был придуман по совершенно иным мотивам, и Рэг подумал, что это очень хорошая идея, и продолжил и довел до конца этот курс. И этот курс имел неслыханный успех. Я думаю, он проводится и в настоящее время, и притом процветает, вы знаете?

Единственная проблема в том, что сегодня каждый пытается оторвать свой кусок этого успеха. Весь этот курс был жестом доброй воли, красивым жестом доброй воли, это была попытка повысить мастерство розничных торговцев и их продавцов в продажах товара, для того чтобы двинуть побольше оборудования и все такое. Вот для чего был сделан этот курс. И все старались примазаться к успеху, вы знаете? Нашлись другие люди, которые начали преподавать этот курс, преподавать свои собственные курсы, чтобы прийти к тому же результату. Недавно какая-то компания просила, чтобы курс Рэга преподавался всему их персоналу. К нему обращались с просьбами именно такого характера.

Но Рэг сделал широкое заявление, которое особенно подходит к теме этой лекции. Он сказал: “Ну, вам не стоит беспокоиться о какой-то конкуренции или о других людях, предоставляющих этот курс. Они будут начинать, и тер-

петь неудачи, но не будут способны *воспроизвести* этот курс”.

Вот, и это оказалось фактом. Они могут продолжать, могут (в кавычках) “преподавать подобные курсы”, делать то и это, делать еще что-то, но, конечно, они всегда осознают, по меньшей мере, то, что преподают суррогат, а не настоящий курс. А люди всегда хотя бы немного ощущают, что не получают настоящего курса по продажам.

Ну, а это само по себе достаточно близко к совершению оверта, даже для подражателя — и вслед за этим он впадает в навязчивое создание искажения того—что—есть, и сделанное Рэгом заявление, что тот не сможет воспроизвести курс, становится полностью истинным. Он не может и не мог бы это воспроизвести, и точка. И, возможно, возникали какие-то другие курсы — я не знаю, какая там история со всем этим, я за этим особенно не следил — но я думаю, что есть и другие возникшие курсы, которые затевались и зачали к настоящему времени, море энтузиазма было порождено в те времена по поводу воспроизведения этого курса, и я думаю, что этот курс до сих пор существует. Очень успешно. Вероятно, за долгое время это был один из наиболее изящных жестов доброй воли, которые были совершены в отношении компании в течение долгого времени.

Конечно, одна из причин этого успеха — это то, что это было что-то саентологически ориентированное. Но этот курс не будет воспроизводиться [другими], и следовательно, [у них он] не может быть чрезвычайно успешным.

Теперь, предположим, что они учат тем же самым методам; то есть используют, скажем, ту же технику на этих других курсах, которые преподаются и которые суть копии этого курса. Предположим, они это сделали. Все равно там будет упущен какой-нибудь элемент того или иного рода. Этот упущенный элемент и будет тем, что приведет преподаваемый курс к полному провалу.

Я не собираюсь излишне злоупотреблять данной аналогией — просто интересно отметить, что даже в такой вещи, как простое обучение продавцов тому, как быть обходительными со своими покупателями, дело также терпит неудачу, когда он вырывается из контекста исходной дисциплины. Даже в таком простом случае это может привести к неудаче; и так во всем.

Я не знаю, сколько технологии теряет университет — ведь преподаватель добывает 90% своего заработка, заставляя студентов покупать свои собственные книги. Я думаю, что ко времени, когда вы переписите Джеймса Уатта*, вы потеряете паровые двигатели. И в высшей степени вероятно, что в мире сейчас нет инженера по паровым машинам, который владеет подлинной технологией парового двигателя. Она была извращена, и поставлена с ног на голову, и неверно воспроизведена.

И я возвращаюсь к тем старикам, которые знали свое дело. Я однажды работал корреспондентом на встрече летчиков, и стоял там один малый — это был яркий солнечный день,

а он стоял в галошах и с зонтиком. Зонтик был закрыт, но он держал его в руках. Это был чудесный день, середина лета, и я заинтересовался, что этот тип делает на встрече летчиков, — вокруг такие сорвиголовы, пилоты-смельчаки и все такое — я работал для журнала “*Пилот-Спортсмен*”. Я решил, что это будет интересный штрих, тайком сфотографировал его своей репортерской камерой и узнал, как его зовут.

Его звали Янг, и это был второй человек в мире из всех, кто начал летать — после братьев Райт*. Ха-ха! Вероятно, он был один из самых знаменитых ранних пташек. Я, знаете ли, слегка покраснел. В старости он сделался боязлив; но в его время (мне кажется, его боязливость до сих пор не распространяется на полеты), но в его время летали на самолетах с каретой помощи, которая ехала за самолетом. Это правда! Так удавалось спасать больше пилотов. И этот человек был просто отчаянным пилотом. Я был очень заинтересован в том, чтобы поговорить с ним; я потом написал о нем статью, а он показал мне свои альбомы с вырезками.

И меня просто поразило, что существовало тринадцать способов полета, полета на аппаратах тяжелее воздуха, тринадцать! — среди которых неподвижное крыло было только одним — и кстате, одним из наименее предпочтительных. И одна из причин, по которой его вообще предпочли, или вообще строили, состояла в том, что не нужно быть особо одаренным в механике, чтобы его построить. Но было 12 других способов полета аппаратов тяжелее воздуха — аппаратов тяжелее воздуха; это не воздушные шары или дирижабли. Есть самые разные способы удержать воздушное судно в воздухе.

Есть принцип вращающейся палки: если бросить палку определенным образом — так, что она загудит при вращении — и вы увидите, как она, вертясь, улетает в небо. Это огромнейшая мощь, и это всего лишь вращающаяся палка. Имеется великое множество способов полета.

Но поскольку сосредоточились на одном крыле, оно и победило. И теперь у нас по всему миру летают самолеты, которые движутся с помощью этого жесткого крыла, торчащего из фюзеляжа — прежде всего потому, что у пионеров авиации не было достаточных средств, чтобы построить что-то более эзотерическое или необычное, так что все исследования сосредоточились на жестком крыле, и это то, что мы называем сейчас самолетом.

Но было интересно слушать старого мистера Янга, который изобретал тогда эти штуки; было очень интересно заметить, как он разочарован по поводу того, что именно это самое крыло избрали для исследований и разработки, потому что это было наименее работоспособно и наименее эффективно.

Здесь был этот гигантский объем технологии, которая никогда не была развита и потерялась уже в первом десятилетии этого века. Все виды способов полета; ни один из них не сохранился, развитие получил только тот, который было легко делать.

Очень интересно то, что один из них получил предпочтение и развитие; вероятно, именно на этот факт и стоит посмотреть. Но это почти обычно для цивилизаций — какая-то область знаний возникает, затем заикливается на определенном уровне специализации, на какой-то части [технологии], затем эта часть плохо воспроизводится, а остальная технология теряется.

Ох, я бы поговорил с Джеймсом Уаттом на предмет паровых двигателей. Наверное, он мог бы рассказать вам все о котлах высокого давления. У него просто не было времени, денег, материалов, чтобы построить такой котел. Но, может быть, существовали дюжины способов использования пара, которые были утеряны.

То, что вы изучаете сейчас, есть потерянная технология, потерянная технология. “Но”, — скажете вы, — “цивилизация идет вперед и, в любом случае, побеждает”. Хорошо, могу я пригласить вас пойти почти в любом направлении отсюда, где мы находимся в настоящий момент, от Сент-Хилла, на расстояние в 10 или 12 миль, и попытаться *не найти* остатки цивилизаций, которые *не* победили. Они здесь на каждом шагу — мертвые цивилизации, потерянные цивилизации, цивилизации, которых нет с нами. Все произошло из-за потерянной технологии. Они [цивилизации] начинают специализироваться на каком-нибудь техническом приеме, нет ничего, что поддерживало бы этот прием, и, наконец, части этих приемов теряются, и они исчезают. Цивилизация вполне может впасть в зависимость от этого одного технического приема; ей нечем его поддержать. Другими словами, она его теряет. Потрясающе, какие изменения, повороты и выкрутасы происходят с этими вещами.

Сейчас можно рассказать множество других вещей об этих цивилизациях, но единственная вещь, на которую я указываю в этот момент, это то, что их здесь нет. Смотрите, их не существует. Их нет с нами. И это были хорошие цивилизации, пока они были: романо-британская цивилизация, датская цивилизация, которая существовала здесь, саксонская цивилизация здесь же — все они ужасно различались; норманнская цивилизация, которая также была здесь. Они были здесь на каждом шагу.

Как насчет кельтской цивилизации, существовавшей раньше? Должно быть, это была вполне достойная цивилизация. Быть может, вы читали о плетеных колесницах*, идущих в атаку через Эшдаун Форест*. А что это такое — плетеные колесницы, идущие в атаку через Эшдаун Форест? Наш добрый друг Цезарь сообщает об этом.

И вот эта цивилизация исчезла. Мы ничего не знаем об этой цивилизации. Она, должно быть, была очень развитой. И даже само поле этой битвы находится в пределах десяти миль от Сент-Хилла. Ну, и куда исчезла эта цивилизация? Что это такое было вообще? Ведь это очень таинственная цивилизация — плетеные колесницы, ого? Может быть, кто-то забыл, как плести корзины? [аудитория смеется] Кто знает, что случилось с этой цивилизацией.

Сейчас положение здесь таково, что технология теряется, и нам придется изучить, как она

теряется. А теряется она потому, что люди оказываются неспособными учиться. Вот единственная настоящая причина, по которой она теряется. Это довольно интересное исходное положение, и все сводится именно к этому конкретному исходному положению. Соответственно, нам не понадобится прибегать к эзотерическим объяснениям вроде “Они не смогли воспроизвести” и “Они не смогли то и это”, потому что единственная причина состоит в том, что они не смогли учиться.

У цивилизаций есть свойство подниматься до определенного пика, а затем, под воздействием войн и прочих подобных факторов, они начинают терять свою технологию. Так вот, они теряют свою технологию только потому, что никто не обучается этой технологии.

Возьмем, к примеру, английского мастера серебряных дел. Сегодня английское серебряное дело уж не то, что было когда-то. Местные мастера серебряных дел издавна были очень, очень знаменитыми. А потом они выбрали лейбористское* правительство, и оно ввело такой налог на серебро, что британское серебро больше не могло продаваться. С таким же успехом можно было поставить британских мастеров серебряных дел к стенке и расстрелять их, потому что они ушли в другие ремесла, и технология была потеряна; и на сегодняшний день это практически утраченная технология. Причем, она была потеряна за последние лет десять или около того. Вам придется долго разговаривать с управляющими ювелирных магазинов, прежде чем вы поймете, почему невозможно купить серебро. Можно купить антиварное серебро, можно купить старинное серебро; осталось еще два или три мастера, которые этим занимаются, и это все.

Ну, так что с этими ребятами? Есть парни, которые это изучили, и есть множество учебников по этому предмету, и эта технология еще существует, но скоро она будет потеряна. Совершенно серьезно, она скоро будет потеряна. Как насчет того одного старого мастера, который остался на заводе? Он знает об этом все. Он окружен людьми, и совершенно внезапно все это может возродиться. Но все просто полагаются на него, никто не изучает ремесла. Все просто полагаются на него, если хотят что-то узнать. Все это упирается в глухой тупик, за которым следует неспособность узнавать и неспособность учиться.

Я всегда гордился тем, что я быстро учусь, следовательно, могу говорить на основании собственного опыта в этой сфере. Но я знаю свою собственную историю с этим делом, и знаю свои собственные белые пятна. Когда вы станете меньше беспокоиться о своем умственном статусе или о чем-то подобном на этом свете, вы сможете по-настоящему рассмотреть это и выявить, что там не так, и взять на себя смелость признать, что там и сям можно было бы кое-что улучшить.

Теперь, одна вещь о самой учёбе: существует великое множество предметов, которые ложны, и вы могли изучать множество ложных вещей, и после этого разочароваться во всякой учёбе вообще, потому что то, что изучалось — ложь.

Это может стать одной из причин, по которой человек прекратит учиться. Я практически не вижу, как это относится к нашему предмету, кроме, разве, того, что это вносит идею о необходимости иметь собственное суждение о том, что вы изучаете. Так, если кто-то учится, не имея никакого суждения о предмете изучения, и не имея способности оценить то, что он изучает, что ж, его способность учиться будет на деле очень низкой. Он будет выглядеть просто китайцем в каком-то смысле.

В китайцах нет ничего плохого, но я помню, как ходил в школу, кажется, в восьмой класс. Я несколько месяцев посещал начальную школу, все время на разных станциях и в разных местах. А ситуация, которая возникла в восьмом классе, заключалась в том, что никто не мог получить отличную оценку, кроме двух китайцев, которые учились в нашей школе. Они научились учиться, но так же, как учатся учиться попугаи, если *это* называть учёбой. И они могли встать и легко воспроизвести по памяти номер страницы и абзац и что угодно еще из учебника истории, и они могли выдать это дословно. Самая потрясающая работа по тотальному воспроизведению, о которой вы когда-либо слышали. Но они не были способны сказать, о какой вселенной идет речь; и если переставить одну запятую или спросить их мнение об изученном таким образом материале, то немедленно случалась полная катастрофа, как очень часто и бывало. Они могли вспомнить, находится это в середине книги или в конце книги, то есть, в каком абзаце это описывается, и все в этом роде. Самое потрясающее воспроизведение-под-копирку, которое я когда-либо видел. И это доставало всех нас, остальных, потому что они всегда получали 5+, и это было для учителя таким впечатляющим примером, что он, естественно, не мог поставить кому-нибудь еще 5+ за какое-то *простое* знание предмета. Соответственно, все наши переказы быстро обесценивались, и мы обычно получали 2. Я этого ему никогда не прощу [Рон говорит нарочито обиженным голосом, аудитория смеётся].

Как бы то ни было, шутки в сторону, это был случай полного, совершенно полного воспроизведения без малейшей крупинки связанного с этим смысла, и это совершенно жутко, потому что *учатся совсем не так*. Жутко! Возможно, вы тоже способны это проделать, но я расценил бы это как умственный трюк, а мне представляется, что учёба не имеет ничего общего с умственными трюками. Учёба связана с пониманием.

Учёба имеет отношение, в общем и в частности, просто к одной вещи: к готовности знать что-то. Это первые маленькие ворота, которые должны быть открыты, чтобы человек встал на путь учёбы: *готовность что-то знать*. Если эти ворота остаются закрытыми, тогда вы сталкиваетесь с такими вещами, как тотальная дословная зубрежка, система механического запоминания, вам придется столкнуться со всеми видами других систем, ни одна из которых не приведет к какому-либо знанию.

Знайте, что в Саентологии есть одна вещь — одна вещь — которую не слишком легко поместить в тексты, и которая, возможно, никогда не будет помещена в тексты: наука о том, как это *делать*. Знайте и то, что эту одну единственную вещь действительно трудно передать в виде текста, хотя очень легко передать на примере (и я обращаю сейчас ваше внимание на более раннюю часть этой лекции, когда я говорил, что это составляет как минимум 50% всего, что мы делаем); и я хочу сказать, что здесь есть некий риск, связанный с передачей этой информации и обеспечением будущего успеха Саентологии, и этот риск связан именно с этим. Она очень легко может стать неработающей дисциплиной.

Вы можете взять все МПЦ на свете — что, как вы думаете, произойдет, если бы вы взяли все МПЦ и полную карту банка, в которой все было бы совершенно точно указано, и передали ее сейчас в психиатрию? Я знаю, что они сделали бы. Они бы немедленно проанализировали По, сосчитав, сколько раз встречаются эти слова в одной из его книжек, потом вычислили бы их частотность, и потом с помощью этого попытались бы объяснить, отчего По* сошел с ума, или что-нибудь вроде того. Вот что, скорее всего, они попытались бы проделать с этим материалом. Такие вот детские фокусы.

Я однажды даже мстительно подумал, не отослать ли мне весь график в “Американский журнал психологии” — вся редакция которого, кстати, сразу бы упала со страшным стуком на пол и билась бы головами, если б я им вдруг сказал, что я хочу у них опубликовать статью. Это одна из причин того, почему они так злы на нас. Они меня громогласно укоряли за то, что я отказался опубликовать у них хотя бы одну из наших историй кейса, потому что это была бы революция... Понимаете, революция невозможна, если не опубликовать это в их журнале [саркастически]. И вот они меня ругали за это, и я мстительно подумал о том, что можно было бы просто дать им всю схему и позволить опубликовать ее. И им бы пришел конец.

Я хочу подчеркнуть, что вся эта технология может быть записана и передана с тем же самым результатом, что был в Чикагском Университете: с полным отсутствием его! Потому что здесь есть утраченный элемент: наука о том, как это делать.

Если я скажу вам, что одитор может стать настолько искусен, что в сессии не будет больших пропущенных зарядов, и его одитинг будет настолько гладок, что нигде и ни у одного студента в этом кооците не произойдет включения — это о-го-го! Это почти невероятное мастерство одитинга. Это как ходить по краю клетки со львами так ловко и проворно, что не нужно будет ставить парапет. Это просто потрясающе!

Ну, чем это достигается? Наукой одитинга. Это формула общения, это владение Э-метром, это “что делать” и “чего не делать” с преклиром. Это исключение из сессий одитинга вещей, на которые набрасывается Мэри Сью в телевизионных демонстрациях, называя их Крупными Ошибками Одитинга, отсеивание

этих вещей, сохранение чистоты — это более 50% дела.

Следовательно, вот в это самое время здесь, в Сент-Хилле, мы должны делать это достаточно совершенно. Потому что если будет какой-то серьёзный ляп со стороны одного из тех одиторов в коодите, любая Крупная Ошибка Одитинга, как те, которые мы видим у человека, приехавшего сюда впервые, то он просто превратит своего преклира в кучу хлама, потому что существует достаточное количество вещей, которые могут размазать преклира как блин по кирпичной стене. Не включить ни малейшего пропущенного заряда. Он даже не успел осознать, что он [заряд] там присутствовал, и одитировал достаточно гладко, так что это не принесло никому вреда.

Ну и теперь другая сторона медали — с другой стороны медали, если бы у него с самого начала были все материалы, совершенно правильные и точные, и если бы его наука одитинга — его способность одитировать — была бы столь низка, как это обычно бывает (при том, что все материалы и технологии совершенны и все процессы выполняются), то он превратил бы преклира в бледно-розовый блин, размазанный по кирпичной стене. Вот другая сторона медали!

Если вы уловили это, то поймете и то замечание, которое я сделал, когда рассказывал вам, что техника — это одно, а то, как она применяется — то есть как раз то, что заставляет машину бежать по дороге — и теряется чаще всего. Наше дело существует до тех пор, пока одитор может научиться одитировать.

Для того чтобы проходить МПЦ, на самом деле ничего не надо изучать. Вы можете получить это в готовом виде на карточках. Вы осознаете это? Вероятно, можно было бы просто выдать вам это на карточках и вы бы обработали это тем или иным способом. Вам даже не понадобилось бы это изучать. Вы могли бы просто отряхнуться от этого, как гусь от воды. Вы могли бы зазубрить это, из списка или с карточки. Ничего не надо было бы понимать. В этом плане вы не имеете проблем ни с какой учёбой. Фактически, если я когда-либо слышу, что инструктор заставляет какого-то нового студента заучивать наизусть линейный график, для того чтобы лучше с ним работать, я ставлю ему КОО с восклицательным знаком — Инструктору. Это самая мрачная ситуация. Так что на самом деле, в данном конкретном случае технология не есть что-то, что вам надо изучать. Вы даже не будете изучать то, что можно назвать техникой — ни в коем случае! Это бы просто прикончило студента, вот что получилось бы.

И если вы когда-нибудь столкнетесь — обнаружите случайно — что за вами следит шпиён из Федералки — извиняюсь, я — тут дамы — ну, тогда просто заставьте его выучить это все наизусть — не стоит заниматься жестокостями, просто выделите ему один из графиков Гелатробуса и скажите ему: “Вот это начинай учить наизусть”.

И следовательно, когда я говорю вам об учёбе, практически вообще речи не идет о предмете технологии. Мы знаем, к какой степени от-

носится та или иная технология, но — я сам очень часто делаю это: записываю процесс и кладу его под Э-метр, так чтобы можно было просто положить карандаш, — допустим, это процесс с несколькими вопросами. Я не собираюсь засорять ум, который должен быть сосредоточен на одитинге, запоминанием того, на каком вопросе сейчас плачет и смеется преклир. Я не собираюсь засорять себе этим ум, поэтому я просто пишу четыре или пять команд, или то, что мы сейчас проходим, и просто ставлю карандашом пометку на том, с чем мы сейчас работаем; и когда я перехожу к следующему, что ж, я вижу, что все хорошо, заглядываю в бумажку, освежаю это в памяти, и даю это ему снова. Это освобождает меня для одитинга, так как это с ним не связано. Фактически, есть трюки для процессов с набором чередующихся команд: у вас положительный на указательном пальце и отрицательный на среднем пальце, и вы просто дотрагиваетесь до них большим пальцем. Задаёте положительный вопрос — ваш большой палец на указательном; отрицательный вопрос — ваш большой палец на среднем пальце. Вы не можете запутаться таким образом, и не можете запутать вашего преклира, и вам не нужно сидеть и мучаться вопросом: “Так, дайте вспомнить, что ж мы сейчас там...”. Это ерунда.

Честно говоря, помимо классификации и знания того, на что направлена технология, я бы не сказал, что есть что-то, чему можно учиться в этой сфере. Вам не надо изучать команды одитинга. Вы знаете, какого типа команда должна здесь быть, вы должны научиться этому, а не команде. Вы не будете учить линейные графики, МПЦ или что-то еще. Да, это изменяет все представления о том “чему мы собирались учиться и о какой учёбе он говорит?” Я говорю сейчас об изучении того, как это делается, как это применяется. Вот о чем я говорю.

Это довольно интересно: откуда ни возьмись появляется малый и хочет просто получить в руки пару процессов, таких, чтобы он мог выучить эти процессы — и затем, как он думает, с образованием будет покончено и он сможет продолжать в том же духе, потому что тогда, как он считает, уже можно их проводить; но потом так или иначе они у него не работают, и он никак не может понять, *почему* они у него не работают.

Что ему следует изучить — вот эту науку одитировать. Бюллетени, связанные с хорошими показателями, бюллетени, связанные с циклами общения, и прочие подобные вещи. Каковы здесь профессиональные инструменты? Каковы категории этих инструментов, и как ими пользоваться, и какое мнение у вас о каждом из них? Уясните себе все это достаточно хорошо — и вы перестанете волноваться по этому поводу. Здесь есть чему поучиться!

Но я вам гарантирую, что это будет постоянно отбрасываться в сторону, люди будут стремиться к изучению каких-то приемов, трюков или процессов. Иначе говоря, человек будет страшно счастлив выучить команды одитинга для того или иного процесса, но что такое цикл общения — “меня это не касается”.

Но знаете, ребята, цикл общения требует немалого изучения! Нельзя “бойко” произнести: “Ну, это ля-ля-ля-ля-ля, и потом это начинается и продолжается и кончается, и все это относится к циклу общения, и все это мы знаем. А какая там команда одитинга, а? Вот что важно”.

Нет, важно не это. Команда одитинга не будет работать до тех пор, пока она не дойдет, пока преклир ее не получит. И ее нужно довести до преклира с помощью определенных “Как это делается? Что вы, как одитор, делаете? Что вы, как одитор, говорите?”. Вот это, именно это, делает дело.

Весьма забавен мой недавний опыт. Как-то в светлую минуту я решил, что мне хорошо бы заняться независимой учёбой. Не видя смысла слишком сосредоточиваться на какой-то частности, я шел, как ракета, к материалам Класса VI, работая над ними очень усердно и сосредоточенно, но я не считал, что это дает моему уму достаточный объем работы. Я подумал, что мог бы точно так же взять любой другой предмет, совершенно независимый. Обратите внимание на то, что я сейчас расскажу.

Несколько лет назад я неосторожно, в момент слабости, купил курс фотографии. Конечно, я занимался фотографией с детских лет, это хорошее хобби, и мне это очень нравилось. И иногда я продавал свои фотографии. Но это было просто такое хобби, которым приятно позаниматься, когда делать нечего. Меня, вероятно, можно было классифицировать как продвинутого любителя; одно время я даже имел статус профи, когда был в колледже. Делал кучу денег, *Нэшнл Джиогрэфик*, и так далее. Думаю, что еще попадаются книги по географии, в которых есть мои фотографии.

Короче говоря, ввиду того факта, что мой ум излишне упирался в одно направление, я решил не менее сильно загрузить его чем-нибудь совершенно иным. Вот я и взял этот заочный курс фотографии — Нью-Йоркского института фотографии, одного из лучших — и закатал рукава, и обнаружил, что никогда не проходил далее третьего урока. Так я решил, что мне следует немножко изучить саму учёбу, начать и пройти эту науку до конца, подтолкнуть себя и сделать все задания, как хороший мальчик, и отослать их все, урок за уроком.

Ну, и что вы думаете? Что вы думаете? Впервые в своей жизни я узнал кое-что об учёбе. Я кое-что узнал об учёбе, совершенно субъективно и очень реально. Единственная причина, по которой я вам это говорю — это не для того, чтобы вас как-нибудь позабавить, я думаю, что вы сможете извлечь из этого пользу. Вот что это: я заинтересовался, почему я останавливался на третьем уроке. Я терпеливо шел вперед, изучая остальные уроки, но — почему я останавливался на третьем уроке, и почему я по ходу дела застревал то там, то здесь? Потому что у меня там *были* трудности.

Конечно, это очень, очень дикий, местами очень сухой, часто очень глупый предмет — предмет фотографии, потому что он связан с оптикой. Вы хотите делать фотографии, а не изучать оптику. Но оптика оказывается чем-то таким, чем люди, чьи труды по фотоискусству

вы хотите изучить, очень дорожат, и они при любом удобном случае начинают гундеть вам во все уши об этом [смех].

И еще есть предмет химии, и это тоже очень интересно. Существует множество реактивов, и все они как-то связаны с появлением фотографии на бумаге, но об этом вы не так много знаете. Но если вы можете сами пойти в лабораторию и сделать хороший негатив и хороший отпечаток, то какого черта учить химию, не так ли? Таково, в общих чертах, было мое отношение.

Но я продолжал учиться, как хороший мальчик, сдавая экзамены в конце каждого урока. По каждой брошюрке был экзамен. И вдруг совершенно внезапно меня осенило, что, хотя я интересовался этим с 12 лет, я ничего об этом не знал! Ужасная, черная мысль! Я делал снимки, я публиковал снимки, люди за это платили мне хорошие деньги наличными, мои снимки бывали на обложках журналов, очень приятное явление. А я ничего не знаю об этом предмете! Меня словно молнией ударило! Вот предмет, которым я занимаюсь с 12 лет, в этой жизни, и вдруг я узнаю, что я ничего о нем не знаю. И это не внезапная амнезия или что-то такое. Это было просто... “Чегооо?” и “Ась?!”

И тут я быстро просмотрел свои реакции и очень тщательно проанализировал, что произошло. Я имел особенно большую субъективную реальность в отношении этого. Я изучал смежный предмет; я заставлял всех вас учиться; я должен был знать что-то об учёбе, как о предмете изучения. И я, более или менее, в какой-то мере, начал узнавать кое-что об учёбе, и я узнал кое-что прямо тогда.

Пределом моего терпения по поводу учёбы на этом курсе было выучиться у них несколькими приемам, и в таком состоянии ума я записался на этот курс: я очень хотел научиться у них несколькими хитрым приемам. Я обнаружил, что моя самонадеянность в этом предмете была абсолютно, непечатно неопишуемой. Моя самонадеянность была совершенно фантастической!

Но я занимался этим с 12 лет! Я учился фотографии у одного из ветеранов, который занимался этим давно, еще в те времена. Несколько фотографов правительства и ученых аж из Национального Музея* проявили достаточно терпения, чтобы учить меня фотографии, я читал книжки по этому предмету, читал то и это, даже работал в профессиональных фотолабораториях.

И свидетельством было прямо передо мной. Боже правый! Люди платят деньги за снимки. Я делал снимки для “Underwood & Underwood”*.

И я всегда считал, что мои неприятности с фотографией, с тех пор, как я этим занялся — я прекрасно это объяснял — мои неприятности с фотографией, с тех пор, как я этим занялся, — возникали из-за того, что постоянно менялись методы. Я прекрасно это объяснял. И действительно, с тех пор, как я начал фотографировать, появились миниатюрные камеры, многоцветные пленки, различные типы проявителей, выпустили ламповые вспышки; все изменилось. На самом деле, все меняется и сейчас: у меня

была пленка, сделанная Илфордом*, столь для меня привычная, что я мог на ней сделать мелкозернистый* негатив, но время шло и изменялись скоростные характеристики пленки. Сейчас уже не достать старых пленок, и поэтому я не знаю, как это делать сейчас. Вот каково было мое оправдание. Они постоянно подло подменяли материалы.

Но что меня потрясло, чем я был потрясен в этих текстах, — ведь это был хороший профессиональный курс, не для какого-нибудь любителя — и вот то, чем я был потрясен в этих текстах, было известно Мэттью Брейди, во времена Гражданской войны в Америке. Основы и фундамент, которых я не знал, существовали в этом предмете с 1860 года! Меняющиеся материалы оказались абсолютно ни при чем. Я не знал самых основ того, почему фотография вообще получается!

И совершенно внезапно в этот момент меня пронзила с потрясающим треском мысль, что я был очень самонадеян и действительно не знал всего, что есть в этой вселенной, по предмету фотографии. Вот что произвело на меня впечатление: я на самом деле не был мастером фотографии, и хотя я действительно получил некоторые результаты в свое время — и все-таки мне еще было, что изучать. И ребята, я пристегнул ремни и начал учиться.

Очень интересно рассмотреть скорость моего продвижения по курсу — три книги за три с половиной года, и потом восемь книг за две недели, и первый показатель относится к моей учёбе до этого открытия, а второй — после. Я вдруг посмотрел на это прошлой ночью и понял, что я только на полпути на этом курсе. Три с половиной года понадобились мне, чтобы пройти первые три из пятидесяти с чем-то книг, составляющих курс.

Почему я был неспособен пройти это? Я изучал что-то, о чем я все знал. Я не мог привести себя в свободное состояние ума типа: “Здесь есть, что изучить. Давай выучим это”. Нет, я учился, отгородившись от предмета вот чем: “Я знаю об этом все. Я знаю все, что об этом можно знать”. Ну, скажите мне пожалуйста, тогда какого черта я сидел, изучая все это? Если я все об этом знаю, зачем я сидел, изучая все это? И тем не менее я продолжал притворяться, что изучаю это. Я даже притворялся перед самим собой, что изучаю это. Я не отдавал себе отчета, что притворяюсь. Я думал, что действительно изучаю это. Я читал это, понимаете [изображает, как он перелистывает множество книг, аудитория смеется]; но все это было с той точки зрения, что я знаю все это. И я был настолько самонадеян, что был совершенно не против научиться у них нескольким приемам, и полагал, что с моей стороны это очень терпимое отношение.

Интересно тут то, что в последующей учёбе изменилась моя точка зрения на предмет, изменился полностью мой взгляд на то, что я хочу снимать, и сильно изменились мои стандарты критики — что такое хороший снимок. Теперь я критикую даже совершенные образцы фотоснимков. Очень критикую, но при этом имею очень крепкие основы для критики.

Я не мог учиться, потому что знал, что знаю об этом все. Затем, это после моего осознания, что на самом деле я не знаю об этом ничего, мне пришлось вернуться назад, к основам, и выучить эти основы. И когда я добрался до этих основ и хорошо выучил их, я двинулся вперед в этом направлении, и затем вышел на уровень, где не только был совершенно готов учиться, но также был совершенно готов говорить. Я больше не был в некоем рабском состоянии по поводу учёбы. Теперь я знал основы. Я видел, к чему их можно применить, и в пределах этого образовательного курса был способен говорить. Я мог теперь иметь свое мнение; я мог опереться на свое суждение.

Ранее у меня не было суждений по этому предмету. Было несколько фиксированных идей, просто несколько фиксированных идей, и эти фиксированные идеи говорили мне, что я действительно знаю все, что можно знать по этому предмету. Когда я наконец обнаружил — это был большой прорыв вперед, когда я обнаружил, что есть что-то, что мне надо изучить, чего я не знаю. Речь шла уже не о нескольких приемах. Затем это обернулось другой стороной, и после напряженных занятий, совершенно внезапно, я сделал другой прорыв:

Я освободил свое собственное суждение.

Я бы поговорил теперь с любым из этих парней. Есть учебники, написанные некоторыми очень знаменитыми фотографами. Это суровый, кропотливый, упорный труд, но одному из этих малых я бы сказал, “Да ну его, все это”. “Ты все это говоришь, а вот фото — вот оно... как так вышло? Смотри, ты вот тут все засветил...”. И это было бы закономерно. И он бы тоже поговорил со мной об этом. Я бы сказал: “Постой, посмотри. Ты засветил все контуры. Ты просто совсем их испортил. Как так? В конце концов, ты мог восстановить это в лаборатории, ради бога”.

И он бы сказал: “Ну, я не думал, что кто-нибудь заметит”.

Я бы сказал: “Ну, я заметил”.

Критика. Дело не в том, что всякая критика должна обращать внимание на плохое, но я развил способность критически смотреть на вещи, что избавило меня от необходимости рабски говорить: “Это снимок Сэма Фока, из журнала *Нью-Йорк Таймс*, одного из величайших выставочных фотографов всех времен. Следовательно — это святое”. Другое дело — рассмотреть все это, и прийти к мнению: “Это ужасно хорошая фотография. У этого малого действительно хорошее чувство композиции, отличное чувство композиции. А вот что с ним случилось в лаборатории? Напилился он, что ли?” [аудитория смеется] Видите, что я имею в виду? И я могу показать пальцем место, насчет которого, я уверен, сам Сэм Фок согласится со мной.

Он скажет: “Правильно. Я даже не ослабил освещенность в увеличителе, там, где засвечены все эти контуры вон с той стороны. Правильно. Ты прав. Это уводит взгляд к краю фотографии, а не к главному предмету. Ты прав, это можно было улучшить в лаборатории”. Он

не стал бы спорить об этом. Или сказал бы мне: “Да, но ты не знаешь, какой кошмарный был негатив!” [Смех] Понимаете, что я имею в виду? Это могло бы быть разумным обсуждением — потому что до того [как я в этом разобрался], засиживаясь ночами, а, точнее говоря, рассветами — я использовал эти учебники для того, чтобы поскорее заснуть.

Прояснился момент о том, что идея к которой человек рабски привязывается, возникает на самом деле тогда, когда он чего-то не понимает с самого начала, и ему приходится иметь фиксированные мнения, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Перспектива: Перспектива достигается помещением в кадр уменьшающихся с расстоянием предметов. То есть — если нет чего-то, что “уменьшается с расстоянием”, в картинке не будет перспективы. Вот такой вид идеи, рабски зафиксированной по поводу перспективы. Не “Есть много способов придать изображению эффект трехмерности”. Видите, это было бы другой точкой зрения. Или: “Перспектива достигается несколькими способами”. Еще одна точка зрения. И если вы однажды поняли это, вы можете посмотреть на фото и сказать: “Ну, этот фотограф хорошо управляется с перспективой”, или там “плохо управляется”. Вы говорите: “Этот малый шагнул лишний метр вперед, когда делал этот снимок, а так, наверное, получилась бы другая глубина, и все это выглядело бы гораздо лучше”. Потому что, смотрите, были два преимущества, которые он мог использовать, но не использовал.

Другими словами, у вас есть гибкость, гибкость направления действий, и, следовательно, у вас может быть мнение, а не фиксированная идея или предрассудок. Есть большая разница между предрассудком или фиксированной идеей — и способностью иметь мнение.

Мнение может быть основано на многих вещах. Но когда мнение основано на неспособности обнаружить, что это и зачем изначально имело место, то человек выглядит как дурак, причем внезапно кажется дураком даже в собственных глазах — когда совершит этот прорыв.

Так, мои представления о предмете фотографии не складывались в законченную картину. Это один из первых фактов, которые я внезапно понял. Как громом ударило. Это не обязательно то, что сломало меня на этом пути. Я сломался раньше, как я осознал впоследствии. Любой специалист настолько хорош, насколько он может заканчивать фотографии. И больше ничего. Очевидно, что это можно сделать, и следовательно, что ж, вот оно.

Здесь мы можем пойти еще дальше, и это может оказаться вам интересно. Прежде чем я совершил этот прорыв, и осознал, что не понимал, какого черта делаю, когда берусь за камеру, — я знал, как почистить линзы и сделать что-нибудь подобное, но я не знал, что делаю, когда поднимаю камеру. Просто смешно! Несколько удачных снимков, и кажется, что вы уже такой эксперт!

Мерзкий день, а вы хотите сделать снимок... и если вы на самом деле бродите в сомнениях и не знаете своего дела, то говорите: “Ну, это мерзкий день. Именно такой день, когда я не смогу сделать снимок”.

Но если вы хорошо знаете свою камеру, вы не обратите никакого внимания на тот факт, что это мерзкий день. Вы скажете: “О, да-а. Хорошо, отлично”. Щелк-щелк. “Какой эффект нам здесь нужен? Яркий солнечный свет. Хорошо”. Щелк. Вы скажете: “Это по-своему интересно: жуткий туман вон там. Хорошо, давайте сделаем туман чуть погуще, и снимем настоящее фото из жизни привидений”.

Если вы знаете свое дело, вы можете использовать свой инструмент, как хотите, и так и эдак. Вы не будете жертвой всего, что происходит. Вы не будете жертвой каждого клина на пути.

“Ну, это слишком плохой день. Солнца нет, и — ладно, мы сделаем этот снимок завтра или в другой день, когда погода будет получше”. Ну, что это? Вы имеете в виду, что день может быть настолько неподходящим, что вы из-за этого вообще не можете сделать снимка? Как вам это нравится?

И все-таки малый, который не может сказать: “Хорошо, давайте посмотрим” — поднять камеру и сделать снимок... Предполагается, что он сделает снимок. Он должен достаточно хорошо знать свой предмет, чтобы сделать снимок. Это довольно легко. Все, что он должен сделать — это встать поближе от того, что он хочет снять; если он знает свой инструмент действительно хорошо, если он знает свою лабораторную технику действительно хорошо — он получит снимок. Он получит очень приличный снимок. Конечно, качество снимка, который вы получите, сильно зависит от практики и всяких таких вещей.

Я тоже крепко запомнил этот урок, ясно и объемно, что обстоятельства вокруг меня не обязательно обуславливают, получу я результат или нет. “Преклир сегодня ворчлив, в таком состоянии с ним много не поодитируешь”. Какого черта! Вы одитор или нет? Вот в чем дело. Ворчливый преклир, бурчливый преклир — какая разница? Вы собрались проводить сессию? Так проводите сессию. Просто у вас займет чуть больше времени — наладить ход сессии. Ну, так наладьте его! Вот в чем признак мастера, не так ли?

Вот вещи, которым я научился, благодаря этой побочной учёбе, и мне было очень интересно взять совершенно чуждый, по отношению к тому, что мы делаем, предмет (их полно вокруг нас; они просто существуют в сфере хобби) — и найти разные материалы, относящиеся к предмету учёбы, и обнаружить, что первое препятствие в учёбе — это мнение, что вы все об этом знаете. И если вы хотите создать спайку на предмет учёбы, ребята, то вот она! Просто считайте, что вы знаете об этом все, что можно знать.

И еще одно, не позволяйте вашей идее о том, что вы все знаете — это самое забавное — не позволяйте вашей идее о том, что вы все знае-

те, испытывать пагубное влияние того факта, что вы ничего не производите. Вы не получаете никакого результата, и вам совершенно очевидно, что вы не получаете никакого результата, но это не должно ни на миг ставить под сомнение идею о том, что вы все знаете. Это ни на секунду не должно ставить под вопрос ваше знание. Смотрите, вы не получаете никакого результата; вы знаете, что знаете всё; и тот факт, что вы не получаете никакого результата, не вступает в конфликт с вашей убежденностью в том, что вы всё знаете.

Другая вещь — идея фиксированного мнения. Человек вынужден иметь определенные фиксированные мнения, для защиты от того факта, что он глуп в этом предмете и что он не может дать никакого дельного суждения по вопросу, поскольку он завяз в клубке фиксированных мнений. А суждение, таким образом, возникает при свободе от фиксированных мнений и в присутствии реальной трезвой оценки. Вы знаете что вы знаете, и вы знаете чего вы не знаете. Вы знаете что вы знаете, и вы знаете чего вы не знаете. Другими словами, вы не сражаетесь с выдуманной идеей. Вы не защищаете свою непогрешимую репутацию перед самим собой, насчет того, какой вы мудрый и чудесный. Вы не беспокоитесь об этом. Вы говорите: “Хорошо, вот этот раздел, о котором я ничего не знаю. Возможно, настанет день, когда мне придется туда заглянуть”. Но вместе с этим это не приводит вас к ощущению, что вы не знаете того, что знаете.

То есть использование суждения базируется на очень полном знании предмета, и если у вас нет суждения по какому-то предмету, что ж, это потому, что вы не знаете предмета. Это именно так. Если вы обнаруживаете, что ваше суждение в отношении чего-то очень часто оказывается ложным или скверным, вам надо осознать, что это сигнализирует, что вы наверняка не знаете всего, что следует знать об этой конкретной ситуации. Если у вас было плохое суждение об этом, оно могло быть плохим из-за отсутствия знания по данному предмету.

Так вот теперь к чему это сводится — это сводится к тому, что способность одитора учиться не обязательно зависит от того, насколько глупым он себя считает, но безусловно зависит от готовности учиться — просто от готовности учиться. Он готов учиться, и это главное. А величайшее и единственное препятствие — это убеждение, что он все знает, не сопровождающееся ни единым результатом.

Например, давайте рассмотрим замечание вроде этого: “Ну, я — я знаю Саентологию. Я изучал Саентологию долгое время и знаю ее хорошо. Фактически, я одитирую очень хороших. Конечно, я не получаю очень хороших результатов”. Ну, то же самое коротко: факт в том, что он не получает результатов, — результатов, которые можно получить; он слышал об этих вещах, видел вокруг: да, результата можно достичь. Но это никоим образом не опровергает его безоговорочную уверенность, что он знает все, что можно знать по этому предмету. Он ни на мгновение не видит здесь противоречия.

Ну конечно, это просто отсутствие восприятия. Парень слеп. Он не способен к суждению относительно своего собственного умения. Поэтому его суждение о том, что он делает, совершенно упускает из виду эти крупные ошибки. Он провозглашает, что черное — это белое. Он не может это делать на практике, хотя все о нем знает. Он знает все, что можно об этом знать, но не может этого делать. Это глупое утверждение, и это — самая низкая способность к суждению о любом конкретном предмете.

Когда вы рассматриваете такого рода вещи, то обнаруживается, что почти каждый человек склонен поступать так в той или иной мере по соображениям статуса. Статус имеет к этому самое близкое отношение. Он заставляет человека чувствовать, что нужно поддерживать свой статус определенной самонадеянностью или притворством, даже перед самим собой. Чтобы думать хорошо о себе самом, ему приходится делать вид, что он что-то знает, или стараться выглядеть очень умным перед самим собой. Действительно, можно отнести это к “чувству собственного достоинства”, как одному из методов поддержания самоуважения. В этом нет ничего особенно неправильного. Я не говорю, что это жутко неправильно. Индивидуум должен ощущать какую-то уверенность в чем-то. Но также очень интересно, что эта потребность в статусе и сохранении собственного достоинства испаряется в присутствии действительного знания, и тогда появляется подлинное достоинство. И это то подлинное достоинство, которое наиболее впечатляет и самого человека, и других, потому что оно производит результаты. Компетентности нечего противопоставить, с ней вообще не бывает споров.

Дело, действительно, не сводится к тесту на “Что человек знает?”, оно сводится к тесту на “Что человек может делать?”. И если вы просто будете судить на основании этого — ну, психиатрия может послужить вам в этом прекрасным примером, ребята. Я терпеть не могу унижать этих ребят, потому что их и так пинает кто попало, но позвольте мне сказать вам, что я никогда не был так удивлен, как тогда, когда столкнулся с этой конкретной тусовкой. Не то, чтобы я был когда-либо сильно удивлен тем, что они делают. Но я прочитал однажды, из чего состоит экзамен на получение диплома психиатра, и, знаете, он состоит только из дат, оглавления и заголовков, выходных данных и дат публикаций лекций Фрейда*. Не того, что в них! Не “что вы будете делать как практикующий психиатр?”. Но это было именно так: “Когда была прочитана эта лекция? Как она называется?” и “В каком издании она была напечатана?”. И это экзамен на диплом, высшую степень в психиатрии!

О, прибежит тут какой-то психиатр, они так любят выставлять лжецами каждого, и он прибежит и скажет: “О, это неправда, это неправда, это неправда”.

И вы скажете: “Это делают прямо сейчас в Мельбурне”.

“О, это неправда, это неправда, это неправда. И вообще, он совершенно ничего не знает о психоанализе”. [Тараторит, изображая диалог].

“Ну, психоанализ утверждает, что сексуальное желание — главная движущая сила жизни?”

“Ну, да”.

“Ну, эта статья говорит об этом?”

“Да”.

“Ну, это правда о психоанализе?”

“Ну, да; но Хаббард ничего не знает о психоанализе”.

“Ну, чего он не знает о психоанализе?”
[Смех]

“О, ну, он ничего не знает об этом, потому что ничего об этом не знает”.

“Ну, о каком психоанализе вы говорите...?”
[Смех]

“Ну, не знаем. В психоанализе есть различные направления”. [Смех] Вы всегда будете попадать в такого рода споры. Пытаться поговорить с ним об этом предмете — все равно, что лезть в трясину. Это не очень разумно.

Я просто указываю вам, что это просто идиотизм в чистом виде — идиотизм в чистом виде.

(1) Научились ли вы чему-то из этой лекции и (2) Как вы могли бы применить ее? И (3) — если парень действительно знает это, он должен быть способен ответить на следующий вопрос. Если он действительно всё это хорошо знает, он будет способен ответить на следующий вопрос: “Каково ваше мнение об этом? Каково ваше мнение по содержанию предмета?”. Ясно? Если он действительно знает этот предмет и действительно изучил его, и действительно может применить его, тогда у него должно быть независимое мнение об этом. Ему нет необходимости защищаться при помощи этих свободных мнений. Понимаете, это никак не будет связано с достоинством или чем-то еще. У него просто будет свободное мнение по этому предмету. Другими словами, у него будет суждение.

Но если вы зафиксируетесь на “Дайте нам лекцию, и дату, и где она была опубликована, и это все, что вы должны знать об этом”, вы не обучите человека ничему, кроме того, чему можно обучить путем зазубривания каталога. И это не имеет никакого отношения к делательности.

В фотографии — которую я только что использовал как случайный пример, проливающий, тем не менее, дополнительный свет на все это — тестом, конечно, является то, можете вы сделать снимок или нет. Это кажется вполне очевидным, не так ли? Это, пожалуй, было бы иначе в искусстве. Вы можете возразить, что фотография теперь — искусство, и оно даже пользуется всеобщим вниманием, потому что появилось в этой области совсем недавно. Музей Метрополитен* и прочие выставляет это сейчас как изобразительное искусство, но раньше такого не было.

Так вот, в области живописи может существовать критик, просто опирающийся на свои знания художников и картин, и всяких таких вещей, и он может иметь мнения по этому предмету. При этом его представления могут быть очень основополагающими, и это совершенно

нормально, потому что это очень широкая, очень сложная сфера. И, наверное, может существовать критик и в области фотографии, который на самом деле не должен уметь делать снимок. Может быть, он должен только уметь критиковать снимки, и при этом хорошо справляться с этим.

Странность тут в том, что когда вы переходите из чисто художественного предмета к техническому предмету, возникает следующий жгучий вопрос: Как, к черту, он может судить, хорошо или плохо это обработано в лаборатории? Он должен для этого знать, что делается в фотолабораториях, должен быть способен ответить на вопрос: “Что делают в фотолаборатории? Это лучше того, что можно сделать в фотолаборатории, или хуже того, что можно сделать в фотолаборатории?”, — потому что имеет дело с простым техническим фактом.

В отличие от искусства, сюда вторгается технический факт. Можно взять горсть грязи, швырнуть ее на скалу и сказать: “Вот великое произведение живописи”. Ну, может быть в этом есть и форма, и композиция. Кто знает? Поскольку здесь нет реальной технической подоплеки, как и в искусстве вообще. Это великий, великий, широкий, огромный предмет. Все зависит здесь прежде всего от того, испытывает человек удовольствие от каких-то форм, цвета, предмета или значимости или нет. Это, в основном, формирует мнение.

Но как только вы беретесь за технический факт, когда вы обращаетесь к технической стороне — тут вам нужно знать, что можно сделать, сделано ли это хорошо, что сделано и что не сделано. Более того, это нужно знать очень хорошо, прежде чем у вас появится определенное мнение на этот счет.

Другими словами, такой критик искусства может существовать вполне законно, но я не думаю, что может действительно существовать критик фотоискусства, который на самом деле не знает фотографии. Нужно знать фотографию, чтобы быть критиком, потому что нужно знать, с чем, черт возьми, это всё сравнивать.

И действительно, не может быть критика одитинга, который не умеет одитировать. Нельзя критиковать одитинг, если вы не одитируете. Надо знать, что следует делать и чего не следует делать.

Я думаю, что тот, кто прошел здесь недавно сквозь все тернии коудитинга, мог бы стать приличным критиком одитинга: и не на основании того, что я провел экзамен и узнал, что он знает об одитинге, а на основании его собственных проб и ошибок в течение последних двух или трех недель. Это пример широкомасштабного эксперимента. Я не думаю, что когда-нибудь будет еще такой эксперимент — его больше никогда не будет. Вероятно, не будет и такого количества пропущенных зарядов! Но это потрясающий эксперимент; он проводился не нарочно, просто так получилось. Это фантастический эксперимент! Эти люди, должно быть, действительно знали, как одитировать. Это и есть критерий качества, потому что при подобных обстоятельствах другой мог бы разо-

рвать АРО с преклиром на это есть — о, вот вам сравнение; очень просто. Ха-ха-ха.

Ну, боже мой, при прохождении Шб вам надо всего лишь уронить булавку, и у вас готов разрыв АРО. Это должно проходить достаточно гладко. Я не думаю, что у кого-то — что у кого-то в голове бродят сомнения по поводу Шб — достигается ли при этом что-то, и действительно ли технология прохождения МПЦ даёт фантастические результаты преклирам. Результат есть; и этот результат получается гладко. Конечно, он будет производиться с ещё большей гладкостью и скоростью, это факт, если верхушку банка обработать точно и правильно. Но даже при тех условиях есть результаты.

Хорошо. Это даёт представление о том, что между одитором коудитинга Уровня VI и тем, кто мог бы разорвать АРО с преклиром на это есть, должно быть, есть чертовская разница.

Но я хочу побиться с вами об заклад, что одитор, работающий сейчас в коудите Уровня VI, если спросить его мнение о том или ином одитинге, несомненно, даст вам очень честное, моментальное, уверенное, твердое мнение — тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та.

Спросите у него что-нибудь вроде: “Хорошо, а вот этот человек одитирует хорошо или плохо?” Или: “Это правильный способ делать это?”. Он даст вам реальное мнение. Он сразу даст вам честное мнение по предмету. Это не будет связано с каким-либо статусом. Он просто даст вам честное мнение по этому предмету. Или спросите мнение того человека, который может устроить разрыв АРО с преклиром на это есть, и он даст вам пару фиксированных данных, но окажется неспособным дать вам сколько-нибудь честное мнение.

Есть и ещё кое в чём разница: я опять-таки побьюсь об заклад, что если вы предложили бы человеку, который в настоящий момент находится на Уровне VI в коудите, что-то изучить, он усвоил бы то, что ему дали, и получил бы знание, которое ему дали, без всяких расспросов о том, хорошо это, плохо или безразлично — он просто выучил бы это, и не стал бы выпрашивать, не нанесет ли изучение этого ему вреда, и не будет ли того и сего, и не знает ли он уже всего этого. Вам не придется бесконечно спорить с ним об этом.

Но человек, который устраивает разрыв АРО с преклиром на это есть: о, не бросайте вызова этому высокомерию! Он знает все, что можно об этом знать, и знал с самого начала все, что можно узнать об этом; знает все, что ещё только будет известно об этом; он знает все это в совершенстве, и будет глубоко оскорблен, если вы сделаете вывод, что он чего-то не знает по этому предмету. Видите? Здесь будет вот эта существенная разница. Если вы в то же время спросите его, хочет ли он учиться этому, он увильнет от ответа. Конечно, нет. Он имеет ложное убеждение, что знает об этом все. Такого хочется спросить: “Ну, а зачем ты здесь? Зачем ты тогда вообще это изучаешь, если знаешь об этом все?”. Это, возможно, встряхнет его.

Но вам придется порядочно встряхнуть этого одитора. Он вовсе не плох, он просто самона-

деян. Ему не хватает скромности подлинной мудрости, и вместо нее у него есть самонадеянность типа “знаю я это все”, тогда как он ничего не знает. Он не знает даже того, что он не знает.

И здесь врата обучения; они именно здесь. Это ворота, которые вам надо открыть, которые надо открыть пинком, прежде чем ступить на какой-либо путь к изучению какого-либо предмета. Неважно, одитинг это или фотография. Я думаю, это будет неизменно — неизменно для любых предметов.

Я прошел через эти трудности в совершенно разных и отличных друг от друга предметах, и я обнаружил, что определенные положения остаются справедливыми, и я сравнил их с опытом, обретенным мной в попытках передать, объяснить и обучить Саентологии, и я обнаружил, что они остаются истинными. Я обнаружил, что все это остается справедливым от начала до конца. Я могу привести вам в пример истории десятков кейсов, но не могу привести вам много исключений из этого правила, и я даже более могу сказать вам — вот вы говорите: “Ну, вот кейс парня, который не видит, и не знает языка”. Я не знаю, что с ним такое и почему он не может видеть и не знает языка. Но он, должно быть, чудовищно высокомерен! Очень, очень забавно, но вы обнаружите, что эта закономерность тоже будет соблюдаться.

Если вы этому не верите, поговорите как-нибудь с полевой мышью. Поговорите с полевой мышью о путях человеческих. Это будет очень забавный разговор, если вы поговорите с нею. И там, ребята, вы обнаружите такое высокомерие! Электроника, ядерная физика — ничего она об этом не слышала, но все об этом знает.

И это единственное, где мы в Саентологии можем споткнуться, если мы можем споткнуться вообще. И это единственное, на чем может сломаться наша технология. Она не потерпит поражение даже по той причине, что ее потеряют, что она постепенно уйдет, и все такое. Она не будет потеряна таким образом, потому что мы сильно боеем за то, чтобы этого не случилось. Единственное место, где она может быть потеряна — это нежелание изучать ее, и единственное место, где она может быть потеряна — это просто не знание ее вообще, и особенно не знание того, что причина, по которой кто-то не может учиться, заключается в том, что он думает, что здесь нет ничего, чего бы он не знал, и чувствует, что знает все, и следовательно, ему не нужно учиться. Это очень глупое основание, почти идиотское основание. Это типа “Способ переправиться через реку — это переправиться через реку”. Я имею в виду, это одно из таких дурацких данных, но дурацкие данные — это как раз то, что обычно пропускают, хотя в конечном итоге именно они запоминаются наиболее ярко.

У вас всегда будут трудности, если вы не доберетесь до подлинных основных положений, а подлинные основные положения всегда глупы и всегда такие примитивные, и действительно не стоят того, чтобы их знать, и именно поэтому они остаются непонятыми до конца времен.

Таковыми они остаются по той же самой причине: никто не позаботился их узнать.

Попытка научить какого-нибудь дикаря зашнуровывать ботинки всегда будет приносить кучу расстройств, это будет процедура, приносящая расстройства, если он не видит никакой причины носить ботинки и не знает, что это такое. Значит, вы просто начали со слишком высокой ступени, пытаясь научить его зашнуровывать ботинки; вы не научили его тому, что если он хочет выглядеть цивилизованным, ему следует носить обувь.

Вы неизбежно потерпите полную неудачу в обучении кого-то чему-то, если не будете начинать с самого нижнего уровня реальности относительно предмета изучения. Всегда есть первый урок, который надо преподавать. И там, где вы потерпели неудачу в инструктировании, вы не выделили это в качестве первого урока, который надо было преподавать. Есть многочисленные примеры. Я могу дать вам тонны данных по этому предмету, все очень интересные сами по себе.

Но что касается предмета обучения, то первые данные, которым надо научить, и первый барьер, который надо сломать — это “Зачем вы этому учитесь, если все об этом знаете?”. Это первые данные, это основное положение, это основной принцип в изучении любой науки. И если вы просто запомните это, у вас не будет никаких проблем в попытках обучить кого-то чему-то. Вы понимаете, что парню приходится туго, он тратит ужасно много времени, чтобы научиться этому; хорошо, тогда просто используйте самую основу предмета образования — и первая вещь, которую вы обнаружите — что он знает об этом все, и потом вы просто с ним проясняете вот что: если он знает об этом все, то зачем он изучает это?

И тогда, так или иначе, вы откроете эту дверь. Если вы откроете ее широко, тогда он сможет учиться чему угодно, отныне и навсегда, с реактивной скоростью.

Хорошо?

Я надеюсь, что это как-то вам поможет. Спасибо вам большое.

УЧЁБА: УСВОЕНИЕ СВЕДЕНИЙ

9 июля 1964 года

Ну, как у вас сегодня дела?

Аудитория: Отлично.

Какое сегодня число?

Аудитория: 9 июля.

9 июля. 9 июля 14 года эры Дианетики. Хорошо. Ну, в чем вы слабее всего?

Женский голос: В одитинге. [Смех в аудитории].

Да-а. Одитинг. Честно говоря, мне нечего вам рассказывать, потому что вы все так хорошо работаете. Это я отстаю от вас. Но я прочитал вам довольно много лекций об учёбе и о том, как справляться с этим делом, и как делать то, и как делать это, и очень немного можно прибавить к тому, что я вам уже сказал, но я все-таки добавлю это немного.

При попытке — при попытке усвоить какую-то частицу информации, есть моменты, которые надо замечать, и это те моменты, о которых вы спотыкаетесь. Номенклатура.

Номенклатура. Что значит это слово? И это то, на чем вы в основном спотыкаетесь, потому что потом вы не можете прочитать предложение, в котором есть это слово, и узнать, что говорится в этом предложении. Таким образом, номенклатура есть главный камень преткновения в любой учёбе.

В Саентологии нет объёмных, хорошо проработанных словарей, однако есть словарь по материалам Класа VI, а часть вопроса о номенклатуре состоит в распознавании того, каково определение. Одно дело просто иметь определение, и другое — иметь представление, что это определение означает.

Вот вы беретесь за такую штуку, как МПЦ. Отлично, давайте рассмотрим это как номенк-

латуру. “МПЦ” означает “масса проблемы целей”. Если вы не совместите такую вещь с наблюдением и работой за столом для пластилина, то тогда даже знание номенклатуры относительно бессмысленно. Другими словами, это какая-то вещь. Существует нечто, именуемое “МПЦ”. И вот есть — есть один-два преклира (необязательно на этом курсе), которые просто конкретно закапываются в предмете МПЦ, потому что они находятся в несогласии с этим кусочком номенклатуры. И они говорят: “Ну, у этого нет массы, это просто идея Рона о том, что у этого есть масса, а на самом деле ее нет. Следовательно, конечно, такой вещи, как МПЦ, нет”.

А попытка одитировать кого-то по тому, чего нет — довольно трудное занятие. Если вы правильно проходите МПЦ, то масса просто проявляется в виде тепла и давления. Она не проявляется в виде визио. Вы никогда не видите этого, если только не сделаете ошибку. Если вы сделали ошибку, то вы это увидите. Вставьте концевое слово в неправильную ситуацию — и вы пронюхаете длинное шествие масс оттуда. Для того, чтобы вы увидели массу, необходимо, чтобы с этим было что-то неправильно.

Вот такая вот странность по поводу этой МПЦ. Верно, что это соответствующие по целям пункты, направленные друг против друга, сцепившиеся и повисшие в воздухе, из-за чего возникает проблема, хотя это не слишком хороший пример, потому что “проблема” — это тоже концевое слово, как и “масса”. Так что эта номенклатура приспособлена для данного предмета в тот момент, когда об этом не было известно все, приспособлена так, чтобы это можно было описать, и с этим можно было бы работать.

Теперь двинемся чуть дальше, и обнаружим, что, возможно, могла бы существовать лучшая номенклатура, но в настоящий момент все знают это как “это”, и получится совершенная катастрофа, если вы возьмете и поменяете ее — мы не сможем называть это просто “этой штуковиной”. Так что мы продолжим именовать ее МПЦ. Да, конечно, МПЦ, означает “масса проблемы целей”, но это неважно. Неважно, что означает “М”, “П” или “Ц”. Это просто некий символ, что-то означающий. Вот есть такая вещь. И если вы просто согласитесь сказать себе: “Ну, МПЦ — это вещь, и у нее есть форма и устройство”, — и поработаете с этим за столом для пластилина, то вы вдруг начнете понимать, что это такое.

Вы сейчас находитесь в стране Никогдалии, которая никогда не исследовалась. Нет языка, который адекватно представил бы какие-либо из этих частей ума. Если использовать какую-либо терминологию из тех, которые использует психиатр, то нельзя понять, куда попадешь. Честно сказать, нет никакой уверенности в том, куда попадешь, потому что это совершенно не там. И когда психиатр использует слово для описания чего-то, в связи с тем словом могут иметь место всякие тонкости, которые — если бы мы затем использовали его — направляли бы в совершенно неверную зону или область, и могли бы побудить кого-то подумать, что он знает, о чем мы говорим, тогда как на самом деле он не имеет ни малейшего понятия, о чем мы говорим. Потому что перемешалась бы наша терминология с терминологией какой-то другой сферы, означающей что-то другое.

Ну, причина по которой вы не можете их перемешивать: У другой сферы иное назначение, иная цель, и совершенно иные принципы действия. Ну, ее цель — делать людей спокойными, и это дает вам представление, насколько дико это отличие. Вы должны расстроиться, увидев очень спокойного преклира. Их же идея лечения основана на том общем знаменателе, в их понимании, что люди — это животные, которые стихийно вышли из моря аммиака, что им тоже неведомо; и все мышление делается мозгом.

Таким образом, это совершенно иная зона или область. И она не давала и не дает результатов, так что нам не стоит обращать на нее какое-либо внимание. Нас не волнует, как громко кто-то бьет в барабан и говорит: “Это — авторитет”. Авторитетны те люди, которые способны получать результаты, вот кто авторитетен. Художник — это тот, кто может написать картину. Но понятие “авторитет в живописи” было искажено в “того, кто может критиковать живопись”. Ну, живопись может критиковать кто угодно, так что я думаю, любой ребенок является авторитетом в живописи. То есть это понятие не выдерживает критического рассмотрения.

Нет, авторитет — это парень, который может это делать. А мир, находясь в апатии и страдая от неудач, занимаясь теми вещами, в которых он [мир] не был способен что-то делать, выбрал в этих областях авторитетов, которые ничего не могут делать. Поэтому, следовательно, вы ока-

зались бы перемешанными с теми областями, которые потерпели крах. Это само по себе уже частично предопределило бы провал Саентологии.

Мы должны оставить их технологию в покое. Мы совершенно должны оставить в покое их номенклатуру. Мы не можем говорить об “ид” и “эго”. Мы не можем на самом деле говорить о “бессознательном” — кстати сказать, это еще одно концевое слово в МПЦ.

Другими словами, мы не можем обсуждать то, что мы делаем, в терминах того, что делали они, потому что они ничего не сделали. И мы немедленно потерпели бы крах и оказались в очень скверной форме, если бы все же сделали это. Так что необходимо определенным образом дать названия для нашей технологии, которые передавали бы смысл. И мы — те, кто может получать результаты в области ума, и, следовательно, мы — авторитеты.

И, следовательно, мы не должны обращать внимание на кого-то, кто сам назначил себя авторитетом; потому что любой буйный сумасшедший может выбежать вон там на перекресток и сказать: “Я знаю все о винограде, я величайший в мире авторитет по винограду”. Любой буйный сумасшедший может сделать это. Он просто будет визжать: “Я величайший в мире авторитет по винограду”.

Ну, он может найти еще нескольких сумасшедших, которые встанут вокруг и будут говорить: “Ты величайший в мире авторитет по винограду”.

Никто и не подумает задать этому сумасшедшему вопрос: “А ты ел когда-нибудь виноград, видел виноград, выращивал виноград, делал что-нибудь с виноградом?” — и конечно, если бы все ответы на эти вопросы были бы сплошные “Нет”, тогда, конечно, стало бы совершенно очевидно, что он — буйный сумасшедший.

Но таков и есть психиатр. Он никогда не видел ума, никогда его не создавал, никогда его не изменял, никогда не получал никаких результатов в этой конкретной области. Единственное, чем он может похвастать — это то, что он несколько разрушителен по отношению к этому предмету. А он орет, что является авторитетом, и что вы, следовательно, так или иначе, обязаны заимствовать его номенклатуру.

Любой из вас, рано или поздно, столкнется с этим на каком-нибудь перекрестке: “Почему вы не пользуетесь стандартной терминологией?”

Ну, ответ на это — “Чьей стандартной терминологией?” Это должна быть терминология человека, который способен производить результат, прежде чем ее вообще можно будет назвать терминологией.

Так что человек не очень хорошо разобрался в этой специфической области, и даже перевернул все с ног на голову тем, что предоставил стандартизацию номенклатуры данной области тем, кто ничего об этом не знает. Это самое дичайшее извращение, какое только можно вообразить. Там не только нет терминологии, там есть огромное количество ложной терминологии. Эта терминология ложна. И если вы ступаете на этот путь, то он приведет вас к непри-

ятностям. Кто-нибудь скажет вам рано или поздно: “Почему вы не используете стандартную номенклатуру, почему вы не делаете то и не делаете это?”

Ну, моя реакция в таких случаях, конечно, всегда очень свирепа. Когда кто-нибудь начинает со мной подобные разговоры, я ни на секунду не думаю, что они стараются помочь. Я никогда не совершаю этой ошибки, поэтому я просто режу их на кусочки и подаю на обед. И в такой ситуации я могу ответить: “Ну, а почему вы не выработали ничего, что можно использовать?”

И вот стоит такой доктор Спинбин*: “Так, а почему вы не используете стандартной терминологии, чтобы вас можно было понять?”

“А вы какого черта ее не изобрели?”

“Что вы имеете в виду?”

“Почему вы ничего не знаете об уме? Почему вы болтаетесь тут, когда вы такой мошенник?”

“Вы что! У меня учена степень!”

“Я знаю. Эта степень ничего не значит. Выведите одного из своих пациентов из комнат, в которых вы их тут держите. Выведите его отсюда и исцелите его. Я хочу это видеть!”

“Да, но это невозможно”.

“Значит, вы мошенник! И идите к черту!”

Вот так я представляю вежливую беседу с одним из этих парней. Терпеть не могу мошенников. И самое интересное, что единственная грязь, которую они могут в нас кинуть, это то, что мы каким-то образом являемся мошенниками. “А оверт — он всех громче обвиняет”*. Как у Шекспира.

Вы не сможете не иметь трудностей с терминологией — с номенклатурой. У меня были трудности с нею, не думайте, что не было. Как придумать слово, которое будет описывать то, что можно найти, проверено и что существует, и при этом не будет конфликтовать с номенклатурой каких-нибудь других, потерпевших неудачу школ? Как войти в эту область? О, мы, вероятно, могли бы сделать гораздо лучшую работу, но часть этой проблемы — вы.

Вы усвоили определенные вещи и начали использовать их в повседневном общении, и я бы сделал последнее дело, если бы отнял их у вас и сказал: “Ну, на самом деле лучше называть это так-то и так-то. Та малость саентологической терминологии, что вы знаете, теперь мертва и ее не существует. Мы намерены заменить ее совершенно новой терминологией”, — вы бы расстроились. Правильно?

Таким образом, терминология должна иметь дело с фактором эволюции в использовании. Мы развивали ее, и значения самих терминов иногда колебались, но потом они начинали использоваться и фиксировались на печатной странице. Они попадали в бюллетени и в ваши сертификаты. Когда Сертифицированному Одитору Хаббарда выдается сертификат, предполагается, что он знает, что такое реактивный ум. Великолепно.

А на следующий день мы назовем это как-то по-другому; и немедленно уничтожим часть его

образования, не так ли? И затрудним для него общение с теми, кто обучался позднее. Если мы хотим диссонанса, что ж, можно получить страшную какофонию, если начать разваливать по частям терминологию, которую сами разработали. Поэтому нужно беречь разработанную нами терминологию. Когда мы больше узнаем об этом предмете, какое-то слово может стать нереальным, но мы продолжим его использовать.

Поэтому единственное, что мы можем делать — это выбирать действительно то, что наиболее важно в уме, и сохранять эту терминологию настолько стандартной, насколько возможно. Прежде всего, попытаемся развить ее как можно разумнее, так, чтобы она не вступала в конфликт и не приводила к непониманию из-за какой-то прежней области деятельности. Затем нужно ввести ее в действие как стандартный образец, и затем уже не изменять ее на каждом шагу каждый раз, как только все выучат, что это означает. То есть, существует определенная необходимость поддерживать постоянство в номенклатуре и терминологии. И слово “МПЦ” никогда, никогда не будет изменено. Его слишком много, слишком долго, слишком часто употребляли. Даже несмотря на то, что “цель” — это концевое слово, и “проблема” — это концевое слово, и “масса” — это концевое слово. Но это становится просто “МПЦ”. Это могло быть просто “XYZ” — совершенно неважно.

Другая ответственность состоит в том, что не стоит выдумывать излишне много таких слов, не стоит вдаваться в такие крайности, когда каждый попадающий в поле зрения предмет у вас будет получать новое и особенное название, которое никто до конца и выговорить-то не сможет. Словарный запас Саентологии состоит примерно из 472 основных слов, что представляет собой довольно небольшой технический словарный запас. Медицинский словарь содержит что-то от двадцати до сорока тысяч — что-то такого порядка — очень специфических слов, которые не обозначают вообще ничего.

Ваша задача в изучении “саентологизмов” относительно невелика, относительно кратка по сравнению с другими техническими областями.

Если вы считаете, что “Саентология неприменима из-за её номенклатуры”, то с таким же успехом можно пожаловаться на номенклатуру *любого* технического предмета, и вдобавок та номенклатура зачастую будет в пять раз глупее. Некоторые из этих специализированных областей просто поражают. Но если у вас есть склонность к этому и сноровка, и если вас забавляют эти номенклатуры, терминологии и специальные языки, то вы можете хорошо повеселиться с этим.

Я помню, не так давно я тусовался со звездами циркового мира. К счастью, я немного знаю цирковую терминологию, но с точки зрения американского цирка. И я не знаю, что из этого подходит для английского цирка. Сейчас я покажу вам высший класс в терминологиях.

Все они “снобистские”, все эти языки — снобистские, включая Саентологию. Парень, вышедший из класса Сертифицированных Одиторов Хаббарда, выдает пару слов; два-три чело-

века понимают, о чем он говорит, и они ля-ля друг с другом. Это как пароль в масонской ложе. Все прочие стоят рядом с отвисшими челюстями и слушают разговор верховной элиты. Да, в какой-то степени это так и есть. Кто-то обладает высшим пониманием. Но это знаковая система, и на самом деле я не смог бы изъять это из употребления, даже если бы хотел. Если бы я не изобрел этого, это сделали бы вы.

В цирковом мире, если вы используете *карнавал* — карнавал, видите ли, это весьма низкопробно. Для цирка карнавал — это почти ниже презрения. Эти вещи совершенно определенно фиксированы относительно социальных слоев, так что не смейте использовать карнавальную терминологию — хотя я знаю около четырех или пяти сотен слов “карнавального”. Не смейте использовать ее в отношении тех же самых, идентичных предметов и действий в цирковом мире. А цирковой мир располагает, быть может, семью-восемью сотнями, тысячей слов для тех же самых вещей. Вы видите то же самое, что в нижне-голландском и на верхне-голландском¹, и в других языках.

Так что вам приходится быть очень осторожными с некоторыми из таких вещей. И совсем наоборот — вы можете отличить настоящего органиста — это из мира музыки... Вы можете отличить великого концертного пианиста по трепету, с которым он произносит слово *Стейнвэй**, по тому, как он говорит о своем инструменте, о своих партитурах и тому подобном. Вы можете отличить его. Он выглядит как сноб в своем фраке с длинными фалдами, со своими плывущими жестами и фигурами из рук над клавиатурой, и всякими такими штуками. Вы узнаете в этом парне того, кем он является. Он — классический пианист, классический концертный пианист.

У него достаточно ошеломляющая терминология. Если бы он начал в непосредственной близости от вас беседовать с дирижером симфонического оркестра, вы бы просто закопались. Кто бы мог подумать, что может существовать столько музыкальных терминов из итальянского, немецкого и так далее! И это, честно говоря, будет выше понимания самих музыкантов оркестра. Они скажут: “Господи, вы только послушайте это”.

Но в области органа все совсем наоборот. Прежде всего, орган — это инструмент, который не есть пианино. Орган — не ударный инструмент, и он похож на пианино только тем, что вы при игре на нем тоже нажимаете клавиши, да ещё тем, что можно извлечь из него музыку. Вот пианино, конечно, только и исключительно ударный инструмент. Это в соответствии с современной классификацией. Его классифицируют как ударный инструмент.

Да, это очень замысловатый ударный инструмент, и с ним нужно быть самой виртуозностью — но и на органе вы можете нажать клавишу и заставить его звучать как пианино. Вы можете заставить его звучать как клавесин. Вы можете заставить его звучать практически как что

угодно. Я недавно подружился с профессиональными органистами, настоящими профи; знаете, театральные органисты, цирковые органисты, такие ребята. На самом деле, у меня волосы дыбом встали. Эти ребята в своем деле котируются так же высоко, как концертные пианисты котируются в своем, фактически, даже чуть выше. Потому что вам надо отрастить — вам надо быть как Вишну*, прежде чем вы сможете играть на органе. С восемью руками! И их терминология совершенно сбивает с ног.

Есть две сферы терминологии; и когда вы становитесь настоящим профи в области органа, когда вы не только исполнитель, но вдобавок еще и конструктор органа — знаете, настоящий, высокого класса — то вы включаете следующую скорость в терминологию. Той органной терминологией, с которой вы знакомы, пользуются музыканты, нормальные музыканты, но когда вы переходите на высший уровень, то попадаете в новую сферу терминологии. Есть две сферы терминологии в области органа.

И настоящий профи, и настоящий сноб, покидая поле просто музыки и переходя в поле игры на органе и его конструирования делает переворот, полный переворот. И на этом поле — совершенно другая травка. Оно выглядит и пахнет совершенно по-другому. И это настолько утонченно, что, когда я услышал впервые, как эти ребята беседуют, я не въехал ни во что из того, о чем они говорили. Я как будто слушал готтентотов*, которые тараторили о ближайшем фестивале в честь косули. Я ни имел никакого понятия, о чем идет речь.

Ну, в конце концов, я разузнал это, и порядочно поработал и с органом, и с конструированием, и все такое, и подружился с этими парнями, но я пока знаю лишь малую частицу их терминологии, и они всегда удивляют меня; но, вы знаете, я сейчас добрался до состояния, в котором я понимаю, о чем они говорят.

Ну, например, органист в соборе Святого Павла*, который, возможно, был бы самым-самым среди простых английских органистов, говорит “педальная [управляемая с помощью ног] доска*” — это доска, по которой гуляют. [аудитория смеется — по-английски слово “педальный” означает “ножной”]. Ну, он называет это “педальной доской”. А когда вы столкнетесь с настоящими снобами, педальной доски больше не будет, это — “полено”.

Затем, лучший органист Святого Павла, без сомнений, говорит “ноты”, “трубы” и “метраж”, а настоящий сноб называет их “шумами”. Это “шумы” — и он говорит это, глазом не моргнув. Поэтому, когда я впервые услышал это, то подумал, что они меня разыгрывают. И каждый раз, слыша одну из таких вещей, я совершал повторяющуюся ошибку (от которой сейчас начинаю избавляться) — я хотел, как сумасшедший, и это разоблачало мое великое невежество во всем этом предмете. Но я достиг того, что сейчас могу болтать об этом так и эдак.

Что это было, черт возьми, что я слышал как-то вечером? Я думаю, это был “Блэкпульский Рок”. “Этот орган издает хороший, густой

¹ Диалекты голландского языка, здесь и далее — п.п.

Блэкпульский Рык”. Я подумал, что, видимо, я как-то не так расслышал слово “рык”, но он был способен издать “ужасный, грохочущий диссонанс, который реверберировал”, вот как это описывается. Вы через некоторое время начинаете что-то улавливать.

Тем не менее я расту. Я расту, расту. Я добрался до уровня, на котором научился с этим поленом кое-чему такому, о чем, думаю, они еще и не думали. А я могу сыграть на полене такое, что им и не снилось; и очень напряженно упражняюсь, и в следующий раз расквитаюсь с ними. Я уложу их на лопатки.

Суть в том, что, когда вы входите в святая святых любой профессии, вы вполне естественно оставляете простой язык сноба и попадаете в область “сленга”. Бог весть, как доктор медицины именуется миндалины, обедая с другими докторами медицины. Но он, вероятно, называет их как-то иначе. Его терминология меняется, таким образом, с самой официальной, которая чуть ли не отдает религиозностью и переходит, по мере того, как растет его опыт в работе с предметом, во что-то более похожее на сленг.

А мы просто не стали проходить через область напыщенности, чтобы попасть в мир сленга; мы просто срезали дистанцию. То, что я вам говорю о номенклатуре — это правда: когда номенклатура на самом деле находится в руках знатоков, она никогда не бывает серьезной. Это очень несерьезный предмет. Те штуки, которые могут забросить ракету на Луну — электрические цепи и контуры — скорее всего, великие инженеры-электронщики называют их не так, как учат в колледже. Они разобрались в этом, и это *тра-та-та-та-та*, что-то вроде профессионального арга. Это просто дико.

Ну, а мы пошли прямым путем. Мы не разрабатывали этот вспомогательный язык — ничего просто не было. Мы сейчас говорим на нашем вспомогательном языке. Это другой способ, которым это было упрощено. Мы могли бы разработать в высшей степени напыщенную официальную номенклатуру, словарь, возможно, из двух или трех тысяч слов, и заставить вас всех выучить его наизусть и потом обсуждать это с большой торжественностью — только для того, чтобы в конце концов выработать гораздо более короткий словарь из области сленга. Мы перепрыгнули эту ступеньку. И поэтому наш язык не звучит величественно. Наша номенклатура не напыщенна, поскольку не было причины совершать этот еще один дополнительный шаг.

Так что любой, кто говорит вам о не использовании надлежащей психоаналитической номенклатуры, вероятно, сам является зелененьким новичком в области психоанализа. Если бы он получил хорошее образование и примерно себя вел, он бы стал неофитом*, и не выражал бы такое поклонение перед номенклатурой, потому что это характерно для стадии, где все просто вызубривается без знания. После того, как парень что-то узнаёт, он обычно достаточно заметно и быстро сокращает свою номенклатуру.

И конечно, что должен *знать* органист, если он имеет высокий уровень подготовки в области инженерного дела и конструирования — вот у циркового органиста Кита Френсиса, например, нет никаких регистров*. Я уверен, на самом деле регистры его органа не соответствуют общепринятому [устройству регистров органа], он вытащил большинство этих регистров и выбросил их. Перестраивая свой орган, он их выкинул. Он просто стал комбинировать звуки от генераторов*, и поставил по регистру на каждую звуковую комбинацию от генераторов, зная, как они соединены, и зная, что если он нажмет бинг-бинг, то что ж, он получит эти два звука от генератора. Они [звуки] смешаются, и орган будет звучать определенным образом. Он устроил это с помощью электронного звука, электронных комбинаций звуков. Таким образом, он уничтожил все эти иззарды*, пикколо* и диапазоны, и теперь там и слов-то таких нет.

Вот так. Это просто...

Я, по правде говоря, недавно видел, как он выкинул 64-х футовую трубу* из верхней шкалы. Внутри не оставалось даже никаких 32-х футовых труб, но он поставил пару штук, которые могли звучать так, будто они там есть, вот что он вставил. А затем, знаете, орган собора Святого Павла заработал на всю катушку, но в нем просто нет никаких таких регистров. Так он даже не называет шумы их традиционными наименованиями больше.

Другими словами, когда малый знает свое дело, он, как правило, выкидывает — если он действительно знает свое дело — выкидывает номенклатуру, которая ему не нужна. Он выбрасывает это, и совершенно обычно, среди своей братии, которая осведомлена и составляет часть “ложи”, вырабатывает укороченную, сленгового типа номенклатуру для описания того, чем он занимается.

Ну, зная кое-что об этих вещах, я очень постарался уменьшить номенклатуру Саентологии насколько возможно, и сохранять ее исключительно в области сленга, к которому она пришла бы так или иначе. И это сэкономит вас от множества неприятностей.

Но если вы вернетесь на годы назад и найдете названия всего, что было названо, вы получите, вероятно, гораздо больший словарь, чем 472. Но многое из этого было выброшено. Но многие одиторы старых времен до сих пор знают, что это было. Вы говорите о ДЕДЭКСЕ. Большинство из поздних пташек посмотрят на вас вот такими глазами — “Что-что?”. ДЕДЭКС, вот что. [смех]

Зависимость знания от номенклатуры чрезвычайна, но, фактически, это почти никогда не оценивается по достоинству ни преподавателями, ни студентами. Они пытаются говорить и использовать язык, которого не знают. И они доходят до такого плохого состояния, что начинают думать, будто предмет невозможно понять, или что они неспособны понять его, хотя на самом деле причина совсем не в этом. Причина просто в том, что они не усвоили значений нескольких из этих символов, используемых для обозначения. И у них нет мгновенного понимания этих значений. У них имеется

“представление на ощупь” — это когда если человек какое-то время подумает, то он, наверное, сможет вспомнить, что такое “инграмма”. Вот какое бывает понимание.

Вот он читает предложение, и в нем говорится: “Конечно, в середине МПЦ может иметься инграмма”. Это необязательно правда, но это так для имплантированной МПЦ. И ему надо подумать: “Там может быть инграмма... инграмма... инграмма... Черт, не уверен я, что это означает, так что надо просто это вызубрить. Короче, что-то там может быть посреди МПЦ”. И потом он читает следующий абзац, хотя у него остается ощущение, что он чего-то не понял про эту МПЦ, и это ощущение переносится и на следующий абзац.

И если он продолжает изучать материал, пропуская эти моменты непонятой номенклатуры, у него начинает складываться мнение, что он этого не знает. Но это не то “это”, которое он не знает.

Чтобы получить что-то устойчивое, необходимо иметь там ложь, и здесь ложь состоит в том, что у него трудности не с этим предметом — у него просто трудности с номенклатурой. Он не знает номенклатуры, однако приходит к мнению, что не знает предмета, или что в предмете есть что-то очень непонятное. Нет, это совсем не предмет; он просто не знает номенклатуры.

Это может начаться по новой где-нибудь в классах Профессионального (Сертифицированного) Одиатора Хаббарда; однажды кто-то встанет и скажет: “Ну, это просто лок”, — и скажет: “Ну, знаете, это неважно, потому что это просто лок”.

И человек говорит: “Просто лок — лок — лок — что такое лок?”. Но тут его перебивают прежде, чем он успеет додумать мысль до конца и вспомнить, что такое лок. Таким образом, на самом деле, здесь остается небольшое базовое непонимание номенклатуры, и это повисает на траке, и у него развивается автоматическая задержка общения на слове “лок”.

Настанет момент, когда здесь в Сент-Хилле он прочтет предложение: “Вы должны проверить это, потому что это может быть просто лок”. И снова это чувство затравленности навалится на него, и теперь он думает, что не знает чего-то о проверках, он ошибочно считает так, поскольку причина его трудностей находится вне его поля зрения. И он сейчас думает, что не разбирается в том, как проверять [локи]. Нет, он не знал слова в том предложении о проверках [локов].

Вы видите, как важна номенклатура? Понимание используемой номенклатуры идет по важности до изучения чего бы то ни было.

Например, сейчас я изучаю параллельный курс, чтобы глубже заглянуть в учёбу по Саентологии. И очень, очень, умная вещь, чрезвычайно умная вещь, которую стоит сделать — взять страницу материала и найти на ней слова, которых вы не знаете, слова, которые не дают вам мгновенного отклика.

Обведите кружком каждое такое слово или сделайте список всех таких слов, найдите и изучите их дефиниции или спросите у людей и

получите дефиниции этих слов. Установите точно, что эти слова обозначают. Не разбирайтесь с содержанием этой страницы. Просто разберитесь с терминологией этой страницы. Проработайте до совершенства эту терминологию, приступайте к предмету: вы обнаружите, что предмет очень легок. Все, что там есть — что если проходить сервисное факсимиле, которое не давало движения РТ при проверке, что ж, преклир забуксует, потому что вы работали без движения РТ. И это всё, на что направлено это [утверждение].

А кто-то сталкивается с этим: “Сервисное факсимиле — о-о-о! Что это?”. Другое слово — и: “О-о! Что это? Что это?”, и “Что это?”. Ну, если вы хотите попасть в полную тайну, идите вперед и продолжайте изучать страницы, на которых не знаете слов. Так вы точно попадете в роскошную тайну.

Этот язык настолько привычен для ваших инструкторов, настолько обычен для присутствующих здесь, что их “снобистское поведение” — которое у нас есть (даже не сомневайтесь) и останется, потому что это показатель статуса и компетентности — будет причиной того, что они станут объяснять эти вещи студенту с легкой усмешкой.

Они быстренько излечат вас от желания задавать вопросы типа “Что такое сервисное факсимиле?”, потому что вы будете слышать в ответ на свой вопрос в лучшем случае интонацию вроде “Ну, ты, идиот! Почему нельзя посмотреть это в бюллетене? Как это можно не знать?”. Это как бы присутствует в самой атмосфере, когда вы получаете ответ на подобные вопросы, и это опять заставляет вас чувствовать себя дураком оттого, что вы этого не знаете. И с этим ничего не поделаешь, на самом деле.

Ну что ж, я могу, конечно, сказать: “Всегда отвечайте на вопросы студентов вежливо”, но такое требование, скорее всего, просто создаст скрытую враждебность. Будете вежливо отвечать на вопросы и ставить незачет за все проверки 24 часа в сутки. Когда начинаешь чинить препятствия каким-то естественным действиям, происходят всякие дикие события.

Я хочу подчеркнуть: не позволяйте себе отступать, потому что кто-то там думает, что вы глупы, потому что чего-то не знаете. Если вы чего-то не знаете, то это не критерий вашей глупости — вы просто не информированы. Ну, если вы не информированы, не позволяйте себе идиотских статусных соображений, что вы должны казаться умницей, чтобы о вас хорошо думали, так как это не имеет никакого отношения к этому. Вы здесь, чтобы учиться, и каждый, кто изучает что-то, изучает это, я полагаю, для того чтобы знать это. Можно обрести статус, обучившись чему-то, но нельзя обрести статус, притворяясь, что знаешь это, когда этого не знаешь. На самом деле, в последнем случае вы заработаете себе порядочную головную боль.

Смысл здесь в том, что, несмотря на любой отпор, который вы получите, или трудности, связанные с копанием в каких-то книгах в поисках того, что это означает, вы, на самом деле,

отправитесь в бульончик в тот самый момент, когда оставите в предложении одно слово, значения которого вы не знаете, и пойдёте дальше. Один непонятый пункт номенклатуры, оставленный за спиной, может совершенно разрушить ваше понимание всего того, что вы изучаете. То есть, если вы хотите ускорить ваше понимание ситуации, очевидно, стоит делать это медленным способом. Это ведь явно медленный способ. Но на самом деле он не медленный, потому что в противном случае ваши трудности будут расти как снежный ком.

Вы пойдёте быстрее, быстрее и быстрее, а если не будете этого делать, то пойдёте медленнее, медленнее и медленнее. Так что никогда не пропускайте при учёбе слова, значений которых не знаете. И когда вы слышите слово, которое я употребляю в лекции (хоть я на самом деле стараюсь свести к минимуму номенклатуру в лекциях), когда вы слышите слово, которое я использую в лекции и значения которого вы не знаете, ради Бога, запишите его в свой блокнот и сразу после лекции выясните, что это такое. “Что значит это слово?”. Это что-то, что прошло мимо.

Это именно то, чего вы не поняли, это не ум, не Саентология, не теория и не практика Саентологии. Камень преткновения — в первую очередь и прежде всего — это просто номенклатура.

Номенклатура останется существовать несмотря ни на какие реформы, потому что мы, во-первых, исследуем вещи, которые не были прежде известны. Они, соответственно, должны получить название. Кто-то не информированный может сказать вам, что что-то из этого уже было известно, но это говорит просто о его не информированности. Он не знает, о чем вы говорите, и поэтому думает, что это было известно ранее. Он попытается, например, сравнить “ид” и “тетан”. Он скажет: “Ну, Фрейд все это описал. Он сказал “ид”, а ид — это было что-то...”. Человек, который говорит это вам, на самом деле не знает, что Фрейд называл словом “ид”. Его провал с номенклатурой произошёл еще до возникновения непонимания между вами.

Если вы хотите накрепко запутаться, привести себя в замешательство, тратить уйму времени на каждый зачет и идти все медленнее, медленнее, медленнее и медленнее, просто начните пропускать слова, о которых вы не знаете, что это такое. Вы прочли полстраницы, и вот совершенно внезапно там слово, которого вы никогда раньше не видели. Только скажите: “Ладно, я пойму это потом”, и идите дальше. Почему бы вам не сказать просто: “Хорошо, прямо сейчас я перережу себе горло и добавлю несколько недель к своему курсу”, — потому что именно это вы сделаете. Вы не сможете не запутаться к концу этой страницы.

Следующая вещь касается содержания самого предмета — состава материала и его понимания. Вот второе. Можно спокойно придумать название и определение для чего-то, но что было названо этим именем? И если вы очень-очень умны, вы будете терзать и терзать его, и рычать на него, и ходить кругами вокруг этого

кусочка предмета изучения. Сейчас мы говорим о вещи. Мы не говорим об имени этой вещи, мы говорим о самой этой вещи. Вам надо ходить кругами вокруг любой части предмета изучения, пока не получите хорошего понимания, к чему это все. “О чем, черт возьми, мы сейчас говорим?”. Ясно?

Я дам вам представление об этом: вы говорите: “Человек имеет плохое мнение о другом человеке потому, что у него есть оверт против этого человека”. Отлично, вот вам вещь. Это механизм, который отражает последовательность оверт-мотиватор, это одно из его проявлений. Джо бесится на Билла, и если немного поискать, то обнаружится, что он бесится на Билла потому, что сделал что-то Биллу. Джо сделал что-то Биллу. Но это противоположно объяснению, которое все дают в жизни, поэтому это очень легко прочесть наоборот. Поскольку в жизни это так, у вас в голове это может — *дзынь!* — сложиться неверно.

“Джо бесится на Билла, потому что Билл что-то сделал Джо. Да, я это понимаю”. И вы утери всю суть. И если вы поняли это вот так, то потом на самом деле никогда не поймете, как вытянуть оверт, или зачем нужно это делать. Это знание просто улетело как дым! Очень важный механизм! “Джо бесится на Билла, потому что Джо что-то сделал Биллу”. Отлично, вот эта вещь.

Есть несколько моментов, которые могут встать на пути принятия вами этой мысли, и в первую очередь то, что это не обычный или не ординарный образец мышления, и это мешает вам по причине неверного истолкования. Вы думаете, что прочли что-то, чего там нет. Поскольку это так привычно видеть в обратном виде, вы думаете, что прочли это в обратном виде. Или это настолько общепринято в обратном виде, что это [настоящий смысл] кажется просто невероятным.

И вот следующее, что встаёт на вашем пути: невероятность этого. Вы говорите: “Да, но не может быть, чтобы это было правдой”. Ради Бога, когда вы сталкиваетесь с невероятностью чего-то, убедитесь, что знаете, во что вы не верите. Это важно — это важно. Давайте знать, во что мы не верим.

А для того чтобы узнать, во что мы не верим, нам нужно опять сделать первый шаг — номенклатура. “Правильно ли я понял это слово? Эта вещь, этот механизм, явление — правильно ли я это понял?” И вы обнаружите, перепроверя себя на этом шаге “невероятности”, что примерно в 90 процентов случаев вы не поверили в неправильное. Вы не поверили не в то, что здесь было. Вы не поверили во что-то другое.

Когда вы натываетесь на что-то такое, что просто “Эээ???” и говорите: “Этого не может быть! Что? Что? Этого не может быть. Нет, этого не может быть!” — вместо того, чтобы пойти и прыгнуть в озеро или принять синергидный калий, нужно просто проверить номенклатуру и описание самой этой вещи. Теперь, когда вы проверите эти два момента, то, возможно, обнаружите, что понимали что-то наперекосяк, и что это “невероятное” не только

совсем не невероятно, но даже легко наблюдаемо. Это — около 90 процентов случаев.

Остальные 10 процентов случаев — вы просто не могли понять, как это работает таким образом. Вернитесь назад и проверьте свою номенклатуру, проверьте, что это за вещь, в которую вы не верите, проработайте это как следует. Если вы до сих пор не представляете, как это так происходит, то приведите себе несколько примеров того, как это происходит так и как это происходит не так.

Это в действительности первый момент, когда вы на самом деле должны приложить это к себе и к жизни, где это становится совершенно необходимо. Вы должны приложить это к себе, приложить это к жизни. “Существует ли это в жизни или нет? Существует ли это в моей жизни и существует ли это в жизни кого-то из моих знакомых? Есть ли какой-нибудь случай, который демонстрирует это явление?”.

И вы начинаете вглядываться в это, и обнаруживаете, что причина, почему это никак не может быть таким образом, заключается обычно в том, что тут возникла какая-то кнопка или что-то подобное. Вы не посмели поверить, что это так — просто при проверке этого, пытаюсь ответить на вопросы: “Как это применимо ко мне? Как это применимо в жизни? Применялось ли это когда-нибудь к жизни? Видел ли такое кто-нибудь еще?”, и “Знаю ли я какой-нибудь случай или что-то такое, что может быть примером такой вещи?”. Что ж, оставшиеся 10 процентов, о которых я здесь говорил — они тоже испарятся, и вы скажете: “А, да, теперь это понятно”.

Следование этой процедуре дает вам чертовски хорошее понимание того, что вы узнали. Осторожная учёба не обязательно должна быть скрупулёзной, блестящей, мудрой или какой-то еще. Она просто осторожна. И вот вы все время работаете по принципу — быть осторожным с этим предметом — и вот то, по поводу чего вы осторожны: вот вы идёте по странице, там-парам-парам-парам, и вдруг видите слово “бужум”*. “Это что за черт?”

Сейчас я покажу вам, как можно поступить глупо: продолжить читать. Прочтите следующее за ним слово, в надежде, что так или иначе объяснение свалится вам в руки. Пропустите это слово — и вы себя погубили. “Что это за слово бужум?”. Да, это лучше выяснить прямо сейчас.

Можно глянуть на остаток предложения: “Нет ли здесь заключенного в скобки описания того, что такое бужум, как это иногда случается? Или... нет — там ничего нет. Явно предполагается, что я знаю это слово. Это не новое слово, потому что оно не объясняется в этом абзаце, значит, это слово, которое я знаю...”.

Если пойти дальше, то вы просто запрете себя в красивый маленький медный замок под названием “Тайна”, и здесь вы и останетесь бродить с лампой, заглядывать в темные углы и удивляться, что ж тут такого таинственного. Потом вы подумаете, что тайна скрыта в самом этом предмете; что тайна скрыта в чем угодно — а если просто отследить события в обратном

порядке до того времени, когда вы читали этот абзац, то окажется, что вы не поняли в нём этого слова, так что, конечно, общения не состоялось.

Не понимая слов, вы препятствуете любому общению. Вы препятствуете общению между тем, что вы изучаете и самим собой. Вы также препятствуете своему общению между собой и другими одиторами, и вы также, как ни странно, препятствуете общению между собой и преклиром, потому что в преклире есть что-то, чего вы не распознаете, так как не знаете, что это такое.

Но следуя в учёбе такого рода процедуре, вы обнаружите, что обретаете способность учиться. Кто-то вполне может подойти и сказать: “Можно ведь учиться и без применения этого”, или что-то типа этого. Так делают в школах, так делали это со мной — мне постоянно повторяли: “Ты не знаешь, как учиться”.

И я сказал: “Так, интересно. Я не знаю, как учиться”, и принял это — что я не знаю, как учиться. Я не стал сильно шуметь по этому поводу, но мне удалось, в конце концов, обнаружить, что это утверждение не было подкреплено никакими методами учёбы.

Кто-то вам говорит: “Вы не знаете, как подвесить крючок к небесам, и, следовательно, действительно очень глупы, потому что не знаете, как подвесить крючок к небесам”. Это все равно что ловить куликов, своего рода розыгрыш. Предполагается, что вы будете часами стоять в лесу, держа мешок и ожидая, когда в него загонят куликов². На самом деле они сидят дома и пьют кофе; а вы часами стоите в сыром лесу. Этот розыгрыш не менее жесток.

Они говорят: “Ты не знаешь, как учиться”. Мошенники! Они сами не знают, как учиться! Нет такого предмета — “учёба”. Если бы был предмет, называемый “учёба”, этому бы начали учить еще в детском саду. Его бы начали преподавать вам прежде, чем вы попали в высшую школу, или что-то подобное. Вам бы сказали: “Вот как надо учиться”.

Я сталкивался с разнообразными системами, но их нет в официальных учебниках. Я видел их — помните “Специальности Пита Смита”* из далекого прошлого, когда его часто показывали на экране, розыгрыши, комедии-пятиминутки? Да, я видел методы запоминания, и методы познания, поданные в такой форме. Но я никогда не видел их в учебниках.

Я разработал свой “метод учёбы” — в качестве средства обороны, и я живо помню его применение в области истории; — просто не начинать следующего абзаца, пока не будешь в состоянии закрыть глаза и оттарабанить предыдущий. Это не увеличило моих познаний в истории. Я продвигаюсь гораздо лучше, когда просто читаю учебник истории. Когда я закан-

² Довольно известный английский розыгрыш: приятеля просят поехать в лес и ждать в условленном месте, когда к нему выйдут кулики, которых якобы будут гнать с другой стороны. Парень едет в лес и стоит там один. См. далее текст лекции.

чиваю читать учебник истории и кто-то спрашивает у меня даты, я заглядываю в книгу. Я обнаружил, что лучше всего делать это именно так.

Единственный другой метод учёбы, разработанный мной для себя в школе, который может представлять некоторый интерес, состоял в том, что я брал все книги по предмету, которые только мог добыть, и читал их все, не пытаясь сосредоточиться ни на одной из них.

Наверное, самые великолепные оценки у меня были именно по *этому* предмету, и я повсюду этим хвастал, меня даже звали читать лекции налево и направо, что заставляло меня чувствовать себя несколько виноватым. Я взял американскую историю и просто собрал все учебники, которые мог достать по этому предмету, и прочел их все, включая пятитомную *“Историю Соединенных Штатов”* Вудро Вильсона*. Это одна из тех вещей, которые хранят в книжном шкафу, чтобы тот не упал в случае землетрясения [аудитория смеется].

И я прочел все эти учебники. Но я никогда не говорил преподавателю, что я никогда не читал учебник для этого класса, поскольку у меня была аллергия на его очень, очень плохую прозу. Я никогда не читал учебник для этого класса. Я прочел все другие учебники, которые только смог раскопать, но его прозу я терпеть не мог. Его проза была ужасна, это было что-то социалистическое, мудроно переплетенное и назидательное до крайности.

Не то чтобы там было полно трудных слов. На самом деле парень как бы все излишне упрощал — в местах, где он мог бы использовать хорошее, большое, напыщенное слово, он заменял его каким-то странным другим словом. Он не умел писать, и поэтому я не читал школьного учебника, но зато читал все другие учебники, и получал пятерки с плюсом, и читал им лекции по истории, и получал золотые звезды и серебряные кубки, и всякие такие штуки, как великолепный студент. А дело было просто в том, что я прочитал все, что попало в поле моего зрения. И я обнаружил, что это довольно надежный метод на тот случай, когда недоступна никакая другая подготовка, как случается в американской школе.

Когда недоступно абсолютно никакое обучение, что ж, вам нужно просто взять все книги по этому предмету, которые вам попадутся на глаза, и затем просто прочесть их все от корки до корки, очень строго следя за тем (я это буду делать, и делаю, и всегда делал), чтобы не пропускать ни одного слова, которого вы не знаете. Раздобудьте себе огромный словарь, и соберите что-нибудь вроде антологии или чего-то подобного, отслеживайте любое неизвестное вам слово и выясняйте, к чему оно относится, усвойте это слово по-настоящему хорошо, и затем плывите дальше.

Неважно, прочтете ли вы эту книгу за пять часов. Неважно, насколько быстро вы прочтете или не прочтете книгу. Это при отсутствии пригодного для понимания официального обучения по какому бы то ни было предмету. Это очень хороший метод, превосходный метод, на самом деле, потому что вы так часто видите это

слово, вы так часто его находите, что, в конце концов, вы узнаете, что это.

Вы говорите: “Опять этот “Профиль Рембрандта”. Черт, что же это значит, “Профиль Рембрандта”? Ну, “Профиль Рембрандта” — это на самом деле — ну, я думаю, это что-то написанное Рембрандтом*, но здесь подразумевается что-то еще. Вернусь назад. Я видел, что это упоминалось выше. Вот описание этой штуки. Так, так, так... А-а, я понял! Это когда главный источник света не освещает первый план. О, хорошо! То есть первый план освещается только отраженным светом. Это хорошо, да. Теперь я понял. Отлично”.

Плывете далее, и, наконец, уже забыв об этом, несколькими главами дальше вы натываетесь на “Профиль Рембрандта”. “Что-что? Что-то о фоновом освещении. Да. Хорошо, я знаю, где это можно найти. Я пойду назад. А, да. Да. Главный источник света за спиной человека, спереди — только отраженный. Да. Лицо в основном в тени. Да, понял. Ничего такого здесь нет”. Позже, еще через несколько разделов — или в другом учебнике по тому же предмету — “Когда вы снимаете “Профиль Рембрандта”.”. — и так далее, и так далее, и так далее, и так далее, — “Вот оно как! Туда надо еще добавить прожектор. Ясно”. Видите, слово больше не тормозит ваше продвижение.

Прояснение слов и значений действует как река, которая постепенно подмывает берега, пока не станет хорошим, сильным, полноводным потоком.

На самом деле, я не думаю, что есть толковые студенты и тупые студенты. Я так совсем не думаю. Я так не думаю, потому что никогда не видел реального соответствия между знанием предмета и толковостью или тупостью студента. Но бывают осторожные студенты и неосторожные студенты.

Далее, студент может быть очень быстрым и все же оставаться очень осторожным. Это не имеет прямого отношения к скорости. Но он знает, когда становится плохо. Это единственная вещь, которую он знает. Он дочитывает этот абзац до конца и совершенно внезапно обнаруживает, что у него нет ни малейшего представления, о чем, к черту, идет речь — о чем он читает, и тогда он возвращается назад и находит, где он запутался. А, ну, вот слово и вот явление, о которых он ничего не знает.

Теперь, если это осторожный студент, он откладывает все до тех пор, пока не найдет, что это за слово и что это за явление, и что это точно значит, и не справится с этим. Он может пройтись по этому тексту чуть дальше, чтобы посмотреть, нет ли определения в самой этой публикации. Но он ищет определение — он больше не занимается текстом.

Таков осторожный студент. И его толковость по данному предмету зависит от того, насколько он это делает. Это не зависит от какого-то врожденного таланта или чего-то еще. Не зависит даже от его кнопок.

В Саентологии, по причине гигантской величины охвата учёбы, которую мы выполняем, и из-за того, что мы изучаем то, с помощью чего

мы учимся, необходимо обладать некоторым мастерством учёбы. Это становится просто необходимо в нашей среде — знать что-то о том, как учиться. Нельзя подойти к какому-то бедному, незадачливому студенту и сказать: “Ну, твоя проблема в том, что ты не знаешь, как учиться”, и пойти потом восвояси. Или сказать о каком-то другом студенте: “Да, он просто тупой. Вот и всё объяснение”. Честно сказать, это ни черта не объясняет.

Говорят, бывают студенты, быстрые, как молния. Говорят, бывают очень-очень быстрые-быстрые студенты, и говорят, бывают очень очень очень медленные студенты, и говорят, бывают зубрилы, и говорят, бывают блестящие студенты; но честно говоря, эта классификация не более обоснована, чем область психиатрии. Почему? Потому что никто никогда не добивался неизменного успеха в быстрой учёбе. Были, очевидно, сплошные извинения и оправдания. Это попытки классифицировать то, что никто еще не раскусил. Так зачем тогда говорить о тупых студентах, медленных студентах и блестящих студентах?

В учёбе есть определенные явления, которые заслуживают внимания, и одно из них — чудака, который может запомнить почти с одного взгляда, потом вернуться назад и выдать заученные на память слова. Я знал китайских студентов, которые могли посрамить в этом кого угодно в англосаксонском мире, или на Западе. Они способны делать это — выдавать целые страницы математических формул, их описания и так далее. Это самое фантастическое из всего, о чем вам приходилось когда-либо слышать — они приходили в школу на следующее утро со своими уроками, и *ка-вау!* Вы их спрашиваете: “Ну, отлично, теперь перейдем к формуле наклонной*”.

“Хорошо, формула наклонной — это так-то и так-то, так-то и так-то, так-то и так-то, и *кау-кау, пау-пау, кау-вау*”. Все там.

Вы говорите: “Вау!”. Но не приходите немедленно к выводу, что это как раз тот человек, который построит плотину — потому что строительство плотин имеет очень мало отношения к учёбе подобного вида или характера. Мы даже не знаем, способен ли он решить задачи на этой странице, хотя, безусловно, он способен их запомнить. Так что, прежде всего это испытание памяти.

Если вы, проводя экзамен этому человеку, хотите быть в нём уверенным, вы немедленно обнаружите, что именно с ним не так. Есть способ проэкзаменовать этого человека, и только он будет одинаково честным и для инструктора, и для студента.

Возьмите любое странное слово, которое было в первом абзаце, только что так бойко пройденном, и спросите определение этого слова (определение, не данное в материалах, которые изучил этот человек). И если вы хотите увидеть затравленный, полный ужаса взгляд, проделайте это с тем, кто в совершенстве повторяет текст по памяти. Вы просто метнули в него топор, потому что спросили то, что не является памятью.

Вы спросили определение какого-то слова. И если этот человек может выдать вам весь абзац и рассказать вам об этом все, но не может дать определение одного слова в нем, то, должно быть, все это кажется ему совершеннейшей тайной.

Так что упущенный компонент — это понимание. И, естественно, очень скоро после этого проявится другой упущенный компонент — применение. Понимаете, как это сработает?

Другими словами, эта очень, очень быстрая учёба проваливается точно так же, как проваливается медленная учёба. Другими словами, и тот, и другой неизменно засыпаются на том же самом пункте. Если кто-то приходит и берет тот же самый текст, и начинает спотыкаться на каждом шагу, и старается что-то там такое изобразить, бубнит под нос, экзаменатор может и у него спросить то же слово. “Каково определение этого слова?”.

И он скажет: “Ну, я не знаю”. Тот же тип, что и быстро учащийся, не так ли?

Поэтому, направление и конечная цель учёбы — это понимание, и конечно, с неизвестным словом посреди этого, и с неизвестным явлением посреди этого, вы не достигнете никакого понимания. Вы получите неверие и непонимание. Вы получите тайну. Вы так же получите, конечно, неприменение.

Теперь, если мы рассмотрим учёбу чуть дальше, главная претензия к учёбе — то, что она не дает непосредственного и мгновенного результата в виде хорошего, чистого, ясного применения. Это есть (или была) одна из главных жалоб на современное образование, основной повод для критики — обучив инженера, вы не рискуете послать его строить мост. Это относится к сфере применения, к практическому применению. Но если этот человек не может пойти и построить мост после того, как его обучили строить мосты, конечно, тут утерян такой компонент, как “опыт работы с тем, с чем имеешь дело”.

Но даже если кто-то только тем и занимался, что наезжал на него как сумасшедший, требуя определения каждого слова, на котором тот спотыкался в материалах по строительству мостов, инженер всё равно должен быть способен пойти, поставить свой секстант* и теодолит*, и приступить к работе. Он должен, должен. Теперь перед ним стоит ужасная задача — обретение опыта работы с тем, с чем он имеет дело, но он не сможет справиться с ней, если ему мешает барьер непонимания терминологии, непонимания инструментов, хотя теоретически он это сделать способен.

Однажды я обнаружил себя в таком положении. Я просто обладал знанием способа решения одной проблемы на уровне текста учебника — по тому параллельному предмету, что я изучал. Я просто обладал знанием способа решения этой штуки на уровне текста учебника, ничего более, и я увидел это, увидел, что это произошло, — применил это знание, и все разрешилось, бац! У меня было что-то порядка, может быть, двух или трех секунд, чтобы сделать все это. Потому что что-то происходило, и мне

нужно было это быстро исправить. Просто учебник. Это сработало, и сработало отлично.

И вам нужно и должно быть способным просто взять учебник — если это достоверный учебник и достоверный предмет — и применить его напрямую, даже не обладая опытом. Теперь только вообразите, каким крутым спецом вы можете стать, если будете при этом еще обладать опытом. И вот почему мы изучаем одитинг, одитируя!

Но если этот компонент — осторожность в учёбе — упущен, упущена номенклатура, то каши вы не сварите³. Так вы каши просто не сварите.

Я изучал этот параллельный предмет очень напряженно, потому что он также труден и в плане терминологии. Терминология — вот с чем, как вам представляется, должен быть хорошо знаком человек, который долго занимался фотографией. Он не может быть с ней незнаком — о нет, нет, нет, нет. Он не может быть с ней незнаком, если он изучал текст за текстом, текст за текстом, текст за текстом!

Если вы проходите какой-то небольшой курс, который абсолютно ни на что не претендует, не предназначен для того, чтобы сделать из вас профи в какой-либо области деятельности, и там сказано: “Вот так проявлять фотографию” — “Самоучитель Истмена* для начинающих любителей”. Я таких тонны перечитал. Нет, это не имеет никакого отношения к сути. Там сказано: “Бей, круши, стреляй картечью”, знаете, — “не тормози. Атака в штыки. Возьмите метабисульфит* и вылейте его в яттапин*”, — и вы говорите: “Взять что?!”.³

А затем прямо в следующем уроке вы изучаете совершенно не связанное с этим дело — “Убедитесь, что вы правильно поставили козырек”.

“Что?! Откуда, к черту, это взялось? Раньше мне это никогда нигде не встречалось. Козырёк, козырёк. Что же такое козырёк?”. Туда-сюда, прыг-скок, смотрим в словаре. А знаете что? Нет этого в словаре. Это такое привычное слово, что они не потрудились дать ему определение. “Но я его не знаю. И неудивительно, что я чувствую себя таким идиотом. Так-так, ага”. Наконец, вы вычисляете это по контексту и по иллюстрациям. Там было изображение всех необходимых фотографических материалов. Очевидно, козырёк — это створка, которой вы заслоняете края основного источника света, чтобы сделать оттопыренные уши менее оттопыренными. Просто, не так ли? Козырёк? Кто это придумал, черт! Бессмысленная, но очень обычная часть снаряжения.

Малый, который писал учебник, будучи столь хорошо знаком с предметом, мог бы сделать то же самое заявление, что и вы. Вы бы сказали: “Ну, сначала, конечно, вы готовите на столе Э-метр”. Вы бы сказали это почти саркастически, не так ли? “Ну, вы готовите на столе Э-метр, конечно, прежде чем начать одитинг”. Если вы

хотели бы быть по-настоящему саркастичным, вы бы сделали такое замечание.

Этот парень, этот малый, этот эксперт по портретам среди всех экспертов по портретам, говорит: “Ну, конечно, вы установили козырёк, чтобы убрать это. Это способ ослабить освещенность”. Он бросает это мимоходом. “Вот так вы ослабляете выступающие, нежелательные черты модели в портрете. Вы сдерживаете свет, падающий на них”.

“Чем вы сдерживаете свет?”.

Из учебника вы получаете тот же ответ: “О, не будьте ослом!”

“Да, но чем вы ослабляете свет, а?”.

“Козырьком, конечно, идиот!”.

“Что такое козырёк? Что такое козырёк? Что это за вещь?”.

“Поставить его”.

“Поставить его на линзы камеры так, чтобы не было видно голову парня?”. [аудитория показывается со смеху].

Это было очень забавно, потому что я смог посмотреть на предмет под другим углом, взглянуть на те самые проблемы учёбы, с которыми сталкиваетесь вы. И проанализировал эти проблемы, и разобрался. То, о чем я вам говорил, и то, о чем я только что вам сказал — это взгляды, которые я выработал с помощью этого, и, насколько я знаю, они применимы в нашей сфере. И я думаю, что в результате у вас будет определенный прогресс.

Вот все, что касается учёбы; может быть, вы ожидали, что в учёбе будет множество гораздо более сложных моментов, но более сложных моментов здесь нет, только те, которые я только что вам изложил.

Конечно, если бы вы не читали и не писали по-английски, вам бы потребовалась большая работа в изучении номенклатуры. Но помните, что это была бы просто большая работа в изучении номенклатуры. Так что это верно даже здесь.

А если человек не может говорить вообще, или, скажем, животное, которое пытается подняться до этого уровня: оно совершенно вне коммуникации, у него нет голосовых связей? Как ему получать образование? Вы говорите: “Ну, это совершенно гиблое дело”. Ну, я не готов немедленно и полностью с этим согласиться, потому что я уже поднимал животных по тону в заметной степени, и уже встречал собак, которые умели говорить.

Да, однажды я встретил пса, который говорил “Жрать” каждый раз, когда хотел набить себе брюхо. Как-то он с этим справлялся. Он использовал какую-то голливудскую схему дыхания диафрагмой. И когда он был голоден, он мог сказать это довольно отчетливо. Пугал людей почти до смерти. Они говорили: “Ну, это забавно. Собаки обычно просто рычат. А хозяйка, которая научила его, просто подает ему особые знаки. Ну-ка...”. И затем слушали этого пса, и пес говорил: “Жрать!”, а они — “О-о-ох!” [аудитория падает со смеху]. А однажды я говорил со слоном, который хотел, чтобы его

³ В англ: “you can't make the boat” — букв: “вы не построите судно”.

сфотографировали — я вам рассказывал, и я встречал животных, которые знали свои номера намного лучше, чем их дрессировщики, и им приходилось кое-как спасать дрессировщика во время спектакля, чтобы он не опозорился.

Я не знаю, какие препятствия есть в общении. Сейчас у меня намного более глубокое понимание пятой динамики, чем было ранее, и я обнаружил, что можно гораздо глубже разобраться в пятой динамике. Фактически, я довольно хорошо уловил идею о том, в какой МПЦ застряли конкретные животные, насекомые и так далее. И как они попадают в эту конкретную сферу, и как они в ней деградируют. Я стал достаточно здорово — достаточно здорово разбираться в этом.

Но в любом случае, как бы то ни было, все дело в том, что непонимание номенклатуры языка при общении — неспособность говорить или общаться — это первый барьер. И он [этот барьер] сохраняется — парень, который знает английский, умеет читать, принимается за учёбу — но это по-прежнему остаётся для него первым препятствием. Но конечно, он на таком высоком уровне общения, что с презрением относится к этим маленьким неспособностям общаться [т.е. к непонятым терминам и словам], и пренебрегает ими [не считает нужным их пряснять]. А пренебрегая ими, затем, конечно, он терпит жуткий провал, попадая в область учёбы. И это практически первое, в чем он терпит настоящий провал.

Есть много способов привести человека к провалу в учёбе, но по большей части это

именно отрицание им необходимости понимать используемые в общении символы. Такое отношение будет большим провалом в учёбе.

Мы никогда не публиковали словаря как такового. Есть несколько рукописных словарей, но они, к несчастью, все зависят от того, чтобы я их заново отредактировал от начала до конца, а в них случается фантастическое количество слов; и нужно лишних 12 часов сверх обычных 48 в 24-х, чтобы завершить эту работу. Это очень сырой, сырой материал. И я особенно не хотел браться за эту работу до тех пор, пока не почувствую, что всё более-менее утряслось, и примерно сейчас дело должно приблизиться к завершению. Но я даю определения разных слов на уровне VI, формулировки, и это, я уверен, будет опубликовано, так что вы сможете посмотреть на эти вещи и узнать, что к чему.

Но несмотря на отсутствие толстого словаря, вы, тем не менее, можете прояснить эти слова, они известны, и люди повсюду вокруг знают, что они означают, и на самом деле это не слишком убедительное оправдание. Вам понадобится полчаса, чтобы узнать, что значит слово! Но эти полчаса не умножатся и не прибавятся в конце курса, когда вы будете барахтаться там, удивляясь, отчего у вас такое чувство, что вы никак не можете понять простейшую суть предмета.

Ну, я надеюсь, что то, о чем я рассказал вам сегодня, будет для вас полезно.

Спасибо вам большое.

КОРОТКО О ГЛАВНОМ В УЧЁБЕ

4 августа 1964 года

Благодарю вас. Сегодня какое у нас?

Аудитория: 4-е августа 14 года ЭД.*

4-е августа 14 ЭД. Примечательный день, потому что это день после праздничного парада* и никто не заболел воспалением легких от вечного дождя, который идет по праздникам. Очень примечательный день.

Специальный Инструктивный курс Сент Хилла, 4-е августа 14 года ЭД.

Хорошо. Похоже, в последнее время вы побили здесь несколько рекордов в результатах ваших экзаменов. Результаты экзаменов по лекциям и тому подобному поднимаются выше, выше, выше, выше, и поэтому я очень горжусь вами. Спасибо вам большое.

Кроме вашей собственной сообразительности в изучении данного предмета, это частично есть следствие того, что я рассказывал кое-что об учёбе и преподавал вам это, и думаю, что в последние недели, а их было немало, вы узнали очень много об учёбе — и это тема данной лекции.

Я хочу рассказать вам в этой лекции, пока это ещё не остыло, очень коротко о главном из того, что я узнал об учёбе — неважно, насколько сырым и грубым получится это изложение, и неважно, насколько тщательно это будет про-

работано позже. И я тут немного себя опорочу тем, что буду читать лекцию по записям. Но я не хочу, чтобы это зашло слишком далеко, прежде чем стать темой лекции и записи, так как я обнаружил, что в отношении это начинает меркнуть в моей памяти. Последнее время я храню в своей памяти очень мало информации, а та, которую я туда все-таки помещаю, иногда склонна меркнуть и потом теряться. Я не хочу, чтобы это случилось — я хочу передать вам эту информацию об учёбе.

Так вот, до сих пор технологии учёбы или технологии образования не существовало. Звучит как совершенно невероятное, фантастическое утверждение, но это правда. Это правда. Существовала школьная технология, что-то типа того, но она не имела большого отношения к образованию. Существовала технология того, как ходить в школу, как обучать в школе, как учить детей ходить в школу, как переходить из класса в класс, как сдавать экзамены, как поступить в вуз. Существовало ужасно много этой школьной технологии. Нужно различать *школьную* технологию и технологию *образования* — это первое, что я попросил бы вас сделать — потому что образование крайне редко, вообще говоря, имеет что-либо общее со школой.

Инженер-выпускник является на работу, и он прекрасно обучен различным способам нахождения уравнений кривых для определения количества гравия в бесформенной куче; и, тщательно измерив эту кучу и получив уравнение кривой для нескольких её участков, выраженное в виде формулы, он может, глядя на эту баржу и измеряя её, сказать в конце концов, сколько гравия на этой барже.

Этот случай произошёл на самом деле, произошёл в Кавите* до войны, за много лет до войны. Этот молодой инженер только что вышел из школы и вот что он сделал. Он пошел и вычислил количество гравия на барже с помощью интегрального исчисления*. Это была очень кропотливая работа.

Главный инженер складов послал его выяснить, достаточно ли у них гравия, и тот не возвращался почти полдня. Так что в конце концов главному инженеру стало очень-очень любопытно, и он пошел выяснять, где этот молодой новый инженер и что он делает, не съели ли его акулы, или что там ещё. Он нашел его там — инженер вносил последние штрихи в свои вычисления, и сообщил ему — молодой инженер сообщил главному инженеру — с чувством великой победы тот факт, что в его распоряжении имеется от 115,2 до 115,4 кубических метров гравия. У него были целые страницы вычислений. А старший рабочий склада, филиппинец, стоявший рядом, посмотрел на молодого инженера очень недружелюбно и сказал: “И это — то, чем ты занимался?”. И главный инженер даже не успел включиться в разговор и выяснить, в чем дело, как филиппинец проговорил: “Видишь те отметки, сделанные белой краской спереди и сзади баржи? Так вот, они показывают, сколько гравия в барже!”.

Я получил чудесный пример того, насколько педантичной может быть школьная учёба, в противоположность образованию. Вчера вечером я прочитал диссертацию на тему о слайдах*. О подготовке диапозитивов. Боже мой, это были самые запутанные вычисления — насколько близко вы должны находиться к экрану, и какова должна быть плотность диапозитива, для того чтобы в лекционном зале у вас получилось хорошее изображение. И это продолжалось и продолжалось, и если бы у меня самого не было опыта именно в этой области, я бы всё это воспринял совершенно всерьёз. Но я думаю, его ручка набрала такую скорость, что он не мог её остановить. Ведь когда слайды слишком темные, если что и делают — так это берут более яркую лампу. Не двигают проектор вперед и назад по залу и не вычисляют сверхотражательную способность экрана, и всякие такие вещи. Так вот, поэтому, имея огромный опыт (и это весомый опыт: я знаю слайды, и их плотность, и все такое по опыту), я понимал, что информация, которой меня так усердно потчевали, имеет очень и очень мало важности. Это было интересно. Вы знаете, интересно, что кто-то мог так много написать об этом предмете.

А Рэг*, я и Бонвик*, не так давно в цирке, с помощью неправильного напряжения на про-

водах и обычных простыней, подвешенных между цирковыми опорами, увеличили изображение на 4-5 диаметров больше того, что можно было ожидать как от изображения, так и от проектора. Все были в восторге; они выглядели прекрасно. У нас был экран 4x4 метра из простыней, на которых даже были складки. Был только один слайд, который из-за этого приобрел странный вид, один слайд примерно из двух сотен: просто получилось так, что складка попала на лицо молодого человека, и оно просто стало искривленным. Совсем не критический момент.

Вы берете слайд с какой угодно плотностью, вставляете его в проектор с достаточно сильной лампой, натягиваете простыню, которая будет отражать свет — и вот вам самое лучшее слайд-шоу, какое только можно соорудить, и никто ни слова вам не скажет. Две страницы текста о том, как вычислить плотность слайда — не такая уж важная проблема.

Таким образом, образование, в противоположность школьной учёбе, должно включать в себя относительную важность преподаваемых данных. Это очень, очень важно. Относительная важность преподаваемых данных, под которой подразумевается относительная применимость преподаваемых данных — применимость. Так вот, в школьной учёбе, в противоположность образованию, на самом деле, отсутствует представление — там нет настоящего представления о применимости, нет такой идеи.

В формалистской или схоластической школе образования, в такой технологии, очень важно знать, что “Плиний* в году пум-пу-бум тире бум, согласно этому, действительно, точка с запятой, открыл, что существуют осетры”. Ну и что вы будете делать с этими данными? И, тем не менее, вся карьера человека может потерпеть крах из-за его неспособности озвучить этот факт. Это в науке “рыболовство”, раздел “ихтиологии”* — рыбная ловля, рыбы. Парень идет в Управление рыбного хозяйства. В его билете на выпускном экзамене — вопрос: “Кто и что и когда открыл осетров?”. Просто попробуйте теперь себе это вообразить: молодой человек из Управления рыбного хозяйства, где-то там далеко, у северного побережья Норвегии, шторм, холод около 40 градусов ниже нуля — он пытается сосчитать, сколько траулеров далеко в море нужно будет спасти в следующие 24 часа, используя эти данные о Плинии. Только посмотрите на это теперь. Неприменимо!

Так что в области школьной учёбы присутствует своего рода напыщенность, для которой нет никакого реального основания в образовании. Вы найдете это в искусстве. Вы найдете людей, которые действительно думают, что они имеют отношение к искусству и действительно знают что-то об искусстве, потому что просто могут отбарабанить названия огромного количества картин. “Вот эта картина и та картина, и вот еще картина, и она была написана Юлианом Ньюни* в 1710”.

Вы говорите: “Чем Юлиан Ньюни ее написал, браток? Что он использовал?”.

“Хм, э... ха-ха. Я думаю, это масло”. Но он знает, что это 1710 год. И он знает, что это был Юлиан Ньюни, и он знает, что название полотна — “*Позорное утро*” или что-то там такое.

Но вы спрашиваете этого типа, вы говорите: “Чем он это написал?”.

“Хм, я думаю, это было... Я думаю, это масло. Я... я думаю, это масло. Я... я... я думаю, это масло. Это масло”.

Он не понял. Это очень ценно — знать, когда чем писали картины. Поймите, это довольно ценно. Вы можете этим пользоваться. Ну, вот просто грубейший пример возможного применения такого знания: вы видите нечто написанное “лучшей краской для быта компании Ай-Си-Ай”*, и это представлено как написанное в 1510 году — и вы знаете, что это неправда, потому что краску на эмульсии из арахисового масла тогда не делали. Это грубый пример. Но вы видите, что это действительно некоторым образом применимо при установлении подлинности произведения. Чем он это написал? Это очень хорошее, применимое данное.

Я расскажу вам о похожем факте. Вчера я рвал на куски энциклопедии, чтобы выяснить, упоминал ли вообще еще кто-нибудь некую форму искусства. Я не мог нигде этого найти, но нашел-таки в словаре, что “*dore*” значит “золотистого цвета”. Я подумал, что это очень интересно, потому что название формы искусства, которую я искал, было “доретип”, и я не знал, где искать это дальше. Я думал, что это, возможно, имя человека, наверное, это у меня связалось с Густавом Доре, знаете, и его офортами*. Нет, это было названо не по имени человека, и поэтому это так и не сохранилось как название — потому что это был не человек. Это был просто вид репродукции произведения искусства в золотистых тонах. Поэтому его называли *доретип*, и название было настолько эзотерическим, что сохранилось только в сверх-сверхпрофессиональных областях. Если парень действительно держал бы ухо остро и перерыл бы всё, что можно, он узнал бы, что была такая штука, как доретип. Но в противном случае он ничего не узнал бы об этом. Каждый знает, например, что такое дагерротип*. Ничего похожего. Что это за доретип?

Это становится важным, если рассматривать развитие фотографического изображения, фотовыставок и тому подобного. Да, существовал тип печати, с помощью которого производили необычное фотографическое изображение. И вы должны быть способны отслеживать такие вещи в обратном направлении. Кроме того, кто изобрел это — мистер Волл или мистер Полл — это на самом деле не имеет почти никакого отношения к делу. А как это было сделано, в такое-то и такое-то время — о, вот это может оказаться очень важным.

Таким образом, когда вы имеете дело с образованием, нужно быть очень осторожным, чтобы не склоняться излишне в сторону значимости. Не склоняйтесь в сторону значимости, отделённой от массы. Это очень интересное данное. Так вот, когда вы занимаетесь вопросами о связи значимости и массы, то вы занимаетесь

неким действием, которое можно определить как “сочетание значимости и массы”, того или иного рода. Это определённое сгущение красок, но причина того, что кто-то предпринимает действие или занимается делательностью и тому подобным, состоит в том, что у него есть какая-то идея о том, как выполнить что-то, сделать что-то или избежать чего-то. У него там есть значимость. Там представление об этом. Даже когда мы смотрим на множество частиц, летающих повсюду в воздухе, и говорим: “Это хаос”, мы добавляем значимость к массе.

Но в образовании, если значимость никогда не добавляется к массе, а стоит в первозданной чистоте совершенно особняком, вы обычно застревайте на курсе: никакой делательности. Давайте вернемся на землю. Я только что привел вам пример этого, о том, кто что изобрел. А потом там говорится: “И между этими двумя людьми как раз в то время были большие разногласия. Один из них имел большую уверенность в великой судьбе своего открытия, чем другой”. Ох, к чему это вообще? Это ни с чем не связанная информация. Это всего лишь значимость: она не имеет никакого отношения к делательности или к действию, и никакого отношения к массе, которую вы сейчас конфронтируете. И она заставляет вас чувствовать себя дураком, уловили мысль?

Школа специализируется в том, чтобы заставлять вас чувствовать себя дураком, что побуждает поинтересоваться, а думают ли вообще в школе об образовании? Существует школьная технология, которая учит, но никогда настоящему не дает образования, никогда настоящему никого не обучает. Вам это понятно? Но она могла бы быть изумительной. Можно наполнить до верха весь университет курсами вроде “Труды Томаса Харди*”. Можно иметь там “Тяжелое положение шахтеров побережья Корнуолла* во времена Древнего Рима”. Можно иметь там “Число синонимов и антонимов, использовавшихся охотниками и охотницами в шестнадцатом столетии”. Можно иметь там курсы, где людям ставят “неуды” за то, что они сослались не на то слово, они использовали не то слово в связи с не той группой животных. Знаете, как оно бывает: “выводок перепелок” и “выводок лис” — вы знаете, такого рода вещи. Сплошной педантизм!

Но в чем здесь основная ошибка? Основная ошибка — теперь я к этому вернусь — основная ошибка в том, что к значимости просто не добавляют массу или делательность; к значимости не добавляют массу или делательность. Вы говорите: “Этот парень был хорошим художником. Он писал, и писал, и писал, и писал, и писал. Ну, он много писал”. Вы могли бы сказать это девятью тысячами разных способов. “Он с ума свел своих первых семь жен тем, что никогда не обращал никакого внимания ни на что, кроме своей живописи”. Что ж, это хорошие пикантные подробности, но это не образовательные данные. Это просто пикантные подробности. Что он *писал*.

Необходимо принимать во внимание вашего студента. Ваш студент старается, в конце концов, стать художником, и я боюсь, что когда он так много времени потратил на изучение того, сколько жен было или не было у художников, его представление о живописи будет, что это “жениться и развестись”, или “стать ходячим каталогом”.

Ну, конечно, если вы судья, если вы собираетесь быть профессиональным судьей или профессиональным критиком, не художником, но одним из этих типов, естественно, вам нужно быть именно ходячим каталогом. Вам нужно ошеломлять всех. Это хороший способ заткнуть всех за пояс. Вы прогуливаетесь, глядя на вещи вот так, вот так: “Да, этот вот человек, он подражает... подражает Иоганну Табу*. Да, это весьма малоизвестный художник 1416 года”. Понимаете, вам нужно знать подобные вещи, если вы собираетесь стать *таким* специалистом.

Вот почему практически никогда выпускник университета не становится представителем искусств. Это почти невозможно. Это неслыханно, например, и в обучении мастерству короткого рассказа. Да они [те, кто обучает мастерству короткого рассказа] больше *зубят* писателей! Интересно также то, как они это делают — они разъединяют значимость и действие. Они разделяют эти две вещи, так что это становится чистой значимостью, совсем без связанных с ней действий или масс. И когда вы это делаете, вы определенным образом приводите парня к неконфронтации предмета и интровертируете его. Чтобы студент стал интровертированным, дайте ему слишком много значимости, и слишком мало делательности, и слишком мало массы.

Это все еще сбивает вас с толку. Вы смотрите на меня вот такими глазами, и я хочу спросить — ну что тут непонятного? Где-то тут есть неправильность.

Я не знаю, как изложить это сколько-нибудь проще, чем я это излагаю. Если вы собираетесь учить парня шариковым ручкам, дайте ему шариковую ручку! Это трудно, а?

Аудитория: Нет.

Не учите его истории шариковых ручек! В моих словах больше смысла?

Аудитория: Да.

Здорово. В этом есть смысл? Нет?

Аудитория: Есть.

Таким образом, когда вы отделили значимость от действия и разъединили эти две вещи, то у вас может быть школьная учёба, но не может быть образования. Вот как это делается, по сути.

Если вы хотите в конце концов получить целый ворох ничего не умеющих делать выпускников, если хотите в конце концов получить целый ворох живописцев, которые не умеют писать, целый ворох докторов, которые не умеют “докторить”, инженеров, которые не умеют “инженерить”, тогда, ей богу, вам надо просто взять делательность и массу, связанные с предметом, и отложить их в сторону, как то, с

чем вы действительно не очень-то хотите связываться, и углубиться в тотальную значимость всего этого. И тогда вы создадите в высшей степени непрактичного человека. И это делается только так. Других способов сделать это немного. Это сработает достаточно сильно, и он так и не выйдет из школы, так и не покинет её — он станет преподавателем!

Я узнал, что для человека, который не умеет *делать это*, заниматься преподаванием этого — ужасная ошибка. Давайте сразу сойдем с небес на землю, здесь, в Саентологии. Если наши инструкторы не могли бы одитировать — *ах!* Что творилось бы? Если бы наши инструкторы не умели бы одитировать — с какой катастрофой мы столкнулись бы в области образования? Предположим, все они знали бы историю одитинга, и потом предположим, они могли бы рассказать вам все, что когда-либо было написано на эту тему до мельчайших подробностей, и сказать вам точно, где это найти, и сказать, сколько там страниц — предположим, они могли бы сделать все это, но не могли бы одитировать. Это было бы просто катастрофой. И любая трудность в преподавании, которую испытывает инструктор, как-то связана с неконфронтацией делательности или массы этого предмета. Вы уловили мою мысль?

Вот инструктор обнаруживает, что ему действительно не нравится преподавать геометрию или что-то в этом роде. Что ж, он ничего не может делать с этой геометрией. У него слепое пятно* именно в этой области.

Так вот, это стало настолько ясно заметно при рассмотрении и изучении учёбы, что я был практически огорошен этим предметом. Это доходит до того, что если человек просто пишет о других, способных делать что-то, то он слишком далек от того, чтобы создать хороший учебник. Человек, пишущий о людях, способных делать что-то (независимо от того, с кем он при этом консультируется), слишком далек от делательности и массы, чтобы суметь сделать хороший учебник, по которому можно учиться.

Это стоит отметить.

Все эти многое объясняющие сведения на данную тему, которые я вам здесь даю, возникли тогда, когда я осознал, что, если мы поднимаемся выше и знаем что-то об уме, мы должны разобраться с другим предметом, существующим совершенно отдельно от того, с которым мы стараемся разобраться. Мы наследуем пропущенные мячи прошлого. Они не проработали предмет образования, поэтому мы должны проработать предмет образования, чтобы предоставлять его: просто ради нашего собственного практического применения. Так вот, они этого не сделали. Они получили за это много денег, им платили за то, чтобы они это сделали, и они этого не сделали. Поэтому вы чувствуете то же раздражение, которое почувствовали бы по отношению к стрелочнику где-то там, на железной дороге; он получил зарплату за то, что будет переводить стрелку, и не перевел её, и “20 век лимитед”* сошел с рельсов. И вы говорите: “Эх, так его раз-эдак, это была его работа, и он не сделал этого”. Опять

то же самое, то же самое. Приехали. Нам приходится конфронтировать трудный предмет, в котором человек изучает, чем он сам является, и для нас было бы лучше, чтобы весь предмет образования был как следует проработан. Но вместо этого он только запутан. В этой области виает множество предрассудков.

И я понял, что необходимо — даже несмотря на то, что мы в большой степени расчистили это — что мне необходимо взглянуть на этот предмет с новой точки зрения. Поэтому я занялся областью знаний, аналогичной нашей или похожей на нашу в том, что это практически предмет (если вы знаете определённые вещи и делаете определённые вещи, то получаете определённый результат — практический предмет такого типа), и к тому же такой, который как бы выходит за собственные границы, попадая в область искусства, так что нужно иметь здоровое суждение, вкус и тому подобное. И я занялся этим предметом, (1) потому что он был доступен, (2) потому что он меня в какой-то степени интересовал, но в основном потому, что он действительно показывал весьма достойный образец того, что обычно делает одитор.

Другими словами, у него есть определенная теории и действия, которые он должен выполнять, которые при применении дают определенный результат, если при этом пользоваться здравым суждением и хорошим вкусом. Однако это не то же самое: одитинг и фотография — это далеко не одно и то же. Но вот что общее у одитинга с фотографией: когда вы делаете определенные вещи и делаете их правильно, тогда в конце концов вы получаете результат, определенный результат. Но если вы делаете эти вещи слегка неправильно, то в конце не получаете результата. Также, если вы делаете это, не пользуясь здравым смыслом, вы также в конце не получаете результата. Это сопоставимые действия.

Так вот, я занялся данным предметом [фотографией] и выбрал полный, мощнейший, с восклицательным знаком, профессиональный курс по нему [по предмету фотографии], в котором было всё, от “А” до “Я”. Кстати, всё это было плотно втиснуто по времени между всем остальным, что я должен был делать в последние несколько месяцев. И как бы там ни было, я узнал очень многое об этом [о фотографии], просто субъективно испытывая что-то, что не имело никакого отношения к тому предмету, которым мы занимаемся [т.е. к Саентологии], что-то, о чем я обладал только дилетантскими знаниями. И как я вам недавно показывал, думаю, это начало приближаться к профессиональным результатам. Следовательно, курс был изучен хорошо и действительно привел к конечному результату.

Я теперь миновал момент простого изучения предмета, и могу на самом деле развивать те его аспекты и составные части, которые необходимы, чтобы производить лучший результат. Я уже перешёл эту границу. Например, совершенно нормально делать то, и другое, и третье точно по учебнику — но если у вас по учебнику все получается ужасно хорошо, что ж, тогда

вы можете придать этому ту дополнительную изюминку, которая выведет это на высший уровень. Другими словами, вы обладаете способностью применять учебник настолько хорошо, что в то время, когда делаете это, способны еще и думать. Вам это понятно? Вот как это происходит.

И я почти сразу заметил очень много моментов, которые никогда не бросились бы в глаза, если бы я не работал в совершенно новой области знаний. Это область, между прочим, с которой я не то чтобы совсем не знаком. На самом деле меня учили в фотолабораториях, и тому подобное, с практической точки зрения. Таким образом, с другой точки зрения, о которой я получил действительное представление, только практической учёбы недостаточно. Вы не можете просто дать парню инструменты и сказать: “Ладно. Пощёлкай тут этим и иди работай в “Дейли экспресс””, и посмотри на этих типов, бегающих туда-сюда сквозь двери лаборатории в “Дейли экспресс”, и если ты будешь делать это достаточно долго, что ж, ты станешь хорошим фотографом”. Это неправда! У меня есть потрясающее доказательство того, что это неправда. Доказательство лежит перед вами каждое утро, когда вы бросаете взгляд на газету. То, что обычно называют фоторепортажем, выглядит настолько плохо, что становится довольно странно — как так может быть, что большинство этих ребят не обучены. Но первоклассные специалисты, которых вы видите вокруг, настоящие мастера-суперпрофессионалы, как ни странно, обучены.

Значит, это не дар, который они неожиданно приобрели. Это не этот огромный талант: парень видит камеру: “О!”, и великодушное вдохновение пронзает его череп мощной вспышкой света, он щелкает затвором, и его фотографии сплошь покрываются первые страницы всего на свете. Это таким образом не работает. И он может пройти через все, какие захочет, виды чёрной работы в области фотографии: через промывание пластинок* и все остальное, выпить эту горькую чашу до дна — но так и не стать никогда первоклассным фотографом. Именно таким путем — в редакциях газет постоянно отправляют молодых людей работать в лабораториях. Они говорят им, что это — путь к профессионализму, а это неправда.

Первоклассные фотографы Англии — самые жестко обученные фотографы на свете. Если и есть какая-то проблема в связи с этим, то она состоит в том, что они даже слишком жестко обучены. Но они — асы! Вот Тони Армстронг-Джонс*. Боже мой! Если вы когда-нибудь видели человека, применяющего стандартную фотографию, этот парень использует ее с большой буквы “С” с восклицательным знаком. Он даже не может сфотографировать своего собственного новорожденного ребенка без того, чтобы не установить точное, по учебнику, освещение для детской фотографии. Его не трогают даже то, что он стал отцом. Он идет и берет точно те лампы, которые нужны, и он устанавливает их под точным углом и закрепляет их. И он получает фотографию типа “случайно подсмотренная сценка из жизни” — один из этих “подарков судьбы”. Вы все время видите

такие моменты вокруг: их надо подлавливать. Тем не менее его освещение было в абсолютном соответствии с учебником. Этот парень — герой газетных заголовков. Он сейчас занимается фотодизайном в большом отделе журнала “Санди таймс”. У него была там статья пару воскресений назад, и я знаю, он в душе падал со смеху, публикуя там ту основную фотографию. Он стоит снаружи здания, снимает совершенную архитектурную фактуру (его избрали в Совет по дизайну и тому подобное), совершенную фактуру кирпича, совершенную фактуру стекла, совершенную фактуру всего — и фотографирует внутреннюю часть здания так, как при дневном свете. И я знаю, что он сделал. Он сказал: “Хе-хе-хе-хе! Никто не заметит этого, кроме профи, но они-то пусть и поломают голову над тем, как я это сделал”.

Он знал, что публику это заинтересует просто как фотография, но я уверен, что была у него задняя мысль: “Пусть кто-нибудь поломают голову над тем, как я это сделал”. Я не знаю, как он это сделал. Я знаю, как я бы это сделал — но вы не снимете — снаружи здания при ярком солнечном свете — то, что внутри здания, так, чтобы была видна каждая деталь, не делая монтажа или чего-то еще; а это не монтаж. Как он это сделал. И я знаю: он как бы смеялся про себя, потому что он соединил вместе, конечно, два типа совершенно стандартного освещения. Знает свой предмет до тонкости, но использует его таким необычным образом с цветной пленкой, чтобы получить этот фантастический результат. Вы не сможете, стоя снаружи здания и видя его абсолютно во всех деталях, заглянуть в комнату внутри и увидеть ее также абсолютно во всех деталях, при одинаковом уровне освещенности. И к тому же вы не снимете это в цвете: не позволит широтная характеристика пленки*.

Но профи, и в этом на него можно рассчитывать, сделает подобные вещи. А что если разобрать его по косточкам: почему он способен делать подобные вещи? Он знает все способы, как правильно делать это, и, следовательно, знает, как можно “не справиться” с тем, что он делает, и значит, может заранее продумать этот добавочный шаг. Он знает своё оборудование, и поэтому может продумать тот еще один шаг — и это делает его чемпионом.

Ведущий блестящий фотограф Англии номер один — это парень по имени Том Хастлер. Сфотографировать кинозвезду или что-то в этом роде — всегда зовут Тома Хастлера. Они до небес превозносят его снимки. Что ж, это довольно удивительно, потому что Том Хастлер никогда в жизни не занимался ничем, кроме стандартной профессиональной фотографии — он никогда не занимался ничем другим. Он даже не добавлял тот дополнительный шаг! Он настолько стандартен, что на него просто больно смотреть, когда ты профи. Свет для волос всегда точно там, где должен быть свет для волос — тот свет, который вы видите на портретах, придающий волосам человека немного блеска. Его основной свет (большой) и дополнительный — они всегда точно в правильном положении. Его задний план всегда точен. Это просто технически совершенная фотография. В

Англии нет никого другого, кто бы снимал такое.

Лансере, великий театральный фотограф, как мне сказали — как мне сказали — недавно я видел несколько фотографий, которые сделал этот чудак. Он почти так же стандартен, как свинья, заблудившаяся в болоте. И фотографии так и смотрятся: в них полно ошибок. Его освещение нестандартно, и он не знает, что делать с освещением. Я думаю, что он использует освещение для детской фотографии, чтобы освещать звезды или что-нибудь в этом духе. Он просто не профи. Смотришь на это и — бамм! Человек смотрит на фотографию — вы показываете ему ту, которую сняли при совершенном освещении, и спрашиваете: “Как насчет этой?”.

Он говорит: “О! Это красивая фотография”. Показываете другую, в которой есть технический изъян, и он — ну, она ему не так сильно нравится. Он не может сказать вам, почему: это простой парень с улицы. Так вот, общий знаменатель фотографии — вкус публики. [Критерий состоит в том,] Что хочет видеть публика и что публике нравится видеть?

Фотография сейчас — новый предмет (это ещё одна причина, почему я её выбрал), совершенно новый предмет. Ему всего немногим больше столетия. Году в 1810 кто-то сказал: “Знаете, у меня получается фиолетовая тень на клочке бумаги, когда я покрываю его какими-то особенными химикатами”, — и тут все и началось. Цветная фотография сама по себе [по сравнению с черно-белой] не особенно нова — на самом деле цветные фотографии — не раскрашенные вручную или что-то вроде того — проецировали на экран в целях просвещения слушателей ещё во времена мистера Брейди*. Но фотография — это совершенно новое дело. Это предмет-новичок. Он в действительности не имел времени, чтобы чересчур погрязнуть в снобизме. Он не имел времени, чтобы сбиться с дороги.

Так вот, моя точка зрения состоит в том, что если вы даете всю массу и делательность, но никакой значимости, вы тоже потерпите крах. Другими словами, можно отправить этого парня ассистентом в фотолабораторию “Дейли мейл” и заставить его готовить камеры для кого-нибудь, и заставить его оставаться полжизни при Лансере, настраивая освещение — но он так никогда и не станет профи.

Таким образом, профессионализм связан со значимостью и делательностью и массой. Он связан со *всеми* этими вещами. Вы не можете обходиться одной делательностью без значимости, и не можете обходиться тотальной значимостью без делательности, и получить потом конечный результат, если речь идет о студенте. Образование, следовательно, должно представлять собой уравновешенную делательность, для которой одинаково важны и значимость, и делательность предмета. Вы должны относиться к этим вещам как к равным. Что ж, эта мысль не нова, эта мысль не нова: она была у нас с некоторых пор.

Но я получил ей ужасное подтверждение, когда проверил, что представляет собой сегодня

стандартная фотография; и теперь, когда я прошел все испытания и почти покончил с этим курсом и готов к последним экзаменам, я подумал, что мне надо просто изложить все это письменно. Но одна из вещей, которая бросалась в глаза постоянно, пока я этим занимался — это то, что профи, настоящий профи — это парень, который сведущ в значимости, и при этом имеет опыт в делательности и обращении с массой. И это настоящий профи, настоящий профессионал.

Что ж, вы скажете: “Ну а как насчет того парня, который вырывается из пучины неизвестности и совершенно неожиданно создает эту прямо-таки фантастическую панораму совершенно новых материалов?”. Нет, это был профи. Вы смотрели не на кого-то, кто неожиданно вырвался из пучины неизвестности, ничего не зная. Его образование вполне могло бы оказаться — так как это нигде не преподают — эта значимость могла бы оказаться основанной на большом количестве дополнительной усиленной учёбы. Учёба здесь все-таки присутствует. Он учился как ненормальный.

Возьмем кого-нибудь, вроде того парня, который проецировал первые цветные фотографии. Бьюсь об заклад, он мог бы назвать номер и книгу, где можно найти практически каждый снимок, что был снят в истории фотографии, которая насчитывала в те времена всего около 20-30 лет. Он их должен был знать. Он все их должен был знать. Потом вы вернетесь еще немного назад и, может быть, выясните, что он был химиком по образованию.

Профессионализм не появляется во всеоружии просто от дыхания надежды. Профессионализм добывается потом. Профессионалы отличаются тем, что они упорно трудятся.

Предполагается, что “дилетант” означает “умеющий многое”, но на самом деле я бы скорее расширил немного значение этого слова, добавив “но непрофессиональный во всем”, потому что часть профессионализма — упорный труд. Действительно, воспринять всю значимость предмета и вложить это в действие, относящееся к области делательности, — это тяжело, тяжело, тяжело.

Что ж, все это звучит очень интересно, но в этом есть еще один фактор — что вы не обязаны делать все, что было сделано до вас, для того чтобы стать профи, и это очень обнадеживает. Я узнал это жестким способом. Вы не обязаны уметь изготавливать пленки, чтобы познакомиться с элементарными основами изготовления фотопленки. Вам повезло в этом: вы не обязаны создавать человеческий ум, для того чтобы его ремонтировать. Это делает мысль немного шире, но вы на самом деле не обязаны уметь проводить “Стандартную действующую процедуру” июля 1950 года*, для того чтобы называться профессиональным одитором. Если вы умеете делать это, что ж, здорово! Здорово. Отлично! Но возьмите кого-то, кто учится в 1964 году — просить его делать это было бы глупо.

Прямо сейчас, мне, на этой стадии учёбы, пойти и взять каких-то химикатов того или иного рода, старых лошадиных копыт, и сва-

рить их, чтобы получить желатин, и все это соединить, с тем чтобы сделать одну из первоначальных форм влажной пластины*, и экспонировать во влажном виде в одной из моих камер (это то, как они делали) — просто ради того, чтобы она в конце концов получилась — что бы я сказал на это? “Так, я сделал это”. И что с того? Я не собираюсь делать это — никогда больше. Это, конечно, вдобавок испортит камеру. Понимаете, что я имею в виду? Можно сделать слишком сильный акцент на этом. Теперь переходим к сильным акцентам.

На делательности можно сделать акцент сверх всякой меры. Я уже показал вам, что на значимости можно сделать акцент сверх всякой меры. “Плиний действительно написал на старой восковой табличке — на коей он писал стилем, конец коего в тот день был тупым, потому что у его раба болела голова — о том, что осетры...”. Понимаете? Можно помешаться на таком предмете, на этой значимости. Можно рехнуться. Можно дико переоценить, что должен знать студент. Можно также и недооценить это.

Но самое дикое, что происходит, когда дело доходит до формальной школьной учёбы — это то что они в этом делают страшный перебор. Они переходят все рамки, просто с ума сходят, всех доводят этим до умопомрачения. Это один из способов отвадить кого-либо от изучения предмета. Понимаете? “Если вы не сможете назвать все работы Зигмунда Фрейда, вы никогда не сможете стать дипломированным психиатром”. Это факт. Весь экзамен на высшее звание в психиатрии — это просто заглавие, дата написания и место публикации каждой из работ Фрейда. Я знаю, что преувеличиваю, и психиатр, окажись он здесь прямо сейчас, сказал бы: “Да как вы...rrr-ав, rrr-ав, rrr-rrr-ав-ав!” — знаете. Он завизжал бы, как наша Вики*, когда дашь ей пинка. Но он бы при этом безбожно лгал, потому что в этом состоит экзамен на диплом. Я знаю. Я знал психиатра, нянчился с ним, когда у него был психотический срыв из-за того, что он сдавал этот экзамен.

И я не думаю, что можно намного ближе познакомиться с таким экзаменом, разве что в самом деле попробовать его сдать. И именно это доводило его до умопомрачения. Он так готовился к экзамену, он так сдавал экзамен, и это было именно так. Было очень забавно наблюдать, как он готовится к экзамену. Он не переставал сворачиваться в клубок, сосать палец — сворачиваться клубком, вы знаете, в позе зародыша, на кушетке, чтобы умудриться это изучить. Это было очень забавно. Я так и не сказал ему: “Знаешь, приятель, я думаю, у тебя кий-ин* [включение]”. Излишний акцент на значимости — это способ привести студента к поражению, слишком отяготить его.

Так вот, вы ошибаетесь пропорционально тому, сколько вы преподаете ему материала, которым он никогда не будет заниматься. Теперь давайте перенесем это в Саентологию. Вы даёте человеку все необходимые данные для проведения “Стандартной Действующей процедуры” от июля-месяца, Элизабет, Нью-Джерси. И

давать ему это целиком — это ошибка. Он никогда не будет это использовать.

Все, что вам нужно дать ему — это научить его узнавать это — этого достаточно. Если он ещё раз сталкивается с этой вещью, он говорит: “А, это “Стандартная действующая процедура”, была такая раньше, там, в “Элизабет””. “Давние времена, Элизабет” — это почти все, что вам нужно довести до его сознания. “Да, типа того. Щелчок пальцами, да”. Что-то вроде этого. “Угу, да. Они делали это в те времена”. Пусть у него будет некое смутное представление, откуда эта вещь. Это почти все, что вы должны ему передать. Он не будет этим заниматься. Поэтому, раз он не будет этим заниматься, вы должны снять с этого значимость. Вы уловили мою мысль? Таким образом эти вещи сохраняются в равновесии. Если парень не будет этого делать, уберите с этого значимость. Понимаете, вы должны сохранять эти вещи в равновесии. Если он будет это делать, так выложите ему *все* об этом!

Возьмем такой эзотерический процесс, как бром-ойл*. Что ж, у них тогда не было цветной пленки, и это сводило их с ума. У них тогда не было плёнки, которая реагировала бы на цвет, поэтому они до умопомрачения, до абсолютно оцепенения таращили глаза, пытаясь получить дерево достаточно светлым, чтобы оно было похожим на дерево на снимке. Они ужасно мучились с такого рода вещами. Поэтому они выполняли такой фантастический процесс, как фотолиитография*. Я не буду нагружать вас какими-либо подробностями, потому что — ужас! Меня передергивает, когда я это вспоминаю. Никто никогда не станет делать бром-ойл, если только он не фанат лабораторий, мающийся дурью! Для этого нужно быть настоящим фанатом лабораторий, потому что существуют гораздо более простые способы получить тот же результат.

Ну, какой-нибудь фотограф прежних времён, настоящий поборник строгих правил и тому подобного, в Нью-Йорке, выслушал бы это заявление и сказал бы: “Я не думаю, что вы никогда не будете делать бром-ойл. Никогда нельзя быть уверенным, знаете ли. Я сам делал бром-ойлы и тому подобное. Всего-то 30 дней ушло один раз на то, чтоб отпечатать один бром-ойл”. Это примерная продолжительность времени. О, жестоко! И как раз, когда я выходил на финишную прямую моего курса, у меня было пол-учебника о том, как печатать бром-ойлы. Пол-учебника! Все здесь, во всех своих болезненных, мучительных деталях, но между прочим, не в таком виде, чтобы можно было сделать бром-ойл, обращаясь к этому тексту. Это происходит таким образом. Порядок действий (что является следующим пунктом, до которого я еще доберусь), порядок действий в нем совершенно неправильный. Вот, например: “Теперь убедитесь, что вы положили эту влажную фотографию, этот влажный отпечаток на обратную сторону подноса, который подойдет по размеру, или на стекло, и убедитесь, что вы расправили его и осторожно прикололи со всех сторон. Теперь, перед тем как вы сделали это, убедитесь, что вы подготовили другой отпечаток, потому что он вам понадобится через се-

кунду”. О нет. Речь идет о том, что я называю порядком. Вы дошли по тексту до этой строчки, и вы послушно продолжаете читать, мысленно выполняя действие, а потом обнаруживаете, что сделали ошибку. Теперь он вам говорит, что там было другое действие, которое нужно было сделать прежде того действия, которое он вам сказал сделать. *Зззззззз!* И у вас появляется чувство, что вы совершили ужасную ошибку.

Но бром-ойл здесь, в своих самых мучительных подробностях, хотя всерьез его не делали уже многие годы. С бром-ойлом вы могли бы, возможно, стать лучшим на салонной выставке. Вы, возможно, могли бы это сегодня сделать. Члены жюри стояли бы там и смотрели бы на него, и говорили бы: “Что это?”. (Они довольно красивые.) “Что это? Боже мой, бром-ойл!”, — знаете? “Ух ты”. “Дайте ему первый приз за техническое исполнение”. Это и все, что вы получили бы за него. “Кто-то на самом деле напечатал бром-ойл — ничего себе!”. И они сказали бы: “Ух ты!”, — знаете? Они сами, будучи людьми учеными, знали бы, чего это стоило. Но публика ходила бы мимо и рассматривала другие фотографии — он не привлёк бы ни одного взгляда.

Но это значило бы дней 30 — или около того — чистого, ручьями льющегося пота. Но учиться тому, как это делать, до последней запятой, до последнего деления на градуснике, до каждой ошибки, которую вы могли бы совершить, делая эту вещь, которую не собираетесь делать никогда — это совершенно ни к чему, совершенно бессмысленно. На кой черт?! Вот вся эта делательность, которая никогда не будет сочетаться с какой-либо [реальной] делательностью. Таким образом, вся эта значимость увенчивается несделанной делательностью, которая никогда не будет сделанной, так что это все становится просто значимостью.

Таким образом, делательность, можно сказать, просто целиком перемещается в область значимости. И это не просто выводит это из равновесия — это приводит к жестоким головным болям. Я знаю. Я говорю: “Ладно, я должен через это пройти, чтоб добратсья до конца этого курса, а то не видать мне никакого диплома. Надо сделать это. “Итак, вы берете кисть для штрихового письма”. А ну, дай-ка снова прочитаю. “Берете”. Ужасно, вы знаете? Вы вообще не собираетесь брать кисть для штрихового письма. Вам никакого дела до этого нет.

Ну, они не умели печатать снимки в 1890! Хорошо! Здорово! Нам не приходится испытывать эти трудности сегодня. Это все равно что просить вас изучать особенности — вы изучаете их в какой-то степени, но только то, что очень нужно — но изучать какие-то особенности “списков для преклиров”, которые были составлены в 1950? Они не были опубликованы. Да и что мог — ведь измерительных приборов не было — что мог аудитор обнаружить без Э-метра? Что должен преклир делать такого, что указывало бы на это. И потом преподать вам это в полных, болезненных подробностях. Хотя всё, что вам придётся делать *на са-*

мом деле — это снимать показания ручки тона. Но преподать вам это, другое, в полных болезненных подробностях: как вы сидите и одитируете, держа пальцы на его пульсе, а потом там описываются все подробности японской или китайской системы счета пульса с помощью нажатия, потому что это более сложная система.

Это на самом деле то, что я использовал — китайская система счета пульса. О, вы были бы страшно удивлены. Вот вы сидите здесь сегодня — ведь вы были в самом начале Дороги в Никуда всего лет 14-15 назад, не было способа определить, что является реакцией преклира, определить, что является заряженным пунктом, заглянуть в чей-то ум, записать это, даже если бы вам удалось это сделать. Просто путь в Никуда. Урачно.

Однако в наше время обучать вас — тех, кто никогда не будет этого делать — тому, как определять ручку тона безо всякого Э-метра по различным физиологическим проявлениям преклира: движению грудной клетки (очень важно, понимаете), изменению дыхания, цвету лица, цвету глаз. Существует целая наука определения того, сглажен ли процесс, по цвету глаз. Очень интересный предмет! Как бы вам понравилось изучать тексты в несколько тысяч слов, написанные на эту тему?

Все, что нужно знать, если бы вас этому учили — что существовал такой предмет. Вы вполне могли бы знать, что такой предмет был — что существует предмет, который и делает Э-метр важным. Этот другой предмет настолько сложен, что Э-метр разрешает этот другой предмет, а именно вопрос о том, как определить, что происходит в преклире? И этот предмет имел много ответвлений. И если процесс действительно доходит до преклира, цвет его глаз изменится. И его пульс станет ровным. Это практически все, что вы должны знать. Все остальное — финтифлюшки.

Да, кто-то может прожить всю жизнь, работая в области и царстве финтифлюшек, и здорово провести время. Есть парни, которые изучают историю бром-ойла — не делают его, а изучают его историю — в качестве хобби, которое занимает все время, или в качестве профессии, или еще чего-то. Можно эти невероятные значимости, которые в действительности не усиливают делательность или ожидаемые действия студента, выстроить в каком-то предмете до небес. Это даст ему делательность, которая становится значимостью.

Таким образом, мы переходим к следующему моменту, а именно к превращению делательностей в чистые значимости. И если в предмете их слишком много, то это уже почти получилось. Если превратить все делательности предмета в значимость. Вот как это делается: берется какой-нибудь предмет, который никогда не будет осуществлен, и описывается сверх всякой необходимости. И тогда это превращение готово.

Теперь можно рассмотреть обратное — можно увидеть, что и значимость тоже может превратиться в делательность. И вы только что видели пример этого: парень никогда не будет

делать бром-ойл, но его заставляют делать бром-ойл. Видите, сегодня это полностью и исключительно значимость, это просто и исключительно значимость. Была некая вещь, которая называлась бром-масляная печать. Прекрасно, она существовала. Что это было — это было основано на том же принципе, который сейчас используется в фотолитографии: желатин удерживает воду, а вода отталкивает масло. Использует эти разные принципы. Интересно знать. Это можно описать в одном-двух абзацах.

Так вот, если мы заходим слишком далеко в данном направлении, заставляя кого-то выполнять какое-то древнее, старое действие, которое он никогда больше выполнять не будет, то мы берем то, что должно было просто оставаться там как значимость, и выталкиваем в действие [из области] делательности. И это снова, самым отвратительным образом, сбивает студента с толку.

Я уверен, это было бы остроумно — смолоть немного пшеницы ручным жерновом. Это могло бы быть хобби, вы понимаете меня? Это могло бы быть очень мило, но должна существовать какая-то веская причина, чего ради вы это делаете. Вы понимаете? Веская причина, почему вы это делаете. И если причина только в том, что вы хотели посмотреть, как это делалось изначально — что ж, может быть, это весьма веская причина, но это если вы *хотите* это делать. Вы заметили акцент? *Заставлять* студента делать это — фантастическая ошибка. Глупо! И его реакция на ваши усилия обучить его — разрыв АРО. Прежде всего, он не может понять, ради чего, черт побери, он это делает.

Таким образом, мы приходим к заключению: делательность и масса предмета — это современные, применимые и нужные делательности и массы предмета, и именно им нужно обучать — обучать как следует. Они применимы — это применимые делательности и массы. Другими словами, студента нужно учить тому, что студент собирается делать. И значимости, которым нужно обучить студента — не сравнивайте с тем, что я только что вам рассказал. Значимости должны иметься в достаточном объеме для того, чтобы не застрять. И это то, что они все упустили, и это то, как инженер доживает до 40 лет, и “выходит в тираж”. Значимости должно быть достаточно для того, чтобы не застрять в механической делательности, которой его учили — нужно дать ему достаточно значимости. Другими словами, это чуть-чуть больше значимости, чем предполагалось бы ему дать [чисто для самой работы]. Вот зачем ему дается история этого — чтобы показать, что это было развито, и дать ему какой-то набросок развития этого, и вот почему ему показывается, как эта вещь развивалась и что было ее делательностью.

Вы видите, заставляя его делать эти старые вещи — это нелепо. Вы просто стараетесь показать ему, что существовали какие-то другие делательности. И вы знакомите его с принципами, с помощью которых он работает, и если он достаточно знаком с этими принципами, значит, делательность и то другое действие,

которому его учили, не устаревают, потому что он способен думать. И в этом разница между “профи” и “практиком”. Это проявляется в достаточной степени: профи всегда делает это по учебнику, но с какой-то разницей — всегда делает это по учебнику, и немного лучше. И если вещь изменится, для него это не выглядит изменением, это просто та же вещь, слегка внешне изменившаяся. Она не выглядит такой уж совершенно новой.

Что ж, вы услышите от людей вокруг — вы всего лишь изменили способ выполнения повторяющейся команды — и вокруг будут люди, которые скажут: “Мы изменили всю Саентологию”. Так вот, они выучили практическую сторону предмета, практическое действие, делательность того, как давать повторяющуюся команду, но у них не было здесь теории того, почему это делается или чего человек старается добиться этим — например, сгладить умственную задержку общения, которую парень испытывает, или что-то вроде того, сгладить процесс. Они просто узнали эту вещь как нечто наработанное тяжелой практикой, поэтому в ту секунду, когда вы изменили в этом одну запятую, они подумали, что вы изменили всю Саентологию. Но парень, который знаком с основами этого предмета и который знает, что представляют собой процессы и какое действие от них ожидается, придал бы этому правильную значимость. Он бы сказал: “Что ж, это было слегка вне-АРО, поэтому это нужно было слегка изменить”. Понимаете? “Это слегка вне-АРО, поэтому это нужно слегка изменить. Но это другая формулировка, она очень умна. Это не задевает преклира. Понимаете, это не дает ему “отсутствия АРО”. Ага”. Да, для него ничего не изменилось, вот что. Все выглядит спокойно и обычно.

Так вот, профессионал, соответственно, способен развиваться, а практик довольно часто развиваться не способен. Теоретик, соответственно, обычно бывает хорошо обучен, но редко бывает образован. Тот, кто занимается только теорией, и ничем, кроме теории, может быть, безусловно, отлично обученным, чудесно вышколенным, но он не обладает образованностью в этом предмете, потому что у него в этом предмете отсутствует делательность. Его делательность исчезла. Он всего лишь эксперт по художникам девятнадцатого века, это всё. Он знает теорию всех их полотен — только теорию. Этого больше не делается; никто даже не собирается делать это снова.

Но вы обнаружите, что некоторые странные части общества и культуры именно так и устроены: такой человек может стать важным, потому что миллионеры в наши дни лезут из кожи вон, стараясь сохранить свои деньги с помощью искусства. Искусство и земля растут в цене. Так что сегодня в салоны приходят ребята, которые ничего не знают об искусстве, зато у них есть те 100.000 баксов, которые они хотят поскорее вложить во что-нибудь, пока их не съела инфляция; и они чувствуют, что, если купить большое, красивое, хорошее, надежное произведение искусства, которое в будущем станет известным, значит, конечно, раз оно стоит 100.000 долларов сейчас, то когда деньги

обесценятся, оно будет стоить 200.000. Как и земля, оно должно вырасти в цене в результате инфляции, так что поэтому оно подобно золоту.

Так вот, он приходит в галерею и смотрит на эту картину: “Хм! Это девушка, держащая что???”. Это всё, что он об этом знает, поэтому у него есть эксперты; а эксперт не может писать картины, но он может для него отличить подлинник от подделки, или что-нибудь в этом роде. Но если сам этот парень не занимался делательностью по установлению подлинности или какой-либо еще делательностью, его мнение тоже ничего не будет стоить. Он не будет способен отличать что-либо, и примет за подлинник всё что угодно.

Культура иногда принимает весьма странные формы, и иногда посмотришь на некоторые из этих областей, и думаешь: “Это все чистая теория”, — или что-то в этом роде, что там есть только “чистая наука”, и очень может быть, что так оно и есть.

Но нет печальнее зрелища, чем эксперт по дорожному оборудованию на паровой тяге. Я могу вообразить себе, что в Англии сейчас есть такой. Он эксперт, последний эксперт-практик по предмету оборудования на паровой тяге для дорожных работ. (Вы когда-нибудь видели какую-нибудь из этих штук в учебниках? Это паровые машины с колесами, которые ездили взад-вперед по дорогам в дни, когда ещё не было двигателя внутреннего сгорания). Он был хорошим практиком. У него никогда не было какой бы то ни было теории, относящейся к пару или движущей силе или чему-либо ещё, но он обалденно разбирается в практическом применении этих штук. Он был сама делательность, и никакой мысли. И он устарел. Он стал антикварным экспонатом. В действительности, он стал безработным.

Так что, если нарушить это равновесие в образовании, то тогда человек не получает образования, и его будущее не гарантировано. Парня предают, следовательно, пропорционально тому, насколько он не образован, а вышколен, и молодежь в основном протестует именно против этого: что их учат, как это принято в школе, а не дают образования. Они не готовы к жизни.

Я дам вам представление о том, насколько далеко это может зайти. Я недавно попросил своих детей написать что-нибудь, написать свой имена, поставить подписи. Боже мой, как они пыхтели, высунув языки! О, это было ужасно. У них не было подписей. Я обрушился на их учителя, как тонна кирпичей. Они делают огромное количество упражнений по чистописанию — и не могут поставить собственную подпись. Великолепный пример, не находите? А между тем, я уверен, что они чрезвычайно упорно занимались рисованием кружков, и упражнениями по наклону букв, и другими вещами, и всем, кроме письма. И если вы хотели бы узнать, что там было не так и почему это произошло — просто в том или ином месте делательность переместилась в область теории или значимости. Делательность переместилась, — стала просто значимостью. Но это не [на-

стоящая] делательность. Я имею в виду, что написание слов имеет очень мало общего с “бегущими овалами*”, как они их называют, и тому подобным. Так что с “бегущими овалами” вы далеко не уйдёте. Здесь не будет делательности.

Таким образом, парень на самом деле находится в движении, но это не является образовательной делательностью. Вот где учитель может совершить ошибку. Раз люди заняты, или активны, или действуют, то он думает, что они имеют делательность. Но всё зависит от того, что они делают. Если они не делают что-то, что немедленно будет приводить к применимому в жизни действию, с достижением результата, то будут оставаться в области значимости. Они и реагируют так, как будто они в области значимости. Они начинают намного хуже соображать, им становится скучно, они протестуют и раздражаются. Они сами распознали, что выходят за рамки необходимой делательности, что эта делательность не имеет ничего общего, что бы там ни говорили, с тем, что они будут делать. Так что они тогда терпят поражение, и просто начинают относиться к этому как к значимости, потому что это бессмысленно. Это ни к чему не приводит. Ничего не происходит, значит, это с таким же успехом могло быть просто значимостью, и все это движение равноценно полному отсутствию движения. Таким образом, со всем движением, которое на самом деле не является движением, им становится так странно скучно — они чувствуют, что не двигаются. Они видят здесь всё это движение, но не двигаются! А на самом деле это просто значимость, в которой есть некоторое движение, и это не имеет ничего общего с движением к чему-нибудь, и у них появляется это странное ощущение — это в самом деле производит физиологическое ощущение. Как будто стоишь лицом к лицу с чем-то, но не можешь через это пройти. Странное, странное ощущение. Его можно распознать.

Что ж, это по сути дела основное, что должно находиться в равновесии в *правильном* образовании. Что бы ещё не говорилось об этом — это основное, что должно находиться в равновесии. Существует много очень специальных моментов, существует много странных, и очень умных, и очень правильных, и очень положительных, и очень практических сторон у всего этого. Но образование должно быть делательностью по передаче мысли или действия от одного существа к другому таким образом, чтобы не свести на нет и не воспрепятствовать их использованию. И это почти всё, что можно сказать об образовании. Можно добавить к этому, что оно, следовательно, позволяет этому другому парню размышлять о предмете и развивать его. Ему нужно быть способным размышлять о предмете и совершенствовать этот предмет.

Другими словами, он понимает эту идею, которую вы ему дали, и она применима только к обоям [см. далее по тексту]. Вы дали ему достаточно основ и тому подобного, и вы сказали ему, что это применимо к обоям. И в один прекрасный день, глядя на миниатюру, он говорит: “Ради всего святого, это также применимо...

именно для этой работы, которую я делаю... тот другой принцип применим к миниатюре”.

Я дам вам один пример — как раз сейчас подумал об одном, экспромтом. Фотообои* ни в коем случае не нужно фиксировать, пока они не будут действительно собраны на стене — если вы собираетесь фиксировать фотообои. Так вот, я могу представить, какая ассоциация возникла бы у парня в башке, если у него были какие-то трудности в создании миниатюр. Предположим, по той или иной странной причине явился кто-то и захотел, чтобы он сделал миниатюру на слоновой кости. Что ж, это выполнимо, вы можете это сделать. Так вот, если он знает приемы работы с фотообоями, и знал много другой работы, и диапозитивы и тому подобное, то тогда он также знает, где найти, как приготовить эмульсию (одну из основных эмульсий, которую делают из яичного белка или чего-то такого), знает, в каком учебнике это найти; он наверняка легко справится со всем этим вместе взятым, и кроме того, он также будет знать, что, конечно, лучше их не фиксировать, пока они полностью не закончены. Другими словами, информация в голове этого парня — свободна. Она гибкая, он может ей пользоваться. Она не вбита в его голову наперекосяк, так, что она просто ассоциируется только с одной вещью.

Образование не должно давать людям технологию таким образом, что технология будет для них бесполезна. Они должны быть способны думать с её помощью. Вы должны помнить, обучая инженера в университете всему, что нужно знать о ядерной физике, что всего лишь через десятилетие или около того, благодаря капиталовложениям правительства и другим вещам (поскольку это очень разрушительно, мы знаем, что правительства будут особенно охотно вкладывать огромные средства), что эта область изменится. И мы собираемся учить его всему тому, что нужно знать в этом предмете. Так вот, можно сделать из него просто технаря для обычных, заурядных, обыденных действий по снятию показаний измерительных приборов; или обучить его современной технологии или современной теории как библейскому факту; или обучить его таким образом, чтобы он мог бы мыслить в этом предмете. И единственное честное действие — это обучить его таким образом, чтобы он мог мыслить в этом предмете, потому что это развивающийся предмет, и тогда человек не станет музейным экспонатом через десятилетие. Если сделать что-то другое, то он станет музейным экспонатом. В конце концов, правительства занимаются тем, что швыряют деньги налево и направо, в огромных количествах, на развитие атомной промышленности и тому подобное. У них есть ребята, занимающиеся чистой математикой, и ребята, занимающиеся тем, и ребята, занимающиеся этим.

Мне дела нет, что они там говорят — я всегда начинаю подозревать что-то. Они говорят, что “прекращено производство урана 235”, а затем к этому добавлено следующее предложение. Мы принимаем это — да, они прекращают производство урана 235, мы покупаемся на это. Так вот, есть еще “потому что”, от которого вы

вздрогнете: “потому что он уже имеется в количестве, достаточном для того, чтобы удовлетворить все возможные потребности на следующие 500 лет”. Вот оно, это “потому что”. Первое предложение, порядок. Хорошо, да, они собираются прекратить развитие его производства, но их “потому что”? Может быть это и так, но мы на самом деле так не думаем. Они открыли что-то еще. Они открыли что-то, что делает уран 235 чем-то вроде гетр* на пуговицах прошлого сезона, и, конечно, они не собираются предавать это огласке.

Каждый раз, когда кто-то раскрывает один из таких секретов, государственный секретарь (или кто-то в этом роде) Соединенных Штатов поспешно садится в самолёт, чтобы рассказать последние атомные секреты Хрущеву (я не думаю, что это его работа, но это то, чем он в последнее время занимается). Этот тип, он утаптывает землю, расхаживая туда-сюда, вокруг да около, и вопит о том, и вопит о сём. Каждый раз, когда кто-то воровал страшно разрушительные секреты, вроде этой истории с Фуксом*, это приводило к невероятной судороге внутри правительства, выражавшейся в требованиях “изобрести что-то новое, что-то лучшее, что-то, что ещё не украли”. И лучшее их средство против шпионажа не политическое, потому что их от этого воротит. Лучшее средство против шпионажа — это просто быть впереди.

И вот, я представляю себе: бедняга, который как раз сейчас получает образование в Бирмингеме* в области ядерной физики, возможно, уже на 10-15 лет отстал от жизни. Он, может быть, выйдет из университета и будет выглядеть очень умным, и он скажет: “Хорошо, теперь берем *рига-бонги*”.

А ребята, которые там работают, говорят: “Чего? А, да-да. Мы это помним. Историческая вещь была...”.

Это был его последний курс — о рига-бонгах. Оооо! “Ну, а что же вы, ребята, делаете?”. “Э, ну, у нас сейчас нет времени, но вон там в углу куча учебников. Это наши недавние разработки”.

Что ж, образование, следовательно, чтобы подготовить этого парня к жизни, должно подготовить его к такой атмосфере действия. Оно должно подготовить его к тому, чтобы думать. В то же время его должны научить, что дисциплины — это дисциплины, и действия — это действия, но его должны научить и думать одновременно с этими действиями, и улучшать эти действия, и выполнять их до полного и окончательного завершения. Это необходимо делать. Это тот ещё фокус — учить кого-либо, с одной стороны тому, что это точная дисциплина, а с другой стороны — тому, что вам нужно относиться к ней свободно и гибко. Тот ещё фокус.

Что ж, вы осознаёте, в чем трудность. Вы стараетесь создать практика, который применяет это, добываясь результата, который может добавить ту дополнительную остроту, ту дополнительную маленькую изюминку, которая ещё больше продвигает это. Другими словами, он способен быстро соображать, и — поэтому он

не устареет. Дайте ему всё это, и он не устареет. Что ж, это тот ещё фокус.

В действительности это требуется в Саентологии как нигде в другом месте. И любой, кто обучается Саентологии, испытывает значительное напряжение и стресс из-за этих различных факторов. У вас безумно развивающийся предмет, он превосходит ожидания, которые были (ожидания в отношении него растут.), и который уже поднимается над всеми прошлыми ожиданиями, и сейчас он по-прежнему развивается, и уровень того, что от него ожидается, неизменно растёт. Я имею в виду, что все больше и больше открывается того, что больше и больше расширяет обзор.

Поэтому образование в Саентологии становится намного более уязвимым местом, чем в любом другом аналогичном предмете, и это очень тяжело. Это очень тяжело. Вот почему я поставил перед собой задачу выяснить, каковы эти различные вещи, которые нужно поддерживать в равновесии, и что вы делаете, и как можно поднять кого-то до состояния, в котором он сможет изучать эту вещь без особых инцидентов и расстройств?

И каковы же тогда уязвимые места образования? Конечно, образование — это предмет, который никогда не был проработан. Нет даже определения, такого, как я вам дал только что, минуту назад. В школе не работают на основе какого-либо определения. Что ж, это чудесно, потому что в какую беду вы попадаете, если читаете абзац после чего-то, определения чего не знаете? Вы попадаете в беду немедленно, мгновенно и сразу же — в катастрофу. Так вот, система образования страдает от этой беды с того самого момента, когда она начала заниматься тем, чему никогда не давала определения. Это основное, что неладно в системе образования.

Давайте отличать друг от друга тех, кому дают образование, и тех, кого обучают. Давайте обозначим здесь такой оттенок различия, а затем давайте возьмём школьную технологию и поймем, что школьная технология действительно существует, и что человек обладает ей уже достаточно долгое время — но она не обязательно имеет много общего с технологией образования, которая до сих пор была относительно неразвита. Таким образом, нет оснований считать, что кто-то получает образование, только потому, что он ходит в школу.

Однако, вокруг школы накручена ужасающая технология. И успех любого преподаваемого предмета пропорционален тому, насколько он сохраняет разумное равновесие между своей значимостью и своими действиями и массами, связанными с ним. Вот что такое разумно уравновешенный предмет. И здесь может произойти странный резкий переворот, когда человек действительно может думать, что он занят делательностью, в то время как на самом деле он будет занят значимостью, потому что эта делательность никогда не будет применяться.

И можно действительно заниматься значимостью, которая на самом деле является делательностью — если посмотреть с другой точки

зрения, естественно. Если это может перевалиться в одну сторону, то это наверняка может перевернуться и в другую. Можно заниматься значимостью действия по созерцанию. И это не менее глупо, вы понимаете? Это слишком глупо, чтобы как-то особенно расписывать.

Но что такое значимость действия? Что ж, если человек придавал ужасно большую значимость всему на свете, конечно, можно переработать значимость в своего рода образовательный предмет. Понимаете? Таким образом, сама значимость изменяет свои свойства и становится делательностью. Звучит глупо, но это правда.

Я теперь говорю об “эксперте по искусству девятнадцатого века”. И есть ребята, ужасно хорошо устроившие на основе этого свою жизнь — что и есть конечный результат образования. В конце концов, мне всё равно, сколько среди нас коммунизма. Парень живет за счет того, что является ходячим словарем — эксперт памяти по тому или иному предмету. Он знает все формулы, которые нужно знать в отношении красок. Он никогда не смешивал ни одной краски, он не знал бы, что делать, если бы вы показали ему банку краски, на самом деле ему отвратителен её запах — его от неё просто тошнит — но он сидит там, в маленькой кабинке, и является экспертом по краскам. Таким образом, его значимость стала его делательностью. Это совершенно допустимо: в обществе так бывает.

Так вот, кто-то пишет ему письмо и там говорится: “Дорогой эксперт Джонс, мы работаем с формулой лиловато-красного и янтарно-желтого. Не могли бы вы снабдить нас фоновой музычкой к этой самой краске?”.

И он говорит: “Ну, эта краска первоначально использовалась на берегах Тирренского моря*, и тому подобное, а тамошняя янтарно-желтая отличается от чьей-либо другой янтарно-желтой”, — и он продолжает, и продолжает, и продолжает.

И на том конце практик бросает взгляд на это всё и говорит: “Эй, не удивительно, что она не красит! Их янтарно-желтая был другим. Это другой тип янтарно-желтой. Это русская янтарно-желтая, а русская янтарно-желтая, в ней ужасно много пчелиного воска”, или чего-то, что бы там ни было. “Ага, эта краска требует воска”. Так что шлепнем туда воска. Здорово, теперь она красит.

Но у того типа не имеется представления о применении этого к чему бы то ни было. Если он наговорил достаточно много об этом, то кто-то, кто делает эту вещь, знает, мог бы взять из этого какую-то разумную мысль. По этому существуют эксперты.

Есть парни, вроде Эйнштейна. Он сидел-сидел, да и создал чудесное нечто. Вся его делательность состояла из значимости. Он вычислял, и вычислял, и вычислял, и вычислял, и вычислял, и завывал всех насмерть. Но он дал, конечно, толчок ребятам. В попытке понять Эйнштейна возникло больше математиков, чем для понимания любого другого человека, работавшего когда-либо. А странность

всего этого в том, что в его работе могло ничего и не быть. Это похоже на идиотизм — кто-то приходит и говорит вам, что скорость света — c , и что она никогда ни насколько не меняется. О чем он говорит? Какой свет? Что ж, я даже не думаю, что он говорит о том, что это свет между 3600 ангстремами* и 5600 ангстремами. Я не думаю, что у него это определено. Он просто сказал “скорость света”. Ну, это здорово! Он имеет в виду тот свет, который мы обычно видим как свет? Свет — это на самом деле световые колебания, которые вы видите. По определению, это и есть свет. Тогда он, должно быть, имел в виду этот свет, видимый свет. Здорово. Я рад, что он это сделал, потому что после того как свет проходит через призму, он больше не движется со скоростью c .

А, что вы говорите? Он не мог бы больше двигаться со скоростью c по той простой причине, что он выходит из призмы с разными скоростями. Иначе вы никогда не получили бы спектр.

О да. Но теперь речь идет только о длине волн и только об амплитуде волн и такого рода вещах, и вот почему волнам удается огибать углы. Нет, боюсь, это тоже не может быть правдой. Скорость должна меняться, потому что, если вы когда-нибудь видели солдат во время перестроения, парень во внешней шеренге идет быстрее, чем парень во внутренней. Вы когда-нибудь это замечали? Так вот, чтобы преломиться и выйти веером, как он выходит из призмы, свет должен как-то менять свою скорость.

Но поскольку все совершенно ослепли, и поскольку Эйнштейн сказал совершенно обратное, теперь у них должна была быть какая-то странная идея, и на самом деле, вам, может быть, интересно будет это узнать, они в конце концов упразднили свет. Я подумал, что это было страшно мило с их стороны.

Они теперь додумались до того, что свет — это только нечто производимое глазом при передаче в мозг, и в действительности его нигде не существует. Вам на самом деле это говорят, этому учат прямо сейчас. Я думаю, было бы просто классно, если бы этот парень не читал учебника по психологии перед тем, как написал этот — я был бы более счастлив по этому поводу. Что-то неладно со всем этим по той простой причине, что колебание есть колебание. Я не знаю, с чего бы это примешивать к этому психологию. Это влияние Локка* и Юма* — этих старых типов.

“Если был звук...”, — Декарт*, да. “Есть ли в лесу звук, если там нет никого, кто мог бы его услышать?”. Ну для чего они самих себя загоняют в эти тупики? Ведь на эти вопросы легко найти ответ. На них очень легко найти ответ. Они не знают роли тетана, потому что они его не поняли. И, конечно, он — самая дикая, недостающая переменная во всех их уравнениях.

Что ж, хорошо. Итак, тетан строит вселенную. Теперь, разумеется, он может ее познать. Вы можете познать то, что построили, значит, должна существовать такая вещь, как свет. Все зависит от того, как на это смотреть, и с точки зрения какой науки об уме смотреть на это, де-

лать ли по этому поводу громкие публичные заявления или нет. Этот идиотизм может дойти вот до чего: “Что ж, света не существует, потому что вас нет. Если бы вы были, тогда свет не мог бы быть. Потому что, если свет действительно проходит через зрачок и возбуждает в мозгу разные ощущения, известные как цвет, и тому подобное — но если эти вещи не существуют на самом деле, тогда, конечно, вне вашего черепа вообще ничего не происходит. Вне вашего черепа ничего не происходит”. Это звучит как: “Повар никогда не сможет съесть торт, который он печет”. Это призыв к полной интроверсии. Вы следите за моей мыслью, да?

Поэтому, если нам надо устроить спор о том, что “Если дерево падает, есть ли там звук, если там никого нет?” — если мы собираемся устроить спор такого рода, тогда давайте устроим настоящий спор вроде “Может ли повар испечь торт и съесть его?”.

Нужно подняться выше, до роли существа в этой вселенной, или тетана. Вам нужно освободиться от опьянения идеей “Большого тетана”. Вы следите за моей мыслью? “Большой тетан создал свет, а ты можешь только познавать свет, и ты не должен делать со светом ничего, кроме как познавать его, следовательно, ты, браток, полное следствие. Приляг и отдохни”. Улавливаете, как делают такие фокусы?

В области образования вы обнаружите, что очень безопасно двигаться вперед от основной предпосылки или основного предположения, и объяснять очень четко, от какого основного предположения вы двигаетесь, и затем не пытаться распространить это предположение на тысячу различных вещей.

В физике есть предположение о сохранении энергии. Ладно, пусть говорят об этом громко и отчетливо, и затем пусть не говорят о сущности массы. Потому что они просто начали с сохранения энергии, они не сказали ничего о массе. Но теперь они стараются приплести массу, утверждая, что масса — это просто большое скопление энергии. Почему они это сделали? Потому что их основное предположение — это сохранение энергии. “Энергия не может быть ни создана, ни разрушена никем — в особенности тобой”. Понимаете, это основное предположение физики. Таким образом, это, естественно, энергия.

Что ж, это не сохранение пространства, не сохранение времени и не сохранение массы. Таким образом, теперь все, значит, должно стать энергией, потому что они начали со своего основного предположения. Они сами не видят того, с чего начался их предмет, и, следовательно, где он провалится. Он вскоре исчезнет. В ту секунду, когда появится то, что не является энергией, оно выйдет за пределы основ конечной физики, и это всё, что с ней неладно, потому что они начали только с энергии. Поэтому они не придут ни к чему, кроме энергии.

Нам это не грозит. Мы начинаем с существа — с вас, тетана. Мы можем доказать, что вы, создание, как тетан, существуете. Мы можем доказать это, можем сделать так, что вы окажетесь позади своего черепа, и сможете обходиться без тела. Поэтому вы — не тело. Это

очень просто. Мы не делаем этого слишком часто, и нам не нужно, чтобы вы это делали как одно из упражнений на занятиях, но это действительно происходит и это действительно работает. Хорошо. Мы начали с основного строительного блока вселенной — тетана. Что ж, здесь мы твердо стоим на земле, но, конечно, сделав это, мы теперь вышли за рамки всех прошлых основных предположений, которые лежат в основе наук.

Стараясь передать эту идею, мы сталкиваемся со всеми предрассудками. Мы сталкиваемся со всем, что было в истории человечества, со всеми людскими горестями прошлого, практически со всем на свете. Следовательно, мы можем двигаться только в направлении процессинга. Мы не можем идти в направлении умножения теории и философии вселенной, потому что единственный путь, действительно ведущий нас к победе — в направлении процессинга, который позволяет справляться и делать что-либо с индивидом, потому что индивиду нельзя дать образование, когда он находится в деградированном состоянии. Понимаете, это элементарно. Так что, к несчастью, мы должны знать обо всем, что надо знать, и знать это лучше, чем кому-либо приходилось знать раньше, в особенности об образовании, потому что [в противном случае] мы не сможем преподавать кому-либо, как это делать [давать людям образование].

Вы имеете дело с очень жёстким предметом. Это очень простой предмет. Вы имеете дело с очень жёстким по существу предметом в Саентологии, который был сделан настолько простым, насколько это возможно. И мои усилия по изучению процесса учёбы в последние несколько месяцев были посвящены тому, чтобы сделать это ещё проще.

Что ж, я не сказал вам в этой лекции очень много такого, что вы можете использовать, но сказал вам кое-что, с чем вы могли быть в какой-то степени знакомы по наблюдениям.

Допустим, вся школьная система страны со злым умыслом дала всей молодежи нашей страны неправильное образование. Они доживут до момента, когда они не смогут принимать информацию. У них начнется война, и враг пошлёт им депешу: “Мы собираемся напасть завтра утром”, — но они не смогут принять эту информацию. Она будет у них, такая простая и ясная, но все они будут спать, и всех их перестреляют в пламени, и со страной будет покончено. Это становится *reductio ad absurdum** [сведение к абсурду] неспособности наблюдать что-либо, неспособности воспринимать что-либо, неспособности понимать что-либо и иметь с чем-либо АРО, что выглядит, по-моему, как “смерть тетана”.

Таким образом, мне кажется, что существует большая доля сходства между неправильным образованием и аберрацией. И еще мне кажется, что очень много труда можно было бы вложить в эту область в плане избавления людей на низших уровнях от аберраций. Приведу вам пример, просто экспромтом: “Скажите мне...”, это не будет повторяющимся процессом, но: “Скажите мне слово, которое вы не поняли

этой жизни”. А затем пусть парень пойдет и прояснит его. Я думаю, у вас было бы много интересных исцелений. Многие из личных проблем человека развеялись бы, как дым.

Но здесь, лишь в этом другом предмете изучения, изучения учёбы как предмета, человек идет вперед по совершенно новому пути: по линиям освобождения на низших уровнях и терапии на низших уровнях, которые выглядят очень многообещающе, они выглядят очень многообещающе.

Но главным образом я заинтересован в том, чтобы вы, люди, проходящие профессиональное обучение Саентологии, знали что-то об этом предмете. Я заинтересован в вашем обучении прямо сейчас, когда вы существуете. И я стараюсь сделать его настолько простым для вас, насколько это возможно, и научить вас об этом кое-чему.

Большое вам спасибо.

УЧЁБА: ПОСТЕПЕННОСТЬ И НОМЕНКЛАТУРА

6 августа 1964 года

Ну, какое сегодня число?

Аудитория: Шестое августа.

Какое?

Аудитория: Шестое августа.

Шестое марта.

Аудитория: Шестое августа.

Кто-то там сзади сказал, что сегодня 6-ое марта. Сегодня 6-ое августа ЭД 14, Специальный Инструктивный курс Сент-Хилла. И у нас сегодня ещё одна лекция об учёбе.

Нам сегодня вечером, видимо, просто стоит стартовать на высокой скорости, чтобы счётчик такси не накрутил бы слишком много — позвольте мне сказать вам, во-первых, что, конечно, нет области учёбы, включая и ранние саентологические тексты, которая учитывает эти принципы.

Поэтому то, к чему я сейчас приступаю — это довольно рискованное мероприятие, и это может отозваться критикой саентологических текстов, так как они не написаны таким образом. Они написаны в попытке донести до людей то, о чём там говорится, но не соответствуют этим принципам. Но с другой стороны, будущие саентологические тексты будут соответствовать этим принципам. И вы увидите, как это внезапно откроет новые горизонты. Однако сейчас у вас есть только пара бюллетеней, в которых учтены эти принципы. Вы, вероятно, заметили недавно, что более свежие бюллетени стали более лёгкими для изучения, и это — прямой результат этого изучения учёбы. Предоставьте это мне — изучать учёбу.

Но очень интересно, что с тех пор, как я начал рассказывать вам об учёбе, ваши отметки на экзаменах увеличились с пяти процентов сдающих на 90% и более — до шестидесяти процентов сдающих на 90% и более. Это удивительный скачок. Это столь удивительно — это было совершенно неожиданно. Вы уже обучены выше уровня современного образования, то есть я имею в виду — современного образования в том виде, как оно преподаётся. Не обязательно тщательно выбирать слова, имея дело с вещами низкого уровня. Я недавно забавлялся, отслеживая то, как выбор слова может выражать неуважение, с которым вы к чему-то относитесь. Это очень интересно — тон, в котором вы подбираете слова. И вы то-

же это делаете, вы говорите: “Она не притащится”. Имея в виду, конечно, что вы с крайне большими сомнениями относитесь к ее заверениям о том, что она придёт⁴. В языке существует множество неизученных нюансов, которые достаточно заняты. Но, конечно, это просто забава.

Точная наша цель — улучшить способность студента учиться посредством изменения характера и методологии преподавания. Это достаточно интересная цель: изменить способность студента учиться и изучать что-то просто изменением методологии преподавания. Вы видите, что само по себе это несколько рискованно, потому что можно сказать: “Да, можно сделать предмет более лёгким для чтения”, или что-нибудь вроде этого; но как насчёт изменения *субъективной* реакции студента на предмет посредством *самого* метода преподавания? Вот к чему мы стремимся. Мы сейчас работаем в Саентологии с субъективной реакцией студента на нее [на Саентологию] посредством метода, который используется в преподавании. Поэтому, если вы хотите увидеть все-определение в действии, то вот оно, не так ли?

Учёба всегда была простым делом — кому-нибудь что-нибудь объясняли, и он должен был изучать это; и если ему почему-то это не нравилось, его отправляли к директору. Вот как добивались субъективной реальности у студента. В университетах это выполняется с помощью механизмов исключения, системы оценок, в соответствии с которыми, если кто-то не добивается успеха, то его исключают.

Это легко — его просто не пускают на следующий курс. Это довольно обычное дело, но это доходит до того, что кого-то исключают. Вот так студенту пытались дать субъективную реальность по поводу предмета, который он изучал, — разумеется, при помощи наказания. Как ещё, вообще говоря, можно заставить вещь вести себя достойно в физической вселенной?

Поэтому, действительно, кроме усилий по предоставлению фактов и обозначению того,

⁴ В этом месте ЛРХ на самом деле дает пример с грамматикой — построением фразы чисто грамматически таким образом, что она выражает неуважение (*She ain't a-gonna come* вместо *She will not come*). По-русски это проще передать лексикой.

что этот предмет собой представляет, и затем — [усилий] по обеспечению школьной технологии, которая делает человека виноватым, если он не знает предмета, — вся наука об учёбе и тренировке, в действительности, недалеко продвинулась. И это еще в лучшем случае.

Иногда, совершенно случайно, по интуиции или вследствие проницательности — какой-нибудь преподаватель, какой-нибудь учитель где-нибудь, в какой-нибудь школе — отклоняется от этого образа действия. Он отказывается от этого метода преподавания и пытается привлечь понимание, интерес и участие со стороны студента; такие люди очень редки, и все действительно пытаются, студенты действительно борются за то, чтобы попасть в их классы. Вот, примерно, какой уровень был достигнут в этом.

Итак, распознав, что образование не является очень уж успешным, мы уже сделали огромный шаг вперёд. Авторитеты от образования, ответственные за образование детей и взрослых, отказываются признать этот факт, и поэтому не пытаются действительно его улучшить.

Но когда вы занимаетесь практическим предметом, таким, как Саентология, где вы подготавливаете этого аудитора настолько хорошо, насколько можете, и потом видите, как он садится [и принимается за дело] — у вас тут есть элемент, который отсутствует в большинстве образовательных технологий. Они учат инженера строить мост, но, в то же время, никто в этом университете не сидит и не наблюдает за тем, как он строит мост, и тем более не ходит по мосту, который тот построил. Таким образом, они не могут на самом деле достаточно достоверно сказать, успешны ли их методы образования или нет. Обучите кого-нибудь древнегреческому языку. Нет ничего плохого в обучении древнегреческому, но учитель потом никогда в действительности не будет свидетелем того, как студент разговаривает с древним греком. Он не уделяет этому слишком много внимания.

Поэтому при изучении учёбы я избегал всех тех областей, где нельзя легко провести наблюдение за студентом, и нельзя легко увидеть действительную делательность студента. Это выделило область изучения учёбы. Поэтому мы не могли учиться [преподаванию] непосредственно у инженерной технологии, потому что, конечно же, там никто никогда не следит за тем, построит этот инженер мост или нет. Поэтому она [область изучения учёбы] должна была быть настолько же реальна, как и Саентология, в которой инструктор учит студента одитировать кейс, и затем может в ту же самую минуту развернуть его и попросить проодитировать кейс. Так что это, конечно, ускоряет прогресс и дает нам возможность продвигаться вперед — потому что у нас есть мгновенное наблюдение за результатами нашей учёбы.

Вероятно, одна из причин того, почему эта цивилизация не смогла добиться значительного прогресса в этом направлении, состоит в том, что к этой категории относятся лишь не-

многие предметы — где сразу же после преподавания профессор может посмотреть на практику. Понимаете? Поэтому это даёт нам — даёт нам, можно сказать, место лидера в этом предмете, в этом месте — в учёбе — потому что мы можем наблюдать [практику] сразу же, без всякой задержки общения. Нам не надо размышлять и прикидывать, станет ли этот парень великим и известным адвокатом через два десятилетия. Нам не надо размышлять об этом — мы узнаем, стал ли этот человек аудитором, еще до того, как закончится этот день. Может ли человек использовать этот принцип? Что ж, мы направляемся прямо в секцию одитинга и там видим того самого аудитора, который только что у нас практиковался, которого мы только что научили чему-то практическому — он сидит там. Он сидит там, и его лицо ясно видно. Прямо там! И когда супервайзер по практике также выполняет супервизирование одитинга, то он продолжает работать очень, очень упорно над тем, чтобы привести свою практику прямо в точку, где он наконец увидит её в сессии. Понимаете? Мы, вероятно, имеем гораздо лучшую возможность наблюдать это, чем кто-либо другой.

В большинстве учений существует огромная зона допустимости погрешностей. Ожидается, что студент будет весьма посредственным работником—любителем. Скажем, мы преподаём ремесло серебряных дел мастера; и не ожидаем, что он нагреет серебро, не обжигая пальцев. И мы получаем большую постепенную победу: о, он нагрел серебро, не обжигая пальцев! Это всё очень хорошо и это замечательно, но мы не ожидаем, что в первые несколько недель работ с серебром он сделает чайный сервиз, который понравится главному управляющему Британского Серебряного Треста*. Мы ожидаем, что парень пойдёт и потусуеться в серебряном производстве, усовершенствует свой дизайн, поработает с мастером, и постепенно добьётся совершенства, и когда ему будет около пятидесяти, что ж, появится такое замечательное изделие, что главный управляющий Британских Чайных Сервизов, Лимитед, или что-то вроде этого, одобрит, купит и будет использовать это в качестве образца дизайна. Всегда есть такая задержка общения.

Но была область — не будем заходить слишком далеко — была область, где непосредственное наблюдение было возможно, и поэтому эта область особенно подходила для изучения предмета, который был бы аналогичен Саентологии — это была область фотографии. Когда вы говорите студенту сделать снимок дерева, он отправляется и делает снимок дерева, и вы весьма скоро увидите этот снимок. И если дерево сфотографировано вверх ногами, и если студент его наполовину срезал, и если он не удержал свою камеру ровно, и если он тряс камерой, то всё это будет немедленно и ясно видно. Далее, у нас есть непосредственный и точный результат сочетания действий, который, конечно, важен. Может ли он положить бутерброд на поднос? Что ж, отлично, он может положить бутерброд на поднос — но это не очень сложное действие. Может ли он *сделать* бутерброд и положить его на поднос? Понимаете?

Отлично, хорошо, может ли он испечь хлеб и сделать масло, и сделать бутерброд, и сделать поднос, и положить его на поднос? Вы видите, как эта область — вы можете вдруг начать расширять этот предмет.

И Саентология близка — очень близка — к предметам именно такого рода. Это предмет сложных действий. Это не предмет простых действий. Неважно, насколько оптимистично верит человек на коодите, приходя первый раз — я говорю о коодите начальных курсов — неважно, насколько трепетно он верит в то, что всё, что он ему надо делать — сидеть и кивать головой; он очень, очень скоро начнёт осознавать, что имеет дело со сложным действием. От него ожидается, что он что-нибудь скажет, и, вероятно, у него наступит сильнейшее потрясение, когда он наконец осознает, что от него ожидают не только что он что-то скажет, но и что он добьется ответа на это у того, кого он одитирует.

Итак, у нас есть двойная сложность: он не только сам должен говорить что-то, но и человек, которого он одитирует, должен получить что-то, что побудит его что-то сказать во время одитинга. Вам всё это понятно? Потом он должен услышать это, и потом он должен это подтвердить. Что ж, он, вероятно, в конце концов овладеет тем, как это делается без шпаргалки или чего-нибудь в этом роде, и будет ликовать, но только до тех пор, пока не откроет, что люди, которые сидят напротив него в коодите, меняются, и у них разные кейсы. У него будут разные преклиры, и у этих преклиров будут разные кейсы, и это довольно мрачно, потому что до этого он знал, что всё, что нужно сказать этому парню: “Ну, как поживает твоя тёща?” — и у него была классная сессия. Но у этого, следующего, нету тёщи, и это становится серьёзным камнем преткновения — вы будете удивлены, насколько большим камнем преткновения это может стать. Ему приходится браться за технологию — если ему сказали, что надо что-то делать с проблемами — ему приходится браться за технологию проблем. Что такое, чёрт возьми, проблема? Для того, чтобы говорить кому-то что-то о проблемах, или выдумывать ситуации по проблемам для того, чтобы парень рассказал об этом, нужно что-то знать о проблемах. И он углубляется в значимость ума, соответствующую тем действиям, которые он выполняет.

Обычно мы делаем так: просим его выполнять простые действия, а затем добавляем к ним сложности, по одной за раз, учитывая то, что человек бы попал в замешательство, если ему давать за раз слишком много и слишком быстро.

Таким образом, у нас есть новое открытие, которое мы сделали уже давно, называемое “шкала постепенности”, которое применяется в области учёбы, и мы учим человека постепенно. Что подразумевается под “постепенностью” в учёбе? Под постепенностью, конечно, представляется нечто типа подъёма в гору. Это просто немного больше с каждым последующим шагом. Вот что мы подразумеваем под “постепенностью”: по мере

продвижения это становится всё круче, или всё сложнее, или включает в себя всё больше.

Что ж, вот принцип постепенности, и до тех пор, пока мы атакуем постепенно — пока мы атакуем предмет с соблюдением принципа постепенности, мы совершаем со студентом этот цикл. Мы занимаемся все более и более многочисленными действиями, но стараемся учить студента каждому действию, которое добавляем — добавляем к данному — и мы учим его этому действию так хорошо, чтобы оно его не беспокоило. И затем — следующее действие, которому мы его учим — оно имеет свою собственную сложность, но выполняется в сочетании с первым действием. Но если первое действие всё ещё беспокоит его и он его не усвоил, то тогда следующее действие его просто прекончит.

Когда вы видите кого-то в замешательстве, то он не усвоил более фундаментального действия, которое должен был усвоить перед тем, как перейти к более сложному. Дело не в том, что он не понимает более сложного действия — он даже не воспринимает это действие; он всё ещё воспринимает то, более основное. Он не изучил то более основное действие.

Единственно, где вы можете ошибиться в этой области — это если вы попытаетесь начать со слишком высокого уровня — и вы можете сделать эту ошибку; вы можете сделать эту ошибку с невероятной лёгкостью. Это легчайшая ошибка из всех, что можно сделать, и именно её допускают в современных университетах. Они не дают образования, делая [именно] эту ошибку.

Современное образование — это в действительности искусство и наука совершения ошибок, связанных со слишком крутым, слишком быстрым продвижением, при отсутствии ожидания того, что кто-то чему-либо научится.

Например, я видел, как обучали немецкому языку, с огромной жестокостью и скоростью — вдруг мы уже изучали всё о Шиллере*, кто бы это ни был, чёрт подери. “Что за Шиллер, где мы? Откуда это взялось?”

“Ну, это просто текст урока. Смотри, это текст урока четвёртой недели”.

“Да, подожди минутку. А как же алфавит?”. Никто не может читать немецкий алфавит — все привыкли только к английским буквам. Вы не можете прочитать ни один из этих готических алфавитов. Это просто белиберда какая-то! Выглядит как птичьи следы! Что ж, хорошо, вы собираетесь изучить тонкости поэзии Шиллера?! Когда это на странице даже на слова не похоже?! Вы ещё не уверены в том, что на странице присутствуют слова. Вы думаете, что печатная машина сломалась, и разлились чернила. Вы думаете, что книга была попорчена. Никто не побеспокоился обучить вас немецкому алфавиту. Где же вы должны были выучить это? Мы тщетно ищем, где вы должны были выучить немецкий алфавит, потому что этого нет нигде в программе этого курса. Ах, это же — Немецкий-1; где же, черт подери, Немецкий-0? Видимо, предполагается, что это было в прошлой жизни.

Сделать эту ошибку — вхождение в область с нарушением принципа постепенности — можно с величайшей лёгкостью.

В Африке была развёрнута программа стоимостью во много миллионов фунтов стерлингов, направленная на повышение уровня образования нескольких местных племён под девизом: “*Эрозия почвы: техники сохранения почвы и предотвращения эрозии*”. Парламенту просто надо было куда-то сунуть деньги, вместе с арахисом. Это было в те дни, когда мы все были “товарищами”. И они ассигновали деньги на эти земляные орехи — это у американцев называется “арахисом” — который там никогда не возделывался, и никто не мог с ними [теми племенами] ничего поделывать после того, как они его вырастили, потому что у них были и другие занятия. В то же время их просто завалили *лавной* денег, вложенных в программу поддержки возделывания земляных орехов — направленной на сохранение почвы и предотвращение эрозии почвы. И в это вливались деньги, и люди отсылались целыми самолётами в центральную Африку для разрешения этой потрясающей и фантастической проблемы, которая возникла при попытках обучить этих аборигенов тому, как не разрушать почву. А аборигены принимали это приблизительно так же, как вода принимает масло. Они вежливо и воспитанно выслушивали все это, но в действительности просто плевали на всё это.

И для того, чтобы привести программу в порядок, потребовался саентолог. Он делал это с учетом постепенности, о которой мы уже знаем. Он просто пришёл к выводу, что правительство принялось за это дело на слишком высоком уровне. Абориген не имел никаких оснований не разрушать почву. У него была целая Африка почвы — на кой её сохранять? Этого-то, казалось бы, хоть отбавляй. И суть сводилась к тому, что у него не было никакого представления о будущем. А этот саентолог терпеливо стал работать, описывая им то, ради чего внедрялась эта программа, и с тех пор никто никогда больше не слышал о ней, так что это, должно быть, имело большой успех. Во всяком случае, больше ни одного миллиарда долларов не было истрачено на рекламу этой программы.

Надо было сделать просто вот что: научить аборигена тому, что есть такая штука, как будущее, и что будущее благосостояние его самого, его детей и его племени в большой степени зависит от того, будут ли у них пастбища для выпаса и поля, чтобы на них что-то выращивать. Туземцев учили этому очень тщательно, и по поводу программы предотвращения эрозии почвы возник большой энтузиазм.

Вы довольно часто делаете ошибку на курсе по Обществу, когда к вам на этот курс по Обществу приходит новый студент; вы учите его этому и учите его тому, и учите его этому и тому упражнению — а он не знает, как сидеть на стуле, вот! Вы могли бы действовать даже ещё более основательно — вы могли действовать ещё более основательно — может быть, он не знал, *зачем* он там сидит. Может быть,

он пришёл по ошибке. Может быть, у него сохранилось какое-нибудь странное представление о том, как он сюда попал. А вы теперь преподаете ему курс по Обществу.

И получается, что вы преподаёте курс по Обществу тому, кого там нет, так что в образовании наш исходный уровень — привести его туда. Это звучит слишком просто, но почти каждый учитель начальных классов в мире сегодня делает эту ошибку. Они учат детей, которые там отсутствуют. И вы обнаружите, что самые поразительные увеличения КИ* и скорости учёбы возникают тогда, когда вы принимаете во внимание эту очень, очень забавную и простую вещь, и большинство крупных успехов в образовании, сделанных с помощью Саентологии, основаны просто на этом одном крошечном факторе — что надо сделать студента присутствующим там.

Они не знают, что делают — некоторые из этих учителей. Они думают, что делают нечто эзотерическое или удивительное, когда говорят классу студентов — когда говорят классу каждое утро: “Посмотрите на переднюю стену, посмотрите на заднюю стену, и посмотрите на потолок, и посмотрите на пол”. Может быть, они делают это “потому, что так сказал Рон”, но это, оказывается, работает и, оказывается, весьма применимым, и все дети проявляют огромное увеличение умственных способностей, даже если это используется каждое утро в течение всего-навсего пяти или десяти минут.

Если это используется в течение пяти или десяти минут каждое утро, это просто замечательно, потому что процесс, очевидно, продолжается недостаточно долго для того, чтобы попасть в зону, где его будет необходимо сглаживать. Ничего серьёзного за это время с кейсом не случится. Они не заметили прежде всего то, что дети не присутствовали там, для того, чтобы их можно было обучать и, конечно, они становятся более разумными, когда присутствуют здесь. Попробуйте провести тест на КИ с тем, кто не сидит за партой во время его проведения.

В действительности это совершенно не связано с какой-либо обладательностью или какими-либо другими факторами — этот первый шаг состоит просто в том, чтобы доставить человека туда. Это — первый шаг. Может быть, в Центральной организации в Академии кто-то скажет: “Регистратор писем уже позаботился о том, чтобы человек был здесь”. “Сделать так, чтобы человек был здесь — это обязанность регистратора писем. Человек пришёл на курс, неужто нет? Регистратор писем обязан писать ему письма, очевидно, в таком случае, что человек присутствует здесь”. Мне это уже объяснили. Разумное объяснение? Нет! У них есть тело в классе. У них есть тело в классе. Теперь вопрос: зачем на самом деле человек там находится? Они этого не знают.

Что ж, на этом курсе появляются свои причуды. Да, изредка у нас появляется новая причуда — да и не только изредка — у всех свои причуды. Какое-то время, год или два назад, я забыл, когда это точно было, была в моде “проблема, которую вы решили прибытием в Сент-Хилл”,

и какое-то время, отчего-то, все получали замечательные РТ и великолепные улучшения кейса — с “проблемой, которую вы решили прибытием в Сент-Хилл”. “Какая проблема решилась для вас прибытием в Сент-Хилл?”. И затем они это проходили и урегулировали, и это было замечательно. Я никогда особо над этим не задумывался, но меня в этой ситуации смешил самый элементарный факт: что они в действительности вовсе не проводили Процесс Проблем, понимаете? Они просто заставляли человека осознать факт, что он прибыл в Сент-Хилл.

Мы больше этого не делаем, потому что у нас есть маленький контрольный лист, который то входит в употребление, то выходит из него, и иногда опускается, иногда возвращается вновь на место, который предписывает человеку пробежаться и выяснить расположение всего вокруг. Мы делаем это при помощи маленького контрольного листа. Они должны выполнить это и это, и они должны осмотреть это и то. Это ознакомленность через ассист-прикосновение, так что это — это убивает сразу двух зайцев: огромную тайну того, куда они прибыли, и факт того, что они *прибыли*.

Первый уровень в образовании — это доставить человека туда. Не очень важно, как именно вы это обеспечите. Я показал вам — пусть маленькие дети в школе посмотрят на потолок, и посмотрят на учителя, и посмотрят на пол и так далее. Теперь они у вас там, и они проявят большие умственные способности, чем у них были раньше, и вы скажете: “О, посмотрите на потрясающий прирост КИ, который это даёт”. Ха, трудно проявить сообразительность там, где вас нету.

Ну хорошо, вот имеется идея образования по принципу постепенности и — повторяю — ошибка, которую ВЫ можете сделать в образовании из-за нарушения принципа постепенности — это большая ошибка, это неудача в том, чтобы войти на достаточно низком уровне, неудача в том, чтобы сделать его достаточно простым, неудача в том, чтобы найти самое первоначальное действие. Вы должны найти начальное действие, в котором человек может обрести уверенность, чтобы суметь потом перейти к другому действию и обрести уверенность в нём, и перейти к другому действию и обрести уверенность в нём.

Что ж, если вы не нашли достаточно небольшого или достаточно простого первого действия, чтобы человек в нём обрёл уверенность, то тогда он, продвигаясь в следующую зону, обнаруживает, что она очень, очень сложна, и начинает впадать в замешательство, а затем и инструктор начинает сходить с ума, пытаясь объяснить этому студенту, о чём всё это — на этом шаге два. Студент так и не выполнил шага один, и потому с этого момента и далее его учёба — полная мешанина. И если вы хотите разложить по полочкам чьи-то трудности в учёбе, то тогда просто надо найти уровень, который он просмотрел, или проскочил, или упустил, и после которого попал в замешательство.

И это было бы очень легко найти на Э-метре, чрезвычайно легко на Э-метре, и это просто: Э-метр отмечал бы ранний момент замешательства в учёбе или в упражнениях, и он отмечал бы это повторно, то есть два или три раза, если это так и не было разрешено. Если замешательство существовало и затем было разрешено, Э-метр бы всего лишь *дрогнул*. Там был бы просто остаточный заряд, оставшийся на траке времени. Но если это показывается повторно, если это даёт показания несколько раз, и очень сильно, в тот момент, когда это обсуждается, — даёт вам, другими словами, действие ручки тона — тогда вы знаете, что это до настоящего времени так и не было разрешено.

Трудности, которые имеют люди со своими умами — это те трудности, которые дожили с ними до настоящего времени. Вот какие трудности должны быть обработаны и улажены — трудности, которые были у них в прошлом и которые дожили с ними до настоящего времени. Э-метр всегда даст вам показание на затруднении, которое было у кого-либо в прошлом — просто потому, что это затруднение сохранилось на траке времени в виде *картинки* затруднения. Но если оно не дожило с ними до настоящего времени, то вам достаточно использовать одитинг просто для того, чтобы проконтактировать с ним снова — и оно исчезнет. Оно не будет особенно рестимулироваться — обычно оно просто исчезает.

Например, если у вас кто-то даёт очень глубокую, очень тяжёлую волну*, позвольте мне так это представить — если у вас кто-то давал, — даёт тяжёлую волну на Э-метре в сессии, вы фактически можете вернуть его в тот момент сессии, когда он получил волну. И вы получите что-то вроде призрака этой волны. Это не переходит с ним в настоящее время. Вы, фактически, возвращаете его назад в прошлое, чтобы обнаружить эту волну. Но вы можете получить снова эту волну, потому что вы получали отпечаток, который эта волна оставила в сессии. Вы получали не исходное показание — оно пропало. Но сам факт того, что это произошло, по-прежнему можно обнаружить и получить.

Следовательно, соответственно, вы можете вернуться по траку времени этого человека и получить эмоциональную реакцию на всё, относительно чего человек был эмоционален. Или получить бурные реакции — эти реакции не обязательно сильны или слабы — но можно получить реакции на то, относительно чего человек был эмоционален и это до сих пор его волнует.

Уловите здесь небольшую разницу. Одно — это просто отпечаток эмоционального состояния на траке времени. Вы получаете на этом показание стрелки. И другое — это момент на траке времени, когда он был так эмоционален, что всё ещё волнуется относительно этого. Эта штука никогда не была прояснена, другими словами. И разница между этими двумя реакциями состоит в том, что одна немедленно исчезнет, первая реакция — он просто волновался о чём-то; он не волнуется до сих пор об этой штуке, с того момента прошло много времени, вы просто получите *фу-у-у* на стрелке — стрел-

ка будет двигаться; просто соприкасаясь с ранним моментом или моментом, когда это произошло, вы получите реакцию стрелки.

Но если вы наткнётесь на второе, если это всё ещё присутствует — это будет повторяться. Это не пропадает просто при контакте — это повторяется, и вы можете получить ещё повторения. Это значит, что оно прошло вперед во времени, и так и не было разрешено.

Я просто хочу донести это до вас. Как одитор, вы заинтересованы только в тех вещах, которые человек так и не разрешил. Вы не заинтересованы *просто* в том, что он не разрешил. Вы улавливаете тень разницы между этим? Он не разрешил их, ну и что? Он так и не выяснил, как поладить с командным офицером, но — он так и не выяснил — но это не существует с ним во времени. Это даже не имеет возможности рестимулироваться, поэтому даст разок показание и — *хлоп* — и это сглажено; прямо сейчас, это улетучивается. Вы могли бы заставить его пережить это, или вернуть его в тот момент во времени и начать проводить его через инциденты, которые не находятся в рестимуляции и, как ни странно, вы могли бы получить кое-какие рестимуляции.

Как одитор вы обладаете значительной властью над умом, вы можете делать с ним интересные вещи. Здесь существуют две реакции, в которых вы заинтересованы: существует реакция, которая просто была там и не беспокоит парня — это не пришло с ним в настоящее время, но вы можете заставить его вернуться к этому, и это даст реакцию на Э-метре; и другая реакция — это реакция, которая была активна не только в то время, но активна и сейчас и обнаружима без каких-либо препятствий. Вам не приходится возвращаться во времени, чтобы обнаружить эту штуку. Это даёт реакцию тут же, и единственное различие на Э-метре, которое вы отметите между этими двумя реакциями, состоит в том, что первая реакция, которая всё ещё с ним и прошла во времени с ним — эта реакция даёт повторные показания. Она будет давать показания снова и снова и снова и снова.

Когда вы проверяете что-то, нужно убедиться, что вы получили то, что будет повторяться. Одна из главных ошибок, которую допускают в Шб — никогда не задают вопроса для получения повторного показания. Я не награди́л бы вас двумя монетками и прищепкой для галстука за проверку с одним показанием — *ага!* Ясно, почему? Может быть, вы проверяли это раньше и это дало показание. Когда вы проверите это вновь, вы можете получить это более раннее показание, получить момент в сессии, когда было это показание. Понимаете?

Таким образом, вас интересует только показание, которое будет повторяться. Показания, которые не повторяются — либо пропали, либо не сохранились во времени, как бы то ни было — ну, и чёрт с ними.

Если у вас что-то не даёт показания дважды, пропускайте это. Если вы можете снять показание дважды, распознайте, что это пришло вместе с преклиром и, следовательно, беспо-

коит его. По-прежнему беспокоит его по сей день.

Всё это является необходимой технологией, хоть это и кажется таким элементарным, это — технология, необходимая для понимания того, как обнаруживать ранние замешательства по отношению к предмету образования. Потому что, конечно, он бывал в замешательстве; он бывал в замешательстве каждый раз, когда атаковал новый уровень постепенности, но впоследствии это замешательство у него проходило. Э-метр будет по-прежнему отмечать те первые моменты замешательства, но они будут регистрироваться только как *одноразовые*, поэтому они не важны.

Следовательно, я говорю это вам, для того чтобы вы могли видеть и оценивать это наблюдение. И когда вы используете это и у вас появится некоторая субъективная реальность относительно этого, то поймёте, что то, что я вам говорил — правда. “Да! Ох, он был в сильном замешательстве, когда в первый раз посмотрел на букву “А”. Он не знал, что это было — это было — да-а”. Что ж, вы получили показание — один выстрел. Вы получили маленькое показание там, на стрелке — стрелка двигалась.

“Как насчёт замешательства по поводу алфавита?”

“Да-а, буква ‘А’”.

Ху-ум! — стрелка движется, и вы говорите: “Хорошо, как насчёт буквы ‘А’?”, — и движения нет. Он не находится в замешательстве из-за “А” до сих пор.

Но давайте возьмём этого парня теперь и скажем: “Как насчёт буквы ‘А’?” и увидим *ху-умнф!* Это первый раз. “Как насчёт ‘А’?” — *Ху-умнф!* “Ну, а как насчет — как насчет — можешь ли ты мне рассказать о том, что так расстраивает тебя в связи с буквой ‘А’?”. *Ху-умнф!* И вы внезапно осознаёте, что этот парень не умеет писать. Вы просто — исходя из различных наблюдений преклира, внезапно вспоминаете, наблюдая это. Вы не нуждались в этом наблюдении до этого момента — но этот парень не может писать. А вы хотите привести в порядок его способность писать. Что ж, давайте выясним, что лежит в основе этого замешательства.

АРО должен был предшествовать любой миссии и плохим реакциям. Не будет плохой реакции, если сначала там не было АРО. Для того чтобы плохая реакция возникла, должно быть АРО с чем-либо. Вы слышали это от меня достаточно часто. Что ж, хорошо, как насчёт этого — как насчёт этого замешательства? Обращаетесь ли вы к самому замешательству? Нет, это просто как бы предмет вне-АРО. Это всегда не то замешательство, которое, как предполагает сам человек и Инструктор, является причиной, и именно поэтому учёба терпит крах.

Давайте пройдем это ещё разок. Это не то замешательство, которое студент пытается изучить и которое Инструктор пытается преподать ему. Если они вообще имеют какие-либо трудности с этим, то это гарантирует, что замешательство не в этом. Вы можете просто поста-

вить на этом огромную красную пометку. Студент не может изучить это — улавливаете? Мы говорим сейчас о сильной реакции здесь, не просто о маленьком знакомом лёгком чувстве отсутствия; студент не может изучить это, и Инструктор не может это растолковать.

Итак, с чем мы имеем дело? Мы имеем дело с пропущенным более низким уровнем постепенности, и приходим снова к тому, о чём мы говорили в начале. Есть уровень постепенности, который он не освоил, но перешёл к следующему. С этим следующим уровнем у него возникло достаточно большое замешательство, которое его подавило, и он так и не усвоил этот уровень. И когда вы просматриваете это на Э-метре, то именно это вы и получите. Вы не получите исходный уровень — вы получите следующий уровень постепенности.

Одна из хитростей, которая очень усложнила разрешение этой задачи, состояла в том факте, что то, с чем студент вроде бы имел трудности, никогда не являлось тем, с чем студент имел трудности [на самом деле]. И, фактически, вы сэкономите себе огромное количество инструкторского времени, если поймёте и хорошенько усвоите это. Это, конечно, соответствует структуре ума, не так ли? Если преклир знает, что его беспокоит, и всё ещё беспокоится об этом, тогда — если он беспокоится — тогда это вовсе не то, из-за чего он беспокоится. Мы знаем это. Если вы знаете всё о том, что с вами не так, это не то, что с вами не так, братцы, потому что, конечно, это стало бы восприятием как-есть и прекратило бы существование этой проблемы. Это элементарно.

Если это применить к образованию, то окажется, как ни странно, что тот же самый набор данных применим и в области учёбы. И то, из-за чего студент находится в *очень* сильном замешательстве и не способен двигаться вперёд, и то, чему Инструктор, *кажется, не может* научить этого студента — не является правильной целью для инструктирования. Это немедленно — просто согласно этому суждению — это не может являться правильной целью. И Инструктор просто отталкивается от этого данного, рассматривая ситуацию лучше и глубже. Это элементарно!

Позвольте мне дать вам пример — это становится — это ужасно элементарно, очень, очень просто. Вы можете очень легко упустить это из виду: очень легко не поверить, что это так, и что в этом сокрыт источник столь огромной силы. Я знаю, что Инструктор приходит в состояние лёгкого шока от некоторых результатов, которые внезапно получает, применяя кое-что из этого материала со студентами. “И вы знаете...?”. Это тот случай — он не осознавал, что это столь сильно. Инструктор по Теории проверяет студента по бюллетеню, доходит до третьего абзаца и решает, что студент не может получить по нему зачёт. Но студенту так плохо, что Инструктор по Теории решает, что этого студента лучше бы немного поинструктировать. Он не собирается ставить ему зачёт по этому материалу, он просто — обыкновенно — просто устаёт от того, что студент тормозит именно в этом месте. Ощущение та-

кое, что студент никогда не сможет преодолеть это место. Поэтому он говорит: “Так, так, так — смотри, смотри — смотри — смотри — вот. Ты улавливаешь идею, что тра-ля-ля-ля”, — и он берётся за третий абзац. И студент попадает в туман, и Инструктор говорит: “Так, погоди минутку. Сейчас я сформулирую это более простыми словами. Как бы объяснить это полегче?”. Инструктор фактически двигается в правильном направлении, но он всё ещё остаётся на том, относительно чего, как предполагается, студент находится в замешательстве — вот ошибка, которую он делает. “Но как я могу сделать это попроще? Как бы снизить немного уровень сложности?”. Этот студент не может понять это, а Инструктор не может научить его.

Первое, что вы должны знать сразу — что мы находимся на один или более шагов дальше того, по поводу чего студент на самом деле находится в замешательстве. Это совершенно элементарно: вы возвращаетесь назад и находите, что во втором абзаце — по которому студент благополучно получил зачёт — есть слово, которое он не понял. И оно может быть вовсе не саентологическим словом. Это может быть какое-то обыкновенное английское слово, простое английское слово. И внезапно студент говорит: “О!”.

Это предшествует во времени не просто потому, что это — более ранний абзац в бюллетене; так случается просто потому, что бюллетени написаны более или менее в соответствии со шкалой постепенности. Вот почему это *выглядит* как более ранний момент.

Но он на самом деле дошёл до этой точки, и не уловил более низкий уровень постепенности, поэтому верхний уровень постепенности просто делает *вз-з-з-з!* А в момент, когда он входит в этот верхний уровень постепенности: “Боже! Что это?”. И стены у него сдвигаются, и перед его глазами появляются маленькие яркие пятна, и он чувствует что-то вроде головной боли. Это физиологическое [проявление].

Нет ничего удивительного в том, что творится у французов — конечно, в тяжёлые времена, во время правления Наполеона, мы могли бы сказать: “Кому какое дело, сколько французов убито?”, — но сегодня такое бессердечное отношение недопустимо, мы должны что-то сделать с французской образовательной системой, потому что они толкают на самоубийство несчётное количество студентов. Они — *специалисты*, специалисты по доведению студентов до самоубийства. Американский университет идёт на втором месте, на небольшой дистанции. Они просто опускают парня и отправляют его бомжевать, если он делает ошибку. Если они сделали ошибку, слишком быстро двигаясь по шкале постепенности, то тогда они осуждают самого парня. Дурь! Понимаете, это настолько сурово.

Это входит — здесь есть другой заметный момент, который я должен не просто упомянуть мимоходом, а дать вам его во весь рост: учёба может производить физиологическую реакцию, и она может производить как приятные реакции, так и чертовски неприятные реакции. У вас могут возникнуть столь дичайшие физио-

логические реакции из-за обычной учёбы, что вы не поверите. И не только от изучения Саентологии, парни — даже от изучения того, как красить сараи — не просто так какой-то студент, сидя за своей чертёжной доской, будет всё больше и больше — он будет всё больше и больше и больше и больше запутываться, и чувствовать себя как-то странно, и видеть искры перед глазами. И его начнет тошнить от попыток учиться дальше. И, конечно же, если его поджимает время, оставшееся до выпускного экзамена, то он не сможет расслабиться и пойти погулять в парк, не сможет сделать что-нибудь вроде этого. Он сядет, обмотав полотенцем голову, и будет хлестать кофе, конечно же, просто впадая в жуткий кий-ин, разрывая себя на куски. И не удивительно.

С чем связана его трудность в тот момент, когда всё это случается? Трудность у него связана не с тем, что он изучает, а с тем, что ему не удалось изучить прямо перед этим. Загвоздка всегда будет в этом. Когда вы получаете физиологическую реакцию, то у вас есть упущение в последовательности — в этом вы можете быть абсолютно уверены. Вы пропустили какой-то уровень. Вы совершенно внезапно сталкиваетесь с тем или этим, и изучаете, как разложить деревянные палочки поперёк дорожки для того, чтобы разделить её и измерить, чтобы забетонировать; или число гранул двухромовокислого калия, которое надо всыпать, работая с британским производителем в отличие от американского, и вы говорите: “Что это?”.

Это не просто пропущенное данное. Не думайте. Это не пропущенное данное. Это что-то по предмету смешивания химикатов или — что-то аналогичное — это может быть смежный предмет, в котором есть более фундаментальное данное по этому поводу. Уровень был пропущен в смежном предмете — или это был просто абзац перед этим в данном тексте. Это не всегда будет предыдущий абзац в тексте.

Иногда парень годами удивлялся: “Как это в действительности измерить что-то, когда у этого неправильная форма?”. И, “Как — к-ак — ка — к-а-к?”. И затем, совершенно внезапно, он сталкивается с этим лоб в лоб. “Измерь эту бетонную дорожку так далее; и потом с помощью этого старинного вычисления...”, — и он пытается понять это вычисление — пытается понять это вычисление — и пытается понять вычи—...

С вычислением всё в порядке. Он не знает, как мерить дорожку — и получил кий-ин от какой-то фразы, действительно сопровождавшей то, что, как он думал, его беспокоило. Это прямо тут, рядом — там одна пустота.

И целый предмет становится пустым! Всё окружающее пространство становится пустым. Это как если бы вы отстрелили верхушку одного небоскрёба, и исчез целый город. Я имею в виду, что это настолько необычное явление. Вы говорите: “Ну как могла исчезнуть целая страница?”. Знаете, или: “Как мог исчезнуть целый учебник?”. Если студенту приходится очень тяжело, то у него будут со страницы исчезать слова.

У меня только что был случай — совсем, совсем недавно; я пытался найти в словаре слово, которое было на странице, над пониманием которой мне пришлось повозиться, и вы знаете, слово исчезло из колонки; я сказал себе: “Эй, что за черт — невозможно, чтобы слово пропущили в этой колонке. Оно должно быть в этом словаре!”. И — специализированный словарь, и все такое — и я просто сжал зубы и сконцентрировал свои глаза на нём и, ей-богу, оно было прямо там. А его ведь не было в колонке мгновением раньше!

В этом конкретном случае, я, однако, знал, *что?* я недостаточно понимаю, знал, *какое* действие я пропустил; и мне нужно было пойти и сделать с этим что-нибудь, потому что это всё больше и больше и больше мешало моему продвижению. Я не знаю это настолько, чтобы отбарабанить дополнительные поглощающиеся лучи наизусть. Я не могу назвать вам каждую цветовую комбинацию, которая поглощает каждый компонент белого цвета, за исключением одной, вы понимаете? Это звучит очень сложно, не так ли? Это так! Но это и есть такое действие.

Но продолжая и следуя далее того пункта, за который я прошёл вперёд, не сев и не рассмотрев цветной круг, и не вымучив всё это до полного понимания — я потерялся где-то там. Я забуксовал сразу после этого. Где-то в окрестностях этого есть что-то непонятое. Я достаточно хорошо выяснил, что я не понимаю, но это — не то, что я изучаю сейчас, и это — не то, с чем я имею неприятности. Я действительно попал в состояние, когда слова исчезали со страницы, не говоря уже о головных болях. Не надо идти дальше, дальше — что-то есть позади, в этой области. Это очень легко — но никто не делал таких кругов; там нет иллюстраций, которые давали бы его по дополнительным цветам. И нет кругов, которые давали бы вам исходные цвета с точки зрения того, что поглощает “не их” из белого света. Что поглощает “не их”. Нет списка того, что не поглощает их, так как что-то вроде этого нужно соорудить, и мне пришлось бы сесть и нарисовать всю эту вещь, запомнить все эти моменты этой штуки и затем я понял бы их как следует.

И, приблизительно в то же время, когда я начал выполнять это, что-то падало мне на голову, вроде: “Что, чёрт возьми, это такое — синерод?”. “Что это такое, этот синерод? Какого оттенка цвет “синерод”? Я всегда думал, что синерод синий, но, видимо, это не синий. Всю жизнь на медицинских осмотрах мне говорили, что если накормить кого-нибудь синеродом, то он станет синеватым и ...”. Вот огромная куча замешательства, которое здесь творится и, возможно, есть какое-то дурацкое слово, которое болтается где-то тут, поэтому надо просто вернуться и посмотреть это место, потому что я знаю, где это началось. Я знаю место, которое мне встретилось перед тем, как это началось.

Вы можете приобрести достаточную ловкость в обнаружении того, с чем вы столкнулись. И всё, что вы должны спросить у себя или у студента, это: “Где у тебя не было трудностей? Где у тебя сейчас трудности? Хорошо. Это — в

конце того места, где у тебя не было трудностей”. Это очень просто. Поэтому формула такова: узнаёте, где у студента не было неприятностей с предметом — что означает, что он успешно продвинулся до этого места с соблюдением постепенности. И затем узнаёте, где у него начались трудности, и находите их причину прямо в конце того места, где не было трудностей — это расположено непосредственно в этой области. Вы можете действительно очертить её с точностью до нескольких слов. Я имею в виду, вы можете сделать это настолько точно. Вы можете попасть с большой точностью. Вы обнаружите пол-абзаца, в котором это находится, или — иногда вы можете довести это до половины предложения, и затем перелопатить его. Но не ждите, что студент будет способен точно сказать вам, с чем у него трудности, потому что именно поэтому у него есть трудности.

Таким образом, инструктаж состоит из постепенного проведения студента по известным данным. Он не состоит в изобретении новых решений для замешательств студента. Если вы начинаете изобретать новые решения для замешательств студента, то просто будете загонять его во всё большие и большие трудности. Почему? Потому что вы уже дали ему — у него уже есть что-то, что он не понимает, и теперь вы собираетесь дать ему нечто ему неизвестное, которое якобы разрешит это.

Хороший инструктаж — это система обратного отслеживания. Студент пойдёт вперёд — вы можете почти оставить это на автомате. Он будет ломиться вперёд как медведь-подранок. *Р-р-у-ум!* Он войдёт в предмет. И внезапно вы услышите эти — услышите этот громкий визг и дымящиеся лапы. Затем услышите глухой удар. И затем почувствуете, что атмосфера вокруг вас завибрировала. Что-то там случилось.

Что именно случилось? Он перескочил один пункт последовательности, думая, что понял его — не поняв его, и вошёл в следующий пункт последовательности, и налетел на кирпичную стену. Таким образом, его неприятность состоит в том, что это — не следующий пункт последовательности; неприятность — тот последний пункт последовательности, который он вроде понял — но на самом деле не понял. Студенту порой очень трудно увидеть это, потому что он *так* уверен, что понял тот последний пункт. Тем не менее, очевидное доказательство того, что он не понял его, стоит прямо перед вашими глазами: у него неприятности со следующим пунктом.

Вот парень говорит: “О, я научился тому, как сидеть на стуле, я научился тому, как сидеть на стуле”. Вы преподаёте Курс Общения, да? “Я научился сидеть на стуле. Я знаю всё об этом. Сидеть на стуле и смотреть на человека передо мной — это абсолютно невозможно! Это ужасно! Я не могу больше делать этого!”.

Вы говорите: “Ну, давай посмотрим”. Вот — вот это... При отсутствии этой технологии вашей реакцией могло быть: “Так, давай посмотрим, как я могу переделать это упражнение так, чтобы заставить его посмотреть на этого студента?”. Понимаете, как это провали-

лось бы с треском и растянуло бы его обучение? “Как я могу придумать что-то, посредством чего он сможет конфронттировать этого приятеля?”. Не-не-не-не-нее — это не то — вы применяете неверный уровень постепенности.

Это просто практическое применение. Вы говорите: “По поводу сидения на стуле: что ты проходил непосредственно перед тем, как у тебя началось упражнение по конфронттированию преκληра? Не это ли ты проходил?”.

“Ну, там промелькнула одна маленькая штука”, — внезапно вспоминает он.

“Что это было?”.

“Ну, надо было сидеть на стуле с удобством, что, конечно, невозможно”.

“О, о, там было что-то ещё”.

“Да, ну, каждый может сидеть на стуле, действительно, можно заставить себя сидеть на стуле хоть часами”.

“Ну и как ты справляешься с этим?”.

“Ну, садись на стул, ставишь пятки вместе, понимаешь? И если поставить пятки вместе достаточно твёрдо и сжимать их, можно сдавить икрами ног внешние стороны стула и держаться бодро и прямо”.

Что за чертовщина?!

Зная принцип нахождения наинизшего уровня, вы бы это выяснили. Но если вы не знали бы этого принципа, то голову бы поломали, пытаясь обучить этого человека тому, как конфронттировать другое человеческое существо. А у него не было — у него в действительности нет никаких трудностей с конфронттированием кого-то, за исключением одной — что он пытался конфронттировать одновременно две вещи. Он конфронттировал, удерживая свои пятки вместе, и он не научился тому, как делать одно, а пытается в то же самое время конфронттировать что-то ещё. Его внимание расщепляется, и у него начинается сильная головная боль. И затем вы выясняете, что он не понял что-то дикое, вроде: “Ну, почему одитируют на стуле?”.

“Почему? Как нужно одитировать?”.

“Нельзя ли одитировать, лёжа в кровати? Я сильно утомляюсь во время одитинга”. Понимаете?

Начинаются всякие разные маленькие дикие штучки. Вы не уделяете большого внимания тому, что он *должен* делать. Вы не пытаетесь разрешить это. Но эти суждения должны выйти на чистую воду. Вот внезапно у вас оказывается этот малый — он вдруг смотрит на это и говорит: “О, ты имеешь в виду, что надо просто сидеть на стуле? О, вы — о, подожди, это требует каких-то действий! О! Что ты имеешь в виду под “просто сидеть на стуле”? “Просто сидеть на стуле”! Нет, невозможно просто сидеть на стуле! Невозможно!”.

“Хорошо. Тогда просто скажи мне, что в этом невозможного”. Вы даже не должны быть одитором для того, чтобы инструктировать. Я имею в виду, что здесь не требуется много искусного одитинга: “Что в этом такого невозможного?”.

“Удерживать спину в шести сантиметрах от спинки стула — это невозможно, потому что нужно постоянно — ну, действительно, нужно постоянно определять, есть ли там шесть сантиметров, не так ли?”.

Довольно трудно поверить, пока это не случится с вами, в то, что целый абзац, идущий после предложения, содержащего непонятое слово, может напрочь исчезнуть из этой вселенной. Это может быть самое чудовищное исчезновение, которое кто-либо когда-либо видел. Всё просто исчезает. Почти белое поле — чистая страница, и вы пытаетесь провести студенту проверку по ней, или по целому бюллетеню, однако, ей-богу, там не будет этого абзаца; ничего, относящегося к сути предмета. Вы возвращаетесь назад и обнаруживаете, что прямо перед этим столкновением было что-то, что он не понял. И если он со страшной силой не понимал этого, то вы должны осознать, что это было прямо перед этим; и начать вести этого студента назад — и я не могу гарантировать, где вы окажетесь. Я бы не пытался закончить за пределами этой жизни, но не могу гарантировать, где вы окажетесь. Интересно, что произойдёт.

Вот самый базовый механизм обучения. Обучение — это последовательность определенных. Это — ряд определенностей. И это цепь уверенностей и способностей. Существует великое множество способов развивать эти чувства способности и уверенности, но лучший способ сделать это — просто напрямую обеспечить — не чтобы студент продвигался медленно, а чтобы студент продвигался уверенно. Не препятствуйте кому-либо только потому, что вы не уверены в том, что тот продвигается уверенно.

Другой момент — *всегда* позволяйте студенту вляпаться в неприятности, прежде чем ему помогать. Никогда не помогайте студенту до того, как у него начались трудности. Этот парень выполняет свои упражнения по Курсу Общения непрерывно, до самого конца, он выполняет их как маленькая заведённая кукла, всё великолепно и гладко; ну, и что вы пытаетесь сделать, отыскивая что-то, что можно потренировать? Что вы собираетесь делать — мучить этого парня до тех пор, пока не сможете найти что-то — до тех пор, пока не создадите что-то, что может быть неправильно? И зачем вам — зачем вам делать что-либо? Я подчеркиваю просто вот какой момент: Зачем что-либо с этим делать? Вашего участия там не требуется — нет никаких трудностей. Понимаете, ну и чего тогда беспокоиться?

И это одна из причин того, почему одинаковый темп обучения для всей группы будет ошибкой. Одни студенты натываются на трудности, которые Инструктор не обнаруживает, а другие студенты не натываются на трудности, и им просто пытаются создать усреднённый уровень трудностей для всего курса, для всего класса. Пусть студент налетает на все кирпичные стены, на которые ему охота налететь, и единственное, к чему вы должны быть готовы — *заметить студента, который налетел на кирпичную стену*. Когда он налетел на кир-

пичную стену, распознайте, что какая-то часть последовательности, часть ступени или пункта, была пройдена им без понимания; это элементарно.

И следующий ваш долг: никогда не возитесь с тем, чего он [якобы] не понял. Это куча неприятностей и пустая трата времени. Он не знает, чего не понимает. Всегда двигайтесь назад. “Что ты изучал непосредственно перед этим?” Та же формула, которую я дал вам прежде: “В каком моменте там у тебя не было трудностей?”.

“О, у меня не было трудностей вот здесь и там, это всё было легко”.

“Хорошо, в какой момент у тебя начались трудности?”.

“О ну, это — о — о — о — ужасно и ужасно и ужасно, о — о — о — о — о...”.

“Хорошо”.

Вы сделали вилку, так ведь, нашли обе границы — у вас есть место, где нет трудностей и место, где трудности есть, и теперь нужно распознать, что точно по центру, между ними, найдётся подлинная трудность. Искусный Инструктор, знающий это данное, способен вычислить это мгновенно. В действительности, ему не надо быть ужасно искусным — всё дело вот в чём: “Хорошо, ты сказал, что работал с этим бюллетенем хорошо именно до этого места”, — и мы наконец обнаруживаем это.

Если у меня была бы куча трудностей, я бы просто прицепил парня на Э-метр. Э-метры сделаны для того, чтобы ими пользовались. И я сказал бы: “Итак, твои дела шли хорошо в этом первом абзаце, дела шли хорошо в следующем абзаце, и ты говоришь, что трудности начались здесь, приблизительно в пятом абзаце. Что ж, дай-ка мне взглянуть на абзац пять; да, здесь в пятом абзаце есть опечатка. Совершенно верно, она есть здесь. Давай взглянем, были ли у тебя какие-либо неприятности с номером четыре — номером четыре, не было ли у тебя каких-нибудь неприятностей с номером четыре, вот здесь абзац четыре, который начинается так и так, и так и так; ты говоришь, что у тебя не было никаких затруднений с ним?”.

“Нет, нет, у меня не было с ним ни малейшего затруднения”.

“Отлично, теперь давай взглянем, давай спустимся вниз к концу абзаца четыре — вот абзац четыре; так, не будешь ли ты так любезен послушать это предложение: “Так и так, так и так, так и так...” — *клац!* Что значит слово “неспособность”?”.

“О, ну, Боже! Никто не может дать определенные слова “неспособность”!”.

Вы ухватили идею? Дело тут не в каких-нибудь больших умственных странностях, отнюдь. Не требуется улаживать огромное количество кейса. Он просто не откопал это слово, парни! Нас не волнует, почему он не откопал его, но он этого не сделал.

Очень интересно, что это один из первых пунктов исследования, 1947-й — влияние неправильно заученного слова на жизнь — и это

было целью исследования. Я слышал кое-что от старпома Томпсона* — об ассоциациях слов, и существует огромное количество других связанных с этим вещей, но столкнулся с неразумностью этих предположений. Насколько я понял, можно легко доказать и не менее легко опровергнуть, и ведёт это, в общем-то, в никуда. Говорят об ассоциациях, говорят о том, говорят о сём. Тогда я предположил: “Значит, должно быть, именно слово делает кого-то большим”. Что ж, что могло быть не так со словом?

И я начал отслеживать это, заставляя людей переопределять слова, и всё такое. Я не сказал бы, что в этом достиг каких-то заметных успехов, потому что это не сопровождалось никакой технологией одитинга, но, поверьте мне, люди были весьма заинтересованы. Я в тот момент не использовал никаких конкретных методов тестирования, которые подтвердили бы мне наличие результата, если таковой там получался.

Я потерял множество людей, с которыми работал. Я знаю, что это — непосредственный результат. То есть они уходили, возвращались на работу, и более не показывались в моем офисе. Но это все же в то время доказывало немного, потому что не было доведено до конца как следует. У меня не было на телефоне никого, кто мог бы обзвонить их всех и спросить: “Отчего вы не вернулись на этой неделе?”. Понимаете? Однако те, с кем мне удавалось связаться, говорили: “О, я чувствую себя сейчас отлично”, — или: “Вы знаете, сейчас меня на самом деле беспокоят другие дела — я не получил работу в Мехико”, — или ещё что-то. Несомненно, то, что беспокоило их, прекратило их беспокоить — это почти единственный вывод, который я смог сделать на основании этого.

Мы обнаруживаем, что это перемешано с МПЦ, огромной массой и значимостью, и мы, соответственно, должны предположить, что все значимости, выраженные в виде символов—слов, являются локами на МПЦ. Мы теперь знаем, что находится в центре этого торнадо. И мы отходим и смотрим на эту вещь, и выясняем, что любое слово, с которым вы имеете дело и которое не находится в МПЦ, фактически, в некоторой степени является локом на МПЦ.

И если этого нет в подлинных МПЦ, то это определенно есть в имплантах. Они охватывают все лучшие слова. Очень тяжёлые локи, способные произвести значительную неразбериху в черепушке. Ваш череп будет гудеть от этого долго. Поэтому когда вы — вы сами — когда вы сами хорошенько на это посмотрите, тогда вы распознаете, что это — символы усилия, и одной из первых реакций будет — просто испугаться всех этих слов; затем, следующее непосредственное действие после этого — сказать: “Чёрт с ними”, — и впасть в глупую бравладу; затем, в конце концов, свалиться обратно во что-то осязаемое — понять, что не стоит слоняться и петь какое-то известное концевое слово перед чьим-то носом по полчасу. Вряд ли вы что-то ему этим сделаете — он

мог застрять где-то в другом месте на траке, но вы, несомненно, запутаёте себя самого.

Когда мы — когда мы рассматриваем этот обширный предмет — обучение кого-либо чему-либо, мы рассматриваем предмет передачи человеку данных, которые он может получить и понять таким образом, что будет способен использовать эти данные — определение, которое я дал вам ранее, просто сформулированное так, чтобы точно подходить под то логическое основание, которое мы сейчас обсуждаем — и, конечно, всё это делается посредством слов — слов, движений, действий или примеров. Но здесь всегда есть какие-то слова.

Таким образом, когда вы получаете слова из бюллетеня, когда вы получаете слова по линии общения от Инструктора, когда ваши слова переходят к одному из ваших студентов, что ж, не стоит так уж напрягаться по поводу саентологической лексики, потому что, послушайте, можно устроить не меньшую катастрофу, не дав названий определённо отличающимся частям, чем та, что возникают из-за слишком сложной номенклатуры.

Я наткнулся на пример этого в этом параллельном курсе учёбы: “основное освещение” и “основное профильное освещение” — я добрался прямо до конца книги по портретному освещению, с которым у меня были ужасные трудности. Всё время я то и дело натывался на трудности в этом предмете, трудности того или иного рода, застреваю в них, и кое-как продираюсь. И я выяснил, что там был грешок, состоявший в том, что они назвали две совершенно различные вещи одним и тем же словом “основное”. И мне пришлось сказать: “Ну-ка, подожди минутку”, — сказал я себе. “Перед тем, как я сдам этот экзамен, лучше проверю-ка, что я тут усвоил. Давай-ка взглянем, вот три типа освещения, и один из них — это “Рембрандт”, другой — это “бабочка”, и третий — ... Хм, ни малейшей идеи! Так, давай-ка посмотрю, давай-ка пройду это снова”, — и тогда я вспомнил, что всё время по ходу учёбы у меня было какое-то смутное ощущение... Это просто разные способы, положения, в которых вы устанавливаете источники света — это я просто объясняю, чтобы вы не зависли на этих словах. Причудливые названия, не так ли? “Рембрандт” и “бабочка”: “бабочка” потому, что нос отбрасывает маленькую тень, похожую по форме на бабочку. Когда фотоосвещение даёт маленькую тень под носом, профи называют это “освещением типа бабочка”. А “Рембрандт” — освещение, при котором ближайший к камере план лица менее освещён, чем более удалённые, однако это не прямое освещение — этот план менее освещён. Это очень прелестное — очень прелестное освещение, но их не очень много — существует не очень много способов, которыми можно устроить освещение.

Вот два; и где ещё один? Какой этот ещё один? Я не имею ни малейшего представления об этом, что это за ещё один. О, ну, я вернусь назад и изучу это вновь — и я изучаю это очень, очень внимательно, изучаю всё целиком, изучаю это, изучаю то, просматриваю это, теперь я всё это знаю, вернулся, хорошо. “Итак,

вот три разновидности освещения. Вот — “Рембрандт” и “бабочка” и... куда он подевался?” Я смотрю, уж не появилась ли у меня дырка в черепашке? И в конце концов говорю: “Здесь происходит что-то очень забавное”, — потому что я никогда не видывал ничего подобного — я изучал учёбу, но ещё не знал, какую силу может обрести путаное определение. И я вернулся и начал искать и искать и искать и искать и искать и, в конце концов, нашёл, что это было.

Есть целая отрасль освещения, целая система освещения, известная как “основное освещение”. Это просто элементарное освещение. У вас есть два источника света, и вы наводите один спереди, а другой — сбоку. *Это всё!* То, как вы делаете это, и как поворачиваете голову или плечи фотографируемого человека — всё это и составляет эту отрасль освещения. В этом нет ничего фантастического. Другие два — это изысканные типы освещения, но этот тип, который просто — чуть ли не “Поверните свет на объект” — я не мог понять, и это произошло потому, что в освещении “бабочка” имеется тип освещения, называемый “основным профильным освещением”, который ассоциируется с освещением “бабочка”, но профессиональные фотографы называют его “основным профильным”. Поэтому, в освещении “бабочка” у нас есть разновидность освещения, называемая “основным профильным”, но вон там, в другом месте, имеется целый класс освещения, называемый “основным освещением”. И по причине того, что у них нет существенной разницы в номенклатуре — другими словами, нет достаточного количества терминов — они запутались, создали тотальное замешательство.

Что ж, это было замешательство инструкторов — они обучали замешательству, потому что очевидно, что вы попадете в эту ловушку. Они просто выкопали западню, воткнули кол на её дне и покрыли её листьями, здорово.

У вас прямо сейчас есть такая же. Приготовьтесь к маленькому линейному заряду. У вас есть неудовлетворительная номенклатура. Я знаю, что вам даже никогда это и не снилось, но если вы вспомните, сколько всего знаете об уме, то поймёте, что терминов тут не так уж много. Теперь представьте себе то немногое об уме, что известно медикам — и огромное множество их терминов; нам же известно потрясающее количество частей и вещей в уме — и не так много номенклатуры. В действительности, у нас недостаточно терминов, хоть это и последнее, в чём можно обвинить Дианетику и Саентологию, но это правда. И вы в этом согласитесь со мной через мгновение.

Существует штука, называемая “оцениванием разрыва АРО”, и существует “оценивание пропущенного заряда”, и едва ли хоть кто-то из вас, братцы, окажется способен различить эти две вещи, или провести одну из них. И я недавно наблюдал, как вы падали и падали во множество ловушек, и попадали во множество медвежьих капканов из-за этого одного предмета. Потому что “оценивание пропущенного заряда” — это не оценивание. Это одитинг по

списку, и называться это должно “Одитинг по Спискам Пропущенных Зарядов”, или “Одитинг по Списку для Пропущенного Заряда”. Это — не оценивание.

Вы пришли к убеждению, что оценивание — это то, что не имеет ничего общего с одитингом, и это — правда. Оценивание разрыва АРО не имеет ничего общего с одитингом. Вы просто сидите и прогоняете это, и преклир обычно скрипит при этом зубами. И вы в конце концов видите, что ваш Э-метр даёт показание, и указываете пропущенный заряд; и не отвечаете, и не подтверждаете — вам будет чертовски полезно знать, что этого там не делается. Если вы цените его или свой здравый ум, работая с материалами ШБ, вы просто сидите там, парни, и прогоняете эту вещь, находя пропущенный заряд и тут же его указывая. Это обычно делается при наличии разрыва АРО.

Если вы станете одитировать человека с разрывом АРО, то сделаете его печальным следствием. Поэтому, конечно, это не может быть одитингом! Но, к несчастью, мы тут же, немедленно после этого, назвали нечто “оцениванием пропущенного заряда”, при котором берётся тот же самый список, но обрабатывается он иначе, и человек не в разрыве АРО, когда это делается, и это будет одитингом.

И это, видимо, стало источником огромного замешательства для всех и каждого. Почему? Потому что в обоих терминах есть слово “оценивание”. Таким образом, это — неадекватность номенклатуры. Это — недостаток слов.

Хорошо, ну, вот и все трудности, которая есть в этой области. Нет ничего больше. Вы видите, что могли бы одитировать — одитинг по списку должен проводиться с прочищением каждого вопроса, как в Йобурге, где вы просто читаете вопрос до тех пор, пока он не очистится. Читаете его и получаете на него ответ, пока он не станет чистым, и переходите к следующему, читаете его и получаете ответ, до тех пор, пока он не станет чистым. Одитинг по списку. Вы можете взять список ШБ и проделать это с ним.

И у нас был тот самый список, который приводил в замешательство, и было то же самое слово, связанное с процессом, которое приводило в замешательство. Поэтому оказалось очень, очень трудно, как ни странно, заставить одиторов *делать это*. Забавно, насколько это стало трудно — заставить одиторов делать это. То есть это оказывает сокращающее или уменьшающее действие в огромной степени просто по причине неправильного определения. Они не могли делать это; супервайзеры одитинга ходили кругами: “Так, смотри! Пожалуйста, выполни оценивание разрыва АРО на этом преклире, потому что он пытается сбежать”. Возвращается — а парень занят одитингом по списку, знаете, выполняет оценивание пропущенного заряда, знаете, прочищает всё, слушает преклира, и всё в таком роде. “Нет, нет, нет! Ты что? Прочитай список до конца, и когда найдёшь заряд, отметь его для преклира, и это всё”.

“Угу, ясно”.

Другими словами, термин может быть спутан по причине использования его для двух определённо разных задач. И тогда может создаться замешательство по причине недостаточности номенклатуры. По сути, вероятно, в сфере ума это более серьёзный грех, чем *слишком большое* количество номенклатуры.

Эти вещи получили тождественные названия. Вы сталкивались с подобными штуками? Ну конечно, очень скоро, как только я смогу выпустить бюллетень, это будет переименовано, конечно: “оценивание разрыва АРО” выполняется так-и-так и так-и-так, и это — не одитинг; а есть “Одитинг по Списку для Пропущенного Заряда”, и это совершенно иное действие. И вы увидите, что этому будет можно обучать.

Мы охватили сейчас две вещи, а именно: если поднимать человека по шкале постепенности слишком круто, то он через несколько шагов непременно растеряется, потому что запутается в предыдущем шаге и начнет винить тот шаг, на котором он растерялся, при этом застряв, фактически, на том шаге, который на самом деле не прошёл, и именно это служит маскировкой причины и создает расстройство; и что ответственность за субъективную реакцию студента в большой степени лежит на Инструкторе. Это — новый подход. Отношение студента сегодня действительно в руках Саентологии, это исправляется с помощью того, что я вам преподаю здесь — это прямо в руках Инструктора.

При желании вы можете практически создать любую умственную реакцию, какую захотите, по собственному выбору. Вы можете побудить студента сбежать с курса. Это работает в обоих направлениях — я не говорю, что вы будете делать это; однако вот парень на курсе — и вы можете побудить его сбежать с курса. Вы говорите с умысленной злобной мыслью: “Хорошо, сейчас мы заставим его сбежать с курса”.

Один из способов сделать это — сказать: “Хорошо, вот два человека, что сидят на стульях вон там; они на самом деле оба — преклиры, и оба в то же время одиторы, и нет особого отличия между словом “одитор” и словом “преклир”, и в их значениях, на самом деле, нет никакой разницы вообще. Хорошо, очень хорошо. Ты усвоил это? Хорошо”. Его бы и след простыл примерно в 24 часа, если он — зелёный паренек прямо с улицы. Видите, что я имею в виду? Вы могли явно создать такую реакцию.

Хорошо, а теперь этот парень удирает, и когда он уже выходит, вы говорите: “Что за слово, которое я там не нашёл?”. Вы увидите, что он остановится, потому что вы *уже* выявили часть заряда, просто указав, что-то не так со словами. Хорошо, он откладывает уход. “Давайте вычислим, в чем дело. В какой момент у тебя началось замешательство?”.

“Ну, это было в последние полчаса”.

“Хорошо, что случилось в первые полчаса?”.

“О, ну, это было вот это слово”.

“Очень хорошо. Отлично, большое спасибо”.

“О, так вот что оно означает?”.

“Да”.

Другими словами, вот обращение, при котором парень остаётся — или уходит. Инструктор создаёт этот эффект или результат просто посредством метода обучения, который им используется. Довольно тонкая вещь, да? Вы можете двигаться дальше этой черты — можно узнать гораздо больше об этом, однако это — однако эти вещи сверкают как маяки. Предыдущий шаг — предыдущий уровень последовательности — вот в чём он потерпел неудачу.

Итак, мы переходим к другому разделу — что это на самом деле всегда слово или фраза. Конечно, слово или фраза могут быть неадекватными. Я могу прямо сейчас привести пример. Я — никто не побеспокоился о том, чтобы объяснить мне, почему они используют жёлтый фильтр в определённой конструкции — на всех иллюстрациях там присутствовал этот жёлтый фильтр. Что он там делал? С чем и что он должен делать? Я не знаю. Мне не сказали. От меня не требовали — это не требовали от меня: зачем здесь жёлтый фильтр? Но однако, это всё равно становится небольшим разрывом. Я знаю, что там есть что-то, о чём я не знаю.

Как видите, предложение может быть неясным, или в нём могут быть пропущены данные, или оно случайно не даёт какой-то информации. Типографическая ошибка создаст такой эффект. Слово “кот” пропущено в предложении: “Собака гонится за ...”. Хорошо, мы говорим студенту: “Расскажи-ка нам, что происходит”. Но он в замешательстве. Не надо слишком далеко ходить, чтобы обнаружить, из-за чего он запутался.

То есть, ошибка на самом деле может быть как у студента, так и в самом тексте, если текст не ясен по причине типографской ошибки ещё от чего-то — информация не передаётся в ясной форме, поэтому он попадает в замешательство. Если студент попал в замешательство, это не всегда его вина.

Вы можете иногда взять текст, который он изучал, просто бросить на него один взгляд и внезапно увидеть, что в нём пропущены два абзаца. Как раз те, в которых давались определения. Понимаете, кто-то делал копию и не скопировал эти два абзаца. Просто. Вы видите, что все слова в сессии одитинга определены, за исключением “одитор” и “преклир”. Это создаст определенное замешательство.

Суть в том, что замешательство не обязательно возникает только из-за текста или только из-за студента. Мы не собираемся искать тут виноватых. Просто показываем, что там что-то было не понято. Это также могла быть ошибка учительницы в первом классе. Она никогда не говорила ему, что значит какое-нибудь словцо, вроде “синтаксиса”. И мы хорошенько рассмотрели это. Обращайтесь с этим, основываясь на мысли о том, что “существуют факторы, за которыми вы должны следить, будучи Инструктором”. Теперь вы можете собрать это воедино. Вы можете увидеть, почему он не достиг какого-то уровня на шкале постепенности, или спросить, почему он не сделал это. Вы можете

определить место, где он не перешёл от одного уровня последовательности к следующему. Вы можете выявить, почему он сделал это.

Мы видим, что причиной этого может быть номенклатура и другие вещи. Отсутствие определения, например. Мы видим, что причиной может быть как отсутствие, так и наличие чего-либо. И мы видим также, что у человека в действительности нет никакого представления о том, отчего он попал в замешательство — или не попал в него. И мы видим, что Инструктор, который выполняет работу по инструктированию лучше всех, фактически никогда не пытается разрешить проблему того, на чём студент попал в замешательство. Мы видим, что хороший Инструктор никогда не делает этого. Почему? Инструктор уже опоздал на шаг, поэтому он просто попадёт в большее замешательство, чем сам студент, потому что не сможет понять, почему студент этого не понимает.

Там говорится: “Кошки бывают белыми”.

“Да, но я не знаю, почему они белые. В самом деле, не говорил ли — не говорил ли Бен Франклин* что-нибудь вроде этого? Я не уверен, Бен ли — я — у — где — что это — где — где — су — са — су — ла...”.

“Ну, видишь, кошки — ну, видел ли ты когда-нибудь кошку? Была ли у тебя когда-нибудь кошка? У — у — у — знаешь — знаешь — знаешь ли ты — знаешь ли ты что-нибудь о кошках? У — давай — у — давай пойдём возьмём словарь, и найдём там изображение кошки”.

Это всё — пустая трата времени, потому что причина находится в более раннем абзаце, где было слово “рысь”. И он не знает, что это такое. Он не знает, что она имеет какое-либо отношение к кошкам — и он завис на этом более раннем тексте.

Его видимое замешательство почти никогда не является тем, в чём он действительно застрял. Инструктор, зная это, не испытывает никаких трудностей с ответами на такие дурацкие вопросы, которые тот задаёт, так как он просто никогда о них не беспокоится.

Он желает знать, что скрывается за этим. И если кто-то спрашивает у Инструктора определение чего-нибудь: “Да, да”, — говорит он. — “*катервамп* — это *ба*, и это всё”.

О’кей?

Аудитория: О’кей.

Ну и здорово, благодарю вас.

УЧЁБА: ОЦЕНКА ИНФОРМАЦИИ.

11 августа 1964 года

Извините, что сегодня мне пришлось опоздать. Мы испытывали новые рации, которые больше не будем использовать в лондонском аэропорту. Только вообразите себе — использовать рации в лондонском аэропорту, где есть башня радиоправления. У нас имеется такое устройство, с помощью которого можно работать с фотовспышками на расстоянии, управляя ими с помощью рации — очень мудрёное устройство. И мы стали такими ловкими. И — я могу себе вообразить: “На посадку заходят картинка крушений с северной взлетно-посадочной полосы. Какова наша апертура, сэр?”. Очень забавно.

Различие между профессиональной и любительской фотографией — это бездонная пропасть, и профессионалам приходится использовать самые дикие приёмчики. И для этого требуется разрешение инстанции не ниже чем Министерство Авиации, разрешение на передвижения поблизости от аэропорта в Англии, и всё такое. Вам приходится показывать всякие бумаги и удостоверения, типа колоды карт и подобных штук. Министерство позволило нам пройти и снять на пленку заход на посадку гипотетического студента, все эти виды на аэропорт, в Англии, всё, что я собираюсь снять просто забавы ради в течение следующих двух или трёх недель. И я раздам вам те снимки, которые не будут опубликованы. Это ловко, ага? Я демонстрирую вам должное саентологическое отношение к начинающему или учащемуся саентологу.

Отлично, какое сегодня число?

Аудитория: 11-ое августа.

11 августа, 14 год ЭД, Специальный Инструктивный Курс Сент Хилла.

Отлично. Мы возобновляем наши лекции по предмету обучения, и чем больше я рассказываю об этом, тем выше становятся ваши оценки, и это очень здорово. Я думаю, что это одна из самых успешных серий лекций, которые я когда-либо читал, наиболее богатая потрясающими и колоссальными результатами — действительно изумительная. Так что я не зря корпел над этим “Возьмите дихлорид натрия и положите его в бихромат, и вы получите бисульфит, потому что это способствует проявлению негатива”, — знаете, и все такое...

Я напоминаю вам, что где-то в конце весны я решил изучить учёбу, выяснить, что это такое и разобраться со всеми сопутствующими явлениями — и когда я стал рассказывать об этом, то, чем больше я рассказывал, тем выше были ваши оценки. И это довольно интересно, потому что я вас не рестиमुлирую, “учёба” не является концевым словом. Однако есть такое концевое слово, “*знание*”, и это время от времени сносит вам голову. Однако оно не имеет непосредственной связи со словами, и это не основная причина того, от чего люди вообще сталкиваются с какими-либо трудностями при обучении.

Отлично. Стало быть, нет никаких особых причин на то, чтобы это “*знание*” становилось на вашем пути, потому что *casus belli** — это очень-очень глубоко запрятанная вещь, называемая “*словами*”. И вы можете даже подумать, что есть такое концевое слово — “*слова*”, или что-то такое.

Ну конечно, все МПЦ состоят из слов. Они на самом деле не состоят из слов английского языка; они представляют собой значимости, которые присоединены к массам. Эти массы вполне способны снести кому-нибудь голову. И там, где есть точные значимости — довольно интересно то, насколько эти значимости точны — там, где у вас есть очень точные значимости, вы не особенно расстраиваетесь. Другими словами, *не стоит* воспринимать это в обратном порядке — не стоит думать, что если научиться на сто процентов избегать концевые слова, то можно достичь успеха. На самом деле это неправильный подход; вас опускают локи. Как ни странно.

Так вот, на самом деле вам как саентологу не нужно об этом страшно беспокоиться. Электрик привык иметь дело с 10.000 вольт, дрессировщик в цирке считает, что нет ничего особенного в том, чтобы пошлёпать льва по носу — заметьте, что публика в общем смотрит на электрика, держащего в руках провода под напряжением, с ужасом, так ведь? Вы смотрите на дрессировщика львов в клетке (они ненавидят, когда их называют “укротителями”, потому что “кротких” львов не бывает, кроткий лев — последнее, что он желал бы иметь, поэтому им нужны настоящие *дикие* львы), на дрессировщика, хлопающего львов по носам — публика смотрит и восклицает: “*Аа-х!*”. Но понимаете ли вы, что, на самом деле, он чувствовал бы себя более неуютно, если бы вокруг не было этих диких кошек, которых нужно пугать хлыстом. И это на самом деле так! Это его жизнь. А зрители, непосвященные в это, естественно, напуганы и совершенно ошеломлены от вида этого дрессировщика и больших кошек в одной клетке.

Вот, например, Клайд Бетти* обычно одновременно работал с сорока львами и тиграми. Могу себе представить: если бы его отстранили от этого на несколько дней, знаете, он почувствовал бы себя очень, очень плохо, ему стало бы скучно, жизнь показалась бы ему неинтересной.

Существует много других профессий и занятий. Вы удивляетесь, как же, ей-богу, стоматолог может стоять и дергать зубы день за днем, день за днем, день за днем, день за днем. Фантастика — но он может! Удивительно, как хирург может стоять, вырезая кишки и выбрасывая их в мусорный бак, час за часом, час за часом, представляете, год за годом. Как так? Что всё это такое? Это всего-навсего профессиональные навыки. Ведь если вы достаточно знакомы с определенным предметом, кому-то он может казаться ужасно опасным и неприятным, но только не вам. Это стоит отметить. В любой области или деятельности человек способен стать практически сверхчеловеком.

Именно это требуется от вас в Саентологии. Я не говорю о том станете ли вы лучше, или станете ли вы Клиром, или ОТ, или кем-то ещё; я сейчас говорю о совершенно приземленном практическом подходе. Слова МПЦ — вот львы, вот высокое напряжение, вот все эти профессиональные опасности, с которыми вам

приходится иметь дело в Саентологии: слова, слова из МПЦ и подобные вещи.

Возьмите эти слова, выйдите, и засуньте их в глотку публики вот там, а? Вы можете на самом деле пронаблюдать, как кто-то будет зеленеть, если встать и начать кричать ему в лицо корневое соединение того или иного рода, просто вплести это в разговор в пяти-шести местах, и говоря ему при этом о том, какой он есть — он просто захочет стать неправым. У него появится желание обесценивать. Просто продолжайте это делать: “Вот тут ты не прав, и вот тут ты не прав”, — и долбите ему об этом, и он внезапно начнет говорить: “Да, да, да!!!”. И потом пойдет и сломает себе шею — точно! У него появится большая склонность к болезням, и всяким таким неприятностям.

Так вот, он просто не привык ко львам. Он даже не может отследить причину того, *отчего* ему стало так плохо; он ничего об этом не знает. О-о, довольно здорово быть в этом профессионалом, потому что жизнь состоит из жизненности, а жизненность имеет большое отношение к уму. В сущности, нам бы нечем было заниматься, и нечего было бы делать, если бы не было ума, не так ли?

Таким образом, работа в области ума имеет свой риск, но наряду с этим, конечно же, много и приятных сторон. И когда вы начинаете дурачиться с МПЦ, вы отлично осознаете, что это может снести вам голову — вы знаете, что шутки с этими штучками опасны. Вы отлично знаете, что они могут сделать. Вы видели людей, которые ковыляют на костылях — у них артриты, артриты с восклицательным знаком, и все такое. Что с ними такое? Ну, они просто получили множество ран где-то в какой-то МПЦ; на самом деле это и есть вся причина их мытарств. Даже если — даже если это инграмма, да, она удерживается на месте благодаря МПЦ. Вот отчего у него такая жизнь, вот что происходит с...

Вот например, отчего в этой семье столько жутких проблем? Ну, у них просто столкнулась парочка концевых слов, тем или иным образом, у одного один любимый конек, у второго — другой. Ну, и если бы вы попытались объяснить им, что все это из-за концевого слова — возможно, вы могли бы попробовать вытащить его из них с помощью Э-метра, если вам не хочется объяснять им все это. Это — ну, возьмем к примеру пару гипотетических концевых слов: скажем, он “консервативен”, а у нее есть концевое слово “дикий”. И эти два концевых слова несовместимы, и они оба начинают орать по этой причине по поводу чего-то. Он — консервативный, а она — дикая.

Такой парочке просто не следует встречаться. По этой причине в конце концов им приходится вести весьма несчастную жизнь. И вы, вероятно, могли бы, на самом деле, даже ничего не выясняя по этому поводу, взять и обработать эту “консервативность” на Э-метре; может быть, получить его суждения по поводу “бытия консервативным”, и заставить это концевое слово исчезнуть. Вы могли бы взять и её, наверное, и отыскать слово “дикая” с помощью Э-метра, особенно если бы у вас в руках был

заранее подготовленный полный список концевых слов, вы смогли бы, вероятно, исключить это, получить ее соображения по этому поводу, и всё такое. И они бы вышли оттуда совершенно счастливые и довольные друг другом, и чудо бы свершилось. И они бы даже потом не могли бы вычислить, что все это возникло из-за какого-то там слова. Их способность распознавать, что с ними случилось — даже это находится гораздо ниже уровня их осознанности. Они просто не знакомы с подобными вещами.

Вы слышали, как люди вокруг ходят и говорят: “Да, это все ерунда, палки и камни могут ломать мне кости, но слова никогда...”⁵. Ой ли?

Риск — профессиональный риск саентолога состоит в том, что он имеет дело со значимостями и массажи; и если связать верную или чуть-чуть неверную массу с верной или слегка неверной значимостью, перепутать это там или тут — случится катастрофа; именно так и происходит жизнь.

И вы стремитесь понять, от чего зависит поведение человека? Каковы основы — элементы существования? Что заставляет материю оставаться здесь? Учёный-физик старательно вникает в суть закона сохранения материи — или, скорее, закона сохранения энергии — старательно вникает в суть закона сохранения энергии, сохранения энергии. Он продолжает думать и думать и думать и думать над этим. Ха. На самом деле он просто завис на концевом слове, вот так-то. И он вгоняет себя в штопор. Рано или поздно он, что ж, дойдет до стремления “уничтожить всю энергию”, или чего-то в этом роде, в качестве своего истолкования МПЦ, и построит атомную бомбу. Ему придется сделать что-то в этом направлении. Потому что у него возникает навязчивое состояние по этому поводу.

Есть МПЦ, связанные с картинками. Мне очень хорошо известен тот факт, что имеется целая серия не пройденных мной МПЦ, которые связаны с картинками. И с тех пор, как я узнал об этом, они не имеют никакого влияния на мою голову. Понимаете, они вообще не способны повлиять на нее. То и дело я принимаю что-то изучать, и там говорится о “картинках” по пять-шесть раз в абзаце, и обнаруживаю, что у меня начинает появляться крошечная головная боль, и я говорю: “О”. Смотрю на абзац и говорю: “О”, — и она пропадает. И тогда эта ситуация, которая могла разрушить империи — одно концевое слово наперекосья может разрушить империи — для вас становится каким-то второстепенным неудобством. Вы обнаруживаете, что у вас болит живот, или что-то вроде того, когда проводите процессинг кому-то или что-то делаете — обнаруживаете, что у вас возникла небольшая

боль в животе, и удивляетесь, отчего бы это — “Что это за боль в животе?”. Потом вы замечаете, что она не проходит. И внезапно осознаете, что обесцениваете какое-то концевое слово. А это самый быстрый на свете способ заработать себе боль в животе.

Вы думаете: “Может, есть такое концевое слово, как ‘женщины’?”. Ну, если вы это обесцените, то вам это скорее всего сойдет с рук, потому что такого слова нет; МПЦ датируются как более ранние по отношению к идее о мужчинах и женщинах, но есть слово “тела”. И, допустим, у вас есть “тела”, ага. И вы обесцениваете идею тел, ну, и получаете приятенькую такую боль в животе. Вы говорите, что такого концевого слова нет, хотя оно есть, и, конечно, примерно в этот момент — иногда на это требуются минуты, иногда полчаса, час или два — это начинает на вас напозать. “Что происходит, что происходит?”, — говорите вы сами себе. “Так, посмотрим, примерно полчаса назад я изучал что-то о телах, и сказал, что их не существует. *Ту-туух!* Так, теперь я знаю, что есть, по крайней мере, одно концевое слово — ‘тела’”. Вот и вся реакция.

Реакция кого-то другого: “О, господи! Позовите доктора Пупорезкина! Оооо! Мне нужно провести операцию на пищевode и на желудке! Меня надо срочно лечить, потому что мое состояние просто ужасно — просто ужасно!”. Вот как. И по причине непонимания и совершенно невообразимо низкого уровня знательности по этому поводу, он становится тотальным следствием всех этих вещей.

Например, мы только что расстроили множество саентологов в Австралии, потому что нам пришлось бороться с лейбористской партией. Лейбористская партия — именно она инициировала закон о запрещении Саентологии в штате Виктория. И я принял решение, что они слишком долго существовали и более не соответствуют предъявляемым требованиям. По сути дела, вся проблема состояла в том, что они обнаружили, что саентологи представляют угрозу для них в плане того, что легко могут привести к потере всех их мест в парламенте. Я написал небольшую статью, тщательно снабдив ее точными соответствующими концевыми словами. Это было распространено — это было распространено, и они едва не лишились своих жизней на этих выборах, вот во что это вылилось. Но, конечно, некоторые тамошние саентологи, которые опасались задевать кого-либо и не знали сути, продолжали писать мне по Линии постоянно действующего приказа номер 1: “Это был ужасный поступок”. Они ничего не знали о концевом слове, вот что — понимаете, они еще не дошли до этого по обучению — они ещё не ориентировались в этой области: “Это был ужасный поступок, потому что на самом деле нельзя вкладывать энтету в тета-линию, такую, как милый саентологический журнальчик”. И это все — они как бы протестовали против того, что эта статья была выпущена, и что она была направлена против лейбористской партии, — что она вообще была выпущена.

⁵ Англ: *sticks and stones may break my bones*: намек на старинный стишок, который часто повторяют дети: “*Sticks and stones May break my bones, But names can never hurt me*” — “Камни и палки могут ломать мне кости, но прозвища — никогда”. (гlossарий)

Они не осознают, против чего протестуют. Некоторые из этих концевых слов их задели; они недостаточно обучены, они не владеют информацией, и поэтому, конечно, это заставило их чувствовать себя как-то хреново, и они хотели узнать, кто это написал. Ну, я им пока не сказал, что это написал я. И это произвело ровно тот эффект, который должно было произвести, а именно: “загнать этих собак обратно в их конуры”, — именно это и получилось. Сейчас они испытывают по этому поводу уже гораздо меньше энтузиазма. По сути дела, они начинают все больше и больше жалеть о том, что вообще начали это расследование, а это и есть должный эффект, который следует оказать на того, кто на вас нападает — просто заставить его очень-очень пожалеть о том, что он на вас напал. Вот правильный способ отражать нападения в этой вселенной.

Правительство Соединенных Штатов постепенно приходит в то же состояние ума относительно дела с Э-метрами. Они начинают останавливаться и задумываться, какого черта вообще и кому пришло в голову начинать эти разборки с самого начала, потому что дело невозможно подготовить, все их факты ложны, обвинения — неверны, и это просто глупо, и если это дело теперь пойдет в суд, то они просто попадут, потому что им придется возмещать ущерб, сумма которого может достигнуть миллионов долларов. Они попали в неприятности. Каким образом ввести кого-то в неприятности? Ха, надо просто заставить его пожалеть о том, что он это сделал, вот и все.

Современные психиатры, психологи и им подобные поглощены исследованием мотиваций — тем, что они называют *исследованием мотиваций*. Очень интересный предмет! Я советую каждому саентологу, особенно тем людям, которые занимаются рекламой и подобной деятельностью в организациях, прочесть книгу под названием “*Тайные увещеватели*”. О, это очень интересная книга. Хотя в ней и пытаются высмеять идею о “тайных увещевателях” и тому подобном, между строк в ней можно найти очень обстоятельное описание приёмов, которые используются современными рекламными агентствами и теми, кто занимается связями с общественностью. Именно они сегодня нанимают психиатров для проведения мотивационных исследований, которые дают им массу противоречивых фактов. В самом деле, большинство этих фактов противоречивы, потому что они не объясняют, отчего люди такие. Они не знают, что движет людьми, что это такое.

Но если это читает саентолог, особенно “сентхилловец”, и тем более, если он уже близок к уровню Класса VI, он читает — и тотчас же это переосмысливает. Они заложили фундамент, получили красивую музыку, но не нашли для неё слов. У них возникла отличная идея, что можно влиять на людей тем или иным образом, но они не знают, какие слова надо положить на этот мотив. Они все еще бредут на ощупь со своим фрейдовским анализом, пытаются мотивировать покупку мыла комплексом либидо*, уходящим корнями в 3-летний возраст. Они пытаются тем или другим способом что-либо

рестимулировать, чтобы продать своё мыло. Но у них нет кнопок, можно сказать и так. Они играют на рояле без клавиш. Хотя им всё равно удастся создавать шум. Я не знаю, как они ухитряются его создавать, но как бы то ни было, они что-то такое делают.

Это, в действительности, одна из самых высокооплачиваемых работ в современном мире — в мире рекламы и торговли. Это сегодня одна из самых высокооплачиваемых областей деятельности в мире. Колоссальные суммы денег перекачиваются в карманы психиатров на определение того, что же все-таки движет людьми. Конечно же, они весьма далеки, — весьма далеки от основ. Они все еще играют в детсадовские игры. Эти парни, пытаясь повлиять на покупателя, пытаясь продать товар или что-то ещё, обратились за решениями к психологам и психиатрам. И те сбились с шага; и как любой солдат в строю, они, скорее всего, получают за это пинка. То и дело они теряют на этом деньги; они делают ошибки.

Вы начинаете сопоставлять всё это — если действительно знаете, что есть ум — и удивляетесь, как вообще можно ухитриться иметь проблемы с распространением?

Так вот, конечно же, это — я имею в виду подобный способ применения — деградация. По сути, это низводит ваше понимание сферы ума до использования его только для продажи маринованной поросятины и других подобных вещей, не так ли? Глупее не придумаешь, ведь так? Всё равно, что использовать “Мерседес” для колки грецких орехов. Я не рекомендую заниматься подобной деятельностью.

Я просто-напросто обращаю ваше внимание на второстепенную сферу деятельности в современном мире, поглощающую огромное количество денег производителей товаров и играющую большую роль в создании каждого журнала. Вы включаете телевизор и смотрите на мотивационное исследование. Открываете журнал и видите мотивационное исследование. Вы открываете газету, читаете объявления и видите мотивационное исследование. Вы можете проследить за выборами и заметить, что кандидаты проходят благодаря мотивационному исследованию. Фактически, Эйзенхауэр* выиграл кампанию в США — когда его избрали президентом — благодаря работе рекламного агентства из области мотивационного исследования. Они определили, что стране просто необходим образ отца, поэтому они устроили ему имидж отца, и, конечно же, он был избран. Действительно, он имел чрезвычайно хороший имидж отца, если отцы не делают ничего, кроме того, что читают вестерны. И они выставили этого малого в таком свете.

Вот так мир и движется. Так вот, если вы хотите знать, как спокойно жить посреди огромного замешательства, все, что вам действительно необходимо — знать ответы, фундаментальные ответы; если вы знаете эти фундаментальные ответы, то эти вещи 90% вашего времени не беспокоят вас, а в другие 10% времени вы можете с ними справляться. Вы меня понимаете?

Знание — это то, что достигается — неважно, является ли оно концевым словом или нет — это то, что достигается посредством учёбы.

Так вот, сам предмет слов минует все пути к определению того, что происходит, к определению того, из чего состоит мир. Слова — это минное поле: значимость. Что это? Как вы узнаете о чем-то? В наши дни вы узнаете что-то о чём-то с помощью слов. Информация передается с помощью слов, вы понимаете вещи с помощью слов, а эти слова — заминированы. Они составляют МПЦ — уток* и основу ума. Они делают ум минным полем.

Ум ужасно заминирован, так что, если вы читаете “кот был черным” и чувствуете себя странно, это утверждение отталкивает вас, и не знаете, что делаете, то вам просто становятся противен предмет изучения котом и любое упоминание о котах. Другими словами, вы заходите в тупик; поскольку читаете утверждение “Этот кот черный” и чувствуете себя не так, как обычно, вследствие этого вы говорите: “Я не должен ничего знать о котах”. На самом деле это никак не связано с котами, вся причина в слове *чёрный*, которое оказывается концевым.

Почти всегда оказывается, что причиной своего непонимания вы указываете не на ту часть предложения или не на ту часть изучаемого материала. Поскольку настоящую причину вы не конфронтируете и чувствуете, что не можете это конфронтировать, вы отвлекаетесь и начинаете конфронтировать что-то другое.

Вот основной принцип, который нужно знать о знании и обучении: (1) даже если вы просто смотрите на дерево, чтобы узнать что-то о нем, то вы это дерево *изучаете*. Неважно, как долго вы это делаете; под учёбой здесь не имеется в виду нечто очень, очень глубокомысленное и тщательное. Вы окидываете взглядом дерево, чтобы выяснить, что это за порода. Вот в это столб короткое мгновение вы изучали дерево. Другими словами, вы осмотрели его, чтобы узнать о нем что-то новое.

Вы можете добыть наблюдение посредством печатной страницы. Это опосредованное наблюдение, но, тем не менее, это тот путь, по которому приходит почти все знание, потому что если бы от вас лично потребовалось заново развить все знание, которое существовало от начала мира и до наших дней, всё в одиночку, вы бы закончили жизнь глупцом. Я не хочу вас обидеть — так оно и есть. Если бы вам было нужно лично, в одиночку, создать все знание, которое когда-либо о чём-либо существовало, за одну жизнь, вы бы не слишком далеко продвинулись по этому пути — если бы рядом не было ни одного человека, который мог бы передать вам что-то, не было бы никаких доступных для изучения работ, текстов или справочников. Если бы вам пришлось бы делать всё, самостоятельно обдумывая и разрабатывая это, и открывать всё знание, и было бы невозможно взять хоть какую-то информацию из другого источника, посредством опосредованного наблюдения. Другими словами, если вы хотите узнать что-то о вулканах, тогда вам придётся пойти и найти вулкан. Вы слишком мало ус-

пеее сделать в этом направлении, так что вам придется умереть глупым, я уверяю вас. Или стать радостным идиотом и поверить, что вы узнали все, что можно узнать о той единственной комнате, в которой вы провели всю свою жизнь. Вы понимаете меня?

В этом ценность вторичного знания. Первичное знание, конечно же, получается путем непосредственного наблюдения и опыта. Но даже для достижения непосредственного наблюдения и опыта гораздо лучше иметь результаты другого наблюдения и опыта, которые могут принести пользу, и только так вы сможете сохранить и развить культуру мало-мальски высокого уровня.

Неграмотные культуры не выживают и не достигают достаточно высокого уровня. Аборигены племени Бага-Бага-Буга-Бугас из Нижнего Бага-Вага-Буга-Вуга в большинстве своем уже не с нами, или ходят, размахивая красными флагами, выступая против своего центрального правительства. У них сейчас плохие времена. Когда к ним пришел британец Томми⁶ со своими Снайдерами и Ли-Энфилдами⁷ и первым принес им высшее образование — только изредка вместе с ним шел тот, кто мог научить чему-то этих аборигенов. Учились они медленно. Их грамотность не давала возможности быстро усваивать культуру. Поэтому, конечно же, их мог обмануть первый встречный.

Как только открывается линия, но за этим не следует грамотность, и вторичное наблюдение остается недоступным, то люди тупеют, умирают, разрушаются и деградируют. Их подавляет колоссальный объем внешней культуры. Они очень счастливо жили среди деревьев бонг-бонг*, танцуя там и сям среди зарослей деревьев бонг-бонг, и высшим пределом их интереса был их собственный дворик. Они могли бы рассказать вам все о деревьях бонг-бонг, и о том, что нельзя заходить в заросли баг-баг, потому что можете наступить на змею тамп-тамп. Это было их непосредственным наблюдением.

Как только они сталкиваются с такими вещами, как абстрактные идеи организации, абстрактные идеи политической философии, абстрактные идеи, ну, например, технологии — которые представляют собой вещи такой материальной природы, где знание вплотную приближается к МЭСТ, где значимость немедленно, непосредственно применяется к управлению материей — когда они вступают в эту сферу, естественно, их культура рушится. Они не способны выпускать винтовки Ли-Энфилд. Они неспособны самоорганизоваться в подобающую демократическую цивилизацию, независимо оттого, какое количество займов попадает в лапы их жадных политиков. Их можно обмануть, их можно превратить в рабов, их можно опустить.

Что случилось? Ну, они подавлены созерцанием этого потрясающего количества культуры. Вот великая, сияющая цивилизация. Она полна кадиллаков и реактивных самолетов,

⁶ Прозвище британских солдат.

⁷ Названия марок британского стрелкового оружия.

электробритв и разного рода диких вещей, и они смотрят на этот оживленный материальный мир; они видят людей, которые подчинили свою окружающую среду до такой степени, что можно жить не напрягаясь, и делать самые тяжёлые вещи, где какая-нибудь девчонка несколькими кнопками может управлять 125 лошадьми так, как будто это самое обычное занятие в жизни. Другими словами, она может водить машину.

Очень хорошо. Все эти чудеса неожиданно обрушиваются на этих неграмотных парней, все эти вещи. Они не знают слов. Они слышат мотив, но не могут спеть его, и они просто падают под каток — раз! Это их просто убивает. Они устремляются прямо вниз.

Того, кто полностью прошел образование в Москве, также учили: “Твои товарищи, у тебя на родине, довольно необразованны, и если ты нажмешь на эту, эту кнопку и вот эту кнопку, то это на них подействует, и они тогда быстро разочаруются в своих целях, и тогда мы сможем захватить всю страну и получить весь джут, который нам нужен”.

Я хочу сказать, что этическая и духовная природа коммунизма очень интересна, не так ли? У них заканчивается джут, и чтобы получить его, они запускают в действие свои политические механизмы. Их интерес к Южной Африке целиком и полностью определяется тем, что им нужны алмазы и золото. То есть это весьма духовно. Они любят человечество за то, что могут от него получить, и играют на своей дудке так хладнокровно, как никто прежде не играл. И основано это в основном на том, что люди не знают слов.

Изучите коммунистический лексикон, посмотрите на коммунистический лексикон — это очень интересный лексикон, очень хитрый. Их технология, их политическая технология, отработана до мельчайших деталей. Они знают, как говорить с этим, как говорить с тем, как спорить с кем-то, они знают, как устроить то, что им надо, им известны способы парламентского контроля над небольшим собранием. Их научили и тому и этому, они знают, как перевернуть все с ног на голову так, чтобы об этом никогда не услышали, и услышано будет только то, что угодно им. Их этому действительно хорошо учат, не так ли? Технология! Технология! Их всех учат с помощью слов. В 1917 году у них этого ещё не было. Их учили технологии прямо по ходу дела, передавая её посредством слов, примерно так же, как я передаю вам информацию и идеи посредством слов. Это всё вторично, она вся взята с чужих слов, и для этих ребят она действительно работает. Они захватывают мир.

Повсюду в западных правительствах я вижу людей, стоящих, засунув руки в карманы, и не понимающих, что происходит: это напоминает картину большого, сильного быка, разрываемого на куски сворой мелких собак. И этот бык знает, что маленькая собака не может ничего сделать ему, поэтому он игнорирует их и пытается продолжать идти вперед. А потом вы увидите, как он валится с перегрызленным горлом. Он не понимает, что им надо, он выше этого

понимания. Что-то вроде того. Сюда примешиваются самые разнообразные суждения. Он ничего не смыслит в коммунистической технологии, поэтому он терпит от неё поражение. Чрезвычайно интересно то, что эта технология передается устно. Ей учат. Она не является результатом непосредственного наблюдения, но любой коммунист (обученный коммунист) может предоставить этот материал для непосредственного наблюдения.

Сегодняшний мир страдает от подавления из-за неграмотности; неграмотные люди страдают от подавления. Дело всегда в этом. Это тот, кто не знает, тот, кто не понимает, тот, кто не въехал в суть и по этой причине был выброшен на помойку. Смерть цивилизации происходит по причине накопленных ею непониманий, незнаний, игнорирований и неудач в постижении ситуаций. Цивилизация может возвратиться ко многим вчерашним клише, типа: “Варвары всегда нападают с севера и уходят домой во время уборки урожая”. И однажды те не ушли домой во время сбора урожая, и это стало концом Рима.

В то время Рим был неграмотен в отношении предмета грамотности: в этом отношении римляне сами были варварами. Они не поняли, что стали слишком слабыми. У них отсутствовала часть информации: о том, что люди, которые хотят быть свободными, должны владеть знаниями не только о последних винах. Им также необходимо владеть довольно подробными знаниями обо всем, что находится вокруг. Им нужно быстро соображать и действовать, быть наблюдательными и бдительными.

Днём вашей смерти будет тот день, когда вы усядетесь и решите, что знаете всё, что только можно знать обо всем вокруг, и поэтому нет никакой нужды наблюдать что-то ещё.

Так вот, между двумя крайностями: “нет никакой необходимости в наблюдении, потому что я знаю всё” и “наблюдение невозможно, потому что я не знаю ни одного слова” находится золотая середина, которая дает вам возможность жить. Вы поняли теперь, что это за две крайности? Первое: “Я знаю всё, что можно знать — я знаю всё, что можно знать, мне не нужно ничего наблюдать. Мне действительно не нужно ничего проверять на опыте, делать что-то и смотреть на что-то, потому что я и так всё знаю”. Это будет конечным продуктом умирающей цивилизации или умирающей личности. Другая крайность: “Я не знаю никаких слов, не понимаю ничего, что происходит в моем окружении”, — и это очень быстрая дорога к смерти, кончине и распаду.

Таким образом, то, что нужно делать — знать слова и оставаться начеку. Вот девиз, который нужно отсюда вынести. Все время где-нибудь созревают новые технологии. Отлично, будьте достаточно любознательными, чтобы выяснять это. Будьте начеку, никогда не впадайте в самодовольство относительно того, что вы знаете, и вы успешно будете выживать долгое время.

Это особенно верно в отношении тех, кто получает известность и признание, тех, кто попадает в положение превосходства по сравнению

с обыкновенным или более рядовым человеком в своем окружении — такой человек склонен впадать в большое самодовольство. Парень живет в окружении аборигенов Угга-Бугга*, он умеет читать, а они нет. И он чувствует свое превосходство, и поэтому, в действительности, и не утруждает себя чтением.

И если Саентологии и грозит какая-то опасность, то это — опасность отупения ее последователей из-за того, что они больше не будут считать нужным наблюдать, применять знания, и держать марку.

Хотите знать, в чем состоит разница между человеком, добивающимся успеха и не имеющим его? Она просто в том, что первый в состоянии понимать и делать, а второй не понимает или не ... Как я вам только что сказал, существует два вида непонимания. Первый из них — полагать, что вы все знаете о чем-либо, и поэтому вам нет нужды это изучать. Другой — это просто незнание слов. Здесь существуют две крайности. Либо человек не понимает; другими словами, он не понимает и перестает пытаться понять; либо он понимает все, как ему кажется, и поэтому не утруждает себя наблюдениями. Эти две крайности вместе (или хотя бы одна из них) становятся причиной провалов. Этот человек выпадает за борт.

А кто же тогда не выпадает за борт? Это тот, кто может наблюдать, понимать и делать — человек, способный наблюдать, понимать и делать.

С точки зрения того факта, что большая часть наблюдений является в действительности опосредованными, становится совершенно понятно, что это вполне действительное наблюдение, если оно объединяется с пониманием. Но эта разновидность наблюдения особенно и исключительно зависит от понимания. Таким образом, чем менее непосредственным является наблюдение, тем выше должно быть понимание. Другими словами, понимание должно расти пропорционально тому, насколько непрямым является наблюдение. Понимание должно возрастать в соответствии со степенью опосредованности. Если ваше наблюдение дерева не является прямым, вам лучше хорошенько понять, что это за дерево, чертовски хорошо в этом разобраться. В действительности, разобраться намного лучше, как это ни странно, чем если бы вы стояли рядом с этим деревом и рассматривали его.

Понимание является заменителем массы, и у вас есть ключ к нему — АРО. Понимание сводится к АРО. При обучении понимание является заменителем массы.

Давайте повторим это снова. Если вам рассказывают о дереве, а вы не имеете возможности его наблюдать, постарайтесь чертовски хорошо понять то, о чем вам говорят, иначе вы рискуете получить о дереве неправильное наблюдение. А если вы не понимаете того, что вам говорят об этом дереве, или как вам передается информация о дереве, вы не достигнете понимания того, что такое дерево, и не получите этой массы, потому что эта информация была получена через промежуточную точку. Вы понимаете?

Материал, который я даю вам здесь, очень сложен, но крайне полезен. Если у вас нет дерева, на которое можно посмотреть — тогда, если вы пытаетесь изучать деревья из вторых рук, вам надо чертовски здорово понимать этот вторичный источник.

Итак, есть две вещи, которые следует понимать в том, что вам сказали, или в том, что вы читаете, или в том, что дается вам как вторичное наблюдение. Обратите внимание, что вторичное наблюдение может также относиться к более позднему времени, чем сам факт. Вы говорите: “Здесь должно было быть дерево, потому что есть пень”, — или “Здесь будет дерево, потому что есть побег”. Понимаете? Ваше понимание может двигаться вперед и назад во времени, и быть прямым или непрямым в смысле точки зрения. Вы можете присутствовать там и смотреть на дерево, или кто-нибудь может рассказать вам об этом дереве. Таким образом, существует два — на самом деле существует несколько различных “пониманий”, целая их совокупность.

Сейчас наша цель состоит не в том, чтобы исследовать, сколько типов и видов пониманий существует, я только обращаю ваше внимание на то, что этот факт имеет отношение к процессу обучения, и только это я действительно пытаюсь до вас донести. Всё остальное к делу совершенно не относится. Это интересно, весь предмет в целом интересен, но главное состоит вот в чём: что если вы наблюдаете что-то не непосредственно, если вы читаете что-то о деревьях, если вы не наблюдаете их напрямую, то в таком случае ваше понимание должно превосходить то, которое требовалось бы при прямом наблюдении. Вы должны понимать больше, понимать лучше — иначе никакого дерева вы не получите.

Это действительно довольно интересно, потому что трудности, связанные с вторичной информацией, неисчислимы. Четыре человека пытаются описать слона, четыре человека с завязанными глазами, ошупавшие всего слона и пытающиеся его описать, или как там это было, в старой притче, помните? И эти мудрые мужи описывают слона во всех деталях. Они не видели слона, потому что у них были завязаны глаза, и они представили дичайшие суждения по поводу того, что он из себя представляет.

Теперь давайте осознаем, что частью нашего понимания, когда мы заняты вторичным наблюдением, то есть опосредованным изучением чего-то — когда мы заняты этим, тогда наше понимание должно включать оценку достоверности данной нам информации. Вы понимаете мою мысль? Наше понимание должно включать понимание того, хороша ли эта информация или плоха, являются ли эти данные соответствующими действительности или они искажены. Другими словами, мы должны быть способны оценить истинность переданного нам наблюдения. Понимание, следовательно, должно включать и это.

Именно здесь большинство разумных существ (я не скажу только “человек”, потому что есть и другие разумные существа) терпят

поражение, именно здесь всё начинает идти наперекосяк, именно здесь они действительно испытывают большие трудности.

Я приведу вам отличный пример. Сегодня повсюду полно людей, которые полагают, что в области ума уже всё известно и взято под контроль. “Видите ли, когда этому малышу было 3 года, он перевозбудился по какой-то причине, и заболел, и поэтому теперь находится в клинике для душевнобольных; и доктора всё это понимают, и все остальные, и ах, ах, ах, ох, проблема решена полностью”.

Хорошо, мы имеем ту ступень развития цивилизации, когда люди говорят не только “Мы знаем”, но также говорят и “Кому необходимо, тот знает, а нам не нужно это знать”. Эй-эй, что это? Что за странная апатия? “Нам даже больше не нужно это знать. Достаточно того, что это кто-то где-то знает, что где-то есть авторитеты по данному предмету”.

Я могу привести в пример Эйзенхауэра. Он всегда зависел от авторитетов. Лучшим источником информации для него всегда был авторитет в данной области, и он никогда не предпринимал никаких действий, не посоветовавшись с авторитетом, так всё и шло, и у него не было ни малейшей нужды обладать знаниями о чём бы то ни было.

Не существовало никогда даже подразделения службы связи для того, чтобы держать его в курсе на случай национальных кризисов и других событий, когда он отсутствовал, играя в гольф. Не было никаких информационных линий к этому человеку. Он черпал политику своей страны из “*Ньюсуика*”*. Так и было. Он дошёл до того, что авторитетом для него стал газетный репортёр. Вообще-то я отношусь к газетчикам с симпатией, — все они полагают, что поручи им что-либо, и они смогут разрешить всё в одно мгновение; но довольно любопытно иметь в качестве определяющей политики нации политику газетных репортёров. На самом деле, возможно, они просто стараются продать мыло. Здесь вовлечены мотивационные исследования. Нельзя на самом деле доверять такого рода информации.

Итак, частью вашего понимания является понимание того, является ложным или истинным источник информации или то, что вы пытаетесь понять.

Таким образом, учёба включает в себя распознавание достоверности источника информации, и вы должны иметь об этом некоторое представление. И это само по себе является результатом опыта. Вы говорите: “Этот парень говорит мне о том, что, по его мнению, является истиной, а если он перестанет верить, что это истина, или обнаружит, что истиной является что-то другое, что ж, он мне скажет”. Что-то вроде этого.

Вы говорите: “Отлично, вот источник информации, причем хороший источник информации. А вот другой источник информации, и если он говорит мне что-то, он отчего-то чертовски хочет обязательно каким угодно образом убедить меня в своих утверждениях. Это может быть правдой, может быть неправдой, но

он будет продолжать говорить мне это только потому, что должен оставаться правым”. Что-то вроде этого.

Например, я только что прочёл 3 учебника — 3 учебника, написанных профессором Колумбийского Университета*, который никогда не держал в руках цветную плёнку — я уверен в этом — но писал о цветной фотографии... Мне нужно было изучить это, я должен был знать своё дело. Мне нужно было сдать экзамен по этому. Я отщёлкал больше цветной плёнки, чем этот человек мог бы себе вообразить. Но это был именно тот случай, когда я вынужден был изучить что-то, чтобы получить зачёт. Я понял это. Я прекрасно понял, что должен изучить это для того, чтобы получить зачёт. Так что можете себе представить, как я потом учился.

Я также начал понимать и то, что этот парень любил покрасоваться. Он любил покрасоваться. Он вставлял какой-нибудь технический термин на 90 долларов, который не был включен ни в один словарь, в середину предложения, где в нем не было никакой необходимости. О! Черт побери, это достает! Вот, прямо в середине этого предложения, вы встречаете фразу типа “*цветовые составители*”*, где он пишет, цитирую: “Теперь мы собираемся ввести новый термин, “*цветовые составители*”, который я объясню позже”. Он так и не объяснил его. Вы смотрите в словарь фототерминов. “Что такое цветовой составитель?”. Вы не можете это найти. Его там нет. Вы смотрите повсюду и не можете ничего найти. Что делать? Лечь и умереть прямо там? Нет, ваше понимание должно включать и тот факт, что этот осёл не знает, о чем говорит, раз никто не может дать этому определение. Ну, может быть, кто-нибудь когда-нибудь даст этому определение, но вам не нужно знать, что это такое, для того, чтобы продолжить учёбу.

Также весьма интересно то, что если вы упустили один из этих моментов понимания, то вы знаете, что у вас будут трудности; но частью учёбы является знание технологии учёбы и того, что *если* у вас начнется головная боль при чтении следующей половины страницы, то это произошло из-за того, что вы не поняли слово. Понимаете?

Другими словами, ваше понимание понимания действительно может стать весьма тонким. Вы можете достичь большого искусства. Вы читаете труд об инженерных работах древних египтян, написанный современным инженером, который заодно является лектором в Массачусетском Институте Технологий*, и которому следовало бы поставить незачёт за английский. Он не умеет писать, — возможно, он умеет строить мосты, но писать он не умеет. (А если он преподаёт в МИТ, он, вероятно, и мосты строить не умеет). Но как бы то ни было, вот он что-то состряпал, а вы хотите узнать что-то о мостах, которые строили древние египтяне, так ведь, и эта книга напичкана словами, описывающими давления, силы и разного рода коэффициенты скручивания — *aa!* А потом, когда он действительно хочет написать понятно, то неожиданно предлагает вам 4

сплошных абзаца многоэтажных интегральных формул, не объясняя, к чему там относится каждый символ.

У меня в комнате есть книга по технике цветной репродукции, написанная одним англичанином. Она изумительна! Там для каждого действия приводятся сложные системы уравнений*, и предполагается, что это что-то объясняет. Естественно, я не стал особо переживать по поводу того, что ничего в этом не понял — я просто рассмеялся ему в лицо, через его книгу. Другими словами, я не впал в *навязчивое состояние* и не стал беспокоиться о том, что мне никак нельзя пропускать это — я хорошо знал учёбу как предмет, для того чтобы представлять себе, что из-за такого пропуска я *рискую* понять трудности — но я знал, что *это* будут за трудности, так что мог бы в случае чего вернуться и устранить их — если бы это *помешало* мне двигаться. Другими словами, я мог прорваться сквозь эти джунгли. Вы меня понимаете?

Аудитория: Да.

Ну, вы можете быть не менее сообразительными в учёбе.

Хорошо, ладно, это на самом деле похоже на преподавание высшей вузовской математики до того, как вы изучили сложение на палочках в детском саду, но я просто хочу показать вам, какого уровня владения предметом учёбы можно достичь. Можно быть достаточно искусным для того, чтобы уметь прочесть диссертацию преподавателя МИТ, при полном наборе инженерных терминов, на тему древнеегипетских мостов, при этом не посмотрев в словаре ни одного из этих чертовых навороченных терминов, и выжить до конца этой диссертации и — что бы вы думали? — узнать что-то о мостах! Вы теперь ловки.

Последние издания Британской энциклопедии* требуют отработки этой способности до уровня искусства, потому что там царит сплошная показуха перед профессионалами. Их [издателей этой энциклопедии] так раскритиковали ландшафтные архитекторы* за статью по этому предмету, так что теперь они включили в текст профессиональные выкладки на эту тему. Их никто не сможет понять, кроме собственно ландшафтного архитектора. Который никогда не будет изучать это по Британской энциклопедии. И это можно сказать почти обо всех их весьма профессиональных статьях. Вот почему я... Они поменяли свой стиль.

Современный стиль состоит в том, чтобы стать непонятным и сказать: “Кто-то другой знает об этом предмете”, — затем попытаться настоять на этом, и потом добавить: “Если вы не эксперт, вы никто, — но вокруг достаточно экспертов, так что все в порядке...”. Так возникает эта неразбериха и упадок, что вы видите вокруг.

Я использую старое издание 1890 года. Вы читаете о ландшафтной архитектуре в старом издании 1890 года и вам ясно, что это было написано для идиота, который не знает никакой номенклатуры. Вы можете найти то, что вам нужно узнать; но в более поздних изданиях вы

не можете этого сделать. Скоро это издание 1890 года станет столь устаревшим, что от него уже не будет никакой пользы, и тогда я останусь без энциклопедии.

И тогда мне придется предпринять что-то отчаянное — я не знаю, заменить её целой библиотекой на данную тему. О-о, да! Я знаю. У Квентина* есть целая кипа учебников, и я буду собирать их. Я только что решил эту проблему. У него есть куча самых разнообразных учебников: “Книга по электронике для малыша”. Книга для малыша о том и сём. Вы открываете эту книгу, и это действительно “Интегральное исчисление, адаптированное для 6-летнего возраста”. В действительности, это гораздо выше уровня их понимания. Я не представляю, как такое можно осуществить, но у него с этим все в порядке. Сумасшедший бизнес! Действительно, есть такой бзик — идея о том, что можно упростить всё до уровня детского понимания, и это нормально, так что я могу собрать детскую библиотеку, и у меня будет все, что нужно. Что я и сделаю. Может быть, дети и не смогут понять это, но я-то смогу.

Как бы то ни было, источники информации, в конечном счете, сводятся к ясности; а слова — это уток и основа любого профессионального или технического предмета. Для специальных наблюдений используют специальные термины. Переместившись в область специальных наблюдений, мы занимаемся этим, как специалисты — и это отлично. Но если вы лишь слегка прощупываете какую-то область, просто для достижения понимания, относящегося к данному моменту, и сталкиваетесь со специальным лексиконом, то вы сразу же терпите поражение.

Так вот, это немедленно дает нам представление о тех, кто не относится серьезно к изучению Саентологии. Первое, что они делают — жалуются на номенклатуру. Ведь, откровенно говоря, у нас терминов меньше, чем требовалось бы для обладания правом называться специальной областью. Когда никто ничего не понимает об уме, откуда они могут иметь какой-либо лексикон в этой области? У них его и нет, а если бы мы воспользовались их убогим лексиконом, мы бы утонули в непонимании, так как эти слова означали бы совсем другое.

Вот этот гусь встаёт и начинает жаловаться по поводу нашего лексикона. И мы сразу же понимаем, что он не относится серьезно к изучению Саентологии. Это первое, что мы узнаем об этом человеке: он несерьезный студент. Он дилетант, ему хочется побродить вокруг да около и нахвататься чего-нибудь. Теперь вы узнаете эту породу? Ему нужна только пара обрывков. На самом деле Саентология ему не нужна, поскольку там нужно попотеть над номенклатурой; потому что эта номенклатура сопряжена со специальным пониманием, и если у вас нет этого специального понимания, то вы никогда не усвоите технологию.

Далее, существует разница между “знающим” человеком и профессионалом. Она очень существенна. Сегодня встречается много парней, слоняющихся вокруг и претендующих на то, что они знают очень много о чем-то, которые

при этом, как ни странно, не имеют даже смутного представления о данной сфере. Однако быть такого рода дилетантом — это “клёво”, и это новейшее веяние.

Например, кто такой врач, как не дилетант, в сфере ума? И еще какой! Он — весьма поверхностное ничто. И каково же их нахальство! Они прослушают 6 часов лекции в каком-нибудь госпитале на берегу Темзы, как я упоминал ранее; это и есть все их образование в сфере ума. Но поскольку они имеют общую лицензию на практику, это дает им карт-бланш в сфере ума. Это звучит дико, но это правда. Так и есть на самом деле. Таким образом, общество, по большому счету, стало столь рассеянным, что уже не возражает против того, что авторитетом называют того, кто вообще по этому предмету ничего не знает. Потому что именно эти люди именуется авторитетами в сфере ума; их учили этому 6 часов.

Между прочим, это то шило, которое в мешке не утаишь. Именно поэтому они столько лет поднимали вокруг нас чертовский шум по поводу того, насколько хорошо мы обучены, а мы на самом деле — за каждую неделю студент Академии в любом месте мира узнаёт гораздо больше об уме, за неделю, чем врач за всю свою карьеру. За одну неделю!

Наглость этих глупцов состоит в попытке сказать нам, что мы не обучены в области ума. Нет, нет, это не так; мы, в действительности, единственные, кто имеет знания об этом. Конечно же, существуют другие профессии, обладающие сведениями в области мяса, нейронов или чего-либо подобного, как, например, психология, или нейрохирургия, или что-то ещё. Но они что-то знают о мясе, но не об уме. Я уступаю им первенство в области мяса. Хорошо. Если человек получает пулю в череп, они, вероятно, могут сделать что-то с этим. Хорошо, отлично. Но давайте не будем лгать, что если мы можем вытащить пулю из черепа, то мы уже все знаем об уме; так как она все же попала в череп, а не в ум. Тут есть небольшая разница в номенклатуре, так ведь?

Я хочу донести до вас представление о том, что существуют разные уровни подхода к предмету. Вы можете заниматься им как дилетант: “О! Да! Я знаю всё о живописи. Да, я прослушал курс по основам искусства в старших классах средней школы, целый семестр, и учитель стоял и показывал нам литографии* на картонках, и я так хорошо разобрался в этом, что мог почти всегда определить Рембрандта. Я стал очень сообразителен в области оценки искусства, так что я много об этом знаю”. Хорошо, из чего же это [обучение] могло состоять? Час, два или три в неделю, в течение — я не знаю; сколько недель в семестре? 16 недель, что-то вроде того? Что в совокупности составило бы... Он смотрел на картины 50 или 60 часов, и теперь стал специалистом по искусству. Ну, конечно же, он разбирается в этом лучше, чем человек с улицы, который вообще об этом ничего не слышал; не намного, но лучше. Но это дает ему уверенность в том, что теперь он что-то об этом знает, когда на самом деле он не имеет об этом ни малейшего черто-

ва понятия. Из-за этого у него возникает любопытное, очень опасное отношение к знаниям. Это даёт ему ложное понимание. Теперь он думает, что что-то об этом знает. Нет, он знает только номенклатуру картин. Он ничего не знает об искусстве, его никогда ничему этому не учили. Номенклатура картин — единственное, что он мог узнать.

В действительности, это определяется вовсе не затраченным количеством времени, хотя я и упоминал время. В большей степени это определяется серьёзностью, с которой к этому относятся. Насколько вы хотите разобраться в этом? Хотите ли вы узнать об этом только то, что достаточно для участия в беседе? То, что достаточно знать светской даме, которая впервые выходит в свет на Парк Авеню*, и только? Она может говорить об искусстве — как мило! На блестящем приеме, если кого-то угораздило бы сказать ей: “Вы похожи на Мадонну”, — она бы поняла, что это не обязательно относится к религии, так ведь? Понимаете, искусство, да?

Отлично, давайте теперь войдем в предмет искусства чуть глубже. Насколько серьёзно они хотят узнать этот предмет? Хотят ли они узнать о нем достаточно только для того, чтобы не казаться дураком, или они хотят что-то узнать об этом достаточно для того, чтобы с этим что-то делать? Они хотят использовать искусство, чтобы украсить дом? То есть для того, чтобы знать, как выбирать, подбирать друг к другу и развешивать картины и что вообще с ними делать?

Мы можем пойти дальше, не обязательно в этом направлении, но в другом: Парень хочет знать об искусстве по причине нависшей угрозы инфляции, например. Угроза инфляции. Вы можете купить землю, которая довольно непеременяема, вы можете также купить золото, если найдете его и если вы не американец, и это будет возрастать в цене, в то время как деньги общества будут обесцениваться. Или можете купить произведения искусства. Сегодня искусство — большой бизнес для людей, ничего не понимающих в искусстве как области деятельности, но хорошо разбирающихся в финансовых вложениях. Вы бы поразились тому, насколько обширен этот бизнес. Кто-то хочет знать об искусстве достаточно для того, чтобы суметь определить, обманывают его эксперты или нет? Вот насколько далеко этот парень хочет зайти. Ему нужно знать об искусстве достаточно, чтобы понять, кто насколько в нем разбирается, чтобы его не обманули. Иначе его одерут как липку.

Или вы хотите знать об искусстве достаточно для того, чтобы заняться преподаванием в этой сфере? Тогда давайте пойдём немного дальше. Нам бы не мешало узнать об искусстве побольше. Не так ли? Теперь мы переходим на нижние уровни обучения. Или мы хотим знать об искусстве достаточно для того, чтобы при желании сесть, взять уголёк и лист бумаги, и изобразить вазу с нарциссом? Таким образом, мы вновь отправляемся к началу, потому что любой ребенок в детском саду пытается нари-

совать вазу с нарциссом. Мы возвращаемся в сферу делательности.

Я обращаю ваше внимание на то, что маленький ребенок в детском саду почти никогда не вступает в эту область. Страшно любопытно обратить внимание на то, во что превращается то, чему полагается быть вазой, ведь дети обладают тем, что называют “художественным талантом”, и ничто нельзя разрушить легче этого, потому что это не основано на знании или понимании. Эта способность у них не сохраняется. Она выпорхнет из-под их пальцев, если они не будут действительно что-то рисовать. Их легко сбить с пути. Тетану от природы свойственно творчество, но ему на самом деле приходится управлять определенными средствами, о которых он мало чего знает.

Вот вы снова возвращаетесь к этому занятию — берете кусочек угля, чистый лист бумаги и садитесь рисовать вазу. Начинается ваше образование. Вы узнаете, что если расположить бумагу по-другому или изменить положение головы во время работы, то изменятся пропорции вазы. Это требует некоторых познаний, не так ли? Другими словами, если вы смотрите на вазу с близкого расстояния и рисуете ее в течение некоторого времени, предположим, вы нарисовали большую верхнюю часть, а затем откидываетесь на спинку стула, чтобы расслабиться, и рисуете нижнюю часть, и теперь она получилась маленькой; большой верх и маленький низ, и это выглядит не так, как на самом деле. Хотя для вас все выглядело нормально. Хорошо. Вот с этой точки и начинается ваше образование по предмету искусства: “Держать голову неподвижно! Это как-то связано с точкой, откуда я смотрю, а расстояние, которое я наблюдаю, как-то связано с тем, что я рисую здесь на бумаге”. Да! Все правильно. Вы только что начали длинный забег по дороге к профессионализму. Даже если вы делали это ради развлечения, вы всё равно бы вступили на путь к профессионализму.

Что же еще вам нужно знать об этом? Так вот, вы должны знать, что если рисовать что-то один к одному, это пара пустяков; но если попытаться уменьшить или увеличить это в размере, то это сложнее. Если вы рисуете вазу на листе бумаги того же самого размера, что вы видите на столе, это до смешного просто. Но как нарисовать её в масштабе один к одному? Надо просто не менять относительное положение бумаги, или блокнота на столе. Это очень просто.

Большинство людей не могут рисовать натюрморты по очень любопытной причине: они пытаются сделать уменьшение. Они пытаются рисовать большую вазу, глядя на маленькую, или маленькую, глядя на большую, и поскольку они переводят взгляд, переводят глаза с большой вазы на нарисованную, то не получают размер один к одному. Понимаете, они смотрят на большую вазу и пытаются сделать из неё маленькую, и конечно, не могут получить правильную пропорцию, потому что размер уже ошибочный, и это их обескураживает. Они не знают, как из этого вырваться, не знают этого, — “Бог мой! Это требует всякого рода

диких механических и математических действий, — чтобы взять большую вазу и сделать из неё маленькую миниатюрную, о, господи помоги!” Раздается “скрип-скрип”. О, это чертовски просто. Вы ставите там вазу, кладете перед собой бумагу таким образом, чтобы бумага казалась одного размера с вазой, достаете уголёк, рисуете контуры вазы, которую там видите, того же размера, как она вам представляется отсюда, правильно держите голову, держите бумагу и вазу, как положено, проходите угольком — *скрумп-скрумп*, наносите пару линий, *скрумп*. И если вы не трясущийся паралитик, то получите прекрасный набросок изображения вазы.

Я вам только показываю то, что там есть эти небольшие компоненты технологии. Вы теперь на пути к профессионализму.

Кто-то скажет, что учёба, которая заканчивается лишь пониманием, тоже не бесполезна, и представляет собой огромную часть всей культуры общества. Учёба без применения, позвольте мне выразить это так. Вы ничего не хотите с этим делать, никак не собираетесь это использовать, это — просто мило, просто интересно, ну не прекрасно ли? Колоссальный объем культуры, в которой вы живете, находится на уровне только такого понимания, и знать эти вещи очень замечательно — когда вокруг огромное количество подобных вещей. Например, вам не нужно знать, как ремонтируют автомобиль, или самому ремонтировать автомобиль, чтобы знать что-то об автомобилях. Но вам было бы гораздо лучше узнать кое-какие вещи по ремонту автомобиля, прежде чем платить кому-либо за это. Другими словами, вы находитесь на уровне регулируемой делательности, не так ли? Ваше понимание достаточно для того, чтобы вас не обманули при покупке “Моны Лизы”, потому что Джо уже купил её вчера.

Следовательно, ваше понимание во всех сферах жизни может охватывать *огромное* количество вещей, которые вы никогда не намеревались делать. Ничего плохого в этом нет. Но не стоит этим злоупотреблять. Не делайте из этого привычки. Если вы идете по какому-то пути, придерживайтесь его, хорошо? Не позволяйте какому-то студенту, например... — разрешите мне поговорить немного о Саентологии, — не позволяйте тому, кто пришел на курс “Личной эффективности” или на что-либо еще, ходить вокруг да около. Вы обнаружите, что они будут собираться, бесконечно говорить о Саентологии. Они не смогут найти инграмму даже под дулом пистолета, но будут без конца говорить о Саентологии. На самом деле повсюду есть группы, которые ничем кроме этого и не занимаются. Они никогда не одитируют, никогда не предпринимают никаких действий. Их владение предметом находится на уровне простого интереса. Вообще-то это прекрасно, совершенно все в порядке, но не оставляйте их в заблуждении, что они якобы *знают* этот предмет.

Это было бы жестоко по отношению к ним. Они не знают его, и их замешательство пропорционально их уверенности в том, что раз

теперь они делают то-то и то-то, так-то и так-то, значит, это так или иначе доказывает их компетентность, и, стало быть, они всё об этом знают.

И в этот момент образование человека начинает рушиться, потому что он попал в какую ловушку? А в такую ловушку — он думает, что знает об этом всё, и значит, жизнь пойдет как надо сама собой. Но он не знает всего, он не знает вашего уровня понимания этого. Бог мой! Вы вгрызались в этот предмет, с чем-то не соглашались, докапывались до истины и постигали его, и вы знаете, чего это стоит это знание.

А этот тип говорит “Ну, я...”, — и так далее. Если бы вы проследили за его логикой, вы были бы просто изумлены. Если бы вы проникли в его образ мыслей, поинтересовались некоторыми его утверждениями, присмотрелись бы к тому, как он что-то делает по этому предмету, если он вообще что-либо делал по нему, вы бы временами просто умирали от смеха — насколько это далеко от вашего представления о том, как это можно истолковать. Просто нет слов.

Кто-то скажет: “Ну, я успокоил собаку, используя саентологический процессинг. Я её выдрал”. Как, черт побери, такое может быть? Это настолько странно. И позволять этому человеку продолжать верить, что он всё обо всём знает, и поэтому ему незачем непосредственно и серьёзно обращаться к этой области, чтобы достичь какого-то уровня способности действовать в ней, было бы жестоко по отношению к нему, потому что он не получит ничего, кроме неудач. Это обширный предмет, который мог бы принести ему результаты, если бы он делал всё должным образом, он мог бы достичь чего-то и что-то с этим делать. Но позволять ему сидеть и думать, что он все об этом знает, когда на самом деле он ничего об этом не знает — значит позволять отправлять его в эту другую категорию.

Не менее жестоко оставлять его в положении, когда он думает, что не может ничего знать об этом, поскольку это так необозримо и трудно — потому что вы искусственно создаете две причины для гибели личности или цивилизации. Вы вводите его в состояние “Он не только неграмотен, но и продолжит быть неграмотным вечно”. “Да, конечно, только специалист мог знать это. И я не понимаю, на кой спрашивать дефиницию данного слова, раз она не имеет никакого отношения к тому, что делается. Это всё достаточно трудно, знаете ли”.

Я никогда не понимал такого подхода. Какой-нибудь парень — если какой-нибудь парень подходит ко мне и враждебно спрашивает меня о том или другом, я не отвечаю за то, что он получит в ответ. Это зависит от того, в каком расположении духа я нахожусь в данный момент. Если это меня злит, он, вероятно, отскочит от меня с головной болью. Но если бы кто-нибудь спросил меня, действительно желая что-либо знать, я непременно — вы ведь знаете меня — рассказал бы ему, раз! — наилучшим возможным образом. Даже если бы я не имел никакой надежды на то, что они действительно

поймут то, о чём я говорю, я бы всё равно рассказал им по возможности то, что, наверное, могло бы способствовать их информированности и пониманию этого вопроса. Всегда делайте что-то в этом роде. И обычно, если кто-то просто спрашивает ради информации, что ж, я даю её. Но если они просят помощи, я всегда задаю им что-то сделать — не только даю информацию, или истинное понимание этого вопроса, если это в моих силах, но также всегда даю им что-то сделать. И вы были бы удивлены, насколько действенен такой подход.

Конечно, если вас спросят о чем-то грубо или язвительно, или что-то в этом роде, что ж, просто захлопните мышеловку. Не имеет значения, что вы им сделаете. Никто от вас не требует быть вежливым. Просто не вступайте в компромисс со своими собственными линиями общения.

Единственный случай, когда я или кто-то другой расстраивается — это когда человек задаёт мне глупый вопрос, который звучит как-то грубо, но задаёт его вполне серьёзно и действительно имеет в виду то, что думает. И тогда вы оказываетесь немедленно в состоянии, когда вам очень неприятно, вы озлоблены, хотя у него не было подобного намерения. Иногда можно обмануться таким образом. Это довольно просто.

Но делательность требует, конечно, гораздо, гораздо больше понимания, чем просто рассматривательность⁸. Делательность требует гораздо больше дополнительного понимания, и когда вы начинаете применять знания этого предмета на практике, это иногда приносит большое разочарование. Ваши первые результаты совершенно вас разочаровывают. Ваше понимание было недостаточно высоким для уровня делательности. И вы отсюда узнаете — вам нужно отсюда узнать, что для того, чтобы делать что-то, вам необходимо большее понимание, согласны? Вот урок, который вам следует получить. А вот урок, который вам не нужно получать: “Это просто слишком трудно”.

Но в некоторых предметах можно получить другой урок — что это “никогда и никоим образом не работало вообще”. Как ни странно, я не думаю, что это применимо к чему-либо, за исключением высших уровней суперобразования. На высших уровнях суперобразования существует много материала, который не работает, но на это есть надежда, и он преподносится как работоспособный. Но это и не должно было работать; это вообще не ведет к какому бы то ни было результату. Это звучит очень странно, но это правда. Например, составление уравнений винтов самолета или кнутов — винт самолета и кнут относятся к одной категории — с помощью интегрального исчисления, и вымученное описание всех этих контуров и изгибов винта самолета, или траектории движения кнута. Зачем заниматься такой глупостью? Зачем, например, изучать ужасные сложности некоторых видов весьма эзотерической дея-

⁸ Lookingness. Если кто-то придумает лучший перевод этого слова, обращайтесь к переводчику!

тельности, построенной на основе делательности, которая не использовалась в течение трех веков, только для того, чтобы делать это?

Иногда это совсем не работает. Иногда этого никто никогда не делал. Это должно войти и в ваши вычисления тоже, когда вы подберетесь к этому уровню. Возможно, никто никогда не делал этого. Возможно, это слишком трудно. Возможно это не так. Может быть, нет никакой кривой интегрального исчисления для кнута. Вы могли бы зайти так далеко, впасть в такую глупость.

Такого рода сведения являются частью вашего понимания предмета учёбы. Чего вы стремитесь достичь с помощью такой учёбы? Но если вы осваиваете какой-то предмет на основе делательности, то вы должны делать это постепенно, по ступеньке. И первая лекция, которую я вам читал на эту тему, была посвящена постепенности. Вы обнаружите, что первое ухудшение делательности происходит *сразу после*, сразу же после того, как он резко столкнулся со слишком высокой ступенью. На самом деле это произошло не из-за превышения постепенности, он не понял чего-то за мгновение перед тем, как превзойти эту ступень. Я еще расскажу вам об этом в последующих лекциях о процессинге с использованием принципа постепенности.

Это очень интересно — ступенью, с которой он не справился, стала та, которая идет сразу же после той, что он не понял. А он распознает это ступенькой позже.

Вам надо предоставить человеку ряд делательностей с соблюдением постепенности, которая ему будет по силам. В Саентологии есть изумительная вещь, называемая “Ассист-прикосновение” — он настолько действенен, что некоторые люди останавливаются прямо на нём; а это только один небольшой уровень делательности, который, если его выполнять, дает некоторую уверенность, и можно перейти далее на более высокие уровни делательности. Это подобно изобретению слишком хорошего самоката. Вам ясно, что это очень хороший самокат, и оказывается, что порой очень трудно подтолкнуть людей к следующему шагу. Но уверенность и понимание идут рука об руку с делательностью, так что выходит, что делательность — просто-напросто другой путь достижения понимания. Добавок к тому, что это является методом выполнения чего-либо, это также метод приобретения понимания. Делательность — это метод обретения понимания. И если вы вдруг обнаруживаете, что слишком увязли, что ж, вам нужно начать что-то делать с этим, что звучит очень интересно.

Между прочим, я знаю это по себе; я только что прочел 3 книги о старинных цветных пленках. Я изучаю цветную фотографию по учебникам, которые, несмотря на то, что они написаны этим институтом, уже довольно давно устарели. Они мертвы, тех материалов, о которых в них говорится, на самом деле осталось крайне мало. Это было написано профессором Колумбийского Университета, который, вероятно, никогда ничего не делал. Рекомендации были в основном взяты из литературы, выпу-

щенной компаниями-производителями того времени. В них описывались только отличные результаты, и никак не предполагалось, что это кому-то может создать трудности. В результате это привело к чрезвычайно интересному, в основе своей теоретическому подходу, который был жизненно важен для понимания этого предмета, но при этом дико углублялся в область делательностей, от которых сейчас уже нет никакой пользы, совершенно не связанных друг с другом. И если бы это была не самая худшая в мире путаница, с какой я когда-либо имел дело, то мне хотелось бы узнать о такой. Полная путаница. Здесь же и очень важные фундаментальные методы, фундаментальные исторические методы, фундаментальные принципы, фундаментальные химические методы; и всё это является истинной не только сейчас, но останется таковым и в будущем, в этой конкретной сфере, разве не так? Основы, фундамент.

Ну, я таки справился с этим, несмотря на то, что автором являлся профессор. И ко всему прочему, вы там неожиданно сталкиваетесь с пленками, которые вы никогда не будете использовать в фотографии, но вы обязаны изучать всю касающуюся этого литературу. О, это довольно мрачно, потому что ещё в самом начале я понял, что руководство производителя пленки по её использованию (не говоря уже о самой цветной пленке) — это то, чем не стоит мусорить на улице. Нужно аккуратно отправить это в мусорный бак. Понимаете? Она бесполезна! Забудьте её! Во-первых, сам производитель — не тот, кто пользуется пленкой. Он — продавец; не просто тот, кто её производит; он продает это, поэтому ему нужна хорошая реклама; поэтому он изображает счастливое лицо и говорит, что светочувствительность* у неё просто обалденная, — когда на самом деле это не так. А потом он утверждает, что чего-то ею не снимешь, когда это запросто делается. И всё описание того, что это, как с этим обращаться и т.п. — все это вообще не в тему.

Зачем кому-то вообще понадобилось вставлять это в текст? Он же знал, что цветное фото — это быстро развивающаяся область. Она развивалась так быстро, что невозможно было бы требовать от человека, без усовершенствования учебника, полного знания об автохроме* — тогда как этот автохром не используют уже с 1920 года, да и в те времена с его помощью нельзя было ничего снять. Кто вообще об этом слышал? Вообще-то здорово узнать, что была такая пленка, и какова теоретическая основа этого, но сейчас начинать заниматься поиском линз и диафрагм для автохрома — вот прямо сейчас! Вообще, что за диафрагмы и установки линз для автохрома? В фотоаппарате и функций-то таких нет. Таким образом, это просто какая-то чушь, не так ли? И ваше понимание должно учитывать и этот факт, и вы так или иначе должны выжить, изучая этот предмет, и при этом сохранить нетронутыми все эти фундаментальные основы и базовые методы предмета изучения, которым вы занимались, не особо переживая по поводу более поздних завихрений, в которые вы попадаете потому, что это теперь пройдено и усовершенствованно.

Далее, вы сталкиваетесь с этим просто потому, что Саентология развивается. Я только что пережил это, самым невероятным образом. Третья книга была полностью посвящена методам печатания цветных фотографий, а мне не хотелось бы, чтобы меня нашли мертвым где-нибудь в фотолаборатории. Поэтому, я — *ох!* Кому охота валять дурака подобным образом? Ну хорошо, есть достаточно парней, которым нравится валять дурака, и я счастлив этому, потому что они делают и мою часть этого дуракавания. Всё, что мне необходимо знать в этом — понимание того, что мне необходимо знать. Я не нашёл ни времени, ни желания тратить 40 или 50 часов, чтобы должным образом сделать снимок для выставки. Я не нашёл ни времени, ни желания. Кто стал бы заниматься такой ерундой? Один из тех любителей бить баклуши. Они бы поработали с радостью! Поразительно! Они без этого жить не могут! Отлично, но мне достаточно знать, знают они то, что делают, или нет.

Хочу подчеркнуть еще раз, что это понимание того, для чего мне нужна эта информация, для чего я собираюсь ее использовать, понимание ее точности и ценности; понимание того, что я должен получить от неё. Это и есть понимание того, чего я хочу; это понимание должного практического использования или применения этой информации; и если она вам нужна для поддержания светской беседы, вы должны были бы изучать ее совершенно по-другому. Если бы вы изучали искусство для поддержания светской беседы, а не для работы — я уверяю вас, — вам нужно было бы просто приобрести каталог, который был напечатан в незапамятные времена, содержащий имена художников разных направлений периода Ван Эйка*, зубрить всех его современников, понятно, взять их всех и то, чем они известны, и запомнить — просто зубрить, зубрить, зубрить, как вы учите текст роли в любительском театре — весь этот материал. Светская беседа: все просто от вас в отпаде! Они и рот не успевают открыть — говорят что-то о художниках семнадцатого века, понятно, а вы выговариваете: “Как Ван дер Доббин”.

А они говорят: “Что?”.

Вы отвечаете: “Да, Ван дер Доббин”.

Другими словами, вы запросто демонстрируете абсолютное превосходство. Снесите им головы. “О, Гоббема, ко всему прочему — чересчур печальный”.

И все скажут: “Ну, надо же! Вот это крутой парень”.

Так что в любом случае, подобная чепуха, с которой вы можете столкнуться по любому вопросу, и всякие другие ситуации подобного рода всё равно попадают в категорию “Для чего я собираюсь использовать эту информацию?”. “До какой степени мне необходимо знать сам этот отдельный предмет?”.

Преподаватели, которые преподавали мне предмет военных действий против подводных лодок, учили меня тому, как собрать (как собрать, если вам угодно! Шла война. У меня вообще не было времени, чтобы что-то собирать. Я пытался объяснить это им.) QCB-1 — электронный противолодочный эхолот — ASDIC* QCB-1. Именно так он собирается.

К счастью, там была чудесная, чудесная теплая классная комната; я был командирован на юг Флориды, чтобы изучить эти штуки, и это был один из предметов, который мне преподавали, и, черт побери, у меня была отличная возможность наверстать все бессонные ночи; потому что я просто точно знал, что посреди Тихого океана, гоняясь за японскими подводными лодками, я не собираюсь заниматься сборкой этих устройств. Я просто должен знать, как их использовать, самое больше — как их ремонтировать и отличать, когда они работают, а когда нет. Я сообразил, что это всё, что мне понадобится в бою. Это все, что мне нужно знать об этом оборудовании, так что я мог отлично отоспался.

Однако способность оценивать то, для чего это тебе необходимо, как это изучать, к какой области это имеет отношение, и тому подобное — всё это неотъемлемая часть самого предмета учёбы. И если это при учёбе не учтено, хо, тогда польза от информации минимальна, вы тупеете, она вас шокирует, вы виснете на словах и штуках, с которыми сталкиваетесь, это вас раздражает, и вы ничего не понимаете. И вы попадаете в навязчивое “Я должен в совершенстве понимать все, что читаю, а иначе мне будет плохо”, — и этот урок вбит в вас тем фактом, что если не понимать того, что читаешь, то через полстраницы у вас появится головная боль. Ну, вам надо быть достаточно сообразительным для того, чтобы знать, *что* было причиной, после того, как эти полстраницы были прочитаны и головная боль действительно появилась, и вам надо найти это, определить это и урегулировать. Просто скажите: “Это слово я не знаю”, — и продолжайте чтение.

Другими словами, для того, чтобы учиться, вы должны усвоить достаточно большой объем технологии обучения, или, в противном случае, польза от полученной вами информации будет минимальной.

Отлично, сегодня в лекции я дал много материала, в большей степени теоретического. Все это, между тем, имеет практическое применение, практическое приложение к тому, что вы делаете прямо сейчас. И зная то, что ваши оценки повышаются очень, очень хорошо после каждой лекции, я могу только пожелать, чтобы это произошло опять.

Большое спасибо.

УЧЁБА И ОБРАЗОВАНИЕ

13 августа 1964 года

Какое число?

Аудитория: 13-е августа 14 года ЭД.

13-е августа 14 года ЭД, Специальный Инструктивный Курс Сент-Хилла, и у нас ещё одна лекция об учёбе и образовании.

Вероятно, вы, по мере того, как мы занимаемся этим вопросом, уже осознали, что мы довольно хорошо всё это проработали. Хотя и не ожидали некоторых приятных сюрпризов, которые это нам принесло. Как я уже упоминал, это было захватывающим приключением — вот так вот взять другой похожий предмет из области практической деятельности и учёбы, дабы не слишком интровертироваться в свой собственный, и изучать этот предмет с целью узнать что-то об учёбе — для того чтобы взглянуть на это со стороны и изучить этот предмет, как совершенный неопит, который приступает к делу с самых его аздов. Изучить этот предмет от начала до конца не подилетантски, а как профессионал. Между двумя этими подходами к учёбе есть огромная разница.

Чего сейчас тут пока не хватает — так это, конечно, профессиональной практики в том, что изучено. И это нужно будет сделать, для того, чтобы помочь вам в этой конкретной области или сфере. Это не кажется слишком уж сложным — но весь предмет образования имеет своим конечным продуктом определённые делательности, достижение определённых целей или выполнение определённых задач — и образование, которое не приводит к этому, является, конечно, не более чем переливанием из пустого в порожнее — бессмысленным делом. Это — чистой воды дилетантство, которое лучше всего можно описать так: “человек не намеревается ничего с этим делать, кроме как надоедать своим друзьям”.

И отличие между этими двумя видами деятельности — переливанием из пустого в порожнее и... На самом деле я не назвал бы это образованием. Я не стал бы удостаивать это званием “образования”. Я сказал бы, что это знакомство; это знакомство. Другими словами, это шапочное знакомство с данными или предметом для выяснения того, что там есть, лёгкое прохождение по верхам; а это, по моему мнению, не имеет права называться образованием.

Образование направлено на профессиональное выполнение определённых действий. Я ввёл сюда от себя слово *профессионально*; но если человек имеет образование по какому-то предмету, то ожидается, что он будет способен при помощи этих знаний выполнять определённые действия. Даже если это всего-навсего теоретическая наука — всё равно, тогда от человека ожидается, что он станет хорошим теоретиком.

Поэтому, я определил бы образование как “то, чем занимаются всерьёз”; и под вывеской образования протискивается много такого, что им не является. Я не говорю о — это ведь нормальное определение из английского словаря, правда? Образование означает изучение, знание или применение знания определённого

предмета. Так давайте рассматривать это как честное и прямое определение. Если человек образован по какому-то предмету, тогда он *знает* этот предмет. Он *ЗНАЕТ* предмет! Он способен выполнить те действия, которым его обучают в рамках этого предмета, он способен достичь результатов, которым обучают в рамках этого предмета. Вот что такое образование.

Современную школьную систему просто смешно называть “образованием”, потому что учителя всего-навсего предоставляют бедному ребёнку, попавшего в школу, какое-то занятие на то время, пока он там болтается. Давайте смотреть правде в глаза. Так вот, предоставление какого-то занятия на то время, пока он там болтается, как мне кажется, не имеет ничего общего с каким бы то ни было образованием. И изучение этой области показывает, что лучшее оправдание необходимости существования общепринятой, официальной системы детского образования — просто предоставление их матерям возможности передохнуть. Это факт. Так вот они на это смотрят.

Но что же этого ребёнка учат делать? И задав такой вопрос, вы тут же видите, в чём именно вы идёте вразрез с системой школьного обучения. Его ничего не учат делать. Вуаля! Так что это не образование. Просто возьмите это слово в его настоящем определении (с восклицательным знаком), “образованный!”; сейчас это слово стало означать некую эзотерическую ауру, которую... которую что? Вот вы говорите: “Этот парень получил образование”. Вы говорите: “Он получил образование в Оксфорде*”. Да, и что это такое? Отлично, он получил образование в Оксфорде; чудесно, он — выпускник Оксфорда, хорошо. Мы ожидаем от него определённого стиля поведения и определённую реакцию общества на это. Хорошо. Если он получил образование, как быть джентльменом — это хорошо. Таким образом, он — профессиональный джентльмен. Да? Чудесно. Чудесно.

На самом деле, нельзя отделить образование от активной делательности, положения и профессионализма. Их невозможно отделить друг от друга, и чтобы обойти это, мы говорим: “Ну, мы хотели дать ему хорошее образование, не для того, чтобы он умел что-то делать, но...”.... Мы немедленно получаем противоречие. Это эквивалентно тому, что сказать: “Мы должны собрать все белые горошины, оставляя белые все горошины на земле”. Это невозможно сделать, так ведь? Невозможно *просто* “дать образование” кому-нибудь, без какой-либо конкретной цели, потому что тогда он не будет иметь образования.

В этом состоит драма современности. Самые крупные ассигнования в мире, на втором месте после вооружения, идут на детское образование. Это крупный бюджет. Я тут не касаюсь того вопроса, что всем учителям не доплачивают и всё такое (а это так и есть). Тем не менее, на эту конкретную сферу тратятся баснословные суммы. Если рассмотреть всё это в полном масштабе и включить в статьи расходов все виды осуществляемой в нашем мире

образовательной деятельности, вы увидите, что это инвестиции ужасающих размеров.

На Западе практически в образование каждого человека вложены значительные суммы. Это значительные суммы. Они выливаются в тысячи фунтов стерлингов; что бы об этом не говорили. Они доходят до многих, многих тысяч долларов. К тому моменту, когда молодой человек закончил своё образование в колледже, оно обходится в сумму, составляющую примерно 10.000 долларов, или обходилось в эту сумму 10 лет назад (это старая цифра). Возможно, эта цифра сейчас выше. В человека нужно вложить много денег; при этом не особо ожидая какого-либо результата.

О'кей, вот на его образование ухлопали такую кучу денег, но стал ли он образованным?

Мужской голос: Нет.

Ага! В том-то и драма. Понимаете, на его образование ухлопали кучу денег, но образованным он не стал.

На днях я был изрядно поражён, обнаружив, что мои юные сыновья не могут написать своих имён. Они получили “образование” за удивительно короткий срок, но не могли написать собственных имён. И поэтому я не могу утверждать, что их учили писать. Им не дали образования в области письма. Не имеет значения, что они делали, не имеет значения количество странствующих овалов, которые они вывели, раз это не приводило к конечному результату — умению подписываться своим именем. Я полагаю, что это должно быть первым, о чём следует подумать любому учителю: ребёнок должен уметь написать своё имя. Потому что, честно говоря, это чуть ли не самый основной тест на грамотность.

Если парень, взойдя на борт корабля, вынужден вместо своей подписи в списке пассажиров ставить крестик, он тут же незамедлительно станет считаться неграмотным. Даже если он умеет красивым каллиграфическим почерком выводить всё остальное, за исключением своего имени. Но, если он не смог написать собственное имя, ох и трудно же ему будет убедить других в том, что он не неграмотен.

Поэтому я бы сказал, что это самое первейшее умение, и когда я обнаружил их неспособность сделать это, я устроил настоящую бучу, настаивая на том, что их нужно научить писать свои имена. Даже сами дети довольно сильно напугались. Им и в голову не приходило, что, если они знают, как писать, они должны уметь подписаться собственным именем. Они этого сделать не могли. В образовании осталось очень много дырок.

Теперь возьмите арифметику. Ей учат как полезной и простой штуке, которая нужна вам для того, чтобы вас не обсчитали в магазине. Я думаю, что это едва ли не самый дикий в смысле своей близорукости взгляд на какой бы то ни было предмет, с которым я сталкивался. И я уверен, что это основная причина, по которой арифметику преподают, так как дети не раз терпеливо втолковывали мне эту самую причину. Им объяснили, что причина, по которой им её преподают, состоит в том, чтобы их не

обсчитали. Никто никогда не упоминает, что есть ещё один способ избежать волнений на этот предмет — зарабатывать достаточно денег. Если вы хорошо зарабатываете, вам не нужно знать арифметику, потому что вас не волнует, обсчитают вас или нет. Есть другие способы справиться с этой проблемой. Я имею в виду... Следовательно, к этому делу есть некий другой подход; хотя я и предлагаю этот способ просто как дурацкий пример, он, тем не менее, вполне реален. Мидас* никогда не волновался, обсчитают его или нет.

Что же мы имеем, если говорить об образовании по арифметике? Я полагаю, что большинство учителей, обучающих арифметике, даже и не пытаются создать какой-либо конечный продукт. Они говорят: “М-м-м-мм, конечно, человек должен знать её, потому что это служит фундаментом очень большого количества других предметов”.

Хорошо. Теперь мы заговорили об обучении другим дисциплинам. Но нас не интересуют другие дисциплины, мы говорим об арифметике. Как насчёт этой штуки, которая называется “арифметика”? Так вот, мы в недоумении, отчего это люди не знают арифметики. Но ведь получить образование по арифметике невозможно, потому что у неё нет конечного продукта. Они говорят: “Я не собираюсь быть бухгалтером. Я не собираюсь быть счетоводом. Я могу научиться считать на пальцах, так что меня не обсчитают”. Элементарно! Зачем учить арифметику?

“Но, — скажете вы, — нужно её знать для того, чтобы учиться другим нау...”

“Нет, нет, нет, нет. Давай поговорим об образовании по арифметике. Давай не будем трогать другие предметы”.

“Ну, если ты ведешь этот спор при таких оговорках, тогда, разумеется, никто не сможет с тобой поспорить”.

А вы говорите: “Вот именно. Кто захочет, чтобы с ним спорили?”

Здесь я обращаю особое внимание на то, что арифметика, не имея конечной цели сама по себе — разумеется, она имеет конечные цели, и их можно назвать, — но не имея определённой названной конечной цели сама по себе, является, таким образом, предметом, который практически невозможно преподавать. И вы видите, что чуть ли не каждый ученик начальной школы плохо успевают по арифметике, поскольку сама по себе она предметом не является; поэтому никто не может получить по ней образование.

Ситуация становится всё хуже и хуже, и это очень явно проявляется в университетах. Я не говорю о некоем редком явлении. Это нечто очень, очень — бац! Это совершенно очевидно. Вы поступаете в университет, и на технических кафедрах вам все время суют под нос задачи, которые нужно решить при помощи алгебры; вам все время суют под нос задачи, которые нужно решить при помощи дифференциального исчисления, тогда как любая такая задача решается на пальцах с помощью арифметики. Об этом стоит задуматься.

Что же здесь случилось? Ну, арифметика, не являясь сама по себе дисциплиной, будучи до какой-то степени предметом, униженным и лишённым благосклонности, постепенно сошла на нет и перестала быть дисциплиной. Она теперь является просто вспомогательным предметом, который ведет дальше, в высшую математику. И если вы не знаете арифметики, вы будете неспособны заниматься высшей математикой. Именно таким образом, в большей или меньшей степени, эту ситуацию объясняют инженерам.

Так вот, однажды я листал старые “Книги для популярного чтения Мак-Гаффи”^{*} и с интересом узнал, что ожидалось от человека по арифметике в 1888 году. Задачи, которые он был должен уметь решать с помощью арифметики, были алгебраическими. И их нужно было решать с помощью арифметики. И что вы думаете? Для меня было великим откровением то, что алгебраическую задачу со всеми её “иксами”, “игреками” и всем прочим, вполне возможно решить при помощи обыкновенной простецкой арифметики. И это было понятнее; намного понятнее. Я отметил это, я видел “ветеранов”, которые могли взять столбец из десятка пятнадцатых чисел или около того и сложить их странным, очень странным на мой взгляд способом, типа перекрёстного сложения. И я был бы в полном замешательстве, если бы вы попросили меня объяснить, как это делалось. Но результат получается почти мгновенно. И вы спрашиваете их: “Как это делается?”

И они ответят: “Ну, это очень просто. Понимаете, если прибавить к девятке любую цифру, то у вас получится опять она, поэтому всё, что вам нужно делать — это двигаться вниз по столбцу и искать все комбинации, которые в сумме дают девять, и забывать о них; потом сложить остальное и получится сумма”.

Ну ничего себе! Ну, конечно, это всего лишь фокусы, но все это одно время было неотъемлемой частью арифметики, а теперь в арифметике этого больше нет. Куда это исчезло? Этот предмет умирает. Почему он умирает? Никто не разъясняет студентам его предназначения. Неважно, есть ли у него действительно какое-либо предназначение; это не имеет значения. Да, можно придумать для неё множество предназначений, но знайте, что никто не разъясняет, не обрисовывает, не показывает студентам предназначений этого предмета. Поэтому человек не может считать, что он получил образование по арифметике. Арифметика — это просто некий вспомогательный предмет, который нужен для того, чтобы вас не обсчитали в магазине.

И как только предназначение предмета вырождается, перестает упоминаться или передаваться — по мере того, как предназначение предмета вырождается — сам по себе предмет тоже отмирает. Это для вас звучит достаточно странно, но если предназначение предмета отмирает — что ж, тогда и сам предмет исчезает из кругозора человека. Изготовление кнутов? Походите и попробуйте найти кого-нибудь, кто знает что-либо о том, как изготавливать кнуты.

В Англии, наверное, есть только пара ребят, которые знают это дело вдоль и поперёк, и они поставляют все кнуты для цирков. Посмотрите, больше никто кнутов практически уже не делает. Это отмирает, потому что у предмета нет предназначения. Ни у кого уже нет лошадей, по которым можно щёлкнуть таким кнутом, правда? Поэтому получать образование по изготовлению кнутов сейчас было бы занятием совершенно бесполезным. На этом нельзя было бы сделать успешную карьеру.

Это звучит не слишком впечатляюще, но давайте посмотрим на это с другой стороны — и сразу всё обретёт гигантский смысл. Предмет, предназначения которого не указаны, умрёт не только в обществе, но и в человеке. Оба эти утверждения истинны. Первое настолько верно, что кажется просто тривиальным. Но другое — нетривиально, и до сих пор не было обнаружено. Если индивидуум, которому вы преподаёте этот предмет, не знает его назначения, тогда этот предмет умрёт в этом человеке. У него может быть грандиозное предназначение, но если человеку не преподали предназначения этого предмета, то получается именно это. Понимаете?

Итак, вы можете понять разницу между живой учёбой и мёртвой учёбой. Живая учёба — это та, у которой есть предназначение, использование; а мёртвая учёба — это та, у которой нет никакого использования. Есть два способа превратить живой предмет в мёртвый: либо свести его использование его использование, подобно кнута; либо попросту изъять его из процесса образования. И это приведёт к тому, что предмет умрёт, и не только в человеке, но и в обществе; не только в обществе, но и в человеке. Вы понимаете?

И можно вполне справедливо утверждать, что получить образование по мёртвому предмету невозможно, поскольку у того нет конечного продукта, просто согласно определению слова “образование”, как я уже подчеркивал.

И мы замечаем, что это начинает превращаться в нечто навязчивое. Некто принимается изучать “миниатюры, написанные в Голландии слепыми художниками”. Ну, миниатюры написаны в Голландии — как-то это можно использовать. Но “миниатюры, написанные в Голландии слепыми художниками”? Вам пришлось бы довольно-таки долго заниматься поисками, прежде чем обнаружить от этого частного предмета хоть какую-то пользу. О, вы могли бы найти от этого пользу, но только не перенапрягайтесь, направляя свою изобретательность на восполнение этого недостатка в образовательной системе, потому что своим благоразумием вы калечите себя. Вопрос в том, что есть; вопрос не в том, что вы могли бы придумать в плане его использования.

О, мы могли бы придумать что-нибудь, но давайте скажем честно, что парень изучает исключительно специфичный предмет — странный, необычный, бесполезный, нигде не используемый. А знаете ли вы, что он легко может стать одержимым этим предметом? Он не видит назначения этого предмета, его применения; и, естественно, он не может изучить

этот предмет, потому что никогда не будет способен продемонстрировать своё виртуозное мастерство, никогда не сможет продемонстрировать, как он *применяет* свои знания. Кто будет его слушать? Он даже не сможет разговаривать со своими друзьями. Они скажут: “Да этот парень совсем рехнулся! Он слоняется, доставая всех своей болтовнёй...”, — примерно так же, как ваши родственники, которые порою считают вас помешанными на Саентологии. Это выше их понимания. Но было бы намного хуже, намного хуже, если произошло бы следующее: никто не знал бы, о чём этот парень говорит, и никто не знал бы, почему он изучает этот предмет, которому нет никакого применения и который не представляет такого уж большого интереса. Ну, этот бедолага никогда не сможет донести его до других. Он никогда не сможет донести его по самой главной причине, по которой возникают трудности в общении: никто не будет его слушать.

Думали ли вы когда-нибудь о том, что общение затрудняется из-за того, что никто вас не слушает? Просто примерьте это к сфере образования. Если данный предмет не существует в реальной жизни, не имеет ни пользы, ни применения, не имеет того и не имеет другого, то люди перестают прислушиваться, потому что для них он тоже бесполезен. Человек изучает миниатюры, написанные в Голландии слепыми художниками. Люди как бы говорят: “Я понимаю, почему он изучает миниатюры, написанные в Голландии — потому что у него съехала крыша”. Вот какой вывод люди сразу делают.

Да, у вас время от времени возникает такая проблема, и когда вы сталкиваетесь лоб в лоб с вашими родными, они смотрят на вас именно так. И люди никогда не слушают вас, когда вы говорите о Саентологии, или бывают раздражены тем, что вы изучаете этот предмет, и все это оттого, что вы не рассказали им о цели Саентологии, о том, что она может дать лично им.

Вот мы и добрались до самой сути. Вашей маме этот предмет был бы не безынтересен, если бы она услышала, что он дал лично вам, потому что вы ей не безразличны; но даже ваша мама поняла бы, что это за предмет, только в том случае, если бы ей разъяснили цель Саентологии. Теперь давайте сделаем следующий небольшой шаг: может ли эта цель быть достигнута — цель, о которой вы рассказали — может ли она быть достигнута. Они не верят на слово. Вы могли бы рассказать окружающим о цели Саентологии, но они не поверят. Другими словами, эта цель для них нереальна. Поэтому вы должны не только разъяснить эту цель, вы должны разъяснить её таким образом, чтобы она казалась им достижимой — достижимой или осуществимой.

Вот мы подходим к какому-то гусю и говорим, говорим этому гусю: “Это дело должно тебя заинтересовать, потому что ты станешь Клиром”.

Он тут же переспрашивает: “Ась, кого позвать?”. Потому что это непонятная цель, верно? Он не понимает цели, если она кажется ему недостижимой или не представляющей ценно-

сти. Она может перестать быть достижимой или ценной просто потому, что она не понята.

Для того, чтобы образовательный предмет существовал и продолжал оставаться предметом, по которому человек может получить образование, другими словами, если вы вообще ожидаете, что кто-нибудь когда-нибудь получит образование по этому предмету — позвольте мне это так сформулировать, для того, чтобы предмет продолжал существовать, для того, чтобы он выжил, он должен иметь цель, которая должна выглядеть как достижимое действие. Она должна быть достижимой. Цель обязана быть достижимой.

Ценность предмета зависит целиком и полностью от ценности того, что вы получите, достигнув этой указанной цели. Что ценного вы получите, достигнув этой указанной цели? Ценно ли быть способным делать это или нет? И именно в той степени, в которой достижение цели является ценным, предмет выглядит либо ненужным, либо жизненно необходимым.

Основа и уток культур формируется из образований, которые можно разбить на... Это основа и уток культуры (основа и уток — это ткацкие термины; постарайтесь не нагромождать здесь слишком много слов — основа располагается так, а уток — вот так. [это продольные и поперечные нити в ковре]); это то, что формирует культуру, и имеется два самых общих типа образования. Культура удерживается единственно и исключительно образованием. Получено ли это образование посредством опыта или обучения, как бы то ни было — культура в целом есть совокупность образований. Эти образования можно разделить на два типа, к первому относится жизненно важное образование, а ко второму — “приличествующее” образование.

Полученное образование вознаграждается пропорционально тому, насколько ценно то, что можно получить с его помощью. Образование вознаграждается пропорционально тому, насколько ценно то, что можно получить с его помощью. И, если честно, за него не дают ни копейки больше. Временами, но не очень часто, за образование платят по ошибке, и это говорит вам о том, что существуют какие-то исключительно странные непонятности, что в обществе есть какие-то непонятности... Потому что то правило, которое я вам только что высказал, верно, и общество в целом, видимо, до определённой степени чего-то не понимает, потому что существует несколько видов образования, которые вознаграждаются в гигантской степени, хотя определённые авторитеты по образованию не считают их ценными.

Публика, должно быть, любит, чтобы её дурачили. Она вечно отстёгивает деньги то одному прохиндею, то другому. Должно быть, у надежды сказочно разбогатеть за одну ночь на рынке акций есть реальная ценность, поскольку этот народ очень часто крупно на этом наваривается. Вы могли бы заново взглянуть на общество, используя тот подход, о котором я вам рассказал. “Да, — могли бы вы сказать, — общество допускает ошибки на этот счёт. Да, общество обманывают”. Я не думаю, что об-

щество допускает ошибки на этот счёт. Это новая мысль, не так ли?

Вы знаете, что самая прибыльная профессия в Соединённых Штатах, единственная прибыльная из технических профессий — это хоронить людей? Она очень высоко оплачивается! Этим ребятам удалось убедить всех в том, что дорогой вам человек должен лежать запечатанным в бронзовом гробу, помещённом в железобетонный склеп, чтобы его не беспокоил дождик и сырость. Им удалось полностью убедить всю страну в том, что это закон, который был принят Конгрессом, что это местный закон. А недавнее расследование Конгресса обнаружило тот факт, что, оказывается, не существует никакого законодательного акта, обязывающего хоронить кого бы то ни было в Соединённых Штатах даже в простом деревянном гробу. Есть законодательные акты, требующие, чтобы усопших хоронили, но нет закона, требующего какого-либо бальзамирования. Поэтому заворачивай спокойно свою тётушку Агнесс в одеялку и бросай её в ямку. Это всё, что тебе нужно, парень, коль скоро ты получил свидетельство о смерти.

И чем эта конкретная профессия — чем эта конкретная профессия торговала? Они торговали какой-то дикой разновидностью загробной жизни, не так ли? Они были сродни жрецам некоего религиозного культа или вроде того; и совершенно очевидно, что люди действительно покупают загробную жизнь. Оказывается, что самое дорогое удовольствие, которое вы могли позволить себе в Египте — это умереть. Это было очень дорогое удовольствие, так же обстоят дела и сегодня в Соединённых Штатах. Это очень дорого — умереть. За то время, пока с вами наконец будет покончено, от завещанного вами наследства ничего и не останется.

И это очень странно. Общество за это платит и это вознаграждает. В общем, это чуть ли не самая образованная область искусства, с которой вы когда-либо сталкивались в своей жизни. Ритуальные услуги — это сверхобразованная область искусства, и сообщество самих гробовщиков (владельцев бюро ритуальных услуг, как они любят себя называть) тоже сверхобразованно. Эти ребята держат свои собственные школы и обучают собственной технологии и всему прочему; и они на самом деле круто этим владеют. И конечный продукт можно легко увидеть.

И эти ребята невероятно круты. Я это знаю, потому что, когда я подвизался на поприще литературы в Нью-Йорке и жил, не тужил, один эксперт судебной медицины, так теперь они начали называть в Нью-Йорке коронеров* — они поменяли и названия — эксперт судебной медицины Нью-Йорка был моим корешом. Он был коронером славного города Нью-Йорка и одним из самых классных ребят, с которыми я когда-либо имел дело. Он самолично, своими собственными лапами, бальзамировал 15.000 трупов.

Интерес к этому делу возник во мне, когда меня послали написать серию очерков о не раскрываемых преступлениях, и конечно, я в

конце концов очутился в руках судмедэксперта города Нью-Йорка. Он и начал моё криминальное образование, и оно, конечно, относилось к той области, которую они называют криминальной, или судебной медициной. И этот парень знал это всё как свои пять пальцев. Обыденность, с которой он расписывал все эти дела, указывала на то, что он был с этим делом на “ты”.

Этот предмет не был чем-то эзотерическим. Он имел дело с большим количеством трупов, разбросанных там и сям в той или иной степени дезабилье, с побоями различной степени тяжести. Временами они выглядели весьма неприглядно. Это был тот ещё парень. И как ни странно, он считал, что его профессия является неприемлемой для общества. А я был очень даже принимаем в обществе; поэтому мы с ним составили отличную пару, поскольку ему всегда нравилось... Если я куда-то шёл и спрашивал его, не пойдёт ли он со мной, — он всегда был тут как тут. В мгновение ока! Но в этом парне не было ничего ненормального. У него были прекрасные манеры, он был отлично воспитан и так далее; но частью его образования была идея о том, что на его занятие смотрят с презрением, поэтому у него было такое чувство, что он не может быть принят в обществе.

Ну, не знаю; множество людей смотрят свысока на... Дворники считают, что на них смотрят свысока. Но ведь дворники заботятся о том, чтобы улицы были чисто выметены, разве не так? А-а? Совершенно очевидно — этот парень не давал разлагающимся трупам заваливать собой улицы Нью-Йорка. И я встречался с ним довольно часто, а я тогда был президентом одного из литературных обществ; ну вот, и он имел обыкновение регулярно туда приходить и, если я об этом просил, беседовал с авторами детективов. И они сбегали с обеда, проявляя самые невероятные оттенки зеленого цвета на лицах.

Да-а, здесь была информация. Здесь была информация, тут был вполне определённый конечный продукт, и далеко не только в сфере расследований. Такой парень мог, бросив всего лишь один взгляд на труп, сказать: “Угарный газ, умер около трёх часов назад”, “Синеродистый калий”, “Мышьяк”, — то, другое, третье. Бр-р-р-р, бах! “Ну, я бы сказал, что это пищевое отравление, Джо. Да, да. Давай его на стол, сделаем пробу и произведём вскрытие. Я почти уверен, что это просто пищевое отравление, знаешь, неудачное время выбрал, чтобы поест зелёных бобов, которые слишком долго провалялись в холодильнике. Похоже на то, да, так именно я и думаю”. И знаете, он почти всегда попадал в точку.

Это было искусство, искусство наблюдения царства смерти. Но даже в Древнем Египте это искусство не давало никакого социального статуса. Тем парням, которые бальзамировали тела в тамошних моргах, не самом деле не разрешали даже покидать эти морги. Их там удерживали. Но вот великое, великое искусство, огромное количество деталей, огромное количество технических моментов, огромное количество разного прочего, и всё это прошло

сквозь века, от дней Египта до дней наших, не прекращая своего существования ни в одной из промежуточных цивилизаций. Любопытно то, что этот парень мог усесться и приняться сравнивать достоинства современного и египетского способов бальзамирования. И он был уверен, что сейчас он делает это лучше, чем делали египтяне. Я в первый раз в жизни увидел такой подход — кто бы мог подумать, видели же мы эти египетские мумии в университетских музеях и т.д., смотрели на них, и эти мумии до сих пор в музеях, такие завернутые в тряпки. Но его отношение к этому вопросу было отношением истинного профессионала: “Ну-у, черты лица не были сохранены, и цвет никуда не годится”. Так он мне сказал в один прекрасный день: “Да, в следующий раз, когда будешь проходить по музею, Рон, если ты не веришь, если ты не веришь, что сейчас мы их на голову выше, просто посмотри на какую-нибудь из этих мумий. Черты лица не сохранены, и цвет никуда не годится”.

Я изумился: “Но послушай! Да эти ребята — эти ребята уже несколько тысяч лет как умерли!”.

А он говорит: “Через несколько тысяч лет одна из моих мумий тоже сможет этим похвастаться”. А потом добавил: “Черты её лица не будут испорчены, и цвет будет нормальным”. Он сказал: “Поэтому мы делаем лучше” (почти что: “мы всегда делали лучше”).

Ну вот, здесь есть неизменная... Я говорю об относительно не престижной, но очень высокооплачиваемой профессии. Услуги по призраиванию мёртвых тел (чтобы их не выбрасывали на улицы), по прихорашиванию тел дорогих людей оплачиваются очень высоко. Сохранение памяти о близких и прочее — очень высокооплачиваемая профессия. И эта профессия сохранила своё ноу-хау на протяжении чрезвычайно долгого времени. Где бы, какая цивилизация ни существовала, они [представители этой профессии], похоже, располагали информацией по этому вопросу, накопленной предшествующей цивилизацией; неважно, сколько войн отгремело на земле — они работают всё так же уверенно. Да взять хотя бы обряды первобытных племён: они шли и находили сухую пещеру, где мёртвые тела дорогих им людей бальзамировались автоматически.

Вот очень интересная профессия со своей технологией. Да, это технология: что нужно делать, чтобы предохранить трупы от разложения; и что нужно делать и знать о том, что убило этого человека и от чего он умер, с тем, чтобы у вас ничего не перепуталось, когда вы будете бальзамировать; и что делать, чтобы всё было путём; и как нужно хоронить усопших; и какой в точности подход нужно использовать в отношении скорбящих родственников; и как в точности продать им как можно больше по как можно большей цене. Это технологии, с какой стороны ни подойди. Они очень точны и обширны, и уж если что имеет конечный продукт, так это они! Вы понимаете? Вы получили тело, забальзамировали его, похоронили его, получили ваши денежки. Вот так! Ясно как бельгийский день.

Таким образом, мы должны отметить, что предмет вознаграждается не только пропорционально своей нужности, но также и пропорционально тому, насколько люди в целом понимают этот предмет. Предмет вознаграждается в той степени, в которой люди понимают его.

Ладно, теперь что вы скажете о долголетию? Что вы скажете об этом долголетию? По-видимому, постоянно существующая потребность в том, что этот предмет даёт, может этот предмет сохранить. Постоянно существующая потребность в том, что этот предмет даёт, может этот предмет сохранить. Если предмет постоянно нужен, он сохранится; это побочное следствие из того закона, который я вам только что дал. Но длина периода времени, в течение которого предмет сохраняется, полностью зависит от необходимости в нём и от того, как передаётся его технология. Понимаете, требуется сохранение необходимости в этой технологии, и продолжение её передачи. Если существует постоянная необходимость в этой технологии, то эта технология будет передаваться. Всё это очень и очень поразительно — и очевидно!

И когда вы предмет, сохраняющийся на протяжении тысячелетий, то это происходит только потому, что вместе с ним переносится его предназначение. Его цель переносится вместе с ним, и она понятна. Так вот, этот предмет можно было бы разрушить, разрушая его цель — предмет стал бы больше не нужен — или разрушая тем или иным образом передачу его технологии, или передавая её слишком настойчиво или слишком усиленно и внося в неё много того, что не имеет к ней отношения. Например, утверждая, что прежде чем начать изучать инженерное дело, вы должны получить начальное образование, закончить среднюю школу, поступить в пансион благородных девиц и научиться вязать. Я предполагаю, что следующим требованием будет нечто в этом роде, да?

Через какое-то время у вас не останется ни одного инженера, и все мосты начнут обваливаться. Так вот, одна из причин, почему у вас через некоторое время не останется ни одного инженера, очень проста и заключается в вашей и только в вашей собственной технологии — причина этого. И это происходит потому, что вы заставили его слишком долго разгоняться перед взлётом. У него был слишком длинный разбег перед отрывом от земли, и чем больше — теперь давайте вернёмся к образованию — чем больше времени занимает подготовка к образованию, тем выше вероятность встретить на этой взлётной полосе шипы. Наверное, выразить эту мысль можно было бы гораздо проще, но именно так всё и обстоит. Если этот парень всё взлетает, взлетает, взлетает, взлетает, он всё разгоняется и разгоняется по взлётной полосе, он всё набирает и набирает скорость, а ему всё говорят: “Ты ещё не должен брать штурвал на себя. Ты должен ещё оставаться на взлётной полосе и продолжать разбег, и быть готовым взлететь, и быть готовым взлететь, и быть готовым взлететь, и быть готовым взлететь”. И когда пойдёт 45-ый год разбега, и он

обнаружит, что всё ещё не взлетел, он уже не взлетит никогда.

Причина этого такова: количество возможностей потерпеть провал прямо пропорционально длительности подхода. Это — закон. *Количество возможностей потерпеть провал прямо пропорционально длительности подхода*, другими словами — количеству времени, которое уйдёт на то, чтобы добраться до того места, где вы начнёте изучать искомый предмет.

С другой стороны, этот закон уравновешен тем фактом, что, если изучать что-то не постепенно, то человек может попасть в замешательство, столкнувшись со слишком высоким подъемом, как я рассказывал вам на днях. Забрав слишком круто, пойдя слишком быстро. Для любого предмета есть приемлемая длина для взлётной полосы. Это — взлётная полоса правильной длины для этого предмета.

Взлётная полоса правильной длины не должна, следовательно, быть настолько длинной, чтобы без нужды увеличивать вероятность провала, и ей лучше быть не слишком короткой, чтобы человек не прыгал через ступени, приходя в замешательство. И какова она — эта правильная длина взлётной полосы для какого-то данного предмета? Сколько подготовительной работы нужно провести, другими словами, насколько долгим должно быть обучение? И на все эти вещи, все эти вопросы можно ответить так: «Она не должна быть настолько длинной, чтобы без нужды увеличивать вероятность провала, и ей лучше быть не слишком короткой, чтобы человек не забирал слишком круто.

Он завалится на нос, как это, бывало, происходило с нами, когда я занимался в аэроклубе колледжа. Частенько случалось, что какой-то удалец начинал тянуть на себя штурвал слишком рано. За этим следовал «випстолл*», так это называется — «випстолл», технический термин из авиации — вы начинаете подъем и вам не хватает горизонтальной скорости для поддержания достаточной разряжённости воздуха над верхней плоскостью крыльев. И вы никогда в жизни не видели самолёта, который ведёт себя более беспомощно и смешно, чем при випстолле. Он летит и летит вперёд очень, очень хорошо, и вдруг начинает лететь очень медленно, вы теряете подъёмную силу, и самолёт — *кувырк!* Не успеешь «мама» сказать. Недаром его назвали «випстолл». И, конечно, когда ты всего лишь в тридцати метрах над взлётной полосой, на краю аэродрома, ты успеешь во время падения набрать скорость, достаточную для того, чтобы взять штурвал на себя и выйти из этого. Об этом известят ваших предков и позвонят моему старому другу, судмедэксперту из Нью-Йорка.

Именно это и происходит со студентом. Он приобретает излишнюю самонадеянность и тянет на себя штурвал, но он ещё недостаточно разогнался, не набрал нужной скорости. Иными словами, он сталкивается со слишком крутым подъемом.

Недавно то же самое произошло с Мэри Сью. Она изучает машинопись, помимо всего остального! Она неплохо печатает, но теперь начала учиться слепому методу. И вот она соби-

рается освоить слепой метод: стук — шлёп — стук — шлёп. И всё это очень интересно. Я в течение недолгого времени проводил ей образовательный процесс, и взломал блокировку в этом направлении. Я не знаю, обратила ли она на это внимание, и её сейчас здесь нет, чтобы спросить, она забегалась с юристами. Но она, вероятно, не заметила, что неожиданно проснувшийся в ней интерес к обучению машинописи слепым методом связан с преодолением этой старой проблемы «слишком-долгого-разбега» и слишком крутого подъема. Я устранил всё это при помощи процесса, и теперь ей очень интересно учиться печатать вслепую, и она тратит вечером примерно час, несмотря ни на что другое, что ей нужно сделать, сидя и стуча по клавишам вслепую. Это очень трудно, потому что в одновременно с этим она печатает на машинке заметки, отыскивает их и делает свою работу. Поэтому она печатает вслепую, и при этом еще делает свою работу. А потом она снова принимается печатать вслепую.

Я подловил её. Однажды вечером я поставил ей метроном, и она неожиданно поняла, что её ритм не в порядке, так оно и было. И она не могла попасть в такт с работающим метрономом. Она попросила его пока остановить. Это был слишком крутой подъем.

Но она приступила к упражнениям на двух рядах клавиш прежде, чем одолела первый ряд. Так вы понимаете, что я подразумеваю под слишком крутым подъемом? Это было слишком уж круто, правда? Братцы, в какой випстолл она попала! Она тут же свалилась на нос! И была совершенно сбита с толку. Пару лет назад она просто бросила бы этим заниматься. Было бы именно так. Но теперь она знала технологию обучения, которую мне удалось собрать, находясь здесь, и она откинулась на стуле и сказала: «Ну-ка, давай посмотрим, что я делала? А-а! Ну да, это слишком крутой подъем. Я просто взяла слишком крутой подъем». Она вернулась к упражнениям на одном ряду, *шлёп-шлёп-шлёп*, потом перешла к двум рядам и справилась, представляете? Другими словами, она плавно прошла этот подъем.

Таким образом, человек, знающий про постепенность, на самом деле может хорошо организовать собственное продвижение. Никому не пришлось напоминать ей это.

Отлично. Значит, образовательный предмет — это просто то, что имеет своим результатом делательность, и достигается получением образования по этому предмету. Какого чёрта про это нужно говорить! Но едва ли кто-то в действительности это осознаёт. На самом деле люди этого не знают. Они постоянно поддерживают это на словах, но всегда очень плохо справляются со своим делом, терпя сумасшедшие неудачи; но им никогда не приходит в голову, что у них просто никогда не было образования в данном предмете.

Я расскажу вам кое о чём, от чего я совершенно обалдевал когда-то в Голливуде. Каждый режиссёр, оператор и даже актёр на съёмочной площадке знал, как писать сценарии. Они знали, как их писать. Все они могли писать сценарии. Это место просто кишмя кише-

ло писателями. Хотите знать, почему Голливуд никогда не поднимался по уровню сценариев выше детского сада? Именно поэтому. Они никогда не осознавали, что это — технология. Что это профессиональная технология, над изучением которой надо попотеть. Она очень многогранна, и в ней есть много препятствий, которые не преодолеть с наскока, и здесь есть своя самая настоящая терминология. Но все эти гуси думали, что они знают, как писать. Какого рожна это изучать? Ну а если среди них и был профессионал... Голливуд дал миру лишь крохотную горстку профессиональных писателей, а на самом деле — ни одного. Они попадают в Голливуд со стороны и там и находят себе могилу. Пишет каждый, кому не лень, поскольку все владеют профессией парня, который только что приехал. Понимаете, он — писатель, он — профессионал, он приехал — а тут все вокруг знают, как писать.

Да, его бытийность не даёт этим киношникам ощущения, что написание сценариев содержит в себе какие-либо секреты мастерства; поэтому, конечно, для них он выглядит каким-то глуповатым, хотя он вовсе не глуп. Он просто не научился одной тонкости своего предмета, которую мог бы усвоить относительно быстро. А Голливуд, не осознавая этого, никогда не берёт на себя труд научить его, как нужно писать для Голливуда. Они так и не поняли, что для умения писать необходимо иметь соответствующее образование.

Вот и получается эта фантастическая профессия, которая может осыпать золотым дождём или заморить голодом, которой люди предоставляют фантастическое количество бытийности или ни в грош не ставят. Она переполнена такого рода противоречиями.

Кто такой профессиональный писатель? На поверку выходит, что это — тот, кто добивается успеха, чьи произведения публикуются или на худой конец — читаются или замечаются. Но из всех предметов искусства этот оказывается наиболее диким, потому что никто не признаёт за ним бытийности предмета, обладающего технологией.

И тот, кто добивается успеха — вам это должно показаться очень интересным — тот, кто добивается успеха, — это не тот, кто просто притопал с какой-то идеей. Вы вступаете в Гильдию Сценаристов и обнаруживаете, что литературное образование приобрело дурную славу по той причине, что это преподают в Американских университетах. Они наняли толпу неудачников — писатели-неудачники становятся либо редакторами, либо преподавателями. И они драматизируют свои неудачи и стараются сделать других писателей такими же неудачниками, и я никогда не видел, чтобы кто-то из них делал что-то еще кроме этого. Нет, прошу прощения, была пара-тройка человек, которые работали как одержимые; и им сопутствовал колоссальный успех, неважно, как именно они его достигали. Но над ними не довлела мысль о том, что они были писателями. А остальные чудачки продолжали носиться с дикой мыслью, будто они являются писателями. Но посмотрите на себя, “писатели”: что

вы здесь делаете, сидя и редактируя? Они не были обучены литературному делу, или пытались учиться, но потерпели фиаско.

Это непредсказуемый предмет. Похоже, всё общество до какой-то степени живёт романами и фантазиями писателей. Но речь идет о скрытой части технического обучения. Технического обучения в этой области не существует. Если профессиональный писатель хочет от души посмеяться, если он хочет упасть прямо на землю и смеяться, смеяться, смеяться до колик в животе — всё, что ему нужно сделать, так это прочитать принстонскую* программу курсов для профессионального писателя, например. Да вас просто скрючит от смеха. Я говорю, вы не сможете удержаться.

Однажды я пришёл на курсы профессиональных писателей в Гарвард*, и довёл весь класс до кондрашки. Позже один преподаватель сказал мне, что они так никогда до конца и не очухались.

Я сделал ошибку, будучи очень молодым и слишком непосредственным. Конечно, когда вас приглашают прочитать лекцию по вашему собственному предмету в одно из самых крутых учебных заведений литературного профиля, это кружит вам голову, и вы начинаете важничать, ведь так? Особенно, если речь идет о молодом и непосредственном человеке, и вдобавок обо мне. Ну вот, стою я перед этим классом литераторов и говорю им: “Я заметил, что вы сейчас работаете над темой стиля. Так вот, ни один писатель в действительности не знает, есть ли у него стиль или нет, пока не сядет за стол”, — я говорил совершенно разумные вещи, — “пока не сядет за стол и не напишет пару сотен тысяч слов. И вот к тому времени, когда он сделает это, он сможет определить по своей работе, есть у него стиль или нет”. С точки зрения профессионала, это наиболее здравое утверждение, сделанное когда бы то ни было; потому что профессионал, будь он хоть Диккенс, посчитал бы 100.000 слов в месяц за суший пустяк. За суший пустяк!

Я не знаю, откуда появилась эта сказка, что все они пишут своею кровью, извиваясь в предсмертных муках. Чушь! Этим тут и не пахнет. Если на написание великой книги у кого-то ушло семь лет, то это потому, что шесть с половиной из них он пьянствовал. Они пишут хорошо, они пишут легко и гладко. К примеру, основная часть произведений Диккенса была написана со скоростью 5.000 слов в день. Однажды я подсчитал это и дал материал в прессу, и он был напечатан по всей стране. Вы помните, как эта заметка подробно обсуждалась повсюду. Я так полагаю, тогда они, конечно, ценили его труд меньше. Писатель умеет писать. Есть ли у вас определение получить? Писатель может писать легко, гладко и быстро.

Ладно, хорошо. Я сказал это тем бедолагам, сидевшим в классной комнате, и как только я закончил лекцию, я заметил, что по аудитории прокатилась волна потрясения; и хоть бы пол-аплодисмента сорвал! Они сидели полностью оглушённые, похожие на статуи. Они даже не потрудились встать, когда прозвенел звонок. И наконец они зашевелились и начали вместе о

чём-то там шушукаться. А преподаватель, который был своим парнем, подошёл, стащил меня с кафедры и, отойдя со мной подальше, сказал: “Ну, ты и дал им по мозгам”.

Я недоумённо спросил: “В чём дело? Ради всего святого, о чём это ты?”.

“Ну, брат! — сказал он. — Да они пишут по 1.500 слов в семестр”.

Боже, как эти ребята расстроились! Я зашёл туда ещё раз, и никто из всего класса не сказал мне ни слова. Так они были разобижены! Дверь в их общество для меня захлопнулась. В их глазах я просто не мог быть профессионалом. Но тем не менее то, что я писал, то и дело появлялось на страницах газет. А-а, это наверняка было лажей. Что-то не клеилось, потому что данная мною информация должна была быть неверной.

Этим балбесам никогда не говорили, что им придётся писать! Всех их учили быть писателями, но никто никогда не сказал им: “Братцы, пишите!”. Вы понимаете? И я был первым, кто объявил этому классу, и это было на четвёртый год их обучения — что писатель должен писать. Я не знаю, чего ожидали от писателя. От него ожидали диспутов, от него ожидали того, от него ожидали сего; и на их вкус, коммерция в такой области — это грязное слово. А чего такого? Оно означает тяжёлый труд.

Они не презирают деньги. Не поймите их превратно. Они не презирают ничего, что сопровождает их работу. Они не гнушаются быть связанными с коммерцией и всем другим. Это не то, что они в себе развивают. Для них производить — это тяжкий труд. Это просто слишком круто. Поэтому, проучившись четыре года, они не осилили своей первой ступени, состоящей в том, что надо просто *писать!*

“Сейчас мы будем обучать вас искусству керамики. Оно связано с изготовлением глиняной посуды, стеклянных изделий и прочих подобных предметов. Мы ожидаем, что к концу курса вы будете в состоянии легко и просто делать эти вещи, определять, что не так в плохо сработанных гончарных изделиях; и вы будете знать технологию изготовления посуды”.

Приходит некто и говорит: “Да, на самом деле вы преподаёте политехнический* предмет”. Нет, не так. Написание книг — это просто рубка деревьев, работа на бульдозере. Толпа народу копает канавы, и на это не уходит столько энергии, сколько отнимает литературная деятельность. Это действительно так. Это всего лишь ещё одна разновидность труда; и когда вы относитесь к этому делу именно так, то оно становится разумным, осмысленным и понятным, а вы — затем вы садитесь [за письменный стол и приступаете к делу].

Писатель — это не тот, кто носит красную феску и голубые шлёпанцы, курит трубку и глазеет в окно. Писатель — это тот, кто сидит за письменным столом с карандашом в руках и листом бумаги, или с пишущей машинкой и заправленным в неё листом бумаги и пишет. Что он пишет? Он пишет то, что будет публиковаться и продаваться, то, на что люди будут смотреть, потому что для того, чтобы быть

профессией, предмет по определению должен быть принят обществом, в рамках которого он существует.

Это жутко хладнокровный взгляд, взгляд без капли сантиментов. Это — сермяжная правда. Я не преувеличиваю, когда говорю, что в университетах об этом не рассказывают. Лучшие преподаватели встанут и скажут: “Значит так, когда вы в один прекрасный день будете работать с теодолитом, измеряя чего-нибудь с его помощью, не вините меня, если не сможете установить его ровно”. Нет, они не преподают таким образом. После занятий они просто вручают им теодолит и дают задание сходить и померить чего-нибудь, и даже лекции вам не прочтут, что такое этот чертов теодолит, потому что это всего-навсего какая-то мерзкая штуковина.

Нет, составные части ремесла здесь — теодолиты. Инженерное дело. Составные части ремесла — уровни; орудия труда — большие листы ватмана, копирки, кирпичи, стальная арматура, машины, бульдозеры, крутые проробы и подрядчики себе на уме. Всё это — составные части ремесла. Тут не преподают никаких курсов вроде: “Как соблюдать личную этику, когда вы работаете в строительной компании “Коккер энд Куккер””.

Другими словами, эти ребята из Гарварда — идеалисты. Они витают в облаках. Вот так я и свверг в состояние сильного душевного потрясения курс новеллистов в Гарварде, но так тогда точно и не понял, каким образом и почему. Это произошло не потому, что я наговорил слишком много. Я так полагал в течение долгого времени, но теперь, изучая учёбу, я узнал, что я тогда сделал. Я просто сказал: “Если вы учитесь писать — пишите. От вас ожидают того, чтобы вы писали. От вас ожидают того, чтобы вы выдавали много слов”. И дело, возможно, даже не во фразе: “Вы не узнаете, есть ли у вас стиль”, — потому что всё моё выступление было посвящено этой единственной мысли [что там надо выдавать много слов].

Это произошло в тот момент, когда я наконец дал им цифру, количество того, что я имел в виду под “словами на листе бумаги”. Я помню, как стоял там, на кафедре, быстро в уме прикидывая. Я поразмыслил: “Так, надо выдать некое минимальное количество слов, которое любой писатель, будучи в здравом уме и твёрдой памяти, сумел бы написать недели за три - четыре, вот, и чтобы эта цифра никого не ошарашила”. Так я и сказал: “Пара сотен тысяч слов”. “*Агрхрхрх!*”. Именно это у них их и вырвалось: “*Агрхрхрх!*”. Понимаете? Но не цифра потрясла их воображение. Их потрясло то, что моё отношение к этому предмету целиком и полностью состоит в том, что надо писать, в том, что писатель — пишет. Именно в этом и заключалось потрясение.

Если вы хотите иметь образование по какому-то предмету, нужно применять его. Нет ничего непристойного в том, чтобы что-то делать. Вам не нужно одержимо делать, делать и делать это что-то всю свою оставшуюся жизнь. В том курсе, который мне только что преподавали, это было так запутано! Самые лучшие из пре-

подавателей были великолепно подкованы в теории и работали как сумасшедшие в своей области и во многих смежных. И если такой парень говорил, что это так-то и так-то, то этому очень хотелось верить, так как это было абсолютной правдой. Это было очень распознаваемо... Такой парень мог даже не знать, как складно писать, но он мог выразить это словами, потому что это — его собственная стихия, и он знает, о чём говорит.

Теперь возьмём того, кто “плавает” в предмете — его некомпетентность обязательно проявится — *Агррхрхрх!* Бьющие ключом грандиозные идеи, неосуществимые проекты, ведь так? Этот гусь заостряет внимание совсем не на том. Он не расскажет вам того, что действительно представляет важность в данном предмете. Он говорит о чём-то, что, по его мнению, могло бы представлять интерес; но сам он не знает из своего собственного опыта, принесет такое знание или нет хоть какую-то пользу. Он делает из мухи слона.

Однажды я с таким столкнулся — погодите, чего-то у меня в голове вертится — на том курсе, как его... Парень просто из кожи вон лез... А! Да! Точно! Дело касалось проецирования. Дело касалось проецирования диапозитивов. “Если у вас есть два экрана, на которые проецируются диапозитивы, один — в двух метрах, второй — в четырёх, то изображение будет гораздо менее ярким на более удалённом экране, и поэтому плотность диапозитива играет о-очень большую роль. И диапозитивы должны быть очень, очень тщательно проявлены и отпечатаны, для того, чтобы преодолеть такое различие...”. Это был один из таких ребят. Он, пожалуй, был дремучее других. Он с энтузиазмом разглагольствовал... Рэг, были у нас проблемы с проецированием старых диапозитивов в крошечной темноте в том цирке, помнишь, на немыслимом расстоянии, до размеров почти 4 на 4 метра?

Если бы вы внимательнее слушали этого парня, у вас, конечно же, сложилось бы впечатление, что он не имел опыта обращения с такого рода вещами. Наверное, он никогда в жизни не показывал слайды. Знаете, демонстрация слайдов — это старая техника. Это — прямой дедушка кинематографа. Но этот парень, вероятно, не делал ни одной демонстрации, поэтому он делал сильнейший акцент на том, каким внимательным нужно быть в отношении какого-то момента, который... Да не играет это роли. Не играет роли, какова толщина плёнки, на которой сделан диапозитив, если этот диапозитив можно показывать. Не играет роли, какова плотность этого диапозитива, или какова толщина плёнки, или насколько прозрачен диапозитив. Если экран расположен очень далеко, сделай ярче свет! И проблема решена. Делово. Поставь другую лампочку в проектор.

Другими словами, вы решаете проблему диапозитива не в лаборатории. Вы решаете её, проецируя диапозитивы, но парень не знал об этом. И он выдал нудных полстраницы текста, через который нужно продираться, как сквозь джунгли, про то, как печатать диапозитивы, про то, что следует наперед знать о том, на ка-

ком расстоянии диапозитивы будут проецироваться, поскольку это настолько важно для... О, боже! Вы поняли? Так, если бы этот гусь имел опыт работы или хоть один раз провел бы демонстрацию, он не совершил бы подобной ошибки. Ошибка состоит в том, что не на то обращается внимание.

Так что, при истинном знании предмета внимание будет обращаться на то, что нужно, а при *только* теоретическом знании внимание будет обращаться не на то, что нужно. Могу предположить, что современные университеты увязли в тине неправильно расставленных акцентов. Делая неправильный акцент, вы будете уводить какой-нибудь предмет всё больше и больше в сторону, вплоть до состояния, когда технология практически исчезнет. Неправильные акценты, неправильные акценты, неправильные акценты! Это сведёт с ума кого угодно!

Другими словами: “Теперь обратите особое внимание на лаковое покрытие своего Э-метра. Так вот, Э-метры покрыты лаком, и мы следующие три недели посвятим изучению производства лаков для Э-метров”.

Вопрос, насколько далеко можно зайти в такой нереальности? Это не имеет совершенно никакого отношения к сущности предмета. Всего лишь потому, что в сессии присутствует лак (вероятно, до этого момента вам не приходило в голову, что лак имеет хоть какое-то отношение к сессии)... Кто-то раздувает этот вопрос. Он говорит — ему в голову пришла идея о том, что, поскольку лак отражает свет, то свет, падающий на лаковое покрытие, мог бы отвлекать внимание преклира на Э-метр. Он где-то что-то об этом читал. Ему в голову пришла идея о том, что это может быть правдой, но на самом деле любой опытный одитор скажет, что у него ни один преклир ни разу не жаловался на это. Поэтому лаковое покрытие — это не проблема, так зачем же решать проблему, которой нет?

Так что, подобные нереальности, и это очень точное определение, появляются тогда, когда образование направлено на решение несуществующих проблем или когда образование не может решить действительно существующие проблемы. Не следует вдаваться ни в ту, ни в другую крайность. Способность решать проблемы приходит только с опытом.

Был чудак, который занимался вытёсыванием человеческих голов на горах — это Гатсон Борглум. Думаю, вы могли бы залезть к нему туда, наверх и научиться ещё более навороченным штучкам. Полагаю, он не имел бы ничего против. Но он бы ожидал, что прежде, чем идти к нему, вы будете отлично знать основы изобразительного искусства и скульптуры. И тем не менее, есть, вероятно, немалое количество специфических приколов, о которых он бы рассказал вам всё на свете, вроде: “По обесцвеченным полосам на скале, которую вы собираетесь тесать, можно определить, есть или нет в этом куске скалы трещина”. И всё было бы великолепно. Он решает действительно существующие проблемы. Начинаете вы тесать эту скалу с трещиной, а она — “хряк!”. И

это большое несчастье, особенно в том случае, если у вас есть только одна гора. Вы не можете заказать другую гору.

Поэтому сие, вероятно, очень важный вопрос. И вот вы спускаетесь и осматриваете дело рук своих, а у него новый помощник, которого научили всему на свете о том, как сооружать лица и головы в горах, и учил его тот, кто сам никогда этого не делал. И теперь Гатсон Борглум* стоит перед тем фактом, что ему нужно обучить — сначала ему нужно “разобучить” этого помощника, а потом обучить его заново, поэтому теперь ему придётся работать в два раза больше.

Этого гуся научили, что курить на высоте — очень, очень вредно, потому что курение убивает в вас чувство прекрасного. Это не имеет никакого отношения к вытесыванию лиц в горах. Вытесывание лиц в горах не требует слишком уж развитого чувства прекрасного. Оно требует очень хорошего знания этих здоревенных отбойных молотков-“овдовителей”*, и умения обращаться с взрывчаткой; это весьма агрессивное занятие. Оно связано с большим количеством движения, массы и делательности.

Но тот, кто никогда к этому не прикасался, будет учить: “Ну, нужно очень бережно относиться к чувству прекрасного”. *Фьюить*. Он будет пытаться экстраполировать предмет, с которым он не знаком, а это очень, очень трудно сделать — преподавать предмет, с которым вы не знакомы. Тем не менее, если посмотреть вокруг, создается впечатление, что это нетрудно, так всегда и делают. И именно это сильно подмочило репутацию высшего образования по многим предметам. Это сильно подмочило репутацию высшего образования, потому что студенты всегда обучают те, кто сам не прошёл через то, что он преподаёт.

Я действительно получил урок на всю оставшуюся жизнь из этого курса по фотографии. Ну, братцы, я теперь за версту чую, когда такие ребята появляются в учебниках и я... А-а-ааа. Я говорю себе: “Ронни, а вот и мы-ы-ы-ы! Дрррррррррр! А теперь мы будем решать разнообразнейшие проблемы, которых вовсе нет; а ещё мы не будем искать никаких решений для тех проблем, которые действительно существуют; но всё это будет сформулировано таким образом, что будет вообще невозможно обнаружить в этом какой бы то ни было смысл. Но тебе придётся отыскивать в этом смысл, если ты не хочешь, чтобы твоё продвижение по этому предмету было заблокировано”. Вот, разве это не интересно?

В итоге, это увеличивает вашу работу раз в семь, легко и просто. Он не знает, о чём говорит; но вы должны понять, о чём он говорит, поэтому вам приходится читать то, что он написал, и потом как бы выдумывать предмет самому и понимать его в соответствии с собственным практическим опытом. Печальное зрелище.

Поэтому все предметы, вне зависимости от того, называются ли они “чистой математикой”, “чистым искусством” или как-нибудь вроде того — все предметы имеют целью кон-

кретную делательность, совершенно определенную делательность. Все предметы имеют целью конкретную делательность, если по ним можно получить образование. И если они не имеют целью конкретную делательность, то человек, независимо от того, сколько времени он потратит на их изучение, не сможет получить образование по этим предметам.

То, что вы услышали, было сказано не для того, чтобы просто дать определение слову “образование”. Я не вкладывал в это слово такой смысл. Я имею в виду другое: вы могли бы всё учить, и учить, и учить этот предмет, чувствуя себя всё больше и больше сбитым с толку, всё больше и больше сбитым с толку. Так вот, это не тот предмет, по которому можно получить образование. Вы следите за моей мыслью? И об него вы будете биться как рыба об лёд. Вы будете пытаться получить образование, а это невозможно, потому что предмет не имеет целью конкретную делательность.

По всему, что заканчивается имеющей пределы, конкретной делательностью — которую можно измерить — по всему, что заканчивается имеющей пределы, конкретной делательностью, можно получить образование. Другими словами, вы можете это преподавать. Но если предмет не заканчивается такой делательностью, то человек не может получить по нему образования, независимо от того, насколько упорно он его изучает, потому что для него нет ни единой возможности проверить, выучил ли он хоть что-то. И он становится тотальной значимостью, у которой отсутствует масса; а образование в отсутствие массы, с которой имеет дело данная технология, проходит крайне трудно. Попытка дать студенту образование при отсутствии массы проходит крайне трудно. Для студента это очень тяжело.

Он будет чувствовать себя — физиологически — раздавленным; действительно, на самом деле, будет чувствовать себя раздавленным, согнутым, это вызовет у него чувство головокружения. Всё это — физические и психические реакции: он будет чувствовать “умирающим”, придет скука и изнеможение, и много других разнообразных ощущений. Они могут появиться по многим другим причинам, но всё это — результат изучения какой-то делательности предмета при отсутствии его массы, именно так он и будет себя чувствовать. Отсутствует его масса. Ещё можно понять ситуацию, когда вы изучаете что-то несуществующее и не ожидаете никакой массы, и тогда это вас и не беспокоит. Но вот вы изучаете тракторы, а у вас нет ни одного трактора. Ну вот нет трактора! А вы изучаете тракторы.

Помогают фотографии, помогли бы кинофильмы. Они вполне подойдут, поскольку это — определённого рода масса, они так или иначе демонстрируют, что эта масса есть. Но печатная страница и устное слово — не замена трактору! Помните это.

И это не продолжение старого спора на тему: “Нужно ли иметь около себя то, что изучается”. Нет, нет, это даже не относится к вашей практике. Не ищите никаких дополнительных обоснований этому факту — вам нужно понять

его таким, каков он есть. И факт этот состоит просто в том, что если давать образование человека по предмету, масса которого отсутствует или недоступна, то это вызывает физиологические реакции. Это то, чему я вас пытаюсь научить. Я даже не говорю, что следует предоставлять массу или что не нужно делать этого. Я только говорю, что это приводит к физическим реакциям. Это просто факт. Понимаете?

Вот вы пытаетесь научить этого парня всему о тракторах, но не предоставляете ему никаких тракторов. Ну что ж, всё кончится тем, что он будет чувствовать давление на лицо, у него будут головные боли и странное ощущение в животе, время от времени его будет пошатывать, у него будут часто болеть глаза, и т.д.

Так, я доходчиво объяснил? Это то, что чувствует организм. Это имеет отношение к процессингу и уму.

Зная это, можно предположить, что наибольший процент самоубийств и болезней должен наблюдаться там, где больше всего изучают отсутствующие массы. Здорово, а? И по этой причине я могу вам точно описать, что представляет собой французская образовательная система. Думаю, даже если бы там изучались парты, то не было бы разрешено хоть одну из них оставить в классе. Первое, что сделал бы преподаватель — распорядился бы вынести из класса все парты, и только потом начал бы преподавать им теорию парт.

Теперь возьмём, к примеру, наши лекции, когда я говорю с вами — это один из способов преодолеть эту трудность. Вы видите перед собой человека, имеющего ум и тело, и это тело очень даже живое. Таким образом, слушая лекцию, вы получаете больше массы, чем когда читаете бюллетень. Гораздо лучше бы было слушать живые лекции, чем читать бюллетень. Хорошо, второй по качеству вариант — это когда у вас есть масса магнитофонной ленты и звука; это решение, наверно, не такое уж плохое, но его действие постепенно сходит на нет, вплоть до тишины и несуществования, и тогда вы начинаете чувствовать себя плохо. Затем, если бы вы изучали что-то, не имея его перед собой вообще... Было ли когда-нибудь с вами такое, что вы читали, например, бюллетень, и неожиданно у вас возникла мысль о преклире, которого вы одитируете? У вас появляется желание пойти и найти этого преклира. И вы чувствуете себя расстроенным пропорционально тому, насколько это желание не осуществляется. Технология, описанная в бюллетене, связана с массой, к которой она применяется; но перед вами нет этого объекта, поэтому у вас возникает желание пойти и поискать эту массу.

Замечательно. Следует осознавать, что есть такое явление, поскольку существует другой набор физиологических реакций, возникающих из-за нарушения постепенности. Это другой источник физиологических реакций при учёбе — нарушение постепенности. Человек испытывает своего рода замешательство, голова у него идёт кругом; по всей вероятности, эта реакция не похожа на другие, она чётко отличима

от других реакций. Признаюсь, я не взял на себя труд составить таблицу — что от чего возникает; я просто говорю вам, что между этими двумя вещами, отсутствием массы и нарушением постепенности, можно провести чёткое различие.

И, наконец, есть третий, совершенно особый источник физических реакций — и здесь можно предсказать существование не менее особого, чем сам источник, набора физиологических реакций. Это пропущенное определение. Оно вызывает отчётливо распознаваемые ощущения — чувство изможденности, ощущение пустоты, такое впечатление, “будто тебя здесь нет”, а потом следует что-то вроде нервной истерики. Это — некоторые из физиологически-психических реакций, порождаемые пропущенным определением.

Я сейчас говорю о том, что это отличить не сложнее, чем если бы кто-то вонзил вам в руку булавку или уронил на ногу молоток — в этих случаях у вас будут разные физические ощущения, два разных физиологических ощущения. Итак, только что я рассказал вам о трёх источниках физиологических реакций на различные аспекты учёбы. Это — три разных области учёбы и — три разных набора симптомов. И я не взял на себя труд представить это в форме таблицы — я читал и изучал этот вопрос недостаточно долго для того, чтобы представить это в форме таблицы, но я вижу, что между ними существует разница.

Может быть, есть четвёртый источник, пятый, вы понимаете? Я не говорю, что это полная классификация. Я знаю об этих трёх, и я знаю, что они существуют, и что они важны.

Вот первый из них. Это один из наименее беспокоящих источников, но он порождает реакции, которые проще всего распознать. И вы будете тщетно задавать себе вопросы, почему это произошло, если не знаете этого факта, а это всего лишь изучение чего-либо при полном отсутствии его массы, ассоциирующегося с этим пространства или ещё чего-нибудь. Представим, что вы изучаете небо, а вам категорически запрещают на него смотреть. Вы вообще не имеете возможности на него взглянуть. Что-то в этом роде. Вы знаете, что ум невидим и содержит в себе определённое количество масс и тому подобного; но вы это понимаете, и вокруг вас действительно есть умы; и достаточно очевидно, что когда вы одитируете преклира, перед вами находится ум. Поэтому вы можете изучать ум. Но если бы вы изучали его, уединившись в Башне из слоновой кости* в Австрии, в Белвью Хоспитэл* или где-то ещё, где нет ни одного ума, то вы быстро обнаружили бы, что страдаете от этих реакций. Вы бы чувствовали *жс-жжс-жжжс-у!*

Такое явление, как “срыв”, возникает из-за третьего источника — неправильно понятого определения слова или непонятого определения или слова. Это то, что приводит к “срыву”. Человек не обязательно “срывается” из-за других двух — они не являются ярко выраженными обстоятельствами, приводящими к срыву. Это просто источники физиологических реакций.

Следовательно, во время учёбы по вашему выбору вы можете заставить ребёнка чувствовать себя хорошо или плохо. Это открывает перед вами обширное поле деятельности. У Джонни в школе ужасные трудности с арифметикой. Так, всё ясно, давайте найдём для него несколько яблок, каждое яблоко пронумеруем, и вот перед ним лежит определённое количество яблок; теперь это уже не некое теоретическое число. Давайте дадим ему массу того, что он изучает. Понимаете? Мы неожиданно обнаруживаем, что у него были проблемы с яблоками, и, право слово, у него на парте никогда не лежали яблоки, которые можно было бы считать! Вы понимаете? Мы находим, что корень проблемы состоит в отсутствии массы. Мы могли бы предоставить ему эту массу. Я даю вам верное средство: нужно предоставить массу. Если мы предоставим человеку предмет или его приемлемую замену, то обнаружим, что проблемы исчезли.

Средство от второго препятствия — это отступление назад. Выясните, когда студент не чувствовал себя запутавшимся, и за выполнение какого нового действия он принялся. Вот этот шаг в делательности, вот его ступень. Или — какое действие он понимал хорошо. А теперь давайте найдём, что было упущено в этом действии. Что он хорошо понимал как раз перед тем, как совсем запутался? Мы обнаружим, что он не понимал этого действия как следует. На самом деле его проблема находится в самом конце того, что ему было хорошо понятно, а затем он попал на слишком крутой подъём.

Замечательно. Это легче всего распознаётся и применяется там, где есть делательность. Неожиданно студента попросили научиться работать с регулировкой чувствительности, и у него было все просто замечательно при работе со стрелкой Э-метра; но он в полном замешательстве относительно того, как работать с регулировкой чувствительности. Да, что-то не так с наблюдением стрелки Э-метра. Не пытайтесь преодолеть это, объясняя регулировку чувствительности. Проблема не в этом. Вы столкнулись со случаем слишком крутого подъёма. Для него это был слишком крутой подъём, потому что он не понял того, что делал, и перескочил на следующее действие, слишком круто или слишком быстро пошёл дальше, и он будет приписывать все свои трудности этому новому действию. На самом деле проблема в постепенности. Правило постепенности.

Отметьте разницу — признаки слишком крутого подъёма выглядят ужасно похожими на признаки непонятого определения. Но помните, что различаются они совершенно чётко. Нарушение постепенности более ярко проявляется в области делательности; но также влияют и на понимание тоже. Однако, в случае с нарушением постепенности нас интересуют именно действия. У нас есть запланированная последовательность действий — продвижения вперёд, студент должен пройти то, он должен пройти это, а потом — ещё что-то. Мы обнаруживаем, что студент совершенно запутался на втором действии. Значит, мы должны предположить, что он так и не закончил по-настоящему первое действие. Это — обучение

по принципу постепенности. Такой случай сопровождается целым набором симптомов, которые выглядят чертовски похожими на признаки другого источника проблем.

И этот другой источник гораздо, гораздо важнее постепенного подхода, с необходимостью которого вы встречаетесь только, когда вы уже серьёзно, по-настоящему обучаете кого-нибудь. И этот другой источник гораздо важнее постепенного подхода, потому что на основе него строятся и формируются человеческие взаимоотношения, ум, учебные предметы. От него зависит талант, наличие способностей к чему-либо или их отсутствие, и именно это годами пытаются тестировать психологи. Это — то, вокруг чего разводят такую возню — это просто определения слов, непонятые слова. Это практически и всё — непонятое слово. И это является источником настолько широкого спектра умственных явлений, что само по себе является первостепенной причиной глупости и многих прочих явлений. Если бы у человека не было непонятых слов, таланта у него могло быть и не быть, но его делательность бы присутствовала. Возможно, он не создал бы шедевра живописи, но просто картины он бы писал.

Его способность делать это была бы в какой-то степени связана с его восприятиями, в какой-то степени связана с чем-то ещё. Мы не можем утверждать, что Джо рисовал бы так же хорошо, как Билл, если оба они были бы не аберрированы в отношении искусства. Это неразумное предположение. Однако можно утверждать, что неспособность Джо рисовать, в смысле его неспособности совершать движения кистью, зависит *целиком и полностью* только от определения слов. Повторю ещё раз: *целиком и полностью от определений слов*. Существует какое-то слово в мире искусства, которое неспособный к искусству человек не понял или для которого не нашёл определения. И за этим последовала неспособность действовать в мире искусства.

Это очень важно, потому что это говорит вам о том, в чём проблема делательности. И восстановление делательности зависит *только* от *устранения непонятого слова, непонятого определения*.

Это очень быстрый процессинг; с его помощью можно добиться быстрых, обширных и больших результатов. В нём используется очень простая технология. Этот процессинг начинает применяться на низших уровнях, потому что он необходим. Вероятно, это будет обсуждаться на Уровне I, он будет изучаться и проводиться на Уровне II. И его будут применять и далее, и то, что он расположен в самом низу, не означает, что данный процессинг не представляет особой важности. Это означает, что он стоит у самых ворот в Саентологию, вот что это означает. Это совершенно фантастическое открытие в сфере образования. И не пренебрегайте им.

Причину замешательства в любом предмете, в котором человек туп, или любом родственном этому предмете, можно отследить [до непонятого слова], и тогда вам станет ясно, почему

психолог не может понять Саентологию. В Саентологии все отлично, все проблемы — в психологии. Психолог так и не понял слов в психологии, так что он не попадает и в Саентологию.

Уловили?

Аудитория: Да.

ОБЗОР УЧЁБЫ

22 сентября 1964 года

Благодарю вас. Отлично, вы тоже мне нравитесь. Большое спасибо. Что у нас сегодня?

Аудитория: 22-е сентября.

22 сентября, 14 год ЭД, Специальный Инструктивный курс Сент-Хилл. Правильно?

Аудитория: Точно.

Отлично, сегодняшняя лекция — обзорная по предмету учёбы, очень быстрая обзорная лекция, но это не значит, что прослушав эту лекцию, не нужно будет слушать ни одну из других лекций, потому что эта лекция не обязательно содержит все, что содержат остальные; но я хочу дать вам быстрый обзор этого предмета, называемого “учёбой”.

Я напишу об этом учебник, и сделаю это в ближайшем будущем, но учебник по этому предмету не будет чем-то таким, что можно просто просмотреть по диагонали и выкинуть, потому что если сделать хорошую работу, написав этот учебник на том материале, который у нас здесь есть, вы заметите, что это войдёт в область, где нет ни учебников, ни данных, ни технологии какого-либо рода, и эта область — учёба; технология того, как учиться.

Если вы попытаетесь походить туда-сюда по коридорам библиотек в больших университетах в поисках книги, которая просто рассказала бы студенту, как надо учиться, то вы ничего не найдете. Я знаю — это звучит фантастически; ведь это все, чему они в основном учат, предоставляя человеку образование — и при этом у них нет книг, которая говорили бы, как учиться. Более того, их нет даже в главных образовательных курсах — нет этих учебников.

И вот все эти несчастные ребята сидят в университете, и каждый встречный и поперечный им говорит, что они не знают, как учиться, но учебника по этому предмету нет.

Как вы полагаете, что должно произойти, если такой учебник появится? Учебник, в котором просто и очень спокойно возьмутся за дело и рассмотрят, что представляют собой предметы учёбы и образования вообще, и как надо учиться, и как подходить к этому предмету, и какие в нём есть медвежьи капканы, и чего надо избегать, и что представляет собой хороший учебник, и что представляет собой плохой учебник, и всякие такие вещи; и если бы в нём излагалось всё это глава за главой, и все это будет укладываться в голову просто и легко, безо всяких надуманных терминов, и там будет рассказываться, между прочим, что все эти сведения берут свое начало в предмете, именуемом Са-

энтологией — как вы думаете, что станет с такой книгой? Скорее всего, она окажется в руках каждого студента, поступившего в любой вуз.

О’кей?

Аудитория: Да.

Благодарю вас.

Курсы образования должны быть отменены и выброшены, потому что не курсов образования не существует. Одним из недостатков начального образования в Соединенных Штатах сейчас является то, что там не существует технологии образования. Это похоже на попытку чинить радио при отсутствии каких-либо учебников или инструкций по эксплуатации, когда вы даже не знаете, что это такое. А попытка чинить радио в таком состоянии ума приведёт вас в отчаянную ситуацию, поскольку вы даже не знаете, как должно работать радио, если оно исправно.

В качестве доказательства того, что технология в школах и университетах отсутствует, с детьми в различных классах была проведена серия тестов. Это делалось в Йоханнесбурге*, с детьми в одном классе, в следующем классе, в следующем классе, в следующем классе — потом были вычислены диаграммы, и стало совершенно очевидно, что чем больше они ходят в школу, тем тупее они становятся.

Я не могу себе представить, отчего так происходит, если только не предположить, что во всем этом, должно быть, есть нечто неизвестное, раз это происходит и никто не может ничего с этим поделать. Так и оказалось — данные были получены. Чем дольше они ходили в школу, тем более глупыми они делались.

А как же насчет этого: “Просвещение должно людей просвещать”? Вот вам очевидные доказательства того, что это не так. Вот класс 8-летних детей — у них определенная диаграмма КИ, вот класс 9-летних, и у них тоже определенная диаграмма КИ, и вот класс 10-летних, у них определенная диаграмма КИ, и 11-летних, у них определенная диаграмма КИ. И когда все это было положено на график с учетом того фактора, что младшие знают меньше слов, то получилась страшно крутая кривая. Их КИ прямо-таки обрушивался вниз!

Наивысший КИ, который когда-либо регистрировался у учащегося, был у 12-летнего школьника из Йоханнесбурга. Это не был ни Оппенгеймер*, ни Эйнштейн*. Это был 12-летний ребенок — высочайший КИ, который когда-либо регистрировался. Это просто оптимальный возраст. Он знает достаточное количество слов для того, чтобы прочесть тест, и не

сталкивается со словами в таком объеме, чтобы не понимать, что он читает.

Это мне ясно показало, что в области образования что-то не так, раз чем дольше что-то изучаешь, тем глупее становишься. Ну, конечно, теперь мы знаем: чем дольше что-то изучаешь, тем больше вероятность столкнуться со словами, которых не знаешь, и в этом все дело. Да, просто чем дольше что-то изучаешь, тем больше вероятность столкнуться со словами, которых не знаешь и которым не можешь дать определение.

И в области искусства — поскольку именно непонятые слова вызывают это состояние — в области искусства особенно, а это область, с которой я очень, очень хорошо знаком, — работающий, работага-художник, парень, который зарабатывает на кофе и пирожные при помощи рейсфедера, кистей и баночек с краской... Продает ли он это господам Плачуналичными или местной студии, или устраивает выставку где-нибудь на улице — совершенно несущественно. Главное в том, что этот парень находится в мире работы; то же можно сказать о писателях; о — Господи — о поэтах; можно даже включить сюда самые разнообразные изящные искусства, архитектуру и вещи такого рода. Все эти ребята имеют свои странности, которые я никогда толком не понимал.

Странность состоит в следующем: если рассмотреть гигантское количество писателей-профи, неизменно добивающихся успеха, то окажется, что среди них нет никого, кто окончил бы курс по литературному делу! Просто — ни одного! Тут нет даже исключений, подтверждающих правило. Таких просто нет.

Как-то раз я сидел на Риверсайд Драйв* — в большом шикарном помещении на Риверсайд Драйв, в Нью-Йорке — и все пространство было доверху набито лучшими звездными именами мира американской литературы. Там были практически все. Между ними попадались их агенты, которые, знаете, эдак жались по углам и старались прикинуться батареей отопления или чем-то вроде этого. И возник этот вопрос — не вопрос литературы, а вопрос образования в общем.

Была сделана перепись, посчитаны носы, и оказалось, что никто из этих писателей даже не закончил университета, тем более литературного. Они никогда не оканчивали университетов. Всех их выгнали, исключили, или они даже близко там не проходили. И проверка ясно и убедительно показала, что ни один из них не проходил ни одного курса по литературе, нигде и ни у кого и ни по какому поводу.

Это было весьма ошеломляюще, но о таком не стоит писать в литературном журнале, потому что это им не понравится — из-за рекламодателей и излюбленного конька их и их рекламодателей, которые продают курсы по написанию литературы. Поэтому это не то, о чём можно было бы написать.

И я уже был готов выбросить все это из головы, и сказать: “Ну, хватит, всё ясно” — я сидел и вел запись вместе с парой энтузиастов, которые этим заинтересовались. И я произнес:

“Ладно, я думаю, мы уже все подсчитали”, — и все смеялись над этим...

И вдруг совершенно внезапно раздался слабенький голос из угла, который сказал: “Но ваши цифры не совсем правильны”.

“Что?” “Что-о-о? Что такое? Кто там?”.

[ЛРХ передразнивает слабый, заикающийся голосок] “Ну, я... у меня.. ученая степень по литературе, и пара других степеней, и законченное... закон... законченный университет, и несколько других университетов, и я прошел множество литературных курсов, и... так что неверно утверждать это в отношении всех, кто здесь есть”.

Все обернулись, глядя на этого малого, чтобы узнать, кто это — и, конечно, это оказался литературный агент! Он не был писателем. Он не опубликовал ни строчки за всю свою жизнь. Его делом было сидеть и рассказывать другим о недостатках их рассказов; он пытался быть писателем, и у него не получилось.

И тогда я сказал: “Здесь происходит что-то очень странное. Куча жуликов продаёт литературные курсы, которые никак не учат писать. Не стану называть имен — не стоит. Потому что это можно сказать о любом большом и знаменитом университете в Соединенных Штатах. Что происходит?”. Причин тут может быть много, достаточно много.

Но в последующие годы я достиг большего. Я так заинтересовался этим, что исследовал этот предмет чуть глубже, и обнаружил, что никакие курсы литературного дела не учат писать. Они не учат писать. Я не знаю, чему они вообще учат, но ни одна технология, которую они используют и называют технологией литературы, не является подлинной технологией литературы. Понимаете, в чем дело? Они говорят, что у этого дела такая-то технология, но это не та технология. Писатели не используют эту технологию — и точка!

Если кто-нибудь из вас когда-либо проходил литературный курс, я уверен, что вы слышали термин *предвещение*. Я уверен, что вы слышали о множестве других литературных трюков — но писатели ими не пользуются. А если и пользуются, то так их не называют. Понимаете, эта технология *существует*, но её не преподают в университетах, и её не преподают на курсах литературного дела.

Я вспоминаю с жутким содроганием, как однажды, начиная беседу с группой писателей коротких рассказов, я был уже почти готов набрать полную грудь воздуха и сказать: “Ну, дамы и господа, как вы себя чувствуете сегодня вечером? О чем я могу вам рассказать?”. Я стоял перед партией, и прямо передо мной лежал один из моих рассказов, широко раскрытый, который они использовали как учебный текст, и напротив каждого его абзаца был проставлен какой-либо жуткий символ или слово на полях, показывавшие, что я делал в каждом из них.

Черт меня раздери прямо на этом месте, если я на самом деле делал хоть что-то из того, что там было написано. Эта часть была *предвещением*, а эта — *характеризацией*, и *тра-ля-ля-ля-ля*; и предполагалось, что все это я проду-

мывал по ходу написания рассказа. Я просто похолодел. Я смотрел на технологию, которой я никогда не пользовался. Это был обман. И вот так эти несчастные ребята пытались научиться писать.

Такой предмет, как *литература*, существует. Есть такой предмет. Беда в том, что писатели — профессиональные лжецы, и когда они начинают рассказывать людям, как они пишут, они немедленно начинают выдумывать.

Самая жуткая диссертация, которую я выдал в жизни, написана по этому предмету Эдгаром Алланом По; и ее использовали чуть ли не в каждом учебнике по написанию коротких рассказов, которые мне когда-то попадались; это произведение По о том, как писать книги — это самое поразительное из всего, что вы когда-либо в жизни читали. Его стоит прочитать — я это сделал однажды, просто ради забавы. Но вы не найдете в его собственных рассказах ничего, что соответствовало бы тому, что он там наплёл.

Наверное, они хотят быть единственными и стремятся избавиться от конкурентов, и это заставляет их никогда не говорить правду о том, что надо делать.

Никакой технологии в этой области не существует — но существует множество ложных технологий. Я рассказываю вам о довольно странной области деятельности, с которой я случайно оказался хорошо знаком, которая не систематизирована и является одним из искусств. Эта область совершенно не систематизирована.

Только когда область начинает опускаться до технического применения — как искусство графики, графическое искусство — это просто приземленное искусство. Это механический представитель искусства. Это “как взять картину и что с ней делать для того, чтобы сделать репродукцию в журнале?”. Это не творчество, другими словами — это графическое искусство.

Вот эта технология — да! Да! Начинаешь делать что-то кривовато или чуть отклоняясь от способа, которым обычно делаются разделенные негативы* — знаете, красный негатив, зеленый негатив, желтый негатив, которые нужно снять с этой картины для того, чтобы получить три печатные пластинки, которые будут вставлены в прессы так, чтобы каждая из них накладывалась на другую, и — ооооооо, да!

Надо получить серое пятно, которое будет точно совпадать на каждом негативе. Оно должно быть на каждом негативе, минимум в четверть дюйма площадью, и точно совпадать по плотности — да! Здесь есть технология. Ого! Здесь есть технология. Точный учет всех наличествующих факторов, различных типов красителей, чернил, цветные схемы, многочисленные системы. Разнообразнейшее оборудование для репродукции тонких линий и точек, и — ой-ёй-ёй-ёй-ёй-ёй-ёй! Это страшная, страшная технология, технология печати.

Технология ретуширования привносит похожие факторы в фотографию. Тот, кто делает снимок, может взять фотографию и, используя

разнообразные виды чернил и растворов, изменить черты того, кто сфотографирован — он может сделать то, он может сделать это. Здесь необходимо страшное количество технологии. Прикладное искусство, весьма прикладное. Большая технология!

Откуда же такое можно знать, если буквально рядом живет его родственник — оригинальный писатель, который не имеет никакой систематизированной технологии. В действительности, у него есть ложная технология. Но в ту секунду, когда то, что написано пером, или то, что написано красками, превращается в репродукцию, оно переходит на высшие каналы коммуникации, как-то попадает в эту область — и имеет дело с самыми сложными и точными технологиями. Остается только удивляться, что эти вещи как-то между собой связаны.

Вот вся область литературы; здесь нет никакой технологии. Даже хуже того: все притворяются, что здесь есть технология, якобы дело просто в том, что изучать ее нужно очень упорно, да только вот при этом вполне можно умереть с голоду на чердаке... Вот — и прямо рядом находится нечто совершенно иное.

Есть определенное сходство между этим делом и ретушированием. Вы берете какую-нибудь фотографию, неважно, где, кого, как и почему. Лишь в немногих случаях вы получаете отличный негатив, который надо просто отпечатать, сделать копию, вставить в рамочку или увеличить, дать кому-нибудь, и он скажет: “Как хороша Изабелла!”. Часто необходимо его ретушировать; все большие студии делают ретуширование. Иногда даже могут перестараться. Иногда, в порыве энтузиазма, ради того, чтобы кто-то выглядел лучше, они удаляют все черты лица. Но практически любой снимок, сделанный в студии, который был вставлен в рамку и увеличен, и преподнесен на память — ретуширован. Ну, ретушер не фотограф. Между ними не больше сходства, чем между герцогом и лакеем. Фотограф, определенно, герцог. Это парень, который создает фотографии; и никто не обращает внимания на ретушера. Ретушеру прилично платят, но он сидит себе тихонечко, отработывает свою плату своей точной технологией.

Количество трюков, которые можно сделать с помощью ретуши, практически абсолютно не ограничено. С помощью ретуши можно сделать самые дикие вещи. Вы берете негатив, берете малого, который — или девушку, девушки не любят быть полными, знаете, и вы можете взять и сделать ее худенькой. А этот малый не хочет выглядеть таким старым. Нельзя убирать слишком много линий, потому что утратится типаж, но большой умелец может убрать пару линий, и он сбросит лет 15. Бух! И он считает, что снимок превосходен! Покупают снимки те самые люди, которых снимали, и, естественно, они покупают только те фотографии, которые им нравятся. Поэтому, весь мир фотографии — портретной фотографии — направлен на то, чтобы сделать внешность получше; не выразительнее, а лучше, потому что люди не любят на самом деле не выразительные портреты, а красивенькие.

Я давеча прочел труд на тему того, почему публике не позволяется входить в жюри художественных выставок. Это потому, что тогда единственными картинами или фотографиями, получившими призы, были бы изображения симпатичных котят, выпадающих из корзинок или одетых в детскую одежду, или малышкой с перепачканными вареньем мордашками. У них есть и другая странность: если снимок не резкий — у большинства публики есть критерий, при помощи которого она судит о фотографии, — если снимок не резкий, что ж, в нём нет ничего хорошего. Представьте, что перед вами искусный снимок — туман, очень туманное утро. Конечно, этот снимок не резкий, но это прекрасный снимок, а публика на него даже и не посмотрит.

По этим причинам путь в жюри для публики заказан раз и навсегда. Однако право судить о собственной физиономии на портрете из рук публики никак не заберешь, поэтому приходится ретушировать каждый дюйм поверхности. Каждый желает выглядеть лучше. Это дико! Некоторые из этих портретов похожи на оригинал не больше, чем тёмные пятна на луне на человеческое лицо.

Ну, что об этом скажешь? Какие здесь отношения? Как так выходит? На самом деле ретушер вступает в дело, когда фотографу оно не удалось. Все, что делает ретушер, можно сделать при помощи камеры и освещения. Вы можете сделать все при помощи камеры и освещения, но когда фотограф терпит поражение, его выручает ретушер.

У него есть разнообразные штуки — не хочу заваливать вас кучей терминологии. Не обращайтесь внимания на терминологию. Это просто слова. У них есть “амбарные ворота”^{*} — очень выразительное, красивое слово. Их крепят по бокам к прожекторам, для того чтобы они не засвечивали линзы, или прикрывали прожектор, загораживая от света определенные участки модели. Еще у них есть штуки, называемые “kozyрьками”, которые похожи на большие стоячие экраны — такие квадратные картонки, которые загораживают от света уши. Можно поставить эту картонку так, что уши у того, кого вы снимаете, не будут ярко освещены. Скажем, его уши слишком велики. Ну, вы можете взять и затенить эти уши, и они будут казаться меньше.

На любую часть, которую надо подчеркнуть, направляется свет, такова формула; те части, которые вы не хотите подчеркивать, просто затеняются; а те части, которые вы хотите совсем изъять из фотографии, вы вообще не освещаете, и они исчезают.

Потому что фотография — это, конечно: *фото*, свет, и *графия*: писание; это именно *светопись*. Когда вы хорошо пишете светом, получается готовый отретушированный снимок. Можно повернуть человека определенным образом, чтобы он казался более худым. Можно сделать нос длиннее, и лоб более покатым, подбородок — менее выступающим, и так далее. Естественно, легко можно превратить особу с “мужественным” подбородком в особу с

подбородком “слабым”. Можно делать самые дикие штуки.

Но когда фотограф не справляется со своей работой, что ж, тогда кто-то должен прийти и исправить все это. Вот вокруг чего строится технология. Технология строится в области коррекции.

Я думаю, обнаружится, что в данной области — это общее утверждение, из которого могут быть исключения — в любом сильно, сильно техническом предмете, который очень, очень, очень, техничен, как мне представляется, технология копится в области коррекции. Это неудовлетворённость чем-то и исправление этой неудовлетворённости. Улавливаете?

Фотограф не справился со своей работой. Он неправильно поставил верхний козырёк, и у малого уши стали похожи на пару ослиных ушей. Никто не купит такую фотографию, и когда она закончена — ну, то есть, когда она проявлена, а не совсем закончена, и сделаны пробные отпечатки — ему даже не показывают эти пробы. Покупателю даже не показывают пробы.

За неё берется ретушер, и он срезает эти уши, закрашивает их, и делает фото лучше, и потом они делают новые пробы. Их уже показывают покупателю — и покупатель очень счастлив! Коррекция. Коррекция.

Можно сказать, что коррекция нужна только тогда, когда это не сделано правильно с первого раза. Необходимость коррекции порождает огромное количество технологии. Улавливаете?

Аудитория: Угу. Да.

Если это было сделано сразу, тогда не нужна была бы никакая дальнейшая технология. Когда это сделано правильно сразу, то это происходит очень гладко и легко, в самом деле, это просто. Если бы у вас была технология того, как это сделать с первого раза, другими словами, то все бы двигалось гладко.

Но, допустим, есть куча технологии, в этот момент упущенной, или неизвестной, или не применяемой. Тогда немедленно возникает очень мощная и сложная технология, по другую сторону нашего предмета, которую можно назвать “дисциплиной нижнего уровня”, и которая будет ничем другим, как коррекцией “дисциплины верхнего уровня”. Если вы видите чудовищно тяжелую технологию, то она наверняка вся была разработана для коррекции чего-то. Другими словами, её суть — в коррекции. Здесь возникла необходимость в коррекции. Дело не было сделано правильно с первого раза.

Давайте возьмем вопрос о телах. Давайте рассмотрим что-то конечное. Вот фотограф не справился со своей работой, и ему пришлось передать её в руки ретушера. И ретушеру пришлось обработать весь негатив, удалить некоторые его части, сделать то и это, прежде чем его печатать. Давайте на этом не останавливаться.

Давайте исследуем предмет чуть глубже — и как насчет создания этих тел? Кто-то с самого

начала не так уж хорошо их создал, раз люди ими недовольны. Что-то здесь не так. Я просто указываю вам на это — здесь не известно никакой технологии. Есть генетика, есть разнообразные лозунги типа “будь вегетарианцем”, есть различные типы ложных технологий. Прямо скажем — есть какой-то там фрейдизм по поводу второй динамики, но это не имеет ничего общего с созданием тел. Я не знаю, какое отношение вторая динамика имеет к созданию тел. Просто они оказались связанными, второе всегда следует за первым, но вовсе не обязательно первое должно заканчиваться вторым.

К чему это все? И мы сталкиваемся с абсолютно неизвестной областью знания, не так ли? С этим связано множество ложных предрассудков, так что один парень в Вене в 1894 году даже сказал: “Вся беда человеческого рода в том, что у него нет технологии создания тел”, или “Люди понимают это шиворот-навыворот”, — или что-то такое. Здесь что-то не так.

Фрейд построил на этом свой психоанализ, который оказался очень популярным. Он не эффективен, но популярен. Его результат зависит от цикла общения аналитика, а не от правильности теории Фрейда. Удивлены? Если аналитик хорошо знает, как надо общаться с пациентом, тот будет поправляться. Хотя это будет случайностью, потому что они никогда не изучали технологию общения — они об этом ничего не знали — и думали, что имеют дело со второй динамикой. Это не так.

Забавно, можно почитать записи Фрейда и обнаружить, что каждый раз, когда малый раскрывал оверт, он поправлялся; но Фрейд этого никогда не замечал. Это весьма знаменательно. Это было погребено где-то в его записях, но на этом не ставился акцент, и причины выздоровления приводились не те — из-за чего становится крайне трудно определить, что происходило в каждом конкретном случае. Я тут вовсе не стараюсь сравнивать это со своей любимой Саентологией. Просто там был *получен* оверт, и это, пожалуй, присутствовало в каждом выздоровлении. Как оказалось, раскрытие оверта и выздоровление идут рука об руку. Дальнейшее изучение этой области привело к возрождению технологии. И важность этого была оценена по достоинству.

Отлично, но посмотрите-ка, однако. Есть только одно, к чему я вас веду, хотя и довольно окольным путем, для того чтобы дать вам это с большим эффектом, как-то оттенить это, чтобы вы поняли это чуть лучше.

Понимаете ли вы, что все образование, в том виде, как оно сегодня осуществляется, есть сложная технология коррекции? Это технология коррекции. Это вообще не образование.

Здесь нет стремления передать идею из пункта А в пункт В, или из ума А в ум В. Однако, здесь присутствует стремление не дать парню что-то сделать или заставить его каким-то образом что-то делать. Другими словами, система образования построена на основе того факта, что образование уже провалилось.

Отсюда берется эта фантастическая технология, и какой-нибудь несчастный малый должен ходить и учиться много-много лет тому, как стать учителем, и все, чему он, в конце концов, научится — это как корректировать коррекцию.

Дело не в том, что полученная им информация бесполезна. Когда поезд свалился под откос, знать, что надо делать, чтобы снова поставить локомотив на рельсы, — это просто здорово. Это очень сложная технология, но это очень полезно знать. Но это не значит, что все железнодорожное дело заключается в том, чтобы поднимать слетевшие с путей поезда из-под откоса и снова ставить их на рельсы, потому что когда железнодорожное дело ведется правильно, поезда постоянно находятся на рельсах! Это бывает нужно только тогда, когда железная дорога не в порядке.

Что сказать насчет образования, в котором студенты совершают самоубийства повсеместно, как во Франции, например? Трудно сказать, с чем именно это связано, но образование так или иначе связано с выживанием и другими вещами, а у них все это происходит шиворот-навыворот и задом наперед. Бедные студенты там, во Франции, приходят на экзамен, а переключка звучит примерно так:

“Пьер!”.

“О, он умер. Он принял синерод вчера ночью. Он не мог этого больше выдержать”.

И у них очень, очень высокий уровень самоубийств, потому что, очевидно, во Франции, если вы не пройдете через этот специальный вид экзамена, вас всё равно казнят. Я думаю, вас казнят социально или как-то еще, — а у Франции больше нет колоний для того, чтобы ссылать туда опозорившихся, и вам придется остаться дома, терпя тотальное презрение. Такая вот коррекция!

Посмотрите, какой объем насилия и принуждения приходится на этого студента. Чудовищное насилие, чудовищная дисциплина! Зачем? Чтобы удержать его и заставить готовиться к экзаменам. Странно, а у меня никогда не было никаких проблем с тем, чтобы заставить кого-то учить то, что его интересует.

Я склонен полагать, что раз в этой сфере существует так много принуждения, что это приводит студента к самоубийству — а в Англии и Соединенных Штатах у них очень часто съезжает крыша — если требуется столько принуждения, чтобы заставить его учиться, то тогда это, должно быть, технология коррекции, которая вторгается в эту область так интенсивно только потому, что студенты делают что-то не так с самого начала.

Как вы думаете, сколько насилия необходимо для того, чтобы заставить Джонни выучить Б, когда он уже пропустил А? Для вас уже привычно справляться с этим с помощью определенных [слов] и всяких таких вещей — я имею здесь дело с довольно информированной группой. Предположим, кто-то пришел, чтобы сдать вам экзамен, и вы стали его проверять, и он завис на втором абзаце. Вы не можете пройти второй абзац; он, похоже, не может вспомнить

ничего из того, что написано во втором абзаце. Хорошо, ваша технология теперь говорит, что нужно вернуться назад и просмотреть чуть более раннее место и найти там слово, которого он не понял. И можно вполне уверенно сказать, что вы найдете его прямо перед тем местом, с которого у него начался пробел. Прямо перед тем, как начался пробел, было слово, которого он не понял. Когда мы отследим это назад, то найдем это слово, определим его и исправим ситуацию; и внезапно, волшебным образом, он начнет понимать этот абзац.

Теперь предположим, что мы не исправили это слово, и вместо этого говорим ему, что он будет исключен, если не выучит этот абзац. Представим себе, что это повторяется десять или пятьдесят тысяч раз с множеством текстов, и мы каждый раз поступаем именно так. Тогда вы получите ясное объяснение того факта, почему 9-летний ребенок тупее 8-летнего, 10-летний глупее 9-летнего, а 11-летний — еще глупее. Понимаете?

Другими словами, необходимость во всем этом принуждении возникла потому, что никто так ничего и не понял, вообще не получал образования, что, возможно, все же лучше, чем ничего — возможно. Я сам так не думаю, но вы это предположить. И если каждый раз, когда этот маленький спотыкался о выбоину на дороге, вы просто били его под зад кованым сапогом, терзали его щипцами, надевали ему на голову клетку с крысами или применяли какую-нибудь другую средневековую пытку, приговаривая: “Если ты не выучишь следующий абзац, мне придется опять сделать это, малыш” — как вы думаете, чем все это закончится? Он придет в весьма любопытное состояние, не так ли?

Он потеряет всякое представление о том, что он делает. Он определенно потеряет всякое представление о данном предмете, и будет рассматривать этот предмет, как нечто совершенно другое. Он скажет: “Хорошо, есть такая наука, именуемая физикой, и я только хочу пообщаться с гириками, но, конечно, эта физика никак не связана с теми гириками, что я хочу подобрать”. Это закончится неприменением.

Ему придется замкнуться. Ему придется найти способ избавиться от всего этого принуждения. Ему придется исключить все это из круга своего понимания. Ему придется переместить все это отсюда куда-то в другое место, и просто замять все это, задавить все это, и сказать: “Ладно, черт с ним со всем. Придется мне изобрести это самому”, — или: “Придется мне найти свой путь через все это”. Вы сделаете его абсолютной “одиноким волком” по отношению к сути его предмета и информации. И вместо того, чтобы помочь ему, вы заберете у него всю информацию, которая могла бы ему помочь. И я бы сказал, что современное образование делало невозможным использовать то, чему человека обучали.

Это говорит вам о том, что следствием непонятого слова будет, скорее всего, падение КИ. Это звучит абсолютно дико, но чем дольше вы им пренебрегаете, и чем больше знаний вы получаете поверх него, тем глупее вы становитесь. Понимаете?

Конечно, у нас есть куча способов коррекции этого. У нас есть стол для пластилиновых демо, прояснение, определения, и много чего еще. Поэтому мы говорим с точки зрения немалой мудрости. Но я просто пытаюсь показать вам, что происходит в этом мире.

Вот инженеры строят небоскребы. И после того, что я узнал об образовании, я надеюсь, что они строятся прорабом, который никогда близко не подходил к колледжу, потому что в противном случае следует опасаться, что они свалятся нам на голову. Не думаю, что стоит сильно им доверять. Я заметил некую особенность: когда люди касаются сферы, в которой они получили обучение, они впадают в нереальность или начинают мстить предмету обучения, делая дикие вещи, дабы расквитаться с ним.

А вот другие данные: Каким образом государство страдает от неправильного образования? Как страдает государство от неправильного образования? Есть такая страна — вы, наверное, не слышали о ней — называется Россия, и она много лет назад стала жертвой одной импортированной немецкой философии, называемой “коммунизмом”, которая целиком её поглотила; и, тем не менее, Россия старается развиваться и что-то такое из себя изображать. Вероятно, она развилась бы не менее быстро, чем Западный мир, если бы не взяла за основу эту сквирловскую* ненормальную философию. Они сейчас находятся в том состоянии, которое Западный мир имел на тот момент, когда она её приняла. Они тоже не имели хороших машин в 1917 году. Все было довольно мрачно.

Если вы не верите в это, пойдите в один из автомобильных музеев; посмотрите на модель 1917 года. Ну, это и есть современный российский автомобиль. Не стану лукавить — они еще скопировали джип. У них было множество джипов во время войны, и они скопировали их.

Они очень отстали; и они там, в России пытаются распространить цивилизацию на очень, очень, очень отсталый Азиатский мир. Россия, по сути, страна азиатская; она не западная. И я скажу, что со всеми их трудностями, политическими и другими, они все же совершают какой-то прогресс, и у них имеется чудовищное количество целинных земель, где можно распространяться. У них есть целая Сибирь для того, чтобы распространяться, и на самом деле они похожи на страну первопроходцев. Кто-то сказал: “Да, они на самом деле входят в свою Викторианскую эпоху*”, — и мне кажется, что так оно и есть. Они далеко позади. Они отстали ото всех почти на век. Считать их современной страной только потому, что Великобритания продает им какие-то машины, они меняют ярлыки на них и потом экспортируют их в Японию под видом российских сельскохозяйственных машин — это смешно. Просто смешно.

Этим парням приходится бороться с гигантскими проблемами — проблемой огромных целинных земель, огромного невежества народа. У них есть обширные дикие пространства, миллионы и миллионы необразованных, отсталых людей, с которыми трудно пытаться чего-то достичь. Их проблемы фантастически. Они пытаются разрешить это с помощью образова-

ния, — и вы видите результат этого решения. Попробуйте вообразить себе русского комиссара, “обрабатывающего” русского студента. Весьма мрачная картина.

Цифры таковы: обучение без отрыва от производства огромного количества студентов, которых обучали полностью за счет правительства и промышленности, с целью поставить их потом на ключевые посты на данном предприятии, к концу периода своего обучения длиной в два-три года, Сто процентов студентов покинули свое предприятие. Сто процентов отказались от работы на этом заводе или в этой отрасли. На другом заводе или в другой отрасли — это один конкретный завод — другой завод, только двое из нескольких тысяч на самом деле остались на заводе. И это не специально отобранные цифры. Это массовые средние показатели для всей России.

Вот что происходит с молодёжью, получившей образование под коммунистическим принуждением, и отправленной на завод для обучения без отрыва от производства, с целью поставить их потом на ключевые посты на данном предприятии. К концу этого времени — потому что сейчас отношение там стало мягче, у них есть какая-то возможность выбора в том, что им теперь делать — все они уезжают. Вот как они используют возможность сделать свой выбор.

Если знать, что такое образование, — а вы знаете теперь нашу технологию образования — то можно ясно увидеть, что происходит. Начиная с детского сада, если не раньше, их подводит любовь коммунистов к переименованию слов. Любимый трюк коммуниста — не менять чей-либо лексикон, а оставить те же слова, но с изменённым смыслом. Они изменяют значения слов, так что все звучит знакомо. А дальше происходит то, что человек обнаруживает, что слово означает что-то совершенно иное. Я дам вам блестящий пример этого: “1984”^{*} Оруэлл — волшебные изменения семантики, изменения значения слов, которые идут сквозь весь “1984”. “Свобода — это рабство”.

Даже Рузвельт^{*} занимался этим. У нас долгое время была “свобода”. Все знали, что значит “свобода”. Рузвельт сделал это “свободой от чего-то”. Теперь стало необходимо быть свободным от чего-то. Вот за какую свободу нам стало нужно бороться — мы боролись за свободу от чего-то. Да, это интересная точка зрения. Свобода от чего-то. За такую свободу надо бороться, значит, вы при этом несвободны. “Свобода” есть “свобода”. Это не есть необходимость бороться против чего-то, отталкивать что-то от себя, беспокоиться о том, что что-то опять может вас захватить, работать день и ночь, чтобы этого с вами не случилось. Это не свобода.

Вот изменение семантики. У русских, конечно, совершенно азиатское население, огромная масса народу, 200 миллионов — одно из величайших населений на Земле в одной стране, всё оно разделено на различные лингвистические группы, разные обычаи и так далее. И они взяли всё это, и им пришлось многое изменить для того, чтобы навести какой-то порядок, заста-

вить их работать вместе, им пришлось переоценить все их слова. И затем, в 1964 году, как обнаруживается, их революция проиграна. Как так вышло? Ну, они готовят несколько тысяч молодых людей к участию в Пьюджас Ривер Проекте^{*}, которые должны стать руководителями и важными шишками в этом проекте, и уметь развезать на “Фордах Модель-Т”. И в конце этого обучения без отрыва от производства все они покидают Пьюджас Ривер Проект. Это означает, что у них заканчиваются людские ресурсы для ведения дел.

Материал, который мы сейчас имеем в Саентологии, как ни странно, представлял огромный интерес для самого старика Сталина — он учуял, что в моих исследованиях есть что-то такое... И у меня был контакт с Амторгом^{*} в 1938 году. Суть вопроса была: “Как оценить относительную способность человека к работе? Как узнать, какой человек произведет больше, а какой меньше?”. Я в то время занимался исследованиями подобного рода, и получил довольно существенную информацию по этому поводу. Я был чрезвычайно доволен обладать ею, и об этом пошли слухи в Клубе Исследователей. И весьма скоро мне пришлось бежать со скоростью миля в минуту, чтобы не попасть на судно, отправлявшееся в Россию, и избежать разговора об этом со Сталиным.

У него были проблемы. У него были неприятности в 1938 году, много неприятностей. Он искал помощи откуда угодно. Какой технологии у него не было? У него не было технологии “Как заставить людей понимать что-то, и как заставить людей делать что-то?”. Вот чего он не мог добиться. Как заставить людей понимать что-то, и как заставить людей делать что-то?

Ну, ему казалось, что он решил вопрос “Как заставить людей делать что-то?”.

“Ставишь достаточное количество пулеметов перед достаточным количеством стенок, и демонстрируешь им достаточное количество примеров, и тогда они будут работать”. Только невозможно продолжать это бесконечно. Рано или поздно просто будет некого стрелять.

Если практиковать это в качестве основного способа образования, вы очень скоро остаетесь без образованных людей. Они просто становятся глупее, глупее, глупее и глупее. Именно это, я думаю, привело к исчезновению в Англии свободного класса и высшего класса, свергнутого безо всякой политической революции. Я просто думаю, их заучили до смерти. Я думаю, что на самом деле они слишком оуптели, чтобы продолжать удерживать свое положение. Есть о чем подумать, хм? Как класс, они были “заобразованы” до смерти. Каждого непременно отправляли в колледж.

И что получилось? Осталась куча простолюдинов, которым не надо было идти в колледж, потому что они не беспокоились о знатности своего рода. Получилось, что те ребята стали сообразительнее, чем эти, и последние проиграли. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять это. Произошло именно это.

Мы можем сказать больше. Мы можем сказать, таким образом, что жизнеспособность культуры полностью зависит от обладания технологией образования. Россия свою культуру скоро потеряет!

Перед нашими глазами — пример высшего класса Англии, прошедшего через Оксфорд в небытие. Вокруг нас примеры того, как меняется лицо Земли, и это зависит, в основном, от людей; будущее человечества, как ни странно, зависит от людей. И если вы не умеете создавать хороших людей, вы получите неприятности.

И в области обучения, если у вас нет технологии обучения, то бедный парнишка приходит в детский сад и начинает попадать в непонятности, и его запугивают незачетами или расстрелом, или что там они делают с детьми в детском саду, когда они не могут сложить свои кубики в правильную кучку — потом он перестает ходить в первый класс, и ему показывают слово “кот”, а он произносит его “ток”, и все становятся очень грустными, учитель озабоченно ходит взад-вперед, пишет записки родителям, и отец приходит в отчаяние и сидит полчаса, обхватив голову руками.

Вот стандартная общепринятая процедура. “Что из тебя выйдет?”. Вот вопрос, который остается висеть в воздухе. “Ты никогда ничего в жизни не добьешься”. Почему им приходится применять так много принуждения? Да просто потому, что они не знают, как научить ребенка читать “кот” вместо “ток”.

Так получается это страшное давление в нашей культуре. Возникает “культурная” технология того, “как заставить ребенка себя правильно вести?”. Затем нанимаются целые полицейские подразделения, по всей стране, чтобы попытаться приструнить их, когда они становятся подростками. И теперь все окончательно выходит из-под контроля. Вы получаете “аквариумистов” и “гопников”, и так далее, и то, и сё. Ну, конечно, к этому моменту они крепко усвоили, что не являются частью чего бы то ни было, и ведут себя соответственно. Они ведут себя так, словно не являются частью чего бы то ни было, они ничем не владеют, и всё тут.

Очень интересно наблюдать за маленьким мальчиком, который вынужден был взять на себя ответственность за семью в возрасте 10, 11 или 12 лет. Очень интересно посмотреть на это. Можно найти такой случай, несмотря на все эти законы о детском труде — можно иногда случайно отыскать такой образец. Он несколько не похож на современного подростка, да и не может быть на него похож, потому что он встал лицом к лицу с тем, что называется “жизнь”, и ему приходится как-то поддерживать свое существование, и у него не было достаточно времени на то, чтобы сидеть в школе и делаться глупым; и он в большинстве случаев добивается успеха в жизни, и с ним происходит нечто поразительное, совершенно неожиданное при таких обстоятельствах.

Они стараются утвердить закон и порядок, сами же создавая в школах хаос и криминал. Они создают это сами в школах. Но встать и

взять хоть какую-то ответственность за это — последним человеком в мире, который сможет это сделать, окажется госпожа Принс-Не из местной Общеобразовательной Школы номер 18. “Мы делаем все возможное”, — представляете? “Мы делаем все возможное”. Господи! Почему бы им просто не повесить над дверью надпись крупными буквами: “Фабрика Малолетних Преступников”!

Хорошо, отлично. Мы снова сталкиваемся с этим опытом в Дианетике и Саентологии в этом направлении исследований; мы имеем опыт столкновения с зоной или областью общества, в которой существует ложная технология, которой на самом деле там нет. Она не просто отсутствует; на ее месте имеется ложная технология.

Я не думаю, однако, что нам придется слишком сильно бороться. Я не думаю, что здесь будет большое противостояние, но предвижу, что будет немалое расстройство по этому поводу. Все, что мы пишем по этому предмету, рано или поздно будет в той или иной степени оспорено. Но это не систематизированная область, которая приносила бы огромное количество денег. Преподавание, в действительности, не есть корыстная деятельность, потому что оно не приносит достаточно денег, и это единственная причина.

Однако медицина — это корыстная деятельность, и лекарства — корыстная деятельность, потому что кто-то на этом делает деньги. Мульти-миллиардо-долларовая империя фармацевтики и здравоохранения будет обороняться до последнего стетоскопа. Эти малые будут стоять — пройдет 20, 30 лет, и все еще будут ребята, которые будут стараться причинить неприятности. Они скажут: “Prrrr, prrrr, prrrr”!

И вы скажете: “Ну, вы не понимаете какого-то слова в здравоохранении”.

“Не-ет, я понимаю все слова в здравоохранении”.

“Ну, вы не понимаете какого-то слова в Дианетике и Саен—”...

“О, не-ет, я понимаю все слова в Дианетике”.

“Так в чем тогда, черт возьми, дело?”

“Я разорён!”.

Учитель не зарабатывает денег, и подрядчику строительства до лампочки, для чего строят эти здания, и государство на самом деле совсем не склонно швыряться деньгами в этой области, потому что дети не обладают правом голоса. Тут много голосов не заработаешь. Можно каким-то образом купить этим голоса родителей; но на самом деле люди никогда не связывают школу с государством. Они всегда как-то разъединены. Поэтому это не становится корыстной деятельностью, с которой надо бороться, и я полагаю, что всю эту область можно легко поглотить, потому что никто никогда не считал её доходной областью.

Мы занимаемся этим не ради денег, но они не станут ее защищать, потому что не считают её доходной областью. Если бы медицина была сегодня значительно менее доходной, у нас не было бы трудностей с завоеванием сферы здра-

воохранения. Только корысть поддерживает яростное сопротивление наших противников. Я не говорю это со зла — это просто называние вещей своими именами.

Сфера образования — не такая область, и, следовательно, я думаю, подходящий учебник, который изложил бы все это последовательно — тра-та-та, и никого бы ни в чем не обвинял, не расстреливал в языках пламени, и рассматривал бы весь предмет от буквы “А” и до конца — конечно, довольно трудно будет выдать главу о том, как понизить КИ человека, потому что кто-то примет это за обвинение; но мне представляется, что это не стоит замалчивать, потому что это часть технологии, которая должна быть представлена. Но ее следует представить достаточно мягко, так, чтобы люди не начали воевать с этим моментом.

И вдруг вы окажетесь заняты совсем другим делом. Но это вовсе не что-то совершенно новое, чем вы никогда не занимались. Часть вашего дела — делать людей сообразительнее, правильно? Одируя их, клируя их, вещи такого рода. Это идет рука об руку с данным видом деятельности. Саентологи преподают, и им нужна технология преподавания, и это единственная причина того, ради чего эта технология была изначально разработана: просто для того, чтобы облегчить обучение большого количества саентологов, вот ради чего она была разработана. Но, вы увидите, она пойдет дальше.

Если мы не возьмем на себя ответственности за то, как далеко она пойдет, то попадем в большую беду, чем если бы мы просто выпустили ее и забыли о ней. Поэтому я не хочу выпускать маленьких книжечек по этому предмету. Я хочу выпустить ясный учебник. И я думаю, вы увидите, как постепенно, когда дело пойдет, вам придется найти возможность по субботам и воскресеньям читать учителям лекции по этому предмету. И я думаю, вы обнаружите, что это будет как бы отделяться от всех ваших остальных занятий, и вы скажете неуверенно: “Ну, знаете, мы можем поднимать КИ”.

“О, да, да. А что вы говорили о...?”, — и возникнет какой-то образовательный вопрос.

И вы скажете: “Ну, можно проодитировать человека так, что —”.

А они скажут: “Ну, да, но вот в преподавании, как вы...?”.

И вы скажете: “Что за черт, как же им объяснить-то?”. Ну, я думаю, вы, в конце концов, увидите, что надо объяснять, потому что они хотят знать все об *образовании*. И вам лучше провести их по всему пути познания образования, прежде чем показать им, что они в действительности попали в область философии.

Я не думаю, что они пройдут каким-то другим путем, потому что на самом деле вы в образовании изучаете различие между Уровнем 0 и Уровнем 1. Именно там находится диапазон “образования”. И то, что там устанавливается, — имеет тут непосредственную и великую важность. Все другие ответвления, все другие сложности образования для нас не столь важны.

Общество в России не будет способно продлить свое существование. Я боюсь, что от этого я буду звать столь широко, что вывихну себе челюсть. Оно не сможет продлить свое существование в истории. Плохо! Ужасно! Разнообразные другие политические режимы не увидят их. В том состоянии ума, которое я имею в отношении этих ребят, боюсь, что даже если бы они тени потеряли бы, я бы не стал волноваться об этом и помогать им. Они слишком неважны.

Важны люди, а не их политические системы. Когда эти системы построены на лжи, они становятся разрушительными. И вся образовательная система, как мне это видится, построена на тотальном принуждении, тотальном подавлении индивидуальности, и ввиду того факта, что она построена на лжи, мне она кажется наиболее разрушительной системой из всех существовавших. Я думаю, жить при такой системе крайне трудно. Она определенно неверна, неправильна.

Но вы можете столкнуться с необходимостью заняться этим делом, и единственная стоящая мысль, которую я пытаюсь вам здесь передать, это вот что: только потому, что вы не можете говорить с ними о процессинге, когда они заняты изучением учёбы — не думайте тогда, что вы переместили их в какую-то другую область. Распознайте, что вы поднимаете их через Нулевой в начало Первого. Распознайте, что это необходимый шаг. В настоящее время они недостаточно просветлены для того, чтобы сесть и подумать, откуда вообще взялась эта технология. Они рассматривают это совершенно на другой основе.

Вот вы приходите и говорите такой группе: “Учёба — это то-то и то-то и то-то, и КИ ребенка в результате учёбы может возражать, а не падать. И можно сделать его более сообразительным”, — или что-то вроде этого, или: “Ваша школа может работать без такого большого количества неприятностей”, или, группе полицейских: “Подростковая преступность порождается неправильным образованием. Настоящее образование снизит подростковую преступность”.

Все это будет звучать для них, как “хорошие дороги и хорошая погода”. И они будут рады сотрудничать в этом направлении. И больше вам не придется ничего говорить. И они на самом деле даже не удивятся: “Откуда, черт возьми, этот парень все это узнал? Да, откуда вся эта информация? Что это?”. Если, конечно, они не получат разрыва АРО, и не впадут в другую крайность. Но на самом деле им никогда не приходит в голову спросить: “А частью чего является данная информация? В этом учебнике постоянно повторяется, что это часть большей информации, называемой Саентология. Но далее говорится, что это просто “Саентология”, что все знают, что такое Саентология. Это изучение знания, естественно. Истины, такие вот вещи, и так далее, и так далее, и так далее, и тому подобное, и...”. Они даже не задумаются над этим.

И почему они не задумаются над этим? Я хочу, чтобы вы обратили внимание на одну ма-

ленькую деталь. Они не умеют ни о чём думать! Понимаете? Вы удивлены, отчего малый в повязке на глазах ничего не видит. Понимаете? Вы не узнали об этом индивидууме самое фундаментальное — что он в принципе слепой.

И вы спрашиваете себя: “Почему Джо и Питер не видят этого, и этого, и этого?”. Вы задаете слишком сложный вопрос. Вы спрашиваете себя: “Почему Джо и Питер не видят то-то, то-то и то-то? И почему они все время спорят, и так далее и так далее?”. Ну, вы просто переусложняете данный вопрос. Ваш вопрос возник оттого, что вы не распознали, что они слепы. Улавливаете?

Вы пытаетесь превратить это в: “Почему они чего-то не видят?”. А основная проблема: “Почему они вообще ничего не видят?”. Да, они вообще ничего не видят, потому что их заучили до глупости. И вы говорите со слепыми, вот и все. Как надо говорить со слепым человеком? Чертовски осторожно! Семь раз подумав, прежде чем открывать рот.

Вы знаете, что этот малый слеп, так что вы — естественно, он сидит и ничего вообще не видит, и вы пытаетесь поговорить с ним о кустах роз, которые видны из окна. Вы же не скажете ему: “Эй, глупый осел! Почему бы тебе не взглянуть в окошко и не посмотреть на розовые кусты?”. Да, вы так не скажете совершенно слепому парню. Не скажете.

Вы скажете: “Ну, вот там...”. Вам придется подумать над этим. Вам придется сказать: “Хорошо, вот там справа от тебя есть несколько окон. Возможно, ты иногда чувствуешь холодный сквознячок с той стороны. Хорошо, это окна, и есть свет, который делает вещи видимыми, и показывает их так, что можно увидеть одну вещь за другой. Поставь руки вот так, смотри, вот так. Вот, когда свет падает на левую руку, но не падает на правую, ты видишь левую руку, но не видишь правой, потому что правая рука не освещена. Теперь, ты можешь держать их так и таким образом чувствовать”, — и вы постепенно сделаете это частью его опыта. Вам нужно будет сесть и подумать над тем, какие данные можно дать этому малому, чтобы он мог получить какое-то представление о клумбе за окном. И вы постепенно выстроите это, и скажете: “Хорошо, вот там за окном — большое пространство. Помнишь, когда ты в последний раз выходил из комнаты, ты шел довольно долго, прежде чем вошел в другую дверь? Это было пространство, это улица. Ты замечал, что иногда попадал под дождь, пока находился в одних местах, а в других — нет?”. И вы работаете таким образом: “За окнами имеется большое широкое пространство”.

И тогда вы, вероятно, поймете: “Господи Боже! Далее мне нужно объяснять слепому эстетику цвета. О-о-о! Так, посмотрим, как это можно сделать? Хорошо, отлично. Смелее. Давай сделаем это. Давай попробуем”. Улавливаете?

И вы, в конце концов, вы обнаружите, что малый сидит и говорить: “Знаешь что? Да, да, да. Теперь я знаю, что такое клумба!”. Вы действительно смогли бы передать ему что-то, потому что вы с самого начала поняли, что имеете

дело со слепым. Но когда вам не удаётся ему ничего передать, это происходит по одной ужасно большой причине. Вы не распознали, что имеете дело со слепым.

И когда ВЫ начинаете говорить людям о Саентологии, ВЫ в действительности говорите с ними выше того уровня, на котором следовало бы говорить. Кто-то спрашивает: “На этом новом курсе Личной Эффективности, как мы обретаем АРО?”. Не надо! АРО слишком высоко. Это очень продвинутая информация; вам надо понизить уровень. Вам надо передать им идею о понимании чего-то, о существовании данных. Вы должны передать им идею о том, что они могут что-то выучить. Звучит невероятно, но именно здесь вход и начало пути.

Потом вам надо передать им идею о существовании знания, потому что 99 процентов из них знают по опыту, что “изученные технологии не работают”. Большинство из них не ждет никаких результатов, даже если технология известна. И они не способны создать тот небольшой дополнительный толчок, который заставит ее работать. Вы столкнетесь с этим — и вот причина. Нет этого небольшого дополнительного толчка. Они не ждут, — я говорю вам, они не ждут никаких результатов, потому что их никогда не было. Так что они на самом деле не знают, что есть знание.

Знание — это какая-то чушь, которую кто-то считает знанием. Если вы дадите им задание написать, что есть знание, вы получите определение вроде этого. Эти люди не знают о том, что знание существует.

Посмотрите на высокомерие медицинской профессии. Они не считают, что существует знание об уме, духе или лечении. Они отмечают все это, они — ого! Знаете? Они высокомерны! Они не имеют никаких результатов, но это не мешает им верить в том, что у них нет проблем. Откуда это пришло, как не от латыни? Представьте — работа с человеческим умом начинается с того, что парня отправляют в другую страну за несколькими словами из мертвого языка, не похожего ни на что из того, с чем он когда-либо имел дело, и ему говорят: “Вот здесь мы начнем изучать человеческое тело”; а затем удивляются, почему, в конце концов, этот малый так увлеченно кромсает человеческие тела и души людей. А что еще ему делать? Ему сказали: “Эта большая берцовая кость”, и он ищет, где эта кость. А это лишь слово в книжке: *большая берцовая кость*.

На самом деле образование все больше и больше деградирует. Недавно в отчаянии Великобритания совершила фантастический поворот в сфере образования, о котором вы не прочтете никаких статей, и о котором вы вряд ли найдете много информации. Возможно, вы об этом что-то слышали, но я получаю все это горячим прямо с линий, потому что я сейчас разыскиваю школу, в которую можно отправить Квентина, чтобы он чему-то научился. Поэтому конечно, как обычно, я просто вступил в контакт со всеми связанными с этим предмету, и получил разведанные.

Я получил множество интересной информации. Британские колледжи не планируют в те-

чение четырех лет вести каких-либо курсов на степень, которые последовательно продолжали бы школьные курсы. Они не хотят иметь с этим ничего общего. Они считают это полным провалом, и больше не хотят с этим связываться. И они твердо говорят: “Вы хотите узнать, каков ожидаемый набор 1968 года — о, если бы мы знали это сами. Но единственное”, — это я слышал не раз, — “единственное, что мы можем сказать уверенно — это что те курсы, которые набираются сейчас, больше набираться не будут”.

“Слоёное обучение” — вот что используются сейчас во всех технических областях. Они говорят: “Искусства — кого они волнует? Все эти мертвые языки, и мертвые степени, кого это волнует? Но мы обнаружили, что наши инженеры не умеют строить мосты, и нам стоит попотеть над этим. Мы раздражены на образование, и просто рвем и мечем по этому поводу”.

И все большие компании, правительства, местные советы, и все, кто может сделать в это вклад, тщательно уничтожают все, что напоминает инженерное образование прошлого Великобритании. Они просто уничтожают все без разбору. Они обнаружили, что школа неспособна готовить инженеров, а будущее этой цивилизации полностью зависит от квалификации инженеров. Они четко усвоили это. Поэтому они реформируют все целиком. И к 1968 году это даже внешне перестанет напоминать то, что мы видим сейчас.

Они будут шесть месяцев ходить в школу, и шесть месяцев работать. Вот что случится с учениками. Они должны будут шесть месяцев ходить в школу и шесть месяцев — работать; и им, черт побери, лучше работать в той области, которую они изучают, иначе его просто не примут на курс.

Сфера образования совершенно преобразилась. Это исправительная мера, которая является признанием того факта, что методы образования потерпели провал. Но это исправительная мера в правильном направлении, и, возможно даже, именно мы как-то на это повлияли, потому что, помните, мы обучали — мы долго обучали огромное количество учителей в Лондоне, и это была тогда наша идея — знакомство с реальными вещами. Может быть, мы влияем на развитие культуры больше, чем думаем. Возможно, мы переоцениваем свое влияние, но думаю, что обычно мы недооцениваем его. Я замечаю множество перемен. Я давеча заметил, что происходит нечто, просто позаимствованное из наших учебников.

Вот кто-то нарисовал графики* Хоума* и Хиды* — или как там их зовут — мистера Джорджа какого-то, — в общем, нарисовал и напечатал наш анализ личности в *Гардиан**, и вычертил графики этих ребят, не без искажений, конечно. Но они на самом деле не изучали это и не давали их кому-то заполнить — типичная работа психолога — никогда не давали это ни бедному Хоуму, ни Хиду, ни Вильсону или какому-то еще из этих парней, они просто пошли и опросили каких-то студентов, что они думают об этих малых, зафиксировали это как результаты, а потом объявили это подлинными

графиками этих людей. Я думаю, это очень интересно. Такое могут проделать только в психологии. Понимаете, что я имею в виду? Они просто спросили у нескольких людей их мнение об этих ребятах. И затем они взяли то, что кто-то сказал, и выпустили это публично как анализ личности этих малых. Поразительно. Но, тем не менее, это было ни что иное, как те самые наши графики.

Мы уже проникли в эту область до такой степени, что, хотя они уже вошли во двор и возьмется там, они все же не догадываются, что мы давно уже сидим в гостиной и рассматриваем углы. Это что касается владения знаниями и технологией. Мы для них весьма нереальная группа, и мы нереальны для них потому, что любое более высокое знание для них нереально. Инстинктивно они распознают, что это знание где-то есть, и когда мы говорим им об этом, они понимают, что мы говорим именно об этом, но все это происходит как бы на бессознательной основе. И потом они на самом деле не могут связать это воедино, и начинают чувствовать себя затравленно, и начинают нервничать.

Если честно, мы обладаем просто фантастическим управлением над таким человеком. Это почти гипнотическое управление, и это по-своему интересно. Они осознают, что вы говорите правду, но не вполне способны соединить вас с этой правдой, поэтому слова, которые вы произносите, становятся почти инграммными. Это довольно любопытно. Саентология может работать подобным образом и просто приводить все общество к повиновению, притом без особых усилий. Но это не то, что мы пытаемся делать.

Вот как можно справиться с этим: нужно привести кого-то в состояние, в котором он сможет учиться. Вот как можно привести человека в Саентологию. Вы должны привести его в состояние, в котором он сможет учиться, и затем показать ему, что есть что-то, что можно изучить, и затем показать ему, что существует знание о том, как учиться, и существует знание о том, как применить это в учёбе. И действуя в такой последовательности, вы добьетесь большой победы.

Вы на самом деле ни разу не пробовали подойти к этому с такой стороны. Ваш обычный подход к индивидууму — это: “Мы можем помочь тебе, мы можем сделать тебя сообразительнее, мы можем сделать для тебя это, мы можем сделать для тебя то, мы можем помочь тебе поправиться”. Мы пытаемся говорить с ним — с тем, кто не способен к познанию.

Но если этот индивидуум не способен к познанию, тогда, конечно, он не может понять даже те слова, которые вы ему говорите, то есть он вне общения. Дело не в том, что мы скучно или неумело общаемся. Он просто не воспринимает. Если он не способен к познанию — он не сможет даже воспринять ваше высказывание.

Так что проваливается не ваш подход — вы просто не достигаете его [т.е. человек вне общения с вами]. Тут есть большое различие, между этими двумя случаями. Все, что вам нужно

сделать — поднять человека в состояние, где он сможет воспринимать. Сделайте этот первый шаг первым. Поднимите его туда, где он сможет воспринимать вас.

Ну, он будет очень счастлив узнать, что есть способы чему-то научиться. Он будет очень счастлив узнать это. Он будет очень счастлив узнать, что есть способ расширить свое представление об окружающем мире.

Но вы немедленно увидите, что столкнулись с проблемой настоящего времени. Существует множество вещей, с которыми у него проблемы, и если бы он мог больше узнать о них, он научился бы справляться с этими проблемами. Так что вы сталкиваетесь с проблемами настоящего времени того человека, с которым вы говорите. Понимаете? Его основная проблема настоящего времени связана с неспособностью к познанию. Понимаете, если бы он мог больше узнать о женщинах, у него бы не было проблем с женой. Можно свести это к такому простому показателю.

Конечно, ему никогда не приходит в голову, что есть еще какой-то способ чему-то научиться, который он еще не использовал. Поэтому если он просто узнает, что способ узнать что-то еще о женщинах существует, что существует способ подхода к сбору данных в данной области, способ стать более сведущим в ней, то он немедленно ухватится за вас руками и ногами, потому что сможет применить эти знания к своим проблемам, не через прямой процессинг, а через прямой инструктаж.

Вы говорите: “С твоей жизнью еще можно что-то сделать. Надежда есть”.

“Да?”.

“Ну, об этом можно узнать больше”.

“Правда?”.

Смотрите, не “ты можешь стать умнее” или что-нибудь такое, а “ты можешь узнать больше о том, что происходит вокруг тебя”.

“О, правда? Это интересно? Ага! Как это сделать?”.

“Ну, есть техники, разнообразные техники изучения всего вокруг вас, которые совершенно удивительны, совершенно удивительны. И одна из них — наблюдать”.

“Правда?”.

Видите, насколько глубоко это затрагивает суть? Вы наблюдаете. Вы думаете, что надо быть умным, чтобы научить кого-нибудь чему-нибудь. Нет, просто делайте очевидное; наблюдайте.

“Говоришь, что хотел бы знать больше о своей жене? Отлично. Вот, есть хороший пример. Вот, случалось ли тебе наблюдать свою жену?”.

“Нет!”.

“Отлично. Теперь, я скажу тебе, что надо делать. Первый урок в познании учёбы — просто научиться наблюдать. Просто научись смотреть на что-нибудь. Только это. Как ты смотришь на что-нибудь?”

И оставьте его поплавать в этом. “Как надо смотреть на что-нибудь?”. Черт, надо смотреть на это! Вот ответ. И это ответ, к которому он, в конце концов, придет. Ну, как на самом деле посмотреть на что-нибудь? Надо посмотреть на это. И это станет его проблемой дня. Он думал, что необходимы какие-то хитрые способы смотреть на вещи. Через всякие цветные стекла? Скосив глаза? Нужны ли вообще для этого глаза? Чего только не придумает! Пусть он решит эту задачу. Как наблюдать что-нибудь? Пусть он выдумывает системы наблюдений. Если он хочет больше знать и иметь меньше проблем со своей женой, ему лучше научиться наблюдать свою жену.

Это был бы основной метод справляться со своими личными делами и своей личной жизнью. Он находится прямо там, прямо посреди Главной улицы. Он научится множеству таких вещей, которые раньше никогда не приходили ему в голову. Он считал само собой разумеющимся, что умеет наблюдать. И вы считали это само собой разумеющимся. Вы думали: “Раз два человека живут вместе, то они оба смотрят друг на друга”.

Единственный случай, когда жена смотрит на него — это когда он приходит домой с отпечатком губной помады. Губную помаду она видит — она постоянно ею пользуется. На самом деле, она сама и сделала этот отпечаток утром, когда он уходил на работу, но забыла об этом, так что теперь у нее появляются основания для развода. Он пришел домой с пятном губной помады на щеке. За весь рабочий день никто не удосужился сказать ему, что у него щека в помаде. Но она может наблюдать — губная помада у него на лице. Конечный продукт.

Кстати о наблюдении. В любом большом городе можно выкидывать самые дикие трюки, демонстрируя отсутствие наблюдения. Самые дикие вещи происходят в больших городах незамеченными. Вы не поверите. Я сам часто злоупотреблял этим. Я частенько злоупотреблял этим; это приносило приятнейшие минуты. Я, например, говорил девушке — прогуливаясь с ней по Бродвею в районе 42-й улицы, я непременно ей говорил: “Знаешь ли ты, что ньюйоркцы никогда ничего не видят?”.

“О? Нет!”.

“О, да, делай что хошь. Какой-нибудь малый может упасть здесь замертво, кто-нибудь может выхватить пистолет из кармана и пристрелить другого, и прохожие даже не замедлят шага. Чтобы что-то было замечено, нужно активно мешать им пройти. Даже если там драка, они остановились бы только в том случае, если бы это мешало пройти — тогда они бы остановились и, наконец, обратили бы внимание на драку. Можно возбудить любопытство, перегордив тротуар и рассматривая их, но прежде чем начать их рассматривать, надо перегордить тротуар, и только тогда они тоже начнут смотреть. Как это ни забавно — они никогда ничего не видят”.

“О, я не верю!”

Это девушка откуда-нибудь из Айовы⁹.

“Я могу встать прямо здесь, на углу 42-й и Бродвея, и поцеловать тебя, и никто даже не глянет в нашу сторону”.

“Не верю!”.

“Хорошо, показываю!”. [аудитория покатывается со смеху].

Да! Всегда получалось, всегда получалось. Чудесный метод. Если кто-нибудь из присутствующих молодых парней попробует его, с него проценты!

Как бы то ни было, вся суть в таких приевшихся словах, как *наблюдение*, *рассмотрение* или *опыт*, — совершенно обычные вещи. Но на самом деле вы можете поставить их на вершины гор. Это действительно нечто очень важное и поразительное.

И когда вы учите этому кого-то, вам нужно взять очевидное и развить его. Не тужьтесь, стараясь дать им все сразу — мы сейчас у руля. У нас есть технология обучения. Она содержится в этих лекциях. К ней в любом случае нечего особо добавлять. Она выглядит достаточно целостно.

Вы скажете: “Мне надо учить кого-то образованию”. О, нет, нет! Не предполагается, что вы будете учить кого-то своей технологии образования. Давайте обучим их вводным аспектам образования. В чем они состоят? “Как что-то познавать?”. Сядьте и задайтесь этим вопросом.

Как что-то познавать? Познавать что-то можно, глядя на это, ощущая это, слушая об этом, читая об этом книги, изучая, с чем это связано. Вы можете установить это очень легко, но, конечно, это сводится к “чувствовать”, “наблюдать” и тому подобному.

Теперь, если эту классификацию вы проделаете в отношении самого-самого вводного и элементарного подхода к познанию, если вы сделали это, осознайте, что это всё легко применимо ко всем проблемам, с которыми сталкивается кто угодно на Уровне 0 или Уровне 1. Вы мимоходом получите все богатство информации в отношении этого. Давайте посмотрим на это.

Так что не стоит говорить: “Ну, давайте посмотрим. Я преподам этому малому Саентологии. Хорошо, есть такая вещь, как АРО. Это Ауффинити, Реальность, Общение, и они образуют треугольник, и так...”.

“Где я? Что происходит?”. Он не знает о существовании какого-либо знания где-либо, которого бы он не знал. Он думает, что все на свете уже открыто. Он не замечает, что обществу чего-то недостаёт. Посмотрите на то, как кто-то там, на улице станет жаловаться по поводу прошлой жизни или еще чего-то.

Вы можете взять какого-то парня, который будет вопить как придурок о том, что имплантов не существует, начать ему говорить: “Так, скажи это слово”, и дать ему пункт из линейно-

го графика Гелатробуса, и Э-метр сделает “блююю”, и он тоже сделает “блююю”, и потом дайте ему следующий пункт: “Скажи это слово”. “Блююю, блююю”. Ну, если имплантов нет, то отчего все это происходит? Э-метры сами по себе такие штуки не выдают. Но зачем так с ним поступать?

Следовательно, то, с чем вы имеете дело в Саентологии — это в действительности не подлость общества, и не упрямство общества, и не нежелание общества принять помощь. Это даже не невежественность общества — на самом деле вы имеете дело с неверной технологией учёбы общества, которая блокирует познание того, о чем вы говорите, и блокирует познание того, о чем можно знать больше. Вы сталкиваетесь с технологией, которая губит интеллект, вмораживает индивидуума в тотальное непонимание, загоняет его в одеревенение, которое нельзя назвать хорошим состоянием.

Другими словами, вы говорите с отороженным, окаменелым индивидуумом, которого тщательно и систематически — хотя совершенно непоследовательно и неумышленно — разрушали, начиная с того первого дня, когда он сел маме на колени и спросил: “Мама, что такое кот?”.

И тогда она сказала: “Не приставай сейчас ко мне”.

“Так, понятно. Кот это не-приставай-сейчас-ко-мне”.

Он — продукт образовательной системы, которая грозит расстрелять его у социальной стенки из социальных пулеметов, если он не получит оценку “5” по всем предметам и не окончит университет с красным дипломом — хотя он даже не понимает, что означает слово “школа”.

Все было задействовано для того, чтобы этот индивидуум никогда не стал более сообразительным и образованным. И вы приходите к нему с гигантским объемом знаний, ожидая, что он примет вас с распростертыми объятиями?!

Его с самого начала расстреляли в языках пламени по предмету обучения — вот что может означать для него “учиться дальше”. Более того: вас просто не может быть, потому что все материалы по учёбе плохи, потому что его расстреляют, если он чего-то не знает. В его голове возникнет что-то такое вот. Другими словами, линия общения просто заблокирована. Чем она заблокирована? Учёбой. Вот вам распространение учёбы.

А вы понимаете, что учёба сама по себе есть отличный инструмент для распространения, и она срабатывает молниеносно? Я уверен, что вы сами в этом убедитесь: как вы только начнете использовать это, вы будете не успевать справляться с притоком.

Я дам вам лишь одно маленькое предостережение по этому поводу: не становитесь слишком наукообразны по отношению к учёбе, при работе с этим предметом. Просто берите самые очевидные аспекты учёбы, не старайтесь сделать их “наукообразными”, потому что не имеет значения, насколько “наукообразно” вы об-

⁹ В смысле: из провинции. Айова — штат в основном земледельческий.

ращаетесь с очевидным. Человек все равно сможет видеть это. Понимаете?

Некоторым нравится, когда в учёбе все выстроено в виде некой гигантской башни сложностей. Хорошо, пусть он выстраивает её на основании наблюдения, до тех пор, пока она не достигнет небес. Он ведь не придет ни к чему, кроме наблюдения. Он получит, в конце концов, доказательство того, что наблюдение суть просто наблюдение. Вот окончательный вывод, который ему предстоит получить. Независимо от того, сколько систем он разработает для выполнения наблюдений, он неизбежно придет к этой мысли.

Он не сможет не познавать, если будет наблюдать вещи. И таким образом вы можете довести до его осознания любую глубокую, пара-

зительно простую мысль подобного рода, и внезапно добиться совершенного согласия с его стороны. И вы получите: “Эй, а ты знаешь! Что — да! Да! Когда я наблюдаю свою жену — о, да! Что она *делает*? Как она *выглядит*, когда я с ней разговариваю? Ну, мне стоит попрактиковаться в это занятие!”. И просто благодаря “подойди-отойди*” и наблюдению своей жены, он будет иметь с ней меньше проблем. Он станет с нею более знаком, он будет лучше понимать её.

Вы говорите с людьми, которые совершенно не наблюдают жизни. Учёба, конечно, один из лучших способов на свете, чтобы это исправить это состояние.

Благодарю вас.

УЧЁБА И НАМЕРЕНИЕ

18 августа 1966 года

Благодарю вас. Благодарю вас.

Ну что ж, если сегодня я выгляжу малость пользованным и измочаленным, да... если кто-то думает, что исследования Клира доводили меня до такого состояния, то исследования ОТ — ОГО-ГО! Начинаешь думать, что это уже всё, и вдруг попадает в такие неприятности! Как я мог влипнуть в такие неприятности? Пытаешься взять постулат существа ростом в 300 километров, будучи сам ростом меньше 2 метров, пытаешься разобраться и вдруг — “Эй, где моя голова?”.

Это очень интересно. У меня для вас есть небольшой совет. Когда вы станете Клиром, запишитесь на курс ОТ, и проходите его шаг за шагом, вежливо и тихо. Не переоценивайте себя. Я здесь единственный, кем можно пожертвовать. Каждый раз, когда со мной что-нибудь случается, они говорят: “Что ж, пусть послужит ему уроком”, — а каждый раз, когда что-то случается с вами, — это моя вина. Да.

Как бы то ни было, какое сегодня число?

Аудитория: 18 августа 16 года ЭД.

18 чего?

Аудитория: августа.

Августа.

Аудитория: 16 ЭД.

16 ЭД. Сегодня вы меня выручаете. Планета?

Аудитория: Земля.

Земля. Ага ... а, хорошо. Земля? [удивленно, с деланным ужасом — аудитория хохочет].

Ну, на самом деле, все это так... мне на самом деле совершенно не о чем вам рассказать. Я хотел бы сделать небольшую — ах, да, я хотел бы сделать небольшую коррекцию. Если вы, как сделал я после прошлой лекции, пойдете и посмотрите слово Дхарма (Д-Х-А-Р-М-А) и выясните, что из всего этого сохранилось, то вы избавите себя от неприятностей. “Дхарма” означает что попало, от “высшего закона” и “тотальной кастовой системы в Индии” до “судьбы” и “синонима любви”, и что-то там

еще, что-то там еще, что-то там еще. И ни в одном авторитетном словаре или справочнике, которые я смог отыскать по этому поводу, нет правильного определения слова “дхарма”. Черт, это просто здорово, просто отлично! А в буддизме это означает “путь”.

Вот что получается, если ходить и присваивать свое имя всяким вещам — потом ваше имя становится этой вещью. Если вы делаете отличные копировальные машины “Ксерокс”, что ж, в конце концов, все копировальные машины становятся “ксероксами”. И это название начинает ассоциироваться с самим продуктом, а не с его производителем, что, как мне кажется, довольно поразительно. Я как раз подумал о том, что надо было дать вам какое-то небольшое примечание по поводу прошлой лекции, потому что вдруг подумал: “Интересно, что говорится об этом сейчас”. “Интересно, есть ли хоть одно упоминание об этом факте”. Черт — нету! Я, однако, отметил, что во многих книгах, таких как тексты по теософии*, и тому подобное, все это часто упоминается, хотя на самом деле нигде не указывается первоисточник.

Эра, в которой живем мы, кстати говоря — та, которую мы начали, кстати говоря — уже получила название. И это тоже может оказаться для вас интересным замечанием. Это Эра Любви. Была Эра Разума, Эра Науки и эры множества других вещей. Но двадцать пять веков тому назад Гаутама Сиддхартха сказал, что через двадцать пять веков на Западе начнется Эра Любви — и первое, о чем начинают говорить Клиры — о любви. Это любопытно. Конечно, никто ранее никогда не делал Клиров, так что как об этом можно было узнать? Как бы то ни было, теперь у нас наступила Эра Любви. Конец Эре Разума — и слава Богу!

Ну, хорошо, я мог бы поговорить с вами, вероятно, об очень многих вещах. Сейчас я не знаю, какая из них была бы вам полезнее. Завершения выросли, так что об этом мне нечего беспокоиться; и на курсе вроде все в порядке, так что и об этом мне нечего беспокоиться. Но есть лекция, которую, я думаю, можно исполь-

зовать очень широко, и это — обзор материалов по учёбе.

На самом деле, никогда не было заключительной лекции об учёбе, и в этой лекции я не рискну читать вам итоговую лекцию, в которой были бы изложены все основные аспекты учёбы. Их имеется порядочное количество. Но есть кое-какой дополнительный материал об учёбе вообще, который, как мне кажется, вы сочли бы очень интересным. Он касается вопроса о намерении — намерении в учёбе. И это очень, очень важный предмет.

Изучая что-то, что вы намереваетесь делать с этой информацией? Очень важный вопрос!

Во время обучения возникают вопросы об ошибочности источника. Это мы на самом деле не рассматривали. Мы априори предполагали, что все источники, изучаемые нами, сами по себе совершенны, и (1) в них представляется какая-то информация, и (2) она представляется так, что ее можно усвоить. Мы более или менее придерживались предположения о том, что студента всегда просят принять позицию следствия, и считали, что он изучает материал стоящий и доступный для понимания. Этот факт сам по себе способен свести на нет весь предмет учёбы, так как совсем немного из обычно предлагаемых для изучения материалов обладает какой-либо ценностью или сутью в этом мире обывателей. Редкий учебник действительно излагает информацию и суть предмета, который вам нужно усвоить — очень редко встретишь такой учебник.

И когда учёба выходит из-под контроля, действительно начинается полный хаос. Это — одна из причин такого огромного количества самоубийств в университетах; а в университетах очень много самоубийств. Проценты просто *фантастические!* Не столь большие, как среди пациентов психоанализа, где оно доходит до трети за первые три месяца. Вы знали об этом? Хм, это как-то никогда не афишировалось.

Источник этой информации — Психоаналитическое Бюро, или как там оно называется, Нью-Йорка. Кстати говоря, мы более или менее прикончили этот предмет; психоаналитиков осталось совсем немного.

Но процент самоубийств во французских университетах, вероятно, самый высокий в мире, и французские студенты повсеместно прыгают из окон и режут вены, когда приходит пора экзаменов.

Однако количество незачетов на экзаменах в университете ни в какой мере не служит показателем качества продукта, выдаваемого данным университетом. Эти вещи друг с другом не связаны. Очень тяжёлые экзамены еще не делают университет хорошим. Университеты, в которых самые трудные экзамены, вовсе не обязательно выпускают самых блестящих студентов. Нет тут никакой взаимосвязи.

В этой сфере присутствует множество других несообразностей, и это все только потому, что учёба — очень привлекательная область для подавляющих личностей. Сюда, как и в область управления государством, подавляющие лич-

ности слетаются, как мухи на мёд. Можно найти все признаки подавления — как в учебниках, так и за кафедрой. В результате, говоря о предмете учёбы, приходится рассматривать вопрос о том, всё ли чисто с самим этим предметом. Является ли предмет — изложение этого предмета — этичным или нет?

Сейчас я расскажу вам об одном предмете, который, безо всяких сомнений, мог бы дать работу на тысячу лет будет тысяче администраторов по этике, и это — область мореходства. Так вот, я своего рода эксперт в этом деле, но я очень сильно сомневаюсь, смог бы я сегодня пойти в Министерство торговли* или Управление навигации* и сдать экзамены на мастера-морехода. Я очень, очень сильно в этом сомневаюсь, потому что экзамены практически не имеют ничего общего с мореходством. И я имел печальный опыт вождения судов по многим океанам, без подготовки, в одиночку, с неподходящей оснасткой, с остановившимися хронометрами, при отсутствии таблиц и т.д. Так или иначе, эти препятствия не должны, конечно, приводить к потере корабля. Вы ведете судно.

И самое важное в экзамене по мореходству — то, как вы ведете судно; и то, что вы *ведете* судно — единственная проверка, которую потребует от вас Старик Океан.

И обычно, когда только что сдавший на “отлично” экзамен по мореходству парнишка поднимается на борт корабля, с которым я как-то связан, знаете, я становлюсь очень бдительным. Потому что это вовсе не доказывает мне, что он умеет вести судно — эта оценка не имеет никакого отношения к мореходству. Однажды пришел ко мне такой парень, он поднялся на борт, глянул на штурвал и сказал: “О, это рулевое колесо! А я все гадал... А это нактоуз*! Это компас! Боже мой! А это телеграф машинного отделения*! Как интересно!”

И я подумал про себя: “Как интересно!”. Парень получил удостоверение капитана, он, должно быть, сдал экзамен. Но не достиг даже уровня знания того, в какой обстановке ему предстоит управлять судном.

Мореходство сводится к основным принципам, определенным элементарным принципам, которые являются просто фактами, и это очень, очень очевидные и простые факты. Например, целый предмет посвящен определению вашего местонахождения на сфере. Ввиду того факта, что на этой самой сфере кроме всего прочего имеются скалы, отмели и суша, а также малость бурные места, опаснее других, а также места, от которых лучше держаться подальше — становится в некоторой степени важно знать, где вы находитесь.

И ввиду того, что море — это водная поверхность, скрывающая все, что находится на глубине хотя бы в несколько сантиметров... Помню, однажды я плыл при замечательном полном штиле, все шло хорошо, я посмотрел влево и увидел чайку, которая шла пешком по воде! Стоит ли упоминать, что тут я слегка поблел! Из-за приливных волн, вызванных штормом и движущихся в противоположном направлении, что противоречило таблицам при-

ливов*, глубина воды над отмелью как раз рядом со мной была не 6 метров, а пара сантиметров! Вот так... А в это время должен был быть прилив*.

Следовательно, если всё мореходство осуществлять только лишь с помощью математики, можно рассчитывать только на одно — вы закончите жизнь на скалах. Гарантированно. По этой причине целый предмет посвящен определению вашего местонахождения; и следующий аспект состоит в том, что не стоит налетать, или сталкиваться с теми предметами, с которыми не следует связываться и которые не следует часто посещать. Это просто.

Кроме того, есть еще кое-какие факты: что звезды довольно стабильны, острова и материки не склонны смещаться, солнце движется довольно упорядоченно, и луна движется нелинейно, но очень упорядоченно — нелинейность ее движения легко предсказывается. И вы можете посмотреть на эти вещи, и если у вас есть хронометр, который не забыли своевременно завести, или вы можете откуда-нибудь получить сигнал времени, вы, как правило, можете установить свое местонахождение на сфере с помощью небесных тел или, если вы лоцман, с помощью береговой линии. Вот на самом деле и все, чем занимается этот предмет.

Вы что-нибудь поняли по этому предмету?

Аудитория: Да.

Уверяю вас, что теперь вы понимаете в этом гораздо больше, чем курсант первого курса военно-морской академии. Потому что ему дают книжку, которая называется “Даттон”*. “Даттон” — это библия. Должно быть, изначально “Даттон” был хорошим учебником, но потом он попал в руки адмиралов, и его принялись без конца переписывать.

“Азбука мореходства*” Микстера* — простой учебник, который во вторую мировую войну помогал избегать скал капитанам, и они выжили. Он опубликовал эту книгу в 1940 году; она стала библией молодого офицера второй мировой войны. И сейчас — Микстер уже умер — она переписывается адмиралами. И когда я несколько дней назад читал ее — я просто взял экземпляр и почитал — “Хм... Что-то не похоже на Микстера”.

Вчера вечером я взял свой экземпляр “Микстера” времен второй мировой, и совершенно нового, только что изданного “Микстера”, и я читал их, сравнивая, страницу за страницей — он отличался значительно! Слова стали длиннее.

“Боудич”* подвергался этому процессу столько лет, что из крохотной методички, изданной в конце XVIII века, написанной таким простым языком, что даже повар Боудича после её прочтения мог бы совершить рейс в Китай, превратился в учебник в кирпич толщиной, битком набитый синусами, косинусами, хаверсинусами*, таблицами, галсами*, уравнениями и другими дикими штуками. Он стал огромной книгой таблиц. Если не знают, что делать с навигационной таблицей, то засовывают её в “Боудич”. Сейчас это официальный учебник военно-морского флота Соединенных Штатов.

Я думаю, что в Королевском флоте* есть подобные же примеры.

Но основная идея, к которую я подвожу, заключается в том, что всегда надеешься, что кто-нибудь обратит внимание на такой предмет, отсутствие знания которого убивает людей. Понимаете, можно ужасно быстро умереть при отсутствии науки мореходства — иногда и не так быстро, но достаточно шумно. Всегда надеешься, что были приложены все усилия, чтобы этот предмет упростить. Да, правда, были разработаны более простые методы наблюдения звезд, но учебники это излагают настолько путано, что когда я в первый раз взял экземпляр академического учебника по мореходству, “Даттон”, я прочитал первые четыре предложения, потом перечитал их, но они по-прежнему не передавали никакого смысла — я прочел их ещё раз; потом отложил эту книгу — и на этом завершилось моё знакомство с “Даттоном”.

Много лет спустя — много-много лет спустя я еще раз прочитал первые четыре предложения, и обнаружил, что когда ты являешься экспертом по мореходству и вообще не нуждаешься ни в какой консультации по этому предмету, то первые четыре предложения в “Даттоне” обретают смысл.

Да, думаю, это очень интересно.

“Британская Энциклопедия” в ранних изданиях была довольно простой энциклопедией, очень интересно. Мне не нравятся издания после одиннадцатого, потому что в более ранних изданиях можно найти все нужные сведения. И написано это довольно простым языком. С учетом того, что человек приобрел эту энциклопедию потому, что не знает некоторых вещей, и что ему захочется их найти и получить о них справку. А более поздние издания “Британской Энциклопедии”, к сожалению, содержат статьи по предмету декоративного садоводства, которые может понять и которыми может заинтересоваться только специалист. Мы влезем в мир экспертов.

Эксперт очень часто сходит с ума, когда пишет учебник. В отличие от предыдущих лекций, в качестве предмета для проведения аналогии я сейчас беру не фотографию, а мореходство... Я взял учебник по предмету оснащения яхт для плавания. О, очень, очень авторитетный текст — очень современный. И там была глава о биноклях. Я заглянул в эту главу о биноклях, и она страница за страницей, страница за страницей, страница за страницей рассказывает о биноклях. Это очень интересно, так как вопрос рассматривается со времен Галилея*. Там рассказывается — ничего конкретного, но очень сложно и с полными формулами — как построить телескоп Галилея. Очень полезно; могу представить, как я строю телескоп Галилея на яхте посреди Тихого океана. Могу себе это представить.

Как бы то ни было, с этого всё начинается, и это понятно, вы скажете: “Это можно уместить в первом абзаце”. Ан нет, он занимает этим две-три страницы.

Отсюда описание переходит к поглощению света линзой, описываются различные типы линз, их изготовление и так далее, и так далее, и потом формулы, в соответствии с которыми линзы шлифуются. Воображаю себя сейчас где-то недалеко от Алмазной головы* на Вайкики*, раздумывающим, какой бинокль взять: “Так, посмотрим, какова формула, по которой шлифовалась линза этого бинокля?”. Идиотизм!

Как бы то ни было, это сумасшествие продолжается и далее, и, в конце концов, завершается выводом, без каких-либо объяснений, что яхтсмену необходим бинокль 7x50* — авторитетное заключение, основанное на всех этих оптических формулах. Яхтсмен — не оптик, на кой ему в море эти формулы? Полный бардак!

Но в этой главе отсутствует следующее: как сохранять, защищать от воды и чистить используемую в море оптику. Не зная этого, бинокль можно прикончить очень быстро. Как подобрать оптику по своему зрению и научиться настраивать любой бинокль, который вы берете, мгновенно, чтобы тут же им воспользоваться, не возясь с ним — этого там нет. Нет указания на тот факт, что на маленьких судах качка и вибрация такова, что дрожание бинокля лишает вас возможности разглядеть цифры на буюх, отличительные признаки и названия кораблей на любом расстоянии, если пользоваться слишком сильной оптикой; а 7x50 будет неизбежно давать смазанное движением маленькой яхты изображение. Такой бинокль вообще не подходит для яхт. На небольшом судне вам нужен 3-х или 4-х кратный бинокль, и тогда вы сможете видеть цифры на буюх. Так что даже сам вывод был ошибочен.

Потрясающе! Он исписал столько страниц. Но приходит кто-то, кто в свое время поработал с биноклями, кто знает, что может сделать с биноклями тупой, зеленый, необученный старшина-рулевой, кто пользовался биноклями во всех обстоятельствах — и тут же видит, что написанное этим парнем не имеет ничего общего с истиной.

Но минутку, минутку. Человеку, пользовавшемуся биноклями многие годы при всех обстоятельствах, не нужен такой учебник, не так ли? Тем более, если этот учебник не дает читателю никакой полезной информации по использованию... Что это?

О! Здесь больше, чем кажется на первый взгляд. Значительно больше, чем кажется на первый взгляд. Давайте прочитаем несколько книг по предмету мореходства, взятых с полки наугад. И если вы достаточно внимательны — и вдобавок еще и саентолог — то заметите, что всё, о чем там рассказывается — это бедствия. Они неизменно, страница за страницей, страница за страницей, страница за страницей повествуют о том, как все это опасно; как нужно делать то-то и то-то, потому что должно случиться это; как нужно делать то-то и то-то, потому что должно случиться еще что-то; как не нужно делать так и так, потому что случится еще что-нибудь. Вы будете напрасно искать в них способ выжать лишние пол-узла из парусов. Но вы узнаете всё о том, как направляющие устройства спереди паруса крепятся к мач-

те... не вдаваясь в технические подробности... как эти маленькие штучки, которые крепят к парусу, чтобы поднимать его по направляющей Маркони*, как они во время шторма срываются и заваливаются набок, вынуждая людей карабкаться по мачтам, что сделать невозможно.

И если вы такого читаетесь, вы никогда не пойдете в море; вы будете напуганы до смерти, просто до смерти!

Это наваливается даже на человека со значительным опытом, и он не замечает, как это происходит. И, в конце концов, он отправляется в море и приходит в какое-то полустерическое состояние ума. Прекрасный тихий день, он посреди канала в пятьдесят миль шириной, в поле зрения нет ни одного судна, а он беспокоится об азимутах* и о том, не изменился ли субперманентный магнетизм* корпуса с тех пор, как корабль в последний раз стоял в сухом доке, и правильны ли показания компаса, и он хватается за то и за это... о, сплошные нервы, нервы, нервы, нервы, нервы, комок нервов. Он не расслабится и не скажет: “здорово!”.

Если вам когда-нибудь захочется впасть в истерику, почитайте лоцию*. Лёгкое чтение для любителей страшных историй.

Я помню, как однажды планировал совершить большой бросок от Аляски, двигаясь без всякой защиты посреди зимы — прорваться через просторы Тихого океана и одним махом прибыть в порт в Калифорнии на экспедиционном судне, ни о чем не беспокоясь по пути. И я сидел там со своим старпомом, и мы оба читали, у нас в руках было по экземпляру одной и той же лоции, и мы изучали её — нет, это была не одна и та же лоция — у него была английская, а у меня американская, и мы их читали.

Оказалось, что на расстоянии 500 миль от берега имеются фантастические течения, которые, при ветре и тумане — а ветер и туман появляются вместе в середине декабря и января — будьте уверены, разорвут вас на части, потопят, втянут в шторм, закрутят, лишат ветра, испортят вам все и просто прикончат. И это было так плохо, гораздо хуже, чем я рассказываю, что он и я, сидя там — была уже полночь, знаете, кромешная тьма, и мы хотели предпринять этот бросок и выбраться оттуда ко всем чертям — как вдруг мы одновременно разразились истерическим хохотом. Ничего не могло быть хуже, ну ничего! Английская лоция и американская лоция — ничего не могло быть хуже!

Я прочитал там об ужасном приливном течении. Это был прилив. И там подробно описывалось, как он потопил канадскую канонерку вместе с двумя сотнями моряков, и эта приливная волна двигалась со скоростью 16 узлов*, когда прилив сменялся отливом, а посередине была огромная скала, разбивавшая суда на части, и она была видна ночью только по водяной пыли, поднимавшейся в воздух!

Ну, как правило, по таким проливам ходят по тихой воде* между приливом и отливом. Я прошел его по тихой воде, и всё время, пока мы шли, повар делал горячие блины и подавал их на мостик, потому что я завтракал по пути че-

рез это “сумасшедшее приливное течение”. Однажды я проскочил другое приливное течение, узкий пролив, где “всякий, кто входил в него, страшно рисковал быть потопленным, и только иногда кораблям удавалось срикошеть от скал и как-то удержаться наплаву”. И я оказался посредине этой штуки в полночь, из-за того, что в американской таблице приливов была ошибка — ошибка на два часа, и я влетел в туда во время прилива, вместо тихой воды. И вода там просто бурлила белой пеной, и, ребята, я влетел туда на парусном судне и оказался там прежде, чем успел что-либо предпринять. И огни каюты сквозь иллюминаторы освещали скалы, которые были так близко, что был виден мох; и сломался румпель*, и мы остались без румпеля. Но я быстро соорудил запасной румпель и повёл судно на другую сторону, и вдруг понял, что мы прошли через пролив. И я понял об этом еще кое-что: мне вообще не нужно было ничего знать об этом течении; если бы я попал туда при тихой воде, в прилив или в любое другое время, это не имело бы значения, потому что течение было быстрым; оно всегда выносило судно на другую сторону. И на кой я изучал таблицы? Оно ведь течет быстро! Улавливаете?

Ну, конечно, хорошо знать обо всех этих опасностях, но что сделал капитан “Индианаполиса”... Это был капитан американского Военно-морского флота, а у них шевроны идут от манжет аж до самой фуражки. И этот парень проводил крейсер “Индианаполис” через тот самый узкий пролив, о котором я вам рассказал. И местные лоцманы предупреждали его, и он прочел все таблицы приливов, он был выпускником Военно-морской академии, и это был человек с большим опытом, в чем я совершенно уверен... И у него была вся эта информация, так как при каждом повышении в должности они сдают полные экзамены по всему. Я уверен, что у него была полная информация, у него-то — студента-отличника на протяжении всей учебы. И он на полном ходу развернул американский корабль “Индианаполис” поперек пролива: корма — на одном берегу и нос — на другом. Как-то ухитрился. Я до конца своих дней не смогу понять, как он ухитрился это сделать.

И если вы очень внимательно просмотрите эти учебники, то увидите, что большинство этих учебников просто советует вам не ходить в море, так как это очень опасно. И человек, очень, очень упорно изучивший их и полностью им доверяющий, теряет всякое удовольствие от хождения в море — и бросает это дело.

Вся эта область забита подавлением. Да, конечно, очень приятно, что они сообщают нам о том, что если заполнить судно бутаном, а потом зажечь спичку, то судно взорвется. Мы рады знать об этом! Очень приятно знать, где находятся скалы. Но давайте не будем заикливаться на них до конца жизни. Давайте также укажем, где находится доступная, легкая для судоходства вода; но нет — об этом мы никогда не слышим, мы слышим только о скалах.

Соответственно, точно так же можно взять любой предмет и изложить его для учёбы в виде подавляющего предмета.

Надо рассказать людям об опасностях; иногда это делается излишне поверхностно, это правда. Например, мне бы жутко не понравилось говорить... Здесь существует две крайности — мне бы жутко не понравилась необходимость опустить данное о том, что если неправильно делать “Поиск и обнаружение*”, то вполне можно сделать преклира больным. Неправильно определив ПЛ, можно сделать преклира больным; он может теперь заболеть, так как [в его кейсе] рестимулирована настоящая ПЛ, и именно из-за этого он заболевает. Не вы доводите его до болезни этой процедурой — а подлинная ПЛ.

Но потом продолжать дальше неистовствовать, и истекать речами, и описывать “ПиО” только с той стороны, как не допустить ошибку в определении ПЛ, так как вы наверняка это сделаете, можно привести вас в такое настроение — я не стал бы это делать, конечно, — но можно привести вас в такое настроение, когда вы просто откажетесь делать ПиО, потому что это слишком опасно. Любопытно! Это будет слишком опасно для проведения, слишком ужасно, и можно таким манером навсегда отучить вас от проведения этой процедуры.

Вот способ исказить предмет и сделать его подавляющим. Вот подавляющее изложение предмета. Просто продолжать говорить о том, что “Люди заболевают, когда вы делаете им ПиО, если вы не сделаете того-то и того-то, и вам следует установить Э-метр, потому что люди заболеют, и ваш Э-метр нужно настроить, и отстройка должна быть такой-то, потому что, вероятно, люди очень сильно заболеют, и виноваты будете вы, одиторы. И потом...” и вообще не упоминать о том, что кто-то от “ПиО” поправляется, говорить только о том, как сильно они заболевают, если сделать это неправильно. Тогда это становится слишком опасным для проведения.

Это было проделано с разумом, и им удалось отпугнуть — ПЛам на траке удалось действительно утопить в страхе все стремления провести разумные исследования по предмету ума и души. Вы не раз слышали, как это опасно. “Нельзя баловаться с умом!”. Кромсать мозги топором нормально, но баловаться с умом — низ-зя!

В 1950 мне окончательно осточертели психоаналитики, говорившими мне о том, как опасно валять дурака с умом. Но, в конце концов, я со смехом это отверг, потому что посмотрел на тех, кто говорил. Когда они говорили “валять дурака”, они имели в виду именно это — я обнаружил, что они неспособны изучить Дианетику; просто неспособны.

И знаете, наш полный отказ от обучения психоаналитиков, психиатров и врачей в действительности основан вовсе не на том, что мы их недолюбливаем. Дело в том факте, что они, очевидно, неспособны воспроизводить материалы обучения. Просто это так сложно, так тяжело.

Человеку с улицы можно преподать курс общения за неделю. А психологу вы будете преподавать курс общения шесть—восемь недель. Тяжко. Потому что парня обучали подавляющим методом. Он более неспособен воспроизводить этот предмет. И потом, это противоречит всему тому, чему его учили. Так что все идет вкривь и вкось, и у него вылезают всякие предвзятые мнения, и в действительности ему нужно проводить “Средство исправления Б” из “Книги средств исправления кейсов”*.

Подавляющий предмет есть то, что минует учёбу; и весь труд, который вы вкладываете в то, чтобы кто-то изучил алгебру, может пойти насмарку просто потому, что у него нет учебника, по которому можно учить алгебру. Необходимо, чтобы те, кто пишет материалы для учёбы, правильно их оценивали.

Студенты будут стараться, стараться очень усердно. На днях я читал книгу — “Полезные советы о прибрежном мореходстве”, и там говорилось: “Если ваша команда не обучена, вам гораздо безопаснее иметь координатный компас”. Координатный компас? Книга начинается с утверждения, что она должна быть понятна каждому — именно на таких условиях он её написал. И в первых же нескольких предложениях стоит этот “координатный компас”; без каких бы то ни было дальнейших объяснений. Просто забавы ради я просмотрел различные учебники по мореходству и оснастке, чтобы узнать, смогу ли я найти координатный компас — его изображение или определение. Я просмотрел два или три морских словаря, пытаюсь найти определение координатного компаса. Отсутствует — очень тяжело, очень сложно. Он честно пытался сделать хорошую работу, но пролетел, потому что не знал, что нельзя вставлять слово, которое люди не поймут.

Так вот, в Дианетике и Саентологии мы постоянно сталкивались с тем, что мы выходим за рамки языка. Английский язык не описывает те части предмета, которые не были открыты. Понимаете? Если никто ничего не знал об этих вещах, их нужно обозначить, что, к сожалению, дает нам многочисленную номенклатуру, без которой мы были бы рады обойтись. Но её приходится вводить, потому что ее нет в языке.

Так вот, время от времени какой-нибудь психоаналитик или психолог пытается перевести это в рамки своей собственной терминологии, и тогда вы видите истинную причину, почему некоторые вещи, которые можно было бы назвать старыми терминами, не названы ими — потому, что у него совершенно другое определение, и это определение противоречит другим определениям в его же собственной области, так что он не знает, о чем говорит. Это полностью запутанная область.

Там, где у них все-таки были кое-какие слова, они не означали того, что должны были бы означать, и по поводу определений этих слов идет постоянный спор.

Решение этой проблемы состояло в превращении глаголов в существительные, где это было возможно; чтобы использовать термины, которые в какой-то степени выражали то, что они представляют. Поскольку, когда тексты

писались изначально, материалы об учёбе отсутствовали, не было возможности применить все это, вернуться в начало и пересортировать весь предмет. Это был бы очень, очень длинный и трудный способ. Это было бы очень трудно — попытаться переписать все с самого начала.

Так вот, мы страдаем даже от отсутствия словаря. У нас сейчас нет настоящего словаря, и это оттого, что каждый раз, когда я получаю рукопись словаря, мне нужно все самому проверить, и я вношу в него изменения и коррекцию. И потом мне приходится упорно работать над этим — а ведь это большой проект. Но к тому времени, когда я начинаю это делать, появляется что-то такое, что полностью занимает всё время, и работа не доводится до конца. Что касается словаря — мы работали над словарями уже не знаю сколько времени, пытаюсь сделать словарь.

Да, это тяжелая работа. Это тяжелая работа, если не сказать сильнее.

Но вы увидите, что слово почти всегда определено в самом тексте, там, где оно впервые встречается. Следовательно, если изучить все целиком, то можно узнать этот язык. И это одна из причин того, почему я сказал, что студенту Сент-Хилла лучше всего вернуться к изначальному способу обучения. Изначальный способ учёбы — это когда весь предмет изучается сначала непонятно. Вы легко изучаете его целиком, и в итоге у вас возникает хорошее понимание предмета в целом. Затем вы тщательно изучаете то, что действительно нужно знать — для фронтальной проверки. Но при этом приходится очень много работать.

Вы, конечно, сталкиваетесь с тем, что не знаете, где какое-то слово было употреблено первоначально, и, вероятно, очень многих пленок просто нет. Я не думаю, что есть много пленок из Вичиты*. И я знаю, что у нас есть лишь немногие, или вообще нет пленок с лекциями из Элизабет; там были многодневные ежедневные лекции по 8 часов; не менее пяти часов в день при обучении различных классов и групп. Это и создает нам трудности. Но мы достаточно умны, чтобы понимать, что у нас есть эти трудности.

То, что я вам скажу сейчас, в значительной степени разрешит эти трудности. И это вопрос намерения в обучении. С какой целью вы учитесь? До тех пор, пока вы не проясните этого, вы на самом деле не сможете превратить это в разумную деятельность.

Большинство студентов учатся для того, чтобы сдать экзамен. Это глупость, полнейшая глупость. Экзаменатору на вас наплевать. Вы сидите там и учитесь для экзамена, учитесь для экзамена, учитесь для экзамена. “Что я выдам, когда мне зададут вот этот вопрос? Как я отвечу? Как я сдам проверку?”.

Да, очень трудно проводить демонстрацию, приводить примеры и прояснять слова, если вы просто хотите сдать экзамен. Гораздо легче просто сделать упор на вопросы типа “Что говорится в бюллетене о...?”, — и давать точные цитаты из самого материала; но на самом деле

это не есть правильное проведение экзамена. Потому что недостаток университетской системы обучения, приводящий к конфликту между практиком и теоретиком, состоит в том, что когда практик в первый раз пытается заставить академически обученного человека взяться за предмет и сделать так, чтобы тот полностью ознакомился с ним — парень, который долгое время строил дома, вдруг получает помощника, которого только что научили строить дома в университете — и он сходит с ума! Помощник вообще ничего не знает по данному предмету. Он изучал его годами, и все же ничего об этом не знает; и не знает, почему так получается.

Ну, я могу сказать вам, почему так получается. Потому что парень, который только что окончил университет, изучал все эти материалы для того, чтобы сдать по ним экзамен; он изучал их не для того, чтобы строить дома. А тот парень, который занимался практической деятельностью, совсем не обязательно обладает столь же обширными знаниями, но он, безусловно, способен строить дома, потому что все его обучение строилось на том — “Как я применю это при строительстве домов?”. Каждый раз, когда он читает рекламу, книгу, или еще что-нибудь, он непременно задается вопросом: “Как я могу применить это в том, что я делаю?”. И в этом состоит основная и существенная разница между практической и академической учёбой.

Школьная, или академическая, учёба не имеет большой ценности. Если парень проходит и заканчивает курс и не способен одитировать — то он, в действительности, учился ради экзамена. Он учился не ради того, чтобы применять это к людям. И вот он заканчивает курс и не применяет эти материалы. Прискорбно. Именно поэтому возникают провалы в практическом применении после получения сертификатов, *в этом состоит вся причина.*

Если бы парень учился только ради экзамена, ему не нужно знать точного значения всех слов. Он может пробежаться по верхам и сдать экзамен, потому что он может включить слово в предложение в целом и просто цитировать это предложение, если ему зададут вопрос. И ему на самом деле не нужно знать значение этого слова. Он теперь начинает отстраняться от этого материала, он вроде как не имеет к нему никакого отношения, хотя он и трудится над его изучением, потому что он умеет просто отбарабанить его. И это объясняет, каким образом студент, который так замечательно может отбарабанивать материал, может ничего не знать по предмету.

Представьте, вы говорите ему “рычаг”, а он не знает, что такое рычаг. У него нет никакого представления об этом. Но он знает, что это подходит в предложение: “Закон рычага тра-та-та-та-та”, — так что он может все это записать — “тра-та-та-та-та”, и он знает, как решать задачи с рычагами, потому что вот формулы, с помощью которых они решаются: длина, вес и так далее; так что он просто применяет их в задаче — “тра-та-та-та-трам-пам-пам, вот и все”. В один прекрасный день ему нужно передвинуть бочку, и он стоит возле этой бочки

и осматривает её, и чешет в затылке, и не знает, как передвинуть эту бочку, потому что не может догадаться, что надо поднять один ее край и подсунуть что-нибудь, да если бы он это и сделал, то не удержал бы ее; и, в конце концов, приходит кто-то, кто вообще ничего не знает о рычагах, берет балку, опирает её о чурбак, создает рычаг и с его помощью сдвигает бочку. Наблюдающий за этим человек вряд ли свяжет свои уроки физики с действиями этого рабочего. И, следовательно, можно иметь очень образованных болванов, и создаются они именно так. Дело касается намерения в учёбе.

Он изучал предмет для того, чтобы сдать по нему экзамен, или он изучал его для применения — и в этом и состоит огромное различие.

Когда предмет заминирован и является до крайности подавляющим, то его *можно* изучать ради экзамена, но *нельзя* изучать ради применения. Независимо от сложности предмета, от того, насколько подавляюще он изложен, насколько плохо организован — его всегда можно зазубрить. И потом во время экзамена отрыгнуть назад на бумагу — если достаточно упорно работать и иметь достаточно хорошую память. Но вы не сможете его применить, не сможете начать применять этот предмет, потому что в нем не было понимания о том, как его применять. Разве это не ужасно! В нем было нечего понимать, и раз в нем было нечего понимать, то, конечно, применить его невозможно.

Можно написать целую монографию, целый учебник о “пись-домкратах*”, хотя никто никогда не узнает, что это за хреновина, даже вы сами. Можно выдать очень ученый текст, полный математических уравнений, с помощью которых будет изложена вся суть проблемы “пись-домкратов” — и в итоге получить предмет, по которому некоторые студенты умудряются иметь “отлично”. Полностью синтетический предмет.

С другой стороны, если изучать предмет для того, чтобы его применять, то каждый раз, сталкиваясь с чем-то непонятным в тексте, вы сами потребовали бы прояснения. Если это нельзя понять из самого текста или из какого-то параллельного текста, то для того, чтобы применить это, вам нужно будет это прояснить. И вы не попадете в кучу непонятностей, потому что вы остановитесь в тот момент, когда до них дойдете, и проясните их. Понимаете?

Так вот, основная трудность при изучении Дианетики и Саентологии заключается в отсутствии словаря. Но я обращаю ваше внимание на то, что я только что выпустил две пленки и бюллетень, в которых при очень тщательном просмотре вы не найдете ничего, что не было бы определено в них самих. Замечали такое? Это материалы по Дианетике, которые сейчас непосредственно применяются на практике. Там всё полностью определено, для полного применения, и таким образом применение становится возможным, и можно изучить это с целью применения. И мы замечаем, что студенты, одитирующие по Дианетике, получают довольно интересные результаты.

Теперь, в дополнение к этому, им говорят изучать этот материал и идти одитировать сразу после этого! Вы понимаете? И это создает настроение изучать это для применения.

И если у кого-то есть хоть какие-то проблемы с материалами по Дианетике, то это случается потому, что они изучали плёнки по Дианетике или бюллетени не для применения; они учили их для экзаменов. Более того, если бы вы сейчас вернулись назад и начали с нуля, так, будто никогда раньше не знали этого, и изучили бы всё это с целью применения, рассматривая каждое отдельное предложение из этих материалов, каждый раз прикидывали бы, как вы примените это к преклиру, или как связать это с вашей деятельностью в качестве одитора, с применением Дианетики к преклиру, вы дошли бы до завершения без проблем и с усвоенным материалом. Вы бы завершили с полным пониманием предмета и способностью получать результаты — бац! бац! бац! бац! Понимаете?

Но, в нашем обществе сегодня в университетах и школах прививают очень дурные привычки в учёбе, потому что столь большое значение придается экзаменам. Упор на экзамены настолько велик, что провалившийся экзамены просто становится изгоем.

Я заметил, что в Соединенных Штатах их называют “недоучками”¹⁰ — “Брр! Недоучки!”. Парень провалился — и ему конец. Но что интересно заметить, из четырех ребят, вылетевших в течение одного семестра (по-моему, это был Принстон*). Вообще-то этот факт из третьих рук, я не претендую на точность изложения... четверо вылетевших в одном семестре из Принстона, с младших курсов Принстона, знаете, 1-2 курс, — все меньше чем через год стали зарабатывать свыше 25.000 долларов в год. Как?! Что?! Как это?! Как это? Это оказались не недоучками, а успешными предпринимателями.

Вы тщетно будете пытаться найти хоть одного философа, кроме Миллза*, который когда-либо получал проходной балл в школе и доучился до окончания школы. Вот список, ребята: Бэкон*, Спенсер*, читайте — бах! бах! бах! Этот, этот, этот — что ж, ну да, его выкинули. Он был там, семнадцать дней он был в Оксфорде, и его отправили за борт, и так далее, и так далее. Почему? Почему?

Ну, долгое время этот вопрос просто замалчивался. Эти факты были известны, но полностью игнорировались, потому что это — неизбежный приговор системе образования — она неспособна обучать способных парней. Это объяснялось по-всякому. Но подлинное объяснение состоит просто в том, что учебные материалы, которые дают этим парням, не предназначены для применения, а этим ребятам нужен материал для применения, а университетские учебники вообще не приспособлены для какого-либо применения.

Я не собираюсь здесь садиться на конька своих личных обид, но расскажу вам короткий анекдот. Меня завалили по аналитической гео-

метрии*, причем завалили с треском! Мне поставили большой толстый кол. Я знаю, что аналитическая геометрия напоминает о математике, и если вы не знакомы с математикой в целом, вы, возможно, даже никогда не слышали о такой науке. Потому что это — мертвая математика. У нее нет никакого возможного применения, по мнению самих преподавателей.

Но я сидел на задней парте, заинтригованный этой наукой, потому что её можно было применить в аэронавигации, и я выяснил, что можно вывести формулу для определения угла сноса под действием ветра; и это можно было очень просто применить еще в нескольких местах, и я обнаружил, что эта математика может быть чертовски полезной. Ох, ребята, как я ошибался! Это все испортило. Это была моя ошибка!

Я рассказал об этом профессору — его звали Ходжсон. И если вы когда-нибудь наблюдали вспышку гнева в чьих-нибудь глазах, то тогда было как раз это. Я посмел дать этой прекрасной мертвой математике цель и применение. Я рассказал ему это довольно равнодушно, я не был настойчив, я ничего не делал, не спорил, был очень вежлив. И он свалил меня тут же — просто не зачёл весь курс!

Но, к счастью, я смог попасть к университетскому декану математики — по имени Тейлор; он был одним из двенадцати человек в Соединенных Штатах, понимавших в то время Эйнштейна. И я не знаю, заметил ли он, с кем разговаривает, но я сказал ему, что я требую переэкзаменовки по этому предмету. И он велел Ходжсону притормозить и провести новый экзамен. И тогда Ходжсон вставил в программу экзамена все формулы. Нужно было знать наизусть все формулы и все теоремы. И он сказал: “Я проучу этого нахала, пытавшегося сделать из мертвой математики живую”. Я получил на экзамене 98%*.

Но это была прямая атака на цитадель: “У нас есть знание, точное и мертвое, и пусть оно остаётся таковым”. И я тогда допустил ошибку, сказав ему, что у этой штуки есть применение. Мне не нужно было открывать рта. Как-то меня также провалили на другом курсе — за свободное мышление — я решил, что можно свободно мыслить.

Вся суть учёбы, таким образом, зависит от материала, который изучается, и отношения, с которым он изучается, от цели и намерения студента.

Теперь, если бы вы прошли Дианетические саентологические материалы с акцентом на том, “Как я могу применить это, и как я могу использовать это, и как я могу применить это?”. И если бы вы проводили экзамен главным образом по принципу: “Хорошо, что у нас в бюллетене № 642?...”. Я рассчитываю на то, что люди знают команды одитинга дословно... но главное, “Как вы примените это?”, “БОХС от такой-то даты” — и экзаменатор говорит — он не говорит: “Что содержится в бюллетене?”. Он говорит: “Как вы примените этот бюллетень?”. Вы только что его прочитали. Могу поспорить, что в глазах многих студентов вы увидите выражение дикого ужаса. Они читали это для экзамена, а не для применения. Но если он

¹⁰ Dropouts!

изучал это для сдачи экзаменов, то ему от этого вообще не будет никакой пользы. Если бы он изучал это для применения, то обнаружил бы, что это полезная информация. Ясно?

Да, вы сталкиваетесь еще и с той трудностью, что имеете дело с предметом, не имеющим традиций терминологии, его лексикон является новым. Но было бы хуже, если бы он вообще отсутствовал. Да, у нас нет словаря. Но большинство этих вещей, если вы их изучаете широко, определяются в самом тексте, и вы можете догадаться, что это такое. Кроме того, ваши инструкторы всегда знают, что это такое, или... И вы можете задавать вопросы, чтобы прояснить эти вещи и вам следует прояснить их.

Эти материалы об учёбе, конечно, дополняют собой другие материалы об учебе, которые у нас есть.

Меня очень забавляет один предмет, который, видимо, является самым большим предметом игры и причиняет человеку больше бед, чем любой другой предмет, и это — предмет экономики.

Предмет экономики использовался для поддержки политических идеологий. И для каждой идеологии есть своя экономика, написанная так, чтобы соответствовать ей. И люди уже больше не верят, что предмет, называемый экономикой, существует на самом деле. Но удивительно в этом то, что предмет, называемый экономикой, существует, и он имеет определенные естественные, фундаментальные основные принципы, которые, при нарушении, портят всё дело. Но все эти вещи были тщательно устранены, и был возведен совершенно новый фасад особого вида — с целью поддержать коммунизм, или фашизм, или какой-либо другой “изм”, “изм”, “изм”; и, конечно, потом оказывается, что социалистические страны пользуются капиталистической экономикой, а капиталистические — социалистической. Я не представляю, как они это делают, но это так!

Лейбористская партия сейчас использует нечто иное, как капиталистическую экономику. Они посвятили себя уничтожению капитализма, но используют капиталистическую экономику. Я не знаю, как они собираются добиться успеха таким образом. С другой стороны, консерваторы, посвятившие себя капитализму, выдают нечто иное, как социалистические экономические инициативы. Это самая удивительная каша, которую я когда-либо видел.

Этот предмет был приспособлен для определенного, грубо говоря, расклада. Предмет был изложен так, что в нем присутствовал определенный загиб. “Это коммунистическая экономика”. “И *рудигаддеры* и *вутербуды*”¹¹ начинают кричать, и формулы таковы: “Каждому по его тра-та-та”*, — вот так. Увы!

Как только вы начинаете применять это практически, это вступает в конфликт с существованием основного предмета. Существует предмет, называемый экономикой, и это, в действительности, очень простой предмет, просто его сделали непонятным.

Так что с предметом можно содейть еще кой-чего. Можно извратить предмет до такой степени, что его больше нельзя будет ни применить, ни усвоить, или когда его применение будет приводить к катастрофе. Вот что еще можно сделать с предметом.

Именно это было сделано с трудами Фрейда. Я уверен, что у Фрейда было много работающих технологий. Просто она не выжила в практике психоанализа. Потому что того, что я учил в 1924 году как анализ Фрейда, больше нет ни в каких учебниках. Я понимаю, что это кажется слишком давними временами, чтобы я мог тогда впервые изучать психоанализ, но это правда, именно тогда я впервые столкнулся с этой штукой, и она показалась мне очень интересной. Это все пропало, я ничего не слышал об этом уже многие годы. Я слышал другое. Я слышал, как “аутоэротическая экономическая система* очень часто бьёт по обществу по причине извращения ида”.

Возьмите одну из книг Хорни* или что-нибудь в этом роде по психоанализу, и как-нибудь почитайте ее компании, просто взяв наугад любой абзац, прочитайте его вне контекста. Никто из этой компании не поверит, что то, что вы зачитываете, содержится в этой книге; они все будут уверены, что вы просто говорите какую-то ерунду. Они будут абсолютно уверены, что вы просто выпендриваетесь, потому что ни в каком учебнике не может быть написано *такое*. Но вот до чего можно довести предмет.

Все люди опутаны экономической паутиной. Они сейчас опутаны экономической паутиной. Каждый час его дня контролируется экономикой. Разве не интересно отметить то, что предмет экономики был так запутан, и так вывернут, и так плохо определен и уведен в сторону, и сделан настолько подавляющим, что теперь уже никто не может добраться до сути того, что они делают. Самая прекрасная дымовая завеса, самое прекрасное сокрытие сути, которое я когда-либо видел.

Вы изучаете предмет [Саентологию], в котором нет тайных капканов. Если он и дает ошибки в какой-либо области, то это, скорее всего, потому, что вас в некоторых местах недостаточно явно предупреждают. Но в нем нет никаких тайных намерений. Вы изучаете его в действительности так, как он разрабатывался.

Таким образом, если бы вы изучали этот предмет ради применения, вы бы могли быстро выяснить, что в нем неприменимо, и вы бы выяснили, что для вас непонятно, или просто есть там, но недоступно пониманию — вы бы выяснили эти вещи — и постепенно отсеяли бы все странности из своих материалов, независимо от того, сяду я и напишу словарь или нет. Понимаете?

Так что, когда в следующий раз захотите хорошо посмеяться, возьмите какой-нибудь текст по какому-нибудь предмету, знаете, вроде “Декоративного садоводства для начинающих”, и выясните, написана эта книга этичным кейсом или нет. Это довольно интересно. Вы обнаружите среди текстов, при помощи которых человек надеется увековечить культуру и цивили-

¹¹ Вымышленные политические партии.

лизацию, ПЛы очень неплохие представлены. Вы найдете также и совершенно замечательных парней, которые хорошо работают. Но вы также обнаружите, что некоторые из этих ребят, очень хороших и проделавших хорошую работу, стали самыми проклинаемыми людьми, о которых кто-либо когда-либо слышал.

Например, Уилл Дюрант*, написавший “Историю философии”¹² и предпринявший попытку популяризовать философию, если он еще жив, в действительности провел всю последнюю часть своей жизни в отшельничестве в Калифорнии, в позоре и страхе, потому что на него обрушилось огромное количество нападок за то, что он написал этот учебника, стремясь сделать предмет философии простым и понятным для всех. Что интересно, его травили до тех пор, пока он уже не хотел ничего, кроме как умереть.

Есть такой парень, по фамилии Томпсон*. Почти каждый студент, изучающий исчисление в университете, рано или поздно достанет учебничек этого самого Томпсона (то ли Томпсон, то ли Карпентер его фамилия), — он начинается с описания того, что такое исчисление, и объясняет исчисление; и читая эту книгу, вы начинаете понимать, что такое исчисление, и она достаточно проста, чтобы бы заниматься этим радостно, без напряжения продвигаться впе-

ред и учиться что-то делать с помощью исчисления. Но эта книга не стала учебником по исчислению в университете. Мои преподаватели строго-настрого предостерегали своих студентов против этой книги, потому что она даёт возможность довести математику и ее очень глубокомысленный лексикон до понимания студентов. Вы даже обнаружите, что преподаватели специально предостерегают от чтения простых учебников, и что широкие слои общества “порицают” все эти “упрощения”.

Материалы по учёбе нуждались еще в нескольких дополнениях. Возможно, эта лекция вас немного выручила, сделала яснее то, чем вы занимаетесь. В следующий раз, когда вы будете изучать что-то, что ж, вспомните её. И если вы обнаружите, что думаете о том, не спросит ли вас об этом экзаменатор, то просто остановитесь в этом месте и задайте себе вместо этого вопрос: “Применимо ли это? Расширяет ли это мое понимание ума? Увеличивает ли это мое владение предметом? И если да, то каким образом? Как я могу применить это? Если бы я знал эту информацию, какую пользу она оказала бы мне в жизни?” — и так далее. И вы неожиданно обнаружите, что оправитесь от любого неуспеания, вызванного тем, что вы учились слишком много и слишком быстро.

Большое спасибо.

ОБУЧЕНИЕ: ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ

24 января 1962 года

Большое спасибо. Это незаслуженно. Я весьма отвратительно поступал с некоторыми из вас последние пару дней. Весьма, весьма отвратительно, с хорошими результатами.

О’кей, что там у нас?

Аудитория: 24 — е.

24-е января, 12 ЭД — 1962-й — в Год Трудов Тяжких, особенно для вас.

Хорошо. У меня для вас есть хорошие новости.

На этой лекции я присяду, если вы не возражаете.

У меня для вас есть хорошие, очень хорошие новости, просто прекрасные новости; что если вас колотили по башке, пытали, саркастически насмехались, били и колошматили и всяко-разно плохо с вами обращались, и вы наконец решили выяснить — вам уже стало неинтересно просто обвинять во всем Рона, вы не выдержали, пошли дальше этого и сказали себе: “Столько шума вокруг всего этого, так может быть, каким-то образом это можно сделать правильно?”, пробовали это некоторое время, но ничего особенного не происходило. И если вас и после этого ещё малость колошматили, били и давили, то вы, наконец, решили делать это правильно, и вдруг внезапно все осыяло солнце и появилось ощущение, что что-то здесь есть. И это как раз произошло в один прекрасный день нашей Дианетики 1962 года. Это как раз произошло.

Некоторые из вас за единственную последнюю проведенную сессию открыли, что 3D Крест Накрест работает со страшной силой; только что открыли это — совершенно новое открытие. Некоторые ещё не сделали такого открытия, но многие из вас — большинство имевших с этим трудности — внезапно озарились, что там что-то есть, и это работает, и сессия затикала как взведенная бомба — и внезапно всё стало просто здорово.

Студент-ветеран, прошедший немалое обучение — такие ребята обычно немало обучались — получает результат на 3D Крест Накрест сразу. В ту секунду, как ему дали 3D Крест Накрест, он начал получать результаты, что довольно интересно. Он просматривает это, говорит: “О’кей”, — начинает составление списков и всё остальное, и затем получает результат.

Но те из вас, кто дошёл до нервного срыва из-за только что созданных П-х*¹², ещё неспособны вполне с этим справиться. И вы бились и сворачивали себе шею большую часть времени в эти две недели. Это действительно было мрачно. Я очень за вас переживал. Я не переживаю за преклира. Я любого преклира могу привести в порядок. И если я могу привести преклира в порядок, я не особенно за него волнуюсь. Но я очень переживаю за плохого одитора, который делает точно то, что ему сказали (правда, делает это задом наперёд), и при этом

¹² Новые Классы одиторов с новыми на тот момент материалами.

за всё, что пойдёт плохо, полную ответственность несёт Рон, потому что это скорее всего не сработает, потом одитор внезапно спохватывается, решает сделать всё правильно, и за этим следует второй шаг: он понимает, что это работает со страшной силой.

Это великая победа. Это победа для меня. Однако это склонно делать более твердой систему деятельности, которая начинается с апатии. Смотрите, вот вы сталкиваетесь с апатией: “Ничто вообще не работает, и никак нельзя сделать хоть что-то правильно. Но если сделать всё правильно, то всё равно ничего не получится, так как это никак нельзя сделать правильно, потому что если и сделать это правильно, то всё равно ничего не выйдет”.

Иногда для оживления необходимо бросить в такую область деятельности что-то вроде ручной гранаты и просто заорать: “Йоу, йоу, йоу!”. Сказать: “Ну, посмотри сюда. Ты пишешь только на одной стороне отчёта одитора”.

И тот ответит: “Ну, да, конечно. Я пишу только на одной стороне отчёта одитора, как и все одиторы, разве не так?”.

“Ну да, в основном они так и делают, но тебе так не следует делать”. И затем: “Ты должен знать это лучше. Это нигде не написано и не опубликовано, так что запомни это”. Пусть студент всё поймёт телепатически, пусть это просто проникнет внутрь сквозь поры, благодаря капиллярному эффекту. Не важно, как.

Это имеет тесную связь с обучением на Классе II. Когда вы начинаете обучать одиторов Класса II, вам следует отдать должное этому фактору, и вот небольшой урок, который я мог бы преподать вам по поводу закатывания скандалов. Это название этого урока: “Закатывание скандала”.

Есть два способа вывести человека из апатии. Он ничего не знает о том, есть ли правильный способ вообще, и, вероятно, в любом случае не получит никаких результатов. Есть два подхода к этой проблеме. Один маршрут — делать одиторов, а другой — это одитинг. Способ делать одиторов совершенно отличается от способа одитирования преклиров.

Есть два маршрута, которые мы используем, не обязательно для улучшения кейсов, но для выполнения своей работы. Естественно, по большому счету это все равно ведёт к улучшению всех кейсов; но есть два маршрута, которые мы используем, и вам следует распознать их как чётко отличающиеся маршруты. Первый — когда в человеке заинтересованы как в одиторе. И у нас здесь всегда были какие-то нестыковки, и раньше, когда в Академии не работала эта инструкция [что у одиторов нет кейса — см. ниже], то выпускались очень плохие одиторы. О! Ужасно! И это был такой подход: “Ну, вы не сможете одитировать, так сами имеете кейс, и мы попытаемся залатать ваш кейс, и если нам удастся его немного поднять, то, возможно, однажды вы сможете одитировать”. Такой подход не работает в подготовке одиторов. И все тут.

Если мы признаем, что одитор имеет кейс, то никто на всей планете никогда не прорвётся.

Вы понимаете это? Хотя это просто-напросто насмешка над вами. Вы понимаете? Это данное [что у одитора кейс все-таки есть] не должно быть истинным! Суть не в том, истинно оно или нет — оно просто не должно быть истинным! Хотя это совершенно нелогично. Просто не должно быть истинно, иначе вы никого ни откуда не выудите, так как не найдётся никого, кто сможет одитировать. Так и есть, после стольких лет наблюдения за Академиями, которые практиковали эту идею — ДиО, у которого была мысль о том, что “если проодитировать всех этих студентов и так или иначе обеспечить всем им какое-то улучшение кейса, и привести их всех в форму, чтобы они могли конфронтировать своих преклиров, и убрать с дороги их кейсы, ну, тогда мне удастся сделать из них одиторов”.

И это даже доходило до соображений типа: “Если допускать в Академии только “хороших” людей...”. Мы не знаем, что такое “хороший” человек. Может, этот тип прячется где-то в кустах, но почему-то ни разу он не появлялся где-нибудь рядом с организацией, этот “хороший” человек. “Ну, если бы найти “хороших” людей...” — вот ещё одна песня, которую вы слышите, но эта уже тоном пониже. И сразу же после того, как вам споют об этих “хороших” людях, проявится ещё одна мелодия, исполняемая на расстроенном уличном пианино: “Если б только проодитировать все кейсы в Академии — вот тогда они все смогли бы одитировать”. А это на самом деле просто полная ерунда.

Если одитировать все эти кейсы в Академии некому, как, чёрт подери, они собираются одитироваться? И тогда там получится не Академия, а ВЦХ. Так что эта философия немедленно приканчивает сама себя.

Довольно давно, я думаю, это было примерно на 7-м АКПУ*, в подготовку одиторов вошла новая философия. И эта философия работоспособна; она не обязательно истинна, не обязательно проста, не обязательно добра, не обязательно мила и хороша. Она просто работает и дает результат, правда! Это просто работоспособная истина. И это просто “Одиторы не имеют кейсов” — и точка. Это единственное, на чём надо настаивать.

Если одитор слегка тёплый и зеркальце, поднесённое к его рту, слегка запотеваает — он способен одитировать. Если его можно дотащить до стула и где-нибудь рядом поставить Э-метр, он способен одитировать. Это доходит до совершеннейшей крайности. Он может потерять обе ноги в аварии на дороге, но он способен одитировать. Вот так. Именно так.

Это похоже на призыв в военное время — в армию призывают 14-летних юнцов, и 72-летних, и 15-летних; каждый, кто рискнул встать и сделать шаг — из госпиталей и других подобных мест, всех, кто осмелился показаться вблизи призывного пункта, на котором формируется новый полк — сразу получает печать “ПРИГОДЕН ДЛЯ НЕСЕНИЯ СЛУЖБЫ”. Мы, конечно, не на это равняемся, но это отличный пример.

Позже, когда пройдет время и народ лучше научится работать, можно сказать: “Ну, этот человек не пригоден к службе и должен пройти одитинг”. Но позвольте мне обратить внимание на то, что хоть мы и не страна, мы, определённо, группа, так что это сравнение вполне подходит.

Мы сегодня не в том состоянии, когда можно сказать: “Давайте возьмём этого человека и проодитируем его немного, и, возможно, однажды он научится одитировать — если нам удастся убрать с дороги его кейс, то, вероятно, он сможет одитировать”. Мы не в таком состоянии. Мы не настолько богаты. Мы не настолько богаты людьми, да и не настолько продвинуты в этом направлении.

Так что эта философия не просто истинна — она будет оставаться истинной достаточно долгое время.

Как ни странно, эта философия работоспособна, совершенно работоспособна. Она работает, и сегодня — один из тех дней, когда я видел эту философию в действии. Некоторые на Класе II, которые далеки от понимания состояния клира, как от Луны (говоря о кейсах — просто о кейсах), настолько хорошо научились усваивать данные, вести практику, настолько близки к настоящему пониманию своего дела, что то, что они делают, дает преклирам очень-очень мощные, заметные успехи — они могут делать это. И это гораздо важнее. Это один из тех дней, когда эта философия сработала.

Я не говорю, что вы в ужасном состоянии. Я говорю, что если бы вы получили немного процессинга и тому подобное, то вы бы, возможно, поднялись до “ужасного состояния”.

Сравните своё состояние с тем, в котором вы были, скажем, пару триллионов лет назад или 500 триллионов, какова бы ни была эта дикая цифра — и вы поймете, что сейчас вы не в такой хорошей форме. И для того, чтобы вам действительно начать собирать воедино существо — не человеческое существо, ведь любой может построить человеческое существо. Для создания последнего просто возьмите электронные волны, добавьте несколько имплантов, забейте всё это ему в башку, разрушите его самоопределение, после разрушите иноопределение, а потом распните его между разрушенными само- и иноопределениями, зафиксируйте его получше в таком виде, дайте обрасти всякими массажи, заставьте вообще перестать воспринимать как-есть окружающее — вот вам будет и готово человеческое существо.

Так что создание такого существа вряд ли станет вашей заслугой. Давайте-ка продвинемся чуть дальше, чтобы получить действующее существо — сделаем хороший семимильный шаг в направлении действующего существа. И это уже произошло. И это произошло в последние пару дней. Возникло что-то такое. И я очень рад этому, потому что это гораздо значительнее, чем может показаться на первый взгляд. Это означает, что мы способны вытянуть сами себя за волосы из болота.

Мы ожидаем, что тот, кто обучался полгода при жёстких условиях, способен взять процесс и выполнить его; и я был очень горд, когда эти ранее обученные студенты сделали это — оказались способны просто рвануть со стартовой линии без проблем.

Ну, это само по себе было небольшой победой, но это не было такой уж заметной победой противоположной философии, так как они получили хорошие продвижения кейсов и прошли достаточно далеко по сравнению с тем, откуда вышли. Но зато и другие, только что подошедшие к Класу II и ещё не имевшие каких-либо значительных достижений кейса, оказались способны сделать это. Это очень важно.

Итак, эта философия работает, и философия эта очень конкретна: “если он ещё теплый, он может одитировать”. Уловили? И вы действительно можете довести его до состояния способности достаточно много выучить и достаточно много тренироваться, чтобы работать с преклиром при достаточном уровне осознания и достаточном уровне действий, получая при этом потрясающе значимые результаты.

Это победа, ибо если бы это оказалось не так, то мы как группа не смогли бы достичь своих целей. Мы бы просто никогда их не достигли, вот и всё. У нас было бы всего лишь несколько способных парней, и они быстренько бы выпали из обоймы, одитируя по семь с половиной часов в день. Я уже отругал пару или тройку выпускников Сент-Хилла, которые взялись одитировать по семь с половиной часов в день, и больше ничего не делали, никого не брали на обучение, не работали над этим и не поднимали народ. Они просто одитировали, одитировали, одитировали, одитировали, одитировали, одитировали, одитировали — но всё равно они не смогли бы проодитировать достаточно много народу, чтобы создать заметные изменения к лучшему. Это лишь капля в море.

Если вы посмотрите вокруг, то обнаружите, что в настоящее время на земле недостаточно одиторов для того, чтобы провести достаточное количество сессий достаточному числу людей для того, чтобы где-нибудь в следующем столетии стало заметно хоть какое-то улучшение в обществе. Вся математика против этого. Если не выучить ни одного одитора, если просто взять тех одиторов, которые есть сейчас, и заставить их одитировать как чертей по семь с половиной часов в день в течение следующих десяти лет, а потом сложить число преклиров и сравнить результат с численностью населения в мире, то это окажется каплей в ведре. Это обескураживающе ничтожные результаты. И если мы не выучим ни одного одитора, то те, которых мы успели обучить, окажутся за бортом задолго до того, как смогут проработать хотя бы половину населения Нью Йорка. Понимаете, математика резко возражает против такого метода.

Не думайте, что вы и ваш одитинг не смогут внести изменения в общество. Конечно, смогут, но вы заодно создадите “классовое” общество. Другими словами, вы построите общество богатых и бедных, аристократии и рабов. Так оно и случится, ведь вы станете брать людей оттуда

и отсюда, вводить их в “ужасные состояния” и не давать им никакой опоры. Ну, а они — о, да! У них будет большая область воздействия, это точно! И они сделают своё дело; позвольте мне уверить вас, что ни один из них будет страдать теми странностями, от которых страдаю я, и от которых они будут свободны. Даже после того, как вы проодитируете их, они не будут постоянно страдать от этих странностей, позвольте заверить вас. Этого просто не произойдёт.

Дайте им лет десять-двадцать, и они начнут понемногу терять терпение. К их порогам будет сложено достаточно жертв, и они начнут возводить столбы и эшафоты. А потом мы обнаружим, что образовались два или три класса граждан. Будет “класс клиров” и “класс рабов”. Мы так разделим общество. Непременно получится именно это.

На самом деле это очень опасное направление продвижения, потому что оно всегда приводило цивилизации к разложению и хаосу. Не бывает успешных цивилизаций, состоящих из рабов и хозяев. Я уверяю вас, что это не успешно. Это никогда не было и никогда не будет успешно. Да, это довольно привлекательно и иногда даже практично, но не успешно. Это не сможет продолжаться долго, и не сделает никого счастливее.

Довольно интересно посмотреть на это с точки зрения времени. Лишь немногие из вас пробовали взглянуть на Саентологию с точки зрения долгого времени — это в значительной степени оставалось моим интересом. Так что спасибо вам; но когда я смотрю в хрустальный шар, смотрю на столетие вперёд, то вижу много картин и множество вероятных вариантов того, что получится из всего этого. Не думайте, что можно произвести выстрел такой силы и громкости и не вызвать последствий на подобной планете. Эффект может быть медленным, в плане практики. И скорость его определяется не инерцией масс, а коэффициентом эффективности того, что вы делаете. Нельзя сделать что-то такое в подобном обществе или в мире без того, чтобы не получить отзвуков даже через целое столетие. А они всё ещё будут шелестеть тут и там до тех пор, пока эта планета не превратится в бильярдный шар.

Она может превратиться в бильярдный шар раньше, чем вы полагаете. Но не все забудут Саентологию, даже если уйдут на другую планету. Так что этот выстрел не пройдёт беззвучно или без последствий.

Я не принижаяю того, что вы можете сделать как отдельный человек. Но если вы будете делать эту работу полностью и эффективно, то тогда эта работа должна быть выполнена быстро; и, делая работу сравнительно быстро, вы предотвратите множество катастрофических вариантов, которые могли бы сработать из-за того, что в игру вступила Саентология. Другими словами, чем быстрее вы работаете, тем лучше будет выполнена работа. Как и в одитинге.

В одном преклире вы видите весь мир. Он — микрокосм, и мир — микрокосм. И вы видите, что происходит с преклиром — вы знаете, что если одитировать его медленно и плохо, то он

делает фр-р-р, и др-р-р, а потом ему станет немного лучше, а через два-три дня он скажет: “Ну, может у меня получится. Может у меня ля-ля-ля-ля...”, — и вдруг ему уже не так хорошо; и результаты уже не такие впечатляющие, он тормозит, переходит на первую скорость, переходит в “режим ожидания”. Подобные же рывки и заедания будут происходить и с траком цивилизации, в которой мы живём, если мы не подойдём к этой проблеме и не решим её эффективно.

Одна из составляющих этой эффективности — создание достаточного количества одиторов. Сейчас вас, одиторов, недостаточно. Вас просто не хватает, вот и всё. Просто мало. Мы тут, собственно, не за количеством гонимся, но когда я говорю “одитор”, я имею в виду того, кто просто одитирует. К вашему репертуару необходимо добавить способность обучать одиторов, чтобы их стало достаточно много, и только тогда получится достаточное количество одиторов. Даже здесь присутствующих вполне хватит, если они начнут обучать одиторов. И при условии, что вы выполните эту работу превосходно, зная, как сделать превосходного одитора — если вы будете знать, как это делать — вы вскоре будете иметь достаточное количество одиторов. Тогда сможете достичь своей цели. Это можно сделать таким образом. Но никак иначе.

Я знаю, я сам иногда чувствовал себя таким мускулистым — мускулистым духовно — и вставал лицом к лицу к пикам и копьям судьбы и фортуны, говоря: “Ну, хватит. Я всё смогу сделать сам, надеясь только на собственную голову. Вообще без помощи. Я просто всё сделаю сам. Это просто!”. В тот день я просто чувствовал себя крутым. Но не успел прийти полдень, и я уже не чувствовал себя таким крутым.

С моим собственным уровнем подготовки и с моим багажом я, возможно — не обязательно, но возможно — имею больше, чем вы можете вообразить, причин полагать, что я и сам мог бы выполнить всю работу. Я справлялся с делами в одиночку, и далеко не все были простыми. Мне это сошло с рук. Я не думаю, что смогу *это* сделать сам. Это — другое дело, и оно выходит за рамки обычной продолжительности. Оно охватывает гораздо больше жизни и существ, чем что-либо другое, предпринимавшееся когда-либо в этом уголке вселенной в течении очень долгого времени.

Чем лучше это будет сделано, чем быстрее это будет сделано, чем эффективнее это будет сделано, тем более гладким будет предстоящий трак.

Поэтому вы занимаетесь изучением одитинга. Вы занимаетесь изучением одитинга, достигая в этом прогресса, очень-очень хорошего прогресса. У нас здесь не особенно много средств для обучения вас тому, как преподавать одитирам, но обучая вас, мы определенно можем дать вам некую модель, и вы будете знать, как работать с людьми, когда вы их обучаете, и, возможно, вы извлечёте пользу из тех ошибок, которые мы сделали.

Но не пытайтесь видеть эту пользу в том, что надо становиться добрячком. Бесполезно гово-

речь: “Если мы его поодитируем, то он сможет одитировать”. Не пытайтесь видеть пользу в этом, так как в этом нет никакой пользы. Если он жив, он может одитировать. Некто приступает к Курсу ЛЭ*, до этого он долго был в “Христианской Науке*”, пока не накопил столько овертов в “Христианской Науке”, что стал Розенкрейцером*, а после накопил столько овертов против Розенкрейцерства, что не мог стать никем, кроме как теософом, и в конце концов пришёл к вам, с целью доказать, что Саентология не работает. Вы можете сделать его одитором. Вы можете научить его одитировать, на самом деле можете.

Но теперь мы подошли к линии раздела: Почему на пути одитора столько помех? Зачем заходить так далеко, чтобы найти человека, способного одитировать? Вокруг, по соседству с вами, полно людей, которых можно обучить хорошо одитировать, и это те люди, на которых стоит потратить время. Это те люди, на которых стоит потратить время, потому что если вы сделаете из них очень хороших одиторов, то, конечно же, они смогут готовить одиторов. Гораздо лучше иметь — прямо сейчас, когда мы этим занимаемся — лучше иметь много мастеровитых одиторов, чем много посредственных одиторов. Это гораздо лучше. И иногда вы оглядываетесь вокруг: “На кого бы мне потратить время?”. Ну, естественным было бы взять того гуся, что я только что описал, у которого так много овертов против Христианских Наук, что это привело его к Розенкрейцерам, и столько овертов против Розенкрейцерства, что он стал теософом и потом приблизился к вам, чтобы доказать, что Саентология не работает.

К несчастью, вы можете совершить величайшую ошибку, и инструкторы частенько её делают. Даже инструктора сами ловят себя на том, что делают это. Они настолько возмущены тем, что видят перед собой, что уделяют этому человеку больше времени, чем одитору, которого нужно лишь чуть-чуть обучить, чтобы у него всё выходило просто здорово. Вместо этого они тратят на какого-то полного чайника ужасно много времени и сил, стараясь дотянуть его до высокого уровня посредственности.

Помните это, когда будете обучать одиторов — берите самых способных и тратьте на них максимально возможное время. Вот как надо работать, а другие пусть идут как хотят. Как хотят. Они обладают определённым уровнем усвоения. И дело не в том, что их надо выгнать. Выгонять их не надо, нет, никогда, ни за что! Вы можете понизить их уровень в той области, в которой они обучаются, но не забыть о них. Они пашут с определённой скоростью, и эта определённая скорость мало связана с тем, что вы пытаетесь им преподавать. Они просто любят покорпеть над работой.

Рискованно обозначать определённые сроки обучения, в течение которых можно что-то выучить. Фактически, это сделать невозможно.

Я расскажу вам об одном эксперименте. Возьмите одно данное, и попытайтесь преподавать его с помощью старинных образовательных процессов 17-го АКПУ. Кстати, это были очень интересные процессы. Попробуйте пре-

подать ему это данное. Возьмите любое данное из Саентологии, скажите его и попросите повторить его. Это самый простой процесс — просто произнесите и попросите повторить, произнесите и попросите повторить, произнесите и попросите рассказать, к чему это всё, пусть он приведет пример на эту тему. Вы произнесите это, он приводит вам пример на эту тему. Это самая обалденная процедура, которую вы когда-либо с кем-либо проводили. Это совершенно невероятно. Несмотря на всю свою простоту, этот механизм весьма мощен и представляет собой интересное явление. Мне, кстати, приходилось видеть, как одно данное сдвинуло очень сложный кейс. И это интересно в отношении этих образовательных процессов. Они очень ограничены в том плане, что сдвигают лишь немногие кейсы, но зато они могут выбить суждение типа “нет эффекта от обучения”.

Так что я вам это рекомендую. Хотя на самом деле у нас нет настолько плохих студентов, чтобы пыхтеть над такими образовательными процессами и давать задание кому-нибудь говорить данное и воспроизводить его, а потом говорить данное и выдавать пример на эту тему, или комбинировать подобные процессы. Есть штуки три таких процесса. Но они просто превосходны для проведения с тем, относительно кого вы впали в совершеннейшее отчаяние — эти процессы гораздо лучше одитинга. Вы назначаете студенту обучение по этой системе. Конечно, не обязательно использовать саентологические данные. Вы можете сказать: “Эта кошка чёрная. Хорошо, теперь скажи мне: “Эта кошка чёрная”.

И парень говорит: “Хо, я могу вспомнить кучу случаев, когда кошка была вовсе не черной”.

И вы говорите: “Ладно, хорошо, хорошо. Но сейчас просто скажи мне одно это данное: “Эта кошка чёрная”. И в конце концов он сможет просто повторить то, что вы ему говорите.

Вторая ступень — вы говорите что-нибудь, а он должен понять это. Другими словами, пусть он сначала воспроизведет слова, а затем воспроизведет понимание. По сути, это вы и делаете во время обучения, только естественным порядком. Вы делаете это постоянно. Вы читаете бюллетень, а потом идете к Майку¹³. Конечно, некоторым этого не хотелось бы, но всё это — часть игры. И он на самом деле вовсе к вам не придирается — это ведь просто один из шагов образовательного процесса.

По существу, вот что происходит: Я сказал вам что-то, а затем он пытается выяснить, можете ли вы воспроизвести это. И я не думаю, что это не терапевтично. Это терапевтично! Чертовски терапевтично! Но мы не заинтересованы этим в плане терапии. Мы заинтересованы в этом в плане передачи данного, и в конце концов вы научитесь действительно принимать это данное.

Теперь давайте посмотрим на это. Этот процесс проводился вот уже шесть или более ме-

¹³ супервайзер теории на СИКСХ в 1962 г. Майк проводил теоретические проверки.

сяцев с некоторыми из ранее обучавшихся студентов. 3D вышла в неполном виде, не очень хорошо сформулированной, просто бр-р-р! — вот так. А они сразу провели её и сразу получили результат. Другими словами, у них ушло минут десять на то, чтобы всё понять; ровно столько времени, чтобы просмотреть и прочитать это. Я имею в виду, что это произошло с такой скоростью, и они смогли ввести это в действие и чего-то достичь, и внезапно всё получилось. Это не означает, что они стали марионетками — это просто означает, что их способность воспроизводить перешла на вторую стадию — понимать — потому что им не давали никаких данных для воспроизведения.

Теперь просто взгляните на изначальный выпуск 3D, на первые упоминания о 3D, которые были вам даны. Да ведь первые упоминания об этом — просто несколько каракулей в истории кейсов, в папках кейсов, вот где были первые упоминания об этом, и потом ещё весьма неполное описание 3D Крест Накрест, которое прошло практически незаметным, да еще слухи в классе.

То, что я вам показываю, и воспроизводить-то нечего в смысле слов, так что эти люди на самом деле дошли до состояния, когда они не только способны воспроизвести данное, которое им сказали, но способны также получить его суть и понять, *что* это было за данное, и ввести его в дело. Заметьте, что это значительное достижение, и это достижение возникло в результате обучения. И это довольно примечательно.

Задержка общения у тех, кто не имел достаточного обучения, составляла от десяти дней до двух недель, до момента первого воспроизведения формулировки — и затем пошли жалобы, так как формулировки-то там и не было. Они все были на уровне, когда им требовались точные формулировки. После этого потребовалась разработка набора точных формулировок и куча индивидуальных посланий для них в папках кейсов, чтобы они вдруг сделали то, что надо и получили результат, и тогда родилось понимание. Понимаете, тут была некая разница.

Вы видите, что это механизм обучения? Вы видите, чего можно достичь с помощью такого механизма обучения? Вы видите, каковы здесь отдельные шаги? Иначе говоря, ваш первый шаг в данном вопросе — отсутствие понимания слов. Это ваш первый шаг — отсутствие понимания слов. Отсутствие понимания слов. И это порой шокирует, когда обнаруживаешь, что в некоторых ВЦХ падает боевой дух и всё идёт вразнос, когда им надо воспроизвести бюллетень. Вы понимаете, где они находятся? Вы понимаете, где они, на каком шаге обучения?

Кстати говоря, это не влияет на их способность учиться вообще — посмотрим на это. Допустим, мы просто пытаемся повысить способность человека учиться. Скорость обучения — вот единственное, что мы пытаемся повысить. Давайте задумаемся только над этим. Не имеет значения, что мы будем преподавать — хоть учебник по сборке автомобилей — знаете, такие инструкции, которые в Детройте исполь-

зуют при сборке автомобилей, человеку, который вовсе не собирается собирать автомобили, никогда этим не занимался, и даже не играл с игрушечными машинами. Не важно, что именно мы будем преподавать. Хоть “Труды по истории социалистического управления прогрессом промышленных предприятий и его развития в северной части Аризоны”, — наверняка об этом написано много томов. За такую работу платят — только выпускай пачки конспектов на тему “Управления прогрессом предприятий”. Находят какого-нибудь безработного, убеждают, что у него нет никакой другой работы (а иначе он уже не был бы безработным), и дают ему задание собирать старые вырезки из газет. А после всё это за счёт правительства издадут в виде тяжелых томов в толстых переплётках, и какое-то время неплохо распространяют. Эти книги классно подходили для того, чтобы подставлять их под рабочие столы вместо отвалившихся ножек, так что они были очень полезны; но что касалось данных, то трудно было бы найти что-то более bestолковое, если бы вы потрудились просмотеть их. Нас бы даже это вполне устроило.

Можно было бы воспользоваться “Юридическим кодексом ранней Англиканской Церкви в интерпретации Католической Церкви”. Могли бы! Всё равно, чем вы пользуетесь, лишь бы там были какие-то данные. Не важно, сколько балласта было бы в таких “трудах” — лишь бы там предоставлялись какие-то данные. Есть ли там пригодные для изучения данные? Подходит. Вполне подходит для работы над скоростью обучения.

Понятно, что делать? Итак, читаем это. Сажая перед собой человека и читаем это ему. Это будет нечто стилизованное под сессию одитинга. Читаем: “Все церкви Нортумбрии* лишились окон из-за того, что оконный налог составлял три и шесть за каждое окно в течение семи лет”. И мы говорим человеку: “Отлично, скажи это”. Понимаете? “Так, что я только что сказал”?

И он ответит: “Оконный налог — оконный налог? Что за оконный налог? Почему за семь лет? Что это? Ага. Что за книгу ты там читаешь, а? Что за тема? О какой части Нортумбрии идёт речь?”. Вот такая мешанина. Это пример первого шага.

Вы просто хотите заставить его повторить цепочку звуков (даже словами их не называете, понимаете?), а он попадает в гигантское замешательство. Первое состояние человека, с которым вы столкнётесь — это гигантское замешательство относительно данных, которое вырывается наружу при любой попытке воспроизвести эти данные. Как только вы предпринимаете попытку заставить его воспроизводить данные, это немедленно срывается; и он начинает выдавать это замешательство. “Нортумбрия? Какая Нортумбрия? Почему семь? Три и шесть? Налог на окна — три и шесть. А кто их облагал налогом? А, кто ... что за налог? Что такое налог? В то время разве были налоги?”. И вы попадаете на собрание коммунистической ячейки по поводу обсужде-

ния необходимости существования капитализма, потому что были упомянуты налоги.

Иначе говоря, это будет просто делать короткое замыкание, и по этой причине будет возникать тотальное столкновение с этим коротким замыканием, которое просто невозможно исправить.

Кстати, это потрясающе полезно при улаживании дел в комитетах. Искусство делать дела с помощью комитета никогда не было совершенным. За всю историю человека его так и не сделали совершенным. Если вы желаете заблокировать какое-нибудь дело, назначьте для его выполнения комитет. И пусть в нём никто не несёт личной ответственности даже за самую незначительную часть его работы. Просто поручите комитету общее исполнение. И вы получите дикие сбои!!! Сбои, и ничего больше, сбои и аварии, от начала и без конца.

Подобным же способом можно заблокировать любой комитет или совет — и некоторым из вас порой этот навык очень бы пригодился; иногда крайне важно заблокировать обсуждение чего-то, не позволить им сделать ни единого шага и или прийти хоть к какому-то заключению. Комитеты, будучи лишь средством для воплощения полупродуманных компромиссов, как правило, приходят к неверному заключению практически по любому вопросу. Понимаете, у них недостаточно данных, они на самом деле вовсе в этом не заинтересованы, никто ни за что не отвечает и им нужно просто избавиться от этого всего, и поскорее. И вот, имея такое состояние ума, они вдруг начинают обсуждать нечто очень важное, влияющее на выживание и организационную политику компании, группы или человека, а вам это совершенно не интересно.

Для этого необходимо просто ввести кнопку, которая позволит им брать на себя нулевую ответственность. Просто введите любую кнопку, которая снизит их ответственность. Какую угодно! Не важно. Рестимулирующее слово. Просто символ. Понимаете, вы хотите парализовать этот комитет, вот что вы пытаетесь делать, просто и явно, для того чтобы они не приняли неверного решения.

Они говорят: “Не нужно этот план выплат, который где-то публикуется ... не нужно этот план выплат ... этот план выплат ... мы бы с тем парнем проверили ... его готовили в бухгалтерии. План выплат, должен же его кто-то продумать... план выплат?”

И вы говорите: “Ну, да”. И вы даже думать не хотите о том, какой идиотский и совершенно невыполнимый приказ они состряпают, чёрт побери. Никто конкретно не заинтересован в этом, так что...

Одна из основных кнопок, которые тут можно использовать — это слово “учёба”, оно подвешивает кого угодно. Просто введите туда задание “изучить что-нибудь”. Бах! И все работы блокируются. Просто скажите: “Мы выносим предложение, что предмет должен быть подвергнут более глубокому изучению”, — особо акцентируя момент о том, что его надо изучить. Там этот комитет и застрянет. Просто и на-

мертво. Красота! Не обязательно поступать именно так. Можно сказать: “А не было ли это в прошлый раз уже предложено, а? Не было ли ...”, — знаете, был тут такой парень, по имени Белхэм, которого ненавидела вся организация, просто произнесешь его имя, и всех перекашивает... вы говорите: “Не Белхэм ли предлагал это в прошлый раз”? Конечно, все немедленно отказываются от ответственности. Начинают обсуждать Белхэма, и всё в порядке. Они просто слетают с рельсов от такой кнопки!

И вы увидите, как кто-то начинает делать что-то подобное в своей учёбе. У этого парня полно овертов насчет выходных. И когда вы говорите “семилетие”, он начинает раздумывать, не связано ли это с семью днями в неделе и праздником субботы у евреев, и тут же попадает в глупое обсуждение этого вопроса: “Суббота. А почему в неделе семь дней? А где впервые установили праздник субботы? А не от язычников ли пошёл этот праздник изначально?” — и так далее, и тому подобное. Хотя это не имеет абсолютно никакого отношения к тому, что мы изучаем. А его на этом месте уносит в сторону. Это очень интересно.

Вы полагаете, что этому человеку потребуется получить очень много одитинга, чтобы избавиться от этого? Нет, есть другая система, которая избавляет от этого и учит его тому, как проскакивать подобные точки зависания, и избавляет его от неспособности воспроизводить из-за таких точек зависания. И он постепенно усваивает это. Те кнопки, которые у него есть, не мешают ему воспроизводить. Понимаете, даже если это его расстраивает и даже если ему это не нравится, он всё же способен это воспроизвести, и в конце концов он начинает смотреть на воспроизведение в нужном свете. Воспроизведение — это воспроизведение. Это не сглаживание кнопок, а просто воспроизведение. Оно само, и всё.

Вы совершенно ничего не сможете увидеть, если не умеете воспроизводить. Вам надо уметь посмотреть на ряд дверей и увидеть именно это — ряд дверей. Вы можете проиграть это с преκληром в процессинге и получить самые фантастические результаты. Вы просто говорите: “Итак, что ты там видишь, вдоль стены?”

И парень ответит: “Э... э... должно быть шкафчики студентов. Там сверху дверцы не очень хорошо подогнаны, точно? Должно быть это что-то вроде студенческих шкафчиков. Наверное, была необходимость, раз их там поставили”. Потом он вдруг спросит: “А у вас тут плотник есть?”. О чём вы его спросили? Вы спросили: “Что там у той стены?”. Всё, что ему надо было сделать — взглянуть на стену и сказать: “Там несколько дверей”, — но он всегда выбирает наиболее трудный путь. Дальше всё дело пойдет именно таким образом.

Вы спрашиваете кого-нибудь: “Что над вашей головой?” — просто как-нибудь спросите его об этом. “Что сейчас над вашей головой?”, — скажите это очень значительно, чтобы он понял, что над его головой что-то есть, и оно там именно сейчас. Так вот, братцы, тут вы ввяжетесь в интереснейшие дискуссии. О том, что угрожает людям и так далее; хотя они не впол-

не в этом уверены. Какая-нибудь девушка скажет: “Ну да, мои волосы выглядят не очень причёсанными, но, ах...”. Вам такого наговорят, чего вы по этому поводу даже представить не сможете. Итак, что прямо сейчас над вашей головой? Конечно же, потолок — это то, что прямо сейчас над вашей головой. Они всегда умудряются упустить очевидное. На самом деле потребуется немало тренировок для того, чтобы люди смогли наблюдать очевидное, и всё это относится к нашему шагу: обнозис — наблюдение очевидного.

“Что находится перед тобой?” — просто как-нибудь спросите того, у кого невысокая обладательность и способность достигать¹⁴. Просто задайте вопрос: “Что находится перед тобой?”.

Конечно, очевидный ответ: “Ты”.

Но вы получите самые странные и дикие ответы, какие только можно услышать в ответ на простые вопросы такого типа. Это не оттого, что человек вкладывает во всё значимость, а оттого, что каждый раз, когда он думает о чём-то, на него сваливается значимость, и он считает, что нужно обратить больше внимания на эту значимость, чем на то, что происходит.

Другими словами, то, что происходит с ним прямо сейчас, для него менее важно, чем то, что могло бы с ним случиться или свалиться на него, чем последствия всего этого. Его клинит на последствиях, так что он на самом деле вообще не в настоящем времени.

Возьмите эту тормозную кнопку, “учёба” — люди по этому поводу склонны попадать в некое “Умммммммм...” — и это отлично работающая кнопка, потому что это приток данных, и, таким образом, это требует воспроизведения данных, и нет ничего более важного, чем просто воспроизведение произнесенного данного. Я сейчас не имею в виду данные типа “Проблема суть постулат-контрпостулат”.

Я не говорю о значимых данных. Я говорю о любых данных, значимых и незначимых. Можно сказать: “В году только одно Рождество”, — и в ответ получить: “Это не так важно. Конечно, каждый знает, что в году только одно Рождество”. Вы получите в ответ всевозможную болтовню. А вы просто просили повторить за вами то, что вы сказали.

Вы говорите: “В году только одно Рождество”.

А он говорит: “Конечно, я знаю, что только ... да любой идиот знает, что только одно ... что ... к чему это всё ... вы полагаете ... что ... к чему это всё?”.

И вы говорите: “Ну, ладно. Хорошо. Но просто ... просто повтори за мной: “В году только одно Рождество”.

“Да это бессмысленное утверждение. Конечно, каждый знает, что Рождество бывает только раз в году”. И он зависает на ужасной бессмысленности этого. Вы сказали ему нечто настолько неважное, что он ничего с этим не может

сделать. Тут не на что нападать, и он просто страшно разочарован.

Вы говорите: “Большинство мужчин — самцы”. “Большинство мужчин — самцы”. Или так: “Женщины — самки”.

“Женщины — самки. Ну конечно, большинство же... о чём это ты? Это ж ясно как божий день. Естественно, каждый это знает. А ... нафига мне это повторять?”. И вы увидите, что у парня к вам возникнет любопытство: какие у вас были мотивы, каковы были ваши намерения и чего вы этим стараетесь добиться.

Это нечто фантастическое. Вы просто говорите: “Женщины — самки”, “Раз в год бывает Рождество”, “Сутки начинаются в полночь”. Некоторые даже и не поймут это, и переспросят: “Что, правда? Действительно?”.

И вы скажете: “Хорошо. “Сутки начинаются в полночь”, — и я просто хочу, чтобы ты повторил это. Просто “Сутки начинаются в полночь”.

“Ха, странное утверждение. Я как-то раньше не задумывался об этом”. И тут он проявляет заинтересованность. И совершенно застревает на интересе.

Вы просто говорите: “Сутки начинаются в полночь”, вот что ты должен сказать”.

И парень говорит: “А, ясно. Почему я должен этим заниматься? Сутки начинаются в полночь... Что мы тут изучаем? Это урок о Саентологии или о времени? Время изучается в Саентологии? Есть какие-нибудь аксиомы о времени? А, понятно! Понятно! Я понял! Сутки начинаются в полночь! И это ... а всё же, к какой аксиоме это относится?”.

И вы говорите: “Нет-нет. Просто повторяй за мной: “Сутки начинаются в полночь”.

“Ага, а зачем?”

Вы понимаете, в чем дело? Другими словами, у него срабатывает автоматический “мыслительный” механизм. Он полностью действует на основе “стимул-реакция”, и никак иначе. Просто тотальный “стимул-реакция”. Но что реагирует? Человек или банк? Вот ещё один способ откопать тетана.

В конце концов вы доберетесь до того места, где отвечает тетан. Вы говорите: “Сутки начинаются в полночь”. Он говорит: “Сутки начинаются в полночь”. И его больше не волнует, начинаются ли сутки в полночь или нет. Ему это просто всё равно.

Вы просто говорите: “Сутки начинаются в полночь”.

Он говорит: “Сутки начинаются в полночь”.

“Хорошо!” Ладно.

Вы говорите: “Рождество бывает раз в году”.

Он говорит: “Рождество бывает раз в году”. Правильно?

Те, кому это не нравится и кто психует из-за этого, говорят: “Да вы тут рабов делаете; это — рабство. Тут кроется что-то очень глубоко скрытое и значимое. В этом действии есть что-то очень значимое. Если вам удастся заставить

¹⁴ Reach.

человека проделать это, то он, конечно же, впоследствии будет вашим рабом, очевидно!”, — но они никогда не воспроизведут то, что вы им говорите. Единственно, когда вы на самом деле можете добиться от человека осмысленных ответов — это когда он сможет сделать это, потому что он будет наблюдать, что вам отвечает; а до тех пор вы будете получать от него ответы на то, чего на самом деле не происходит, и это может довольно сильно вас смутить.

Некто входит и закатывает вам скандал из-за того, что на лужайке перед домом расположились гусары*. Вы идёте и смотрите, и не видите на лужайке никаких гусаров. И вы просите его пойти и посмотреть, есть ли там гусары, но он отвечает: “Чего там смотреть? Я и так знаю”.

Тогда вы говорите: “Прекрасно. Пойдём выйдем на лужайку и посмотрим, есть ли там гусары”.

“Но почему я должен это делать? Вы что, сомневаетесь в моих словах?”. И начинается дискуссия о том, уважаю я его или нет. О чем только не пойдет разговор в подобном случае.

Он начинает с необоснованных предпосылок и заканчивает полным идиотизмом. Всё, о чём вы просите человека — просто воспроизвести данное. Вы говорите: “Рождество бывает раз в году”, — и он говорит: “Рождество бывает раз в году”. И это не беспокоит ни его, ни вас.

В то же время этот человек может развернуться и проделать что-то не менее интересное. Он может заставить воспроизводить себя самого. Вот у него появляется совершенно новая идея собственного приготовления, и он говорит: “Я выкрашу этот дом в зелёный цвет”. Он идёт и говорит кому-то: “Покрась этот дом зелёным”.

И слышит в ответ: “Угумм-гуммммм. В такой салатный, да?”

“Да нет, просто зелёный”.

“Так. У зелёного много оттенков. Зелёный бывает разным. Да и типов краски тоже много. Вы где краску покупаете? Ну, я вот что вам скажу: тут в соседнем районе есть дом, окрашенный в такой особенный оттенок зелёного; мы им напишем письмо и узнаем, какой фирмы они брали краску и как этот цвет называется, но вам, конечно, стоит сперва проехать и увидеть тот дом собственными глазами, что бы выяснить, что это за цвет”.

И вы говорите: “Нет, покрась этот дом просто в обыкновенный зелёный, самый заурядный зелёный”.

А тот начинает снова. Он скажет: “Некоторые краски не так долговечны, как другие”.

Если вы сможете это проделать, то вы разовьёте у себя способность добиваться воспроизведения своих собственных мыслей. И вы будете удивлены; если вы это хорошо проделаете, то будете удивлены, насколько возрастёт ваша способность и насколько легко вы сможете делать это. Вы выходите и говорите кому-нибудь покрасить его в зелёный, а тот достаёт из кармана цветные карточки и говорит: “Вам таким, таким или вот таким? Вот этим? Отлично”. Он идёт, берёт краску и красит дом в зелёный, де-

лает это очень качественно и всё в порядке. Это напрочь убирает всякую произвольность.

Иначе говоря, научившись воспроизводить, вы сами окажетесь в состоянии, когда вас воспроизводят. Всё это не совсем равнозначно процессингу. Это процесс жизни и жизнестости, что важнее всего. И безумно увеличивается обладательность, так как вы начинаете обладать теми вещами, которые вас окружают.

За воспроизведением приходит понимание. Понимание идёт после воспроизведения, а не перед ним. Как вы думаете, сколько понимания было у того парня, которому вы сказали: “Рождество бывает раз в году”, — и он ответил: “Ну, а чего мы об этом заговорили? Не похоже, чтобы это как-то относилось к процессу”? Вы обнаружите, что практически всё, что он спросит, будет сводиться к непониманию или к попыткам понять. Вы сообщили ему данное: “Рождество бывает раз в году”; это данное вы ему сообщили.

Он страшно напрягается, пытаюсь понять это данное, но не может его уловить. Он доводит себя до изнеможения, пытаюсь понять это данное, понять, что это за данное, понять, каковы были ваши мотивы, когда вы просили его понять это, понять, к чему можно применить это данное, понять, почему там нечего понимать, и вы обнаружите, что его всякие “Ооооооо... омммммм... уммммм...”. — это просто его усилила понять это.

Вот почему учёба — такая важная кнопка; потому что “если заставить другого человека понять, то можно снять с себя ответственность за понимание”. Каждое правительство в мире в настоящее время работает исключительно на этом механизме. Это основа их работы. Им ничего не надо понимать, так как они всегда могут изучить это. И это просто полностью тормозит любой прогресс при рассмотрении чего угодно в любом комитете. Это блокирует дело мгновенно и незамедлительно. Вы говорите: “Это необходимо изучить с другой стороны, следовательно, нет необходимости воспроизводить что-то из этого; если это изучить, то не нужно будет этого понимать и, следовательно, все, что мы от вас будем ожидать — это исполнение того, что вы не понимаете и не прояснили с самого начала”. И вы получите обычный демократический процесс, как это происходит в наше время. Всё это довольно безумно. Видите ли, демократия не работает при отсутствии понимания. Она не способна работать.

Итак, второе. Если ответственность за понимание зависит от личной учёбы — а это так и есть — то, конечно же, вы заодно повысите способность человека усваивать или понимать. И не просто “Рождество бывает раз в году”, кроме этого, он будет способен понять и изучить, что такое “Рождество” и что такое “раз в году”, и к чему это всё относится. И теперь он будет способен обнаружить, что это абсолютно несущественная информация.

До сих пор это данное могло быть важно или не важно; господи, да мы просто не могли определить, нужно ли нам это знать или об этом не стоит беспокоиться; пристрелят нас за то, что мы не знаем этого, или нам определён-

лучше как можно быстрее об этом забыть; или это нечто не более важное, чем факт о том, что большинство людей носят ботинки, у которых грязная подошва. Понимаете?

Сортировка данных по важности — вот что предстаёт перед нами в качестве следующего шага. Это третий шаг. Первый — отсутствие понимания, отсутствие воспроизведения, замешательство. Второй шаг — просто способность воспроизводить. И после этого мы достигаем способности усвоить, понять и, следовательно, наблюдать. В этой области лежит способность иметь суждение, и это путь к этой способности.

Никто на протяжении последних 200 триллионов лет не беспокоился о том, чтобы обучить кого-либо способности иметь суждение. И вы не найдёте никакого “суждения” ни в каком из банков. Если бы там было достаточное количество суждения, это был бы уже не банк. Давайте посмотрим на это. Если бы этот валент был способен к громадному объёму учёбы, различению и суждению, то он не был бы аберрирующим. Разве не так? Вот чего так не хватало на траке.

По существу, это новый навык. И будет очень трудно создать его с помощью процессинга, потому что ни у кого никогда этого не было. Когда-то они умели наблюдать, но как они наблюдали? Они вечно искажали наблюдение, чтобы превратить это в игру. Чистое наблюдение, чистая учёба, чистое воспроизведение, чистое понимание и чистое суждение никогда не изучались в области философии. Такого там не существует. Об этих вещах даже не заикаются. Их слегка затрагивали Платон, Сократ и ещё некоторые из древних, но только поверхностно. Это совершенно упущено в религиях и религиозных философиях. Этого боялись как огня! Все равно что показать им гремучую змею.

Ха! Усвоение, понимание, воспроизведение? Нет, нет, нет, нет! Этим не следует заниматься!

И конечно же, мы знаем, где источник всего этого. Величайший из всех возможных овертов — это навязывание непонимания. Это оверт! Не верите? Возьмите как-нибудь человека и скажите: “Что вы сделали?”. О, у этой девушки есть висхолды, преступления, она не может носить ни одного платья, потому что все они испачканы кровью. Она и в сумочки свои не смеет залезать, потому что сама туда змей напихала. Она даже аптечку не может открыть без нервов — у нее оттуда мышьяк выпадает. И мы говорим: “Что ты сделала?”

И она отвечает: “Сделала? Ну, я пообедала”.

И вы говорите: “А что ты скрываешь?”

“Да ничего я не скрываю”.

“Ладно. Хорошо. Ну, что ты сделала?”.

“Да вот присела здесь”.

“Хорошо. Ну, а что ты скрываешь?”.

“Ничего. Я никогда ничего не скрываю. Моя жизнь — открытая книга”.

И вы совершенно сойдёте с ума, проводя ей Проверку на безопасность, так как вы не найдёте никакой ответственности, за которую подоб-

ная проверка могла бы зацепиться. Вам необходимо повысить ответственность, прежде чем вы сможете найти висхолды. Она сидит там, но на ней намордник — безответственное отношение. Один из способов судить о продвижении кейса — посмотреть, стал ли он избавляться от большего количества висхолдов? Это просто способ узнать, повышается ли уровень ответственности данного кейса. Да, уровень ответственности кейса повышается, если происходит избавление от висхолдов. А перед этим висхолдов “не было”.

Но вы можете взять того же человека, ту же девушку, и спросить: “О чём не знает ваша семья?”.

“А, совсем другое дело. Ну, они не знают, что я отравила Джо, что я застрелила Пита. И они не знают ничего о том, куда я спрятала тело месяц назад. Они не знают, что случилось с детьми. Ха-ха-ха! Они... а...”. А “не знают” всё ещё является кнопкой — срабатывает и там и тут. Универсальная кнопка.

Вы всегда можете провести проверку с помощью “не знают” и “неизвестно”, когда оверты и висхолды пролетают мимо головы преклира как ракеты мимо цели. “Не знают” бьёт в точку в любом случае.

Незначительность изучали философы, особенно двое из них: один — Кант, а другой — Спенсер. Они пришли к заключению, что неизвестное познать невозможно. Ой как интересно! Другими словами, всё, что философия смогла выяснить в области “не знаю” и “не известно” — это то, что этого знать не дано. Интересно, не правда ли?

Так что пути к созданию способности суждения никто не открыл.

А я вот уже много лет пытаюсь обучить вас, ребята, способности иметь суждение. Это тяжёлая и трудная работа. Суждение в отношении другого существа; способность понимать то, что происходит в сессии и работа с этим суждением — способность делать правильные выводы на его основе. Знаете ли вы, что мешает вам иметь суждение? Просто незначительность в отношении всего этого. А с какого конца можно подступить к этой незначительности? Всё начинается с воспроизведения. Вот где вход.

Ну, разумеется, вы можете всё это устранить на проверке на безопасность. “Чего люди о вас не знают?”, — и шлифовать этого парня без конца; но это — подход с точки зрения процессинга, а сейчас мы говорим не об этом, поскольку тут не с чем работать в процессинге. Процессинг ведёт к тому, что там *уже* есть.

Самое плохое, что способен сделать тетан самому себе — обесценить своё собственное суждение, отказаться от этой способности. Вся цель этой вселенной состоит в том, чтобы преподнести человеку урок, что воспроизводить нельзя, и что нельзя общаться.

Знаете, есть всего два преступления в этой вселенной, которые вы совершили сами и в которых вы обвиняете других: первое — это присутствовать, а второе — общаться. Вот эти два преступления. И других преступлений нет, только присутствие и общение. И если это пре-

ступления, если их превратили в преступления, то остаётся лишь один вывод, к которому можно прийти: человек должен научиться, даже не просто научиться, а почувствовать удобство в том, чтобы присутствовать и общаться. И путь к достижению этого состояния — способности присутствовать и общаться с удобством — лежит, конечно, через воспроизведение данных.

Данное — это местоположение, которое не обязательно имеет точное место. Данное — это местоположение, сродни тетану. Все данные в какой-то степени родственны тетану. Понимаете, он — идея, у него возникают идеи, и он общается эти идеи. В тетанский чемоданчик всегда можно сложить ворох идей какого угодно размера, и при этом не иметь никакой массы. Идеальная, самая портативная вещь в мире — это идея; так что тетаны, которых гоняют отсюда и оттуда, начинают использовать в качестве местоположения идеи. Они чувствуют себя удобно, когда у них есть идея; и идея, при которой они ощущают удобство — это идея о тождественности. Даже если эта тождественность изменчива, они всё же чувствуют себя более комфортно, когда она у них есть, чем когда её нет, поскольку это даёт им ощущения обладания местоположением. Им это нравится.

Какой же из всего этого вывод? Вывод в том, что вы можете научиться обладать суждением, и для этого потребуется только два шага: воспроизведение данного, и потом — понимание. Это воспроизведение, понимание. И не наоборот: понимание не может предшествовать воспроизведению.

Стоит помнить, что любое данное можно провести через эту последовательность, коль скоро это остаётся данным — любое данное. “Классификация геологических процессов Ближнего Востока по наблюдениям Департамента геологии, проведённым по указанию Рокмаунтского Фонда, относящиеся только к аспидным сланцам и оползням каньонов Нижней Саудовской Аравии” в 185-и томах большого формата. Это — данные, дикое количество данных!

“Анаморфным аспидным сланцам часто сопутствует роговая обманка”. Вы говорите преκληру: “Анаморфным аспидным сланцам часто сопутствует роговая обманка”. Это было бы великолепное упражнение. Он бы сделал это упражнение. И получил бы в конце концов способность что-то делать, способность иметь суждение в отношении женщин, и это, на мой взгляд, просто чудо. Никто не может этого сделать. Я пытался добиться этого все эти годы. Это невозможно. Тем не менее, он бы смог этого достичь, посредством изучения роли анаморфных сланцев в формировании роговой обманки. Очень интересно!

Но нельзя обучить чему-то сверх способности иметь суждение. Вам не удастся обучить человека тому, как он должен судить о чём-то, сохранив при этом его способность это делать. Вы можете преподавать ему данные. Силой своей бытийности вы можете передать людям общение и понимание, и они будут это понимать.

Я приведу вам пример этого. На одном АКПУ я только читал лекции. На протяжении всего

АКПУ никто никого не одитировал, но у всех потрясающе росли графики. Я читал им по две лекции в день, предоставляя самые различные данные. Это была просто передача понимания и осознания, но им становилось лучше, у них появлялась куча озарений по этому поводу и жизнь становилась лучше. Понимаете? Так что это само по себе было разновидностью процессинга. И данный АКПУ стоял на одном из первых мест по достижениям, что довольно интересно.

Всё это совершенно доступно, и без этой возможности мы бы, конечно, никогда ничего не добились. Эта возможность естественна.

Но давайте обратимся к другому. Давайте возьмём другое. Давайте повысим уровень мастерства обладания суждением, просто явно и непосредственно создадим уровень мастерства обладания суждением. Это удастся сделать посредством воспроизведения.

В чем тут суть? Вам не понятно, причем тут образовательные процессы 17-ого АКПУ? Первая причина (избавлюсь от висхолдов перед вами) состоит в том, что это не было осознано или выведено логикой на основании этих процессов. То, что я вам тут сейчас рассказываю, основано на понимании, предшествовавшем 17-му АКПУ; на 17-ом АКПУ это возникло в виде побочного эффекта понимания того, как справляться с такими вещами. И дело не обязательно в том, что я стремлюсь передать вам заранее заготовленное понимание. Это не так. Так получилось, что вы имеете дело с двумя различными вещами, одна из которых — просто понимание и воспроизведение, и одновременно с этим вы сталкиваетесь со второй — с данными Саентологии, которые вы сможете познать, и больше тут ничего нет.

Заодно саентологические данные используются для развития вашей способности иметь суждение, и не только в отношении предмета Саентологии. Вы не замечаете этого, потому что учитесь суждению по довольно высокой и толстой линии. И эта линия — высоковольтная. И если вы можете обучиться суждению по этой линии, это чудесно! Поскольку этот провод, среди прочего, имеет тенденцию разрушать ваше самоопределение и способность обладать суждением, не так ли? Да, вам не дают никакого шанса понять, что за штука — жизнь. Боже мой! О чём ещё можно размышлять, как не о смысле жизни? Не правда ли? Ну, я вам расскажу о том, что такое жизнь, и тогда вам уже вовсе незачем будет размышлять об этом, и вы готовы, ага?

Если данное истинно, то, следовательно, оно стремится зафиксироваться, правильно? Знаете ли вы, что большинство из вас, не осознавая, усвоило именно это? Некоторые из вас вообще не подозревают, что они прошли через этот процесс. На том конце пути вам предстоит осознать то, что вы прошли; и тогда вы будете иметь осознание этих данных, но не потому, что вам их преподавали, а потому, что вы сами это осознали. И это мы называем “сделать эти данные вашими”. Вы часто говорите это студенту — но некоторые из вас, возможно, даже не подозревали, в чем состоит смысл этих слов.

Иными словами, чтобы понять данные, необходимо пройти через их воспроизведение к пониманию, и с пониманием данных возникает завершающий шаг — полностью самоопределённое осознание того, что это данное существует. Если это данное истинно, то этот четвёртый шаг наступает всегда. У вас появится способность осознавать и воспринимать его.

Всё начинается с: “Ооо! Какая стена? Не проси меня ничего воспроизводить”. После этого приходит простое воспроизведение, и за этим — понимание, а далее следует осознание или собственное постижение. Таким путём в такой последовательности восстанавливается собственное самоопределение.

Естественно, восстановление на этом пути происходит быстрее всего, если человеку преподаётся точная истина о чём-то. Есть истина о чём-то, после долгих корпений ему удаётся воспроизвести эту истину, и за этим немедленно следует понимание того, что ему преподавали. Это всего лишь очередная ступень, и его понимание того, что ему было преподавано, всё ещё зависит от вас. И следующий шаг вверх — осознание, к которому он приходит внезапно, двигаясь уже, так сказать, своим ходом. К нему заново приходит способность понимать, и он уже сам осознаёт эту истину. Вот путь, которым вы следуете. Этот путь сочетается в себе тотальное самоопределение и иноопределение, и, естественно, всеопределение тоже — всё в одном флаконе.

Этот человек становится всеопределённым по отношению к данным. Человек не только может понять, зачем он их учит, но и то, зачем ему эти данные преподают, и понимает и осознаёт — что использование, естественно, включает в себя независимую истину этого данного, вне связи с тем, было это преподано или нет. И вместе с этим, конечно, человек достигает пика способности иметь суждение. Теперь у человека есть способность иметь суждение. Другого пути к этой способности я не знаю. То есть если этот путь несовершенен — о'кей, этот путь несовершенен. Значит, совершенного пути нет.

Если совершенный путь всё же где-то существует, то тут можно только пожалеть, что у нас не оказалось его под рукой.

Но у нас зато есть этот, первый путь к такому конечному продукту. Определённо, он его достигает. Однако он построен на совершенно другой функции. Так что вы видите тут побочный эффект. То есть он ведёт сразу к двум целям.

Например, у вашего инструктора внезапно появилась отвратительная мысль — он говорит: “Ладно. Какой интервал времени проходит при мгновенном показании? Как быстро должно возникать мгновенное показание?”. Интересно, сколько разных ответов можно получить. Я бы ни за что не ответил. Ни за что. Я бы не дал точного ответа. Это даёт инструктору чудесную возможность: “Ага-а. А та лекция? Что сказано в той лекции? В той лекции!”.

И вы отвечаете: “Ну, на самом деле это полсекунды, треть, четверть, пятая, десятая часть секунды — да неважно. Где-то так”.

“А, а что сказано в той лекции?”.

“Ну, я не могу сказать точно, что в той лекции. Вообще-то не важно, будет ли это четверть секунды или половина, или даже пятая её часть. Я имею в виду, что приблизительно в этом диапазоне”, — и тра-ля-ля-ля-ля...

А он говорит: “Незачёт!”.

Тогда вы рассерженно возвращаетесь, и совершаете целую кучу овертов против меня, и ещё раз слушаете ту лекцию. И вы говорите: “Хорошо, что тут у нас? Так — посмотрим, что в той лекции. О, ё-моё! Сроду такого не слышал! Двадцатая часть секунды! Двадцатая часть секунды! Кааа! Хорошо”. И вы идёте и говорите: “Двадцатая часть секунды”.

“Точно, так”.

Ну, было бы совершенно педантично (а мы такой системой не пользуемся) со стороны инструктора спрашивать: “Каковы первые семь слов в пятом параграфе третьего бюллетеня, написанного в июне месяце 1959 года?”. Понимаете, это превратилось бы в состязание по запоминанию, но если вы присмотритесь, то увидите, что почти вся учёба представляет собой соревнование по запоминанию. Но никто не просит вас устраивать это здесь. Вас просят лишь участвовать в деятельности по воспроизведению. Если вы можете воспроизвести данные, то ваша память рано или поздно восстановится — даже ваша.

Это очень-очень ужасно; некоторые из вас, впервые столкнувшись с этим, находят это отвратительным! Находят это совершенно мерзким. Самая жуткая вещь, с которой вы когда-либо сталкивались. Распознайте, с каким механизмом вы столкнулись, и распознайте, что никто ни на минуту не смягчит эти требования. И по мере продвижения вы обнаружите, что внешне вам становятся понятными вещи, которых ранее вы не понимали, и что всё это довольно своеобразно; и, возможно, вы никогда прежде не замечали этого, но теперь, что поразительно, вы понимаете то, чего ранее понять были не в состоянии, и это относится к вещам, не имеющим никакого отношения к собственно предмету изучения. У вас что-то такое происходит — вы достигаете успехов в другой области, и это должно происходить с одитором. Одитор должен быть понятливым. Он должен быть способен понять то, на что смотрит. Он должен понимать происходящее.

Одитор, который не может это делать — потерянный человек. Преклир говорит: “А, женщины — это такая скука!”. И он играет в отношении одитора ту же штуку, которую вы могли бы применить к комитету. Он сказал смертельные слова — два смертельных слова: “женщины” и “скука”. Эти понятия вопиюще несовместимы! Эти два слова не могут стоять в одном предложении. Невозможно себе представить, как это — соскучиться с женщинами?

Это непостижимо, и одитор заводит болтовню, ворчит, ворчит, ворчит, прерывая преклира. “Женщины — скука? Женщины — скука? О чём ты говоришь?”. И вместо того, чтобы радостно делать своё ТУ 4 и продолжать сессию, он говорит: “Бур-бур-бур-бур-бур-бур-бур, бур-

бур-бур-бур-бур-бур”. Он занимается всякой ерундой, вступает в В и О: “Что ты сказал? К чему это? Чем ты занимаешься? Зачем? Зачем ты это сказал? У тебя на это инграмма? Что с тобой произошло?”, — и тому подобное. Другими словами, одитор начинает “пытаться понять” — слыхали вы такое?

Порой преклир втягивает вас в “попытку понять”, и вы обнаружите, что этого преклира довольно трудно одитировать совершенно по другой причине. Вы одитируете преклира не телепатически, но он говорит негромко и неслышно. И вы ему говорите: “Итак, каково твоё мнение о женщинах?”.

Преклир отвечает: “Мумуммм, мумуммм”.

И вам приходится спросить: “Что ты сказал”? Не понять, что говорит преклир — преступление высшего разряда. Преклир как бы заставляет вас думать, что вы его не понимаете, потому что вы не понимаете, что он говорит.

Я обычно довольно просто с этим справляюсь: преклир опрокидывается, весь сворачивается в клубок, свешивает голову со стула, зажимает рот рукой, и говорит: “Умумуммм... хмумумммуммм...”.

Со своей стороны, я не рискую разрывать АРО. Я говорю: “Сядь прямо. Вот так. Сядь прямо. Вот, хорошо. А теперь говори”.

И он говорит: “Хмумумуммм...”.

Вы говорите: “Хорошо. Что там был за ответ?”.

“Ох, эти женщины — такая скука”.

“Ладно. Большое спасибо. Хорошо”.

Иными словами, я заставляю преклира общаться со мной, что, может быть, довольно сложно сделать, но вы обнаружите, что если этого не делать, то начнутся разрывы АРО. Он платит и получает шанс. Иначе говоря, если вы оставите его в таком состоянии, то вскоре вы совершенно перестанете понимать, что происходит с преклиром. У вас также появится ощущение, что вы не понимаете, чем занимается преклир и, следовательно, вы не сможете наблюдать, что происходит с преклиром, и сессия пойдёт как попало.

Но давайте вернёмся назад и взглянем на другой аспект. Рассмотрим одитора, который не способен радостно воспроизвести данное, нелогичное данное, и при этом всегда зависает на кнопке. Преклир говорит: “Женщины — такая скука”, — а одитор знает, что такого не бывает, у него у самого было полно проблем с женщинами, и вот его немедленная реакция: “Почему женщины скучны? Что это значит?”, — и сессия превращается в перебранку. “Ты это нарочно? Я не верю в это. Это всё ерунда. Но почему ты пришёл к такому заключению? Я не вижу в этой команде одитинга ничего, что могло бы привести тебя к такому заключению”.

И преклир в конце концов заявляет: “Ну, это ж было озарение!”.

И одитор говорит: “Ага, просто озарение. Замечательное озарение, если задуматься над этим, точно? Об этом стоит сказать — просто озаре...”.

Но преклир говорит: “Да это было просто озарение. Знаешь, я просто сказал это”.

Одитор: “Ну, ладно”.

И одитор продолжает, одитирует парня ещё немного, после чего преклир говорит: “А все мужики такие тупые, если уж смотреть правде в глаза”.

А “тупые” — тоже кнопка, так что одитор отвечает: “Тупые? Кто? О! Кто? Кто? Кто? Кто? Кто ... что ты ... ну-ка ещё раз произнеси!”.

“Все мужики такие тупицы”.

“Почему ты это сказал? У тебя там есть картинка? Что происходит? Я имею в виду, у тебя разрыв АРО? Может, висхолды? Скрываешь что-нибудь? Не скрываешь ли ты то, что все мужчины тупые? Скажи точно, так и есть? — и тому подобное.

А преклир говорит: “Да это было просто озарение. Я ... я просто ... просто ... у меня ... у меня ... у меня просто мысль такая возникла. Прости. Виноват”.

И после этого преклир перестанет что-либо стирать. Вы наказывали преклира за озарения, за одитинг, то есть за то, что он освобождался от частей своего банка. И если вы станете одитировать преклира подобным образом, то достижений у него не будет, так как ему преподали урок о том, что ничего нельзя стирать, урок о том, что ничего нельзя рассказывать; каждый раз, когда преклир раскрывал рот, ему приходилось пожалеть об этом, потому что его не понимают. Он что-то выдал — одитор ищет, пытается понять, пытается понять, пытается расслышать, пытается расслышать, пытается обнаружить, что это было, что это, что это, откуда это взялось, откуда это взялось, откуда... ля-ля-ля-ля-ля ... “если ты просто ... ты не ... нет, нет ... Тут одитор просто пытается понять, пытается понять, пытается постичь. И конечно, такой одитор просто не может воспроизвести то, что сказал преклир.

Боже, я слышал, как преклиры говорят самые невероятные вещи, какие только можно услышать. Ну, это меня особенно не ошеломляло, но иногда, бывало, нет-нет да и застанет врасплох. Страшнее всего, когда преклир выдает оверты и висхолды, имеющие прямое и непосредственное отношение к вам самому или к вашим друзьям или близким. Такие вещи срабатывают на вас мгновенно.

Что если, предположим, работает этаким одитор, не шибко способный в плане воспроизведения, не способный до такой степени, что весь одитинг становится сплошной мгновенной реакцией — “Rrrrrr!!!”, как только преклир выдает ему какой-то жуткий и лживый висхолд о нём самом. Вы по себе знаете, насколько это порой добивает. Предположим, одитор пытается понять: “Откуда ты это знаешь?”. Вы просто тут же забываете, где вы и что делаете.

Преклир говорит: “Ну, я ... у меня есть висхолд. Я ... я видел тебя...”.

Вы говорите: “Так, и что?”

“Ну, я видел тебя там, на дальней аллее, как-то ночью с ... ну, ты знаешь, с кем”.

“Так, с кем? С кем? Кто это был? С кем? Кого ты видел там со мной?”.

“Ну, ты-то знаешь. Нам не стоит обсуждать это”.

“Да о чём ты говоришь? Где ты это услышал? Так ты сам это видел? Собственными глазами? Ты там был? И в котором часу? А ещё кто-нибудь это видел?”. Вас сбили с толку, вы задаёте об этом столько вопросов, сколько никогда не спросили бы о чём-нибудь другом. Это ваша попытка понять, так как вы зависли на какой-то кнопке, которая имеет отношение лично к вам.

Одитор, который не способен воспроизводить, всю сессию проводит в таком состоянии ума. Не только в отношении того, что касается его самого, но и в отношении всего остального тоже — одитор всё встречает подобным образом. Преклир говорит: “Тогда целый день стояла прекрасная погода”.

А одитор отвечает: “Что? Какой? Где? Откуда? Откуда ты это услышал? О, ты ... ты что? Сегодня. Ты говоришь про этот день, а не про вчерашний. Я полагаю, сегодня тоже ничего так денёк, да, с утра, с самого раннего. Так, давай посмотрим. О чём это мы говорили? А, да! Команда одитинга звучала так ... а как звучала команда одитинга? Да-да. Я что-то от тебя скрываю? Хорошо. Я что-то от вас скрываю?”.

Следите за такими штуками, братцы. Если вам попадётся зона или область, где одиторы не могут воспроизвести бюллетень, что нужно предположить? А то, что они точно так же бесконечно пытаются понять преклира, пытаются понять кейсы, виснут на всевозможных диких кнопках, и буксуют на том самом первом шаге, о котором я вам говорил.

Они на том самом шаге. Раз их боевой дух падает из-за того, что они не могут пройти ни одной проверки по бюллетеню, вы можете немедленно узнать, как они работают с преклирами. Понимаете? Так что тренировки по воспроизведению абсолютно необходимы. И они приносят успех. Можете сами попробовать и убедиться.

То, о чём я рассказал, может вызвать у вас жгучий интерес, а может и не вызвать. Естественно, это лично к вам не относится. Но, обучая одиторов, вы должны помнить об этом. Боевым крещением, которое заставляет людей так бледнеть и падать духом при виде чего-то, может быть, например, принудительное воспроизведение. Тогда им приходится преодолевать в себе всевозможные эмоциональные преграды. Они учатся со страшной силой, но при этом со страшной силой возмущаются: “Уггrrrrr! Этого не может быть ... уггrrrrr!”. Но и это все проходит.

Но порой вам попадётся студент, который слоняется тут пару-тройку недель, и становится всё бледнее и бледнее, мрачнее и мрачнее, глаза его всё более вваливаются, он всё больше и больше худеет, и всё становится хуже и хуже. Либо впадает во всё большую и большую апатию. Вы можете заметить это по тому, как он заводит свою машину. Вы можете обратить внимание на успеваемость нового студента.

Поначалу он заводит свою машину, имея весьма озадаченный вид; потом он заводит её со злостью. Вы слышите, как коробка передач раза три громко крикает, пока он вырулит на дорогу. И потом в конце концов он едет по дороге, налетая на бордюр то с той, то с другой стороны; и вы понимаете, каково его состояние.

Всё это решается путём обучения, а не процессинга. Даже и не думайте о процессинге. Нужно только обучение, потому что это новый навык.

Очень часто в прошлом вас просили запомнить все “структурные компоненты внутри космического судна Марк VII с гироторами*, полностью, все составные части”. Я уверен, что вам приходилось делать что-то вроде этого. Я уверен, что так и было. И забавная подробность этой истории состоит в том, что вы в конце концов обрели способность смотреть на этот корабль; но, с другой стороны, кто-нибудь говорил вам: “Ох уж эти Марки VII, эти Марки VII, они ... они ... летают низко да медленно, эти Марки VII”.

А вы отвечали: “Нет, нет, ты на самом деле просто не понимаешь, что это за корабль. Ты не понимаешь, как с ним надо обращаться. Просто если ты в первый раз подходишь на нём к внешним границам атмосферы, включай в этот момент все охладители, все сразу. Не надо в этот момент тормозить. Просто врубаешь все охладители, переохлаждая весь корпус. Вот как надо с ним работать. А затем входишь и врезаешься в атмосферу с размаху. Просто — хрясь! Понимаешь? Когда всё переохлаждено.

Входишь быстро, не теряя скорости — и всё нормально. Стоит заранее побеспокоиться о состоянии контр-бластеров, чтобы при подходе к поверхности, как раз в тот самый раз — чтобы не расходовать зря топливо — на этом Марке VII, ка-ак долбанёшь! И если ты разрядишь их мгновенно, то очень быстро сможешь остановиться. И посадка пройдёт нормально. А причина того, что при посадке происходят крушения, состоит просто в том, что эти корабли никто не понимает”.

И кто-нибудь выходит и наблюдает, как вы приземляете Марк VII совершенно другим способом. Но вы-то уж точно знаете, как это делать. Вы знаете, как его посадить; но каждый раз вы сажаете этот Марк VII совершенно не так, как в прошлый. Вы никогда не сажаете Марк VII два раза одинаково, хотя он неизменно оказывается на земле и вы ни разу не попали в аварию, у вас всё в порядке. Вы уловили мысль? Вы никогда не ведёте один корабль два раза подряд одинаково. Именно потому, что вы его понимаете.

Рутинa и механическое запоминание, другими словами — плохой заменитель понимания. И состояние, в которое я хочу вас привести — это такое состояние, когда вы сможете одитировать с осознанием, с пониманием, с суждением. И если я смогу привести вас к этому, то я посчитаю свои усилия потраченными не напрасно, независимо от того, каких дров мы нарубим по пути.

Благодарю вас.

ОБРАЗОВАНИЕ

25 октября 1956 года

Благодарю вас.

Тут ходят слухи, что сегодня я должен поговорить с вами о том, как надо инструктировать. Кто-то мне сказал, что я сам сегодня это сказал, но со мной проводили процесс по незнательности, и процесс этот так и не сгладили. Мы вернулись на пять жизней назад, и я сбежал. Я сказал: “Достаточно. Достаточно. Если мне опять нужно всё это “не знать”, то и чёрт с ним”.

Я хочу поговорить с вами об инструктировании. Инструктирование — это интересный предмет, поскольку мы, похоже, именно этим здесь и занимаемся. Вы ведь одиторы. А техники одитинга — это методы приведения людей к знанию. Пора мыслите над этим.

И великая странность здесь состоит в том, что общим знаменателем всей жизни является познание. В Дианетике общим знаменателем является “выживание”. В Саентологии мы, к собственному расстройству, открыли, что выживание неизбежно. Так что нам теперь надо отыскать другую причину, и наилучшая из них, которую мы только можем найти без необходимости залезать слишком далеко и ломать над этим голову — это познание.

Несомненно, предмет познания необычайно широк, и мы находим познание почти на любом уровне деятельности, жизни и управления.

Познание будет включать в себя следующее:

Парень смотрит на стену и познаёт, что это стена. То есть распознавание — самый нижний уровень познания, но, тем не менее, это познание.

Мы встречаем Джо. Если мы в хорошей форме, то мы можем узнать Джо, посмотрев на него. Некоторые из нас, находящиеся не совсем в хорошей форме, встречают Джо, а разговаривают со своим папой.

Понимаете, как это получается? Вам ясно, как это можно поместить в категорию познания?

Но не позволяйте себя дурачить. Истина состоит в том, что познание — это ещё не вся жизненность, так как в последней содержится (между нами, саентологами, говоря) гораздо больше всякого разного. Там гораздо больше всякого другого. Там есть создательность¹⁵. Масса других факторов, кроме познавательности¹⁶. Мы не будем вдаваться в их обсуждение. Мы просто хотим поговорить о познании и показать, как это может повлиять на все области жизни, и как с помощью небольших, а иногда и явных, корректировок это все можно свести к познанию, и тогда образование станет нашей сильной стороной. Образование.

Необычно здесь то, что саентолог может давать людям образование, что никто никогда не был способен делать. Как ему это удаётся? Одитингом. Одна из основных вещей, которая повышается при одитинге — это КИ, что, конечно, в виде побочного следствия приводит и к повышению скорости обучения. Что такое КИ, как не показатель относительной способности познавать?

Итак, что мы делаем? Мы в действительности занимаемся (разумеется, не рассматривая уровень твёрдых тел, усилий и тому подобного), управлением мыслью. Мы управляем мыслью.

Люди, которые считают, что существует только мысль, немедленно признают тотальность познавательности. Они принимают её как тотальное содержание любого действия. “Если это познать, то достигнешь желанной цели”. Они настолько хорошо делают это, что изобретают массу вещей для собственного “познания”, и после этого никто уже не способен стать клиром только лишь на образовательных процессах. Они заминировали этот путь.

У парня есть тело: он не может смотреть на него, так что смотрит на тела других. Но он не может и этого, и тогда он смотрит на мёртвое тело, лежащее на столе для вскрытия. Он обнаруживает массу различных запчастей, кромсая это тело тем или иным способом. Он оглядывает все эти запчасти и начинает понимать, что никогда не сможет внести порядок в хаос крови и мешанины этого трупа, если не выдумает всякие названия для всего того, что попадает ему под руки. Затем он пишет учёную книгу по данной теме. Но в действительности он ничего не сделал. Он даже не смог как следует разрезать этот труп, но зато блестяще потрудился, снабжая названиями все части этого трупа. Это чудесная работа, и остаток своих дней он проводит, корректируя свой список названий.

Это самое большое, что достигалось в отношении непосредственного познания тела в медицине. Они даже взяли этот список названий и перевели его на мертвый язык, на котором больше никто не говорит.

Психолог, пытающийся рассортировать мозг, который для него представляет собой всегонавсего кучу названий, не обретёт большой реальности в отношении мозговых клеток. В его описании мозга столько различных частей, что он завален здоровенной горой названий.

Таким образом, познание может очень просто превратиться в познание некоей сложной структуры, которая была изобретена на месте того, чего никто в глаза не видел. Таким образом сама познавательность в большой степени впадает в неуважение.

Существует одна навязчивая идея о познании, с которой довольно интересно иметь дело. Есть

¹⁵ Creatingness.

¹⁶ Learningness.

даже техника исправления жажды знания: “Вложите жажду знания в стены”. От этого у людей появляется тошнота и происходят всевозможные интересные вещи.

Это познавательность в своём худшем проявлении: изучение обширных, длинных классификаций надуманных знательностей, перемешанных в каком-нибудь хаотическом каталоге, усложнённом применением другого языка.

Ботаника — это один из таких “классификационных” предметов. Сейчас я расскажу вам о тотальной мыслительности¹⁷, которая привела к появлению ботаники. Вам это покажется очень интересным. Случилось это, когда Френсис Бэкон написал небольшое эссе, в котором он положил начало “науке”, называемой “ботаникой” — он предположил, что было бы неплохо основать такую науку. Он просто взял несколько вещей, которые пока еще болтались непристроенными, и набросал пару абзацев — таким образом и возникла наука о цветах и всяких растениях. Ну вот, он набросал этот небольшой абзац, и эта наука с шестнадцатого века и называется ботаникой.

Со времени написания тех самых нескольких предложений в этой науке не произошло никаких технических сдвигов. Зато, братцы, какая там классификация! Ух!

А вы вот не знали, что пахучая капуста на самом деле находится в близком родстве с австралийской розой. Ну, я тоже не знал, но какой-нибудь ботаник, несомненно, смог бы это обнаружить с помощью некоего странного метода ассоциаций.

А взять изучение ума? Как я уже сказал, психолог на самом деле живёт в мире названий, а не в мире мозга. Его способность прикасаться к собственному мозгу или или смотреть на него настолько низка, что он упускает тот факт, что классификация мозга была классификацией того, в чём большая часть мира психологии безнадежно и глубоко утонула. Этот факт они совершенно упустили из вида.

Давайте взглянем более внимательно, почему они это упустили. Они не могут смотреть на мозг, поэтому они смотрят на его заменитель.

Если обратиться к основным терапиям, старинным терапиям того или иного толка, то одной из них окажется психоанализ. Психоанализ настолько заиклен на значимости переживания, что на сами эти переживания взглянуть у них уже нет времени.

Так что образование или учёба, существовавшие в прошлом, представляли собой систему уклонения от наблюдений. А систематическое уклонение от наблюдений рано или поздно приводит к неприятностям, и в эти неприятности попало образование в целом.

Человека отправляют учиться — ну, я не знаю, сейчас оптимальный срок обучения колледжа — это что-то около 60 лет; и у него на самом деле вырабатывается стойкая привычка уклоняться от знаний. Понимаете? Он живет по системе, посредством которой можно избегать

знания о чём-либо. Как ему это удаётся? Да он просто изучает это!

Значимости, основные связи, модели, а также полы, стены, механизмы, шестерёнки и ботанические сады существуют на самом деле. Всё это существует. Но тот, кого вы пытаетесь чему-то обучить, обыкновенно находится в любопытном состоянии избегания реального объекта посредством изучения придуманных знательностей.

Вот классная здоровенная машина: хромированные шестерёнки, позолоченные рычаги и — о, да, впечатляющая громадина. Огромная, красивая — все дела. К ней подходят двое. Один говорит: “Что это такое?”

И другой отвечает: “Это быстроходка”.

“Да? Это она? Я и не знал!”. И уходят.

Как легко насытить чью-нибудь жажду знания, просто дав ему название! Вам стоит изучить это. Некто подходит к вам и спрашивает: “Какие обстоятельства заставили человека после развода прыгнуть в воду с пирса с камнем на шее? Что происходит с такими людьми — они развелись, чтобы не жить вместе, и после этого ломают себе шеи? Но с чего это они?”

И вы начинаете объяснять: “То, что он сделал своему партнёру по браку, стало беспокоить его в виде мотиватора. Человек, который так расстроен по этому поводу, должно быть, совершил какой-то проступок”.

Ну, ваши объяснения, возможно, неплохо дойдут до него. Возможно. Вы просто выкладываете напрямик весь анализ семейных проблем. Парень после развода покончил с собой. Значит, он, должно быть, совершил что-то, чтобы заполучить мотиватор такой степени. Мы это кому-нибудь объясняем, мы даём ему какую-то информацию. Для чего нужна эта информация? Для использования в игре под названием “жизнь”.

А теперь давайте полностью откажемся от ответственности, которая у нас есть как у саентологов, просто отбросим это куда подальше, и скажем: “А-а-а-а!”.

И они спросят: “Да? Зачем, с чего это он?”.

“Ну, да у него э... э... псевдомания. Это очень серьёзное недомогание. Это болезнь... это болезнь, которая часто появляется после разводов. *Pseudomania maritima*¹⁸”.

И вы будете просто ошеломлены, заметив, насколько часто подобная “глубокая”, “основательная” чушь заставит человека радостно развернуться и поскать прочь с чувством полного удовлетворения. Понимаете? Теперь он “знает”. А что он знает? Просто запомнил мудрёное слово, вот и всё его знание. Это всё, что он знает.

Давайте внимательно посмотрим на это — и тогда мы заметим, что этот человек стремится уклониться от ситуации. Этот человек не желает участвовать в происшедшем и вы предоставили ему оправдание. Вы дали ему надуманное название. Теперь ему больше не надо на это

¹⁷ Thinkingness.

¹⁸ Псевдомания семейная (стилизация под латынь).

смотреть. С этого момента он больше не лезет в это дело и чувствует себя превосходно.

Вы подарили ему нитку от плаща своего авторитета. Он получил сведения от авторитетного источника, так что теперь он сам стал таковым. И после он идёт и рассказывает своему дружжухе механику: “Ты знаешь... ты знаешь Пита?”.

“Ага. А что с ним?”.

“Ну, ты в курсе, что Пит... он ... с ним произошло несчастье”.

“А что с Питом?”.

“Ну, у него ... э... псевдо... ммм... короче, страшная болезнь!”. Вот и всё данное.

Итак, если этот способ передачи понимания доминирует, то люди в значительной степени избегают реальных объектов, действий или жизненного бытия. Должно быть так! Так или иначе, они действуют по “принципу уклонения”. Вместо того, чтобы идти прямым путём, они идут огородами.

Парень хочет узнать, как выстроить небольшую бетонную плотину. Вы учите замешивать бетон, делать формы, рассказываете ему что-нибудь о давлении воды на определённых глубинах и о необходимости боковых укреплений. Это целая наука, а вы, скажем, обучаете его всему этому за один вечер. В нашем обществе так не делают. В нашем обществе его отправляют в колледж на четыре года. И когда он заканчивает колледж, то даже не знает, что такое плотина. Впрочем, ему на это наплевать¹⁹.

Итак, образование может выглядеть по-разному — например, быть наукой уклонения. И мы могли бы построить такую науку, у нас бы получилась удивительная наука! Она была бы ужасно популярной. И составить её можно было бы таким образом, чтобы никто никогда ничего никоим образом не смог бы выяснить. Мы бы обучали людей по такой системе, что если они смотрят на стену, то после им было бы необходимо было бы прочесть об этом в учебнике. А в учебнике им надо было бы найти небольшую линейку для выяснения того, под какое правило в фонетике это подходит. И после того, как они бы нашли название этого правила, это дало бы им комбинацию слогов, которая, в конечном счёте, привела бы их к тому, что им, по нашей науке, и требовалось отыскать.

Вы были бы весьма изумлены, но книга по этому предмету, написанная в очень серьёзном и напыщенном стиле, имела бы просто громадный успех. “Наука познания того, как учиться” — так её можно было бы назвать, и дело было бы в шляпе.

Вы бы смогли это сделать, просто используя их механизм уклонения. Просто позволили бы им уклониться.

Наша система образования менее сострадательна, гораздо менее сострадательна, так как мы основываемся на весьма здравом принципе

— что от учёбы не умирают. А они работают с ассоциативным данным — с данным, а не с реальным предметом, основываясь на теории о том, что капля учёбы убивает слона, что познание — опасно.

Есть даже старая пословица: “Малое знание опасно”. Как бы им хотелось добавить к этому: “Малое знание, большое знание и вообще любое знание сведёт вас в могилу!”. Это теория о необходимости уклонения в образовании.

К нам это не относится, мы идём дальше. Мы точно знаем, что человек (сама личность, а не тело) может без последствий общаться или работать с чем угодно. И единственные вещи, приносящие ему какие-либо неприятности — это те, с которыми он не смеет связываться. Неприятности человеку доставляют те вещи, которые он не желает познавать. Итак, что для нас означает “познание”? Это просто означает “общение”. И не означает “данное-заменитель”.

Это ужасно, жутко и чудовищно просто. Вы хотите что-то познать — так общайтесь с этим.

Один из способов общения с чем-то — подробно это обсудить. Предположим, имеется некое данное. Допустим, это не реальный объект, а просто постулат тетана. И он исчезает только после того, как его обсудят как следует, а во многих случаях — когда его тщательно обдумают.

Человек доходит до состояния, где он уже не может обдумывать это, и тогда ему надо обсуждать это. Но многие делают оба действия сразу — они обдумывают, обсуждают — и постулат лопаётся.

Данные состоят из постулатов или присвоенных тетаном значимостей. Вот что такое данные. Это всё, что они собой представляют.

Присвоив чему-то определённую значимость и придя по этому поводу к единому согласию, тетаны получают “факт”. Уловили? А теперь пусть кто-нибудь скажет мне, каким образом простое соединение или общение с этими соглашениями может само по себе кого-нибудь убить? В самом деле. Ну, так случилось, что здесь образовались такие вот стены. Тут просто вложен постулат, который говорит: “Я — нечто присутствующее здесь согласно соглашению, ратифицированному в Угвельде в 18 милях к югу от Седьмого Неба”. Вот что такое стена.

Так что если при общении с соглашениями других людей существуют большие затруднения, то в таком случае, разумеется, больших затруднений не избежать. Так как эти большие затруднения — просто ещё один постулат.

Так мы подходим к основе саентологического образования, — то есть что общение с чем угодно, где угодно и когда угодно тетану никак не повредит. И мы должны научить его только этому, если хотим дать ему образование. Он должен это знать. Он станет весьма сообразительным парнем, если субъективно, на собственном опыте познает — для этого может потребоваться некоторое количество процессинга, конечно — что знания о чём-то его не убьют. И если он это познает, то он научится учиться.

¹⁹ игра слов Dam — плотина, и Damn — ругательство: “When they come out, they don't even know what a dam is. They don't give a damn either.”

Очень любопытно, что после такого понимания сделать из этой науки что-то жутко сложное практически невозможно. Человек может изучить то, с чем он в состоянии общаться. И это общение ему ничем не повредит.

Конечно, тут есть кое-какие заморочки, которые портят дело. Если толкнуть тело под циркулярную пилу, то его разрежет на части, что, по всеобщему соглашению, считается болезненным. Однако это совершенно отличается от того, как тетан общается с циркулярной пилой. Вы экстеризуете кого-нибудь, толкаете под циркулярную пилу, а он говорит: “Здорово!”.

Ну, самое забавное здесь то, что если бы тело не было сотворено в соответствии с соглашением о том, что оно может разрушаться от собственного опыта — все уже согласны с тем, что тело может быть разрушено собственным опытом — то его можно было бы толкнуть на циркулярную пилу, затем вытянуть назад и все части тела просто заново собрались бы воедино. Если бы тело не имело фактора ощущения, то и боли бы тоже не было. Но как только к телу добавишь фактор ощущения, сразу обрекаешь людей на боль и разрушения.

Прежнее образование, таким образом, можно было бы определить как (и это ужасно) “помещение данных в память людей”. По этой причине прежнее образование принимает гипноз, равнодушно по отношению к реальному применению информации, не анализирует деятельность и совершенно уклоняется от какой бы то ни было обладательности, что, разумеется, не дает никому ни единого шанса. Помещение данных в память заставляет полагаться на опыт, а не на восприятие. Это два разных подхода. Запомненный опыт — нечто совершенно не похожее на восприятие или суждение о ситуации.

Я вовсе не хочу принизить прежнюю систему образования — я хочу её просто похоронить.

Саентология применяет совершенно иной подход. Пока он ещё не полностью отработан и не выровнен по краям. Но действует он примерно так: вы предлагаете другим людям данные для усвоения и использования, и способствуете усвоению этих данных, с целью достижения ими лучшего управления жизнью. Это гораздо более длинное определение, но на самом деле близкое к фактическому.

Если вы собираетесь работать в области образования, то у подобной игры должна быть цель. Должна быть какая-то причина. И пока вы не добавите её к вашему определению, вы никуда не придёте.

И когда мы предлагаем человеку какое-то данное, то это данное для него должно находиться под его самоопределением, а не храниться в его памяти. Поймите разницу. Человек должен уметь распоряжаться этим данным согласно собственному определению. А если этого не происходит, тогда его нельзя полностью использовать его в жизни.

Мы даём ему информацию таким образом, чтобы он распоряжался ею, использовал эту информацию, подбирал, оценивал и применял её в жизни к определённым бытийностям и ви-

дам деятельности. И мы никогда не позволяем данному болтаться в воздухе безо всякой связи с чем-либо.

То, что я вам ранее описал как систему уклонения от образования, присуще каждому пре-клиру, которому вы когда-либо проводили одитинг. Вот он сидит тут в валенте своей матери. У него очень больное сердце, ужасно больное! Вы задаёте вопрос: “Ты знал кого-нибудь с больным сердцем?”

А он отвечает: “О”, — говорит, — “Да. Мать”.

Вы говорите: “Хорошо. Ты можешь вспомнить случай, когда у твоей матери болело сердце?”

“О, да. Да. Сколько угодно”.

Вы говорите: “Хорошо, а что насчёт твоего собственного сердца? Может ли это иметь какое-то отношение к матери?”

“Да, я бы даже сказал, большое отношение!”.

Он не дал вам никаких данных. Всё осталось за чёрной базальтовой стеной.

Мне приходилось встречать людей, которые садились и в точности описывали всё, что с ними не так. Они хорошо изучили это. Однако неприятности остались на месте. Они не избавились от них ни на грамм. Как так? Вероятно, это просто не может исчезнуть?

Это просто урок, который они получили. Все, что с человеком не так — это просто уроки, которые он получил. Людям это известно, и поэтому они уклоняются от уроков.

Но первое, что было с ними не в порядке — это уклонение от урока, что заставило их затем уклоняться от ещё большего числа уроков, и каждый пропущенный урок делал их все большими жертвами обстоятельств. И пошло-поехало...

Сколько разных способов можно придумать, чтобы просто хорошо обучить людей предмету образования? Сколько способов вы можете придумать? Ну, а сколько техник одитинга вам известно? Довольно много, достаточно много. Но ввиду того факта, что вы действуете в области образования, это, конечно, в большой степени зависит от общения. Так что существование общения должно быть продемонстрировано прежде, чем будет предпринято какое-либо образование, и только так оно может стать образованием в саентологическом смысле, а не ещё одной инграммой.

Всегда можно треснуть кого-нибудь по голове и сказать: “Это послужит ему уроком!”. Ну да, это послужит ему уроком — на всю оставшуюся жизнь. Это будет учить его каждый день. Но чему? Бог знает! Трудно предугадать заранее.

Предположим, во время этого удара было сказано: “Да как таких земля носит!?”. У нас был один парень, он работал, по-моему, на “Северо-западных Авиалиниях”, и у него в банке была такая фраза; и у него на земле вообще ничего не получалось. Поэтому он стал пилотом, хотя и ненавидел эту профессию, но ведь “земля его не носила”! Другой парень с точно такой же фразой может стать священником.

Человек будет настаивать на том, чтобы действовать по собственному выбору и делать всё самостоятельно. Но если его свобода выбора не будет ясно наблюдаема, если её суть не будет очень хорошо видна, если человек не будет иметь управления над этим, зная, что он этим управляет — это очень важно!

Если вы дрессируете львов — говорят, что если вы дрессируете львов, то должны действительно знать, что работаете именно со львами. М-да, я об этом слышал. Некоторые осмотрительные люди время от времени привлекают к этому внимание.

Если вы работаете с человеком... хм! Господь знает, с чем вы работаете. Может, вы дрессируете льва, а может, — посмотрите на этих малышей. Они носятся взад и вперёд по улице, стреляя друг в друга из игрушечных пистолетов. Уже через пару минут вы запутаетесь, определяя, кто они. А кто они? Ну, я не знаю. Кто угодно: Шерлок Холмс, Арнольд Шварценеггер, Рембо²⁰ — которого пристрелили — или кто-нибудь ещё. Они представляют себя кем-то. Они представляют себя тем, кем на самом деле не являются.

Человек начинает беспокоиться только тогда, когда он становится кем-то ещё.

Системы образования, соответственно, должны принимать в расчёт только безопасные аспекты общения, формул общения, фактов общения, и сортировать передаваемые данные так, чтобы у другого человека была возможность использовать это в его жизни.

Всё это ужасно зависит от общения, точно? От общения и всех составляющих его формулы. И каждый раз, когда вы уклонялись от этого, с тех пор как вы учились в школе, вы чего-то не узнавали. Было что-то, чего вы не познали. Это точно. Никто не потрудился привлечь ваше внимание, никто не потрудился объяснить, где это применяется, и вы прошли мимо. И по сей день вы, возможно, думаете, что два плюс восемь будет двенадцать. (Разумеется, это ваш постулат. Если вы в достаточно хорошей форме, так оно и будет, но здесь не о том речь).

Образование, как это ни странно, практически полностью содержится — кроме самого определения — в старинных логических основаниях Дианетики. Вот анатомия образования. Их можно назвать аксиомами образования. Но они совершенно отсутствуют в области образования.

Некоторые из них были почти известны еще в те времена, когда преподавался предмет “логика и искусство вести спор”. Удивительный предмет. Однажды у меня был учебник по нему — просто великолепный! Какая простота! “Как нанести поражение оппоненту в дискуссии”. Удивительный список. То есть они имели в виду именно это — действительно нанести поражение оппоненту в дискуссии; там излагался полный анализ того, как можно нанести поражение кому-нибудь в дискуссии, в споре,

но к сути дискуссии это не имеет никакого отношения — так там и было сказано: как отвлечь внимание оппонента. Это доходило до таких технических приёмов, как: “Пусть его время от времени окликают с задних рядов”. Так и делали. Прекрасный учебник. Главное — практический! Жаль, что я его не прочитал!

Во всяком случае, там было одно небольшое данное — самое волшебное данное, о котором вы только могли слышать: “Никогда не атакуйте действительную информацию вашего оппонента. Атакуйте только источники его информации”. Перечитайте это — дьявольская штука!

Парень говорит: “В прошлом году была использована двести одна тонна урана”.

Вы молчите. Он показывает ценность урана, расходы и так далее. Вы не говорите: “О!” — или: “Ну надо же”. Вы никогда с ним не соглашаетесь. Дискуссия — это спор. И в этой книжке это было очень ясно определено — а печатала её приблизительно в 1866 или 1867 году — вы ни в коем случае с ним не соглашаетесь. Вы спрашиваете: “Кто это сказал? Откуда у вас эта информация?”.

“А-а”, — отвечает он, — “это было у Боркса и Сноргельберса, в их отчётах по добыче руды, опубликованных в *Ежемесячнике Шахтёра*”.

А вы говорите: “А какая организация выпускает этот *Ежемесячник Шахтёра*?”.

“Ну, конечно же, это *Объединённые Трудники Шахт*”.

И вы говорите: “А-а... Всё ясно”.

И даже если бы журнал был издан *Национальным Комитетом Республиканцев**, вы бы точно также сказали: “А-а... Всё ясно”.

Полагаю, всех, кто знал этот предмет, уже убивали. Именно за это их и уничтожили, так что теперь такого предмета больше не существует. А книга была просто превосходной. Жаль, что у меня она не сохранилась.

Как бы то ни было, если мы хотим передать данное полностью, так, чтобы оно зафиксировалось навсегда и было вне какого-либо контроля, необходимо не скрыть его источник или солгать по поводу его источника: нужно этот источник убрать с глаз долой. Необходимо приписать это данное другому источнику. Затем немного его исказить. И потом снабдить его огромной значимостью: а если кто-нибудь скажет, что оно незначительно либо что оно вообще не имеет смысла, натравить на него всех собак. Выгнать его из учебного заведения, оставить на второй год, завалить его родителей жалобами. Звучит дико, не так ли? Просто ввалить ему по первое число просто потому, он не знает, что Сноргель и Фуггельбаум делали то-то и то-то. Если он не верит в это, то он попался.

Вот такое оно — старое образование. Чего хорошего в самом данном? Да совершенно ничего. Это было сказано Сноргелем и Фуггельбаумом — и тут все ясно!

Приведу теперь обратный пример. Говорят, Эйнштейн имел довольно близкое отношение к

²⁰ В этом месте, конечно, на самом деле перечисляются другие персонажи, но я решил упростить это дело.

изобретению атомной бомбы. Изобретена она была не без его авторитета. Её приписали в ряд его заслуг. Но если хорошенько вдуматься, Эйнштейн не мог сказать: “Сегодня вечером атомная бомба не взорвётся”. Он не мог ни сказать, ни предостеречь этого. И причём тут тогда его авторитет? Какая разница — был он авторитетом или нет?

На самом деле авторитет не имеет никакого отношения к атомной реакции. Бомба либо взрывается, либо нет — вот и всё. Это факт установлен и тверд. В большей степени по той причине, что сам Эйнштейн значительно слабее того огромного количества людей, которые на прошлом траке согласились с тем, что атомные бомбы взрываются. Его просто переголосовали! Так что вас втолкнули в то же ужасное состояние, которое я отношу к категории “мнения большинства”.

И эта армия авторитетных мнений и образования склонна вводить людей в зафиксированное состояние ума. Если то, чему их учат — истина, то люди сами смогут убедиться в её истинности, так как невозможно кого-либо обучить тому, чего он уже в какой-то степени не знает. Неважно, насколько это знание призрачно и астрально — оно всё равно присутствует в некоторой степени.

Например, вас нельзя с пользой обучить — так чтобы вы могли этим пользоваться — какому-либо данному о человеческом уме, с которым вы уже не согласны. Вам можно, конечно, рассказать и о выдуманных вещах, о человеческом уме, если при этом упомянуть о том, что это — просто выдумки. В противном случае вас придётся обучать под гипнозом — просто внедряя в вас новые убеждения, которые вы не сможете использовать или изменять. Это пришлось бы делать на гипнотическом уровне. Хорошо ли это? Ну, добавится новое данное. И если достаточное количество людей будет загипнотизировано и убеждено в том, что в каждом мозгу есть индукционные катушки* Форда, то, наверное, через несколько поколений в генетической линии появятся индукционные катушки Форда. Но пока этого ещё не произошло — ни разу.

Другими словами, нам легче всего изучить то, с чем мы согласны. Вот почему многие люди бросают заниматься наукой. Наука — это досаднейшая масса выдумок, какую только вам приходилось встречать. Но в отношении этих выдумок существует достаточно единое и согласованное намерение, которое зиждется на серии уже окаменевших выдумок и предпосылок, с которыми все согласны. Хотя, я вас уверяю, эта окаменевшая масса соглашений [т.е. физическая вселенная] вовсе не нуждается в дальнейших выдумках. Тем не менее, их выдумали, просто ради того, чтобы кого-нибудь чему-нибудь обучить.

Есть хороший тест для преподавателя — для определения того, знает тот свой предмет или нет. Это количество данных, которые он заставляет студента усваивать, не задавая вопросов. Если преподаватель в какой-то форме настаивает на том, что без дальнейшего анализа или оспаривания, каким угодно образом, сту-

дент должен усвоить большое количество данных, то становится ясно, что парень не знает своего дела. Он боится. Он чувствует, что нельзя позволять кому-либо проверять эти данные. Так что он заставляет делать что-то другое. Он заставляет делать что-то другое.

В образовании, учителю совершенно необходимо оставлять за студентом право выбора в отношении тех данных, которые ему преподают. И если что-то не согласуется с опытом этого студента и не является истинным в окружающем его мире, то преподаватель должен позволить такому студенту самому проанализировать это, и поступать соответствующим образом. И только таким образом можно что-либо успешно использовать.

Инженерное дело терпит неудачу в основном из-за того, что в области инженерии поумирали все инициативные люди. Последний из них давно уже не с нами.

Ко мне недавно приезжал один малый... я даже удивился, я просто был слегка потрясён этим случаем. Он приехал ко мне в Лондон, оповестив меня телеграммой за два-три дня до своего прибытия. Ещё за пару недель до его появления ко мне просочились какие-то слухи, но конкретный день был назначен телеграммой за три дня до встречи. И он пожелал приехать и увидеться со мной в моём лондонском офисе. Он сообщил, что хочет поговорить со мной. Он не настаивал на срочности.

Я сидел и недоумевал, о чем мы будем говорить — малый тот был из весьма высоких сфер. Наверное, это был ведущий разработчик в области аэродинамики при американских ВВС. И я подумал: “Чего это ради такой человек возжелал со мной разговаривать?”. Я даже представить не мог — вроде никаких проступков с моей стороны не водилось.

И вот он вплыл в мой кабинет, присел, взял одну из моих “Kools”²¹, не отказался от кокаколы, хотя на предложение выпить водки ответил отказом — сказал, что не привык к таким напиткам; и потом проболтал со мной около получаса, затрагивая некоторые последние разработки.

Я соглашался с ним. Я подумал, что это было неплохо, даже что-то понял, кое в чём разобрался, выстроил несколько незрелых предположений и в завершение сказал, что это здорово. Он по секрету рассказал мне, что подыскивает себе на замену человека, который был бы значительно моложе его — ему был 71 год и он работал ещё с братьями Райт, и что — довольно любопытно — однажды он может попросить меня поодитировать его. Но, видимо, не это было основной целью его визита.

Ну, после он взглянул на часы, вышел, сел в машину посольства США, поехал в аэропорт, взобрался на самолёт ВВС США и отправился по своим делам; он летел в Брюссель — там собиралась большая конференция, а после улетел домой. Это всё, чего он сделал в Лондоне. А я сидел и чесал затылок — не мог понять,

²¹ марка сигарет.

что, чёрт возьми, происходило? Я совершенно не мог понять. Ни малейшей идеи.

Но после того, как прошло достаточно времени, я, в конце концов, понял, что было не так. Тот парень был одинок! Вот и всё. С тех пор я о нём не слышал. Я просил его как-нибудь захаивать — он ответил, что непременно. Но он даже дома не появлялся. А всё это очень интересно.

В нашем с ним разговоре было достаточно легко определить тот факт, что в своей области он был единственным, кто действовал, самостоятельно выбирая данные и теорию. И он чувствовал это. Все остальные, кто занимались аэродинамикой: его коллеги, помощники — особенно его помощники — работали на основании фиксированных данных, по которым уже существовало общее согласие в этой сфере деятельности, и которые вовсе не обязательно являлись истинными. На самом деле, я никогда не мог понять — да и он тоже — как можно применить исчисление к аэродинамической поверхности, и создать профиль крыла на основании математических расчетов. Он сказал, что перед постройкой реальных самолётов всегда интересуется, отправили ли тестовую модель в лабораторию для замеров, и не успокаивается до тех пор, пока этого не сделают.

Да, этот человек был реалистом, ужасным реалистом. Если нельзя подумать о чём-то или посмотреть на это, то вы ничего об этом не узнаете — так что какая вам от этого польза? Именно этим принципом тот парень и руководствовался. Хороший принцип.

Боюсь, для меня в области образования нет никаких святынь, включая Саентологию. На самом деле я готов спорить и даже отстреливаться сколь угодно долго от того, кто стал бы меня убеждать, что какое-либо данное может быть неизменным и никогда не потребует пересмотра. Боюсь, меня было бы трудно убедить в этом. Разумеется, в принципе это возможно. Например, всех вас похитить и требовать выкупа до тех пор, пока я не признаю, что луна сделана из зелёного сыра — ну, тогда я бы, вероятно, согласился, что луна сделана из зелёного сыра, потому что передумать не менее просто.

Я не пытаюсь поддерживать нерушимую целостность, жертвуя всем подряд.

Единственная участь, которую я считаю хуже смерти — это “совершенно заикнуться на полном траке со всеми данными, которые когда-либо были выдуманы и по которым достигнуто общее согласие”. Это единственная участь, которая хуже, чем смерть. Но есть и ещё одна, почти настолько же плохая — сторониться каждого данного только потому, что с ним согласны. Необходимо быть гибким в обоих отношениях. Иначе говоря, вы не обязаны принимать каждое данное за стабильное и неизменное, но при этом не стоит отбрасывать те, что выглядят стабильными и неизменными. Ни так, ни эдак лучше не поступать. Нет необходимости принимать их, нет необходимости отталкивать их. Плюньте на это. Не настолько это важно.

Мы тут в Саентологии разработали массу данных, которые, несомненно, являются общими знаменателями соглашений на всём траке, которые большинство людей воспринимает именно так. Людей заставили перестать считать (или они сами перестали считать), что они участвуют в процессе создания, так что многие из них уклоняются и сторонятся этого, так как если они подумают ещё раз о том, о чём когда-то уже думали, это, очевидно, убьёт их. По мере исследования этого мы приходим к определённым чётким методам и соглашениям, посредством которых мы можем достигнуть их, и изменить их тем или иным образом, либо закрепить их другим способом, либо отбросить, — что-нибудь с ними сделать. Другими словами, мы и в самом деле способны крутить и вертеть различными фиксированностями или расфиксированностями существования.

Иногда у нас это получается хорошо, иногда плохо; но нам всегда легко удаётся расфиксировать что-то настолько же, насколько оно было расфиксировано изначально, либо зафиксировать что-то так, как оно было изначально зафиксировано. Мы всегда это сделаем. Мы можем опять расфиксировать то, что было ужасно расфиксировано.

Например, парень идёт по улице и у него вдруг проскакивает мысль, что, возможно, кое-что в его поведении выглядит не совсем мужским, возможно, даже несколько женоподобным. Иными словами, возникает данное: “Может быть, я женщина”. Ну, это очень смутное ощущение — возможно, он играет сам с собой, чтобы просто поволноваться. Мы подходим, шлёпаем его по плечу, и он рассказывает, что его беспокоит. Даже не стоит говорить ему, что он — не женщина. Я имею в виду, он просто рассказывает нам, что его беспокоит, и — бум! Понимаете, это тут же улетучится.

Вот другой случай — парень идёт по улице с другим данным. Он идёт и думает о том, что он — мужчина. Довольно зафиксированно, не так ли? Он идёт по улице в мужской одежде, в мужской шляпе и с мужской стрижкой, и он действительно убеждён, что он — мужчина. Ну, это мы можем расфиксировать, хотя придётся повозиться чуть больше.

Разумеется, в Голливуде это проделывают легко, но мы пойдём другим путём.

Относительная зафиксированность данных имеет прямое отношение к нашей способности расфиксировать их. Уловили?

Мы легко можем зафиксировать в его голове мысль, что он — мужчина, не правда ли? Он уже сам так считает. И мы можем с некоторым успехом зафиксировать в его голове другое, более раннее данное, что он — женоподобен. Это фиксирование и расфиксирование данных. У него имеется некое призрачное соображение, что некоторые из его действий — женоподобны. Мы слышим это, не позволяем ему завершить это общение, перекрываем его, слегка изворачиваем, и со странным видом подозрительно его спрашиваем, не говорил ли этого кто-нибудь раньше? А после с учёным видом говорим: “Ты уверен... ты уверен, что такого случая не было?”, — и потом, — “так, тут у те-

бя какая-то закупорочка”. Он удивлён: “Что происходит?”. И тогда вы говорите: “Ну, я расскажу, как с этим справиться. Я расскажу тебе, как. Я считаю, самое лучшее, что можно сделать — преодолеть любое возникающее побуждение носить женскую одежду или пользоваться предметами женского туалета, просто покупая эти предметы и храня их на своём туалетном столике. Таким образом, тебе легко удастся осознать, что эти вещи тебе не принадлежат и что тебе совершенно ни к чему пользоваться ими. И каждый раз, когда ты будешь смотреть на них, думай о том, что ты никакого отношения к ним не имеешь”.

Другими словами, так или иначе, у нас есть шанс закрепить в его сознании мысль, что он — женщина.

Проводя параллели к жизни, давайте взглянем на это с точки зрения ленивого человека. Вот парень идёт по улице и думает о том, что он — мужчина, а мы шлёпаем его по спине и говорим: “Да, ты — мужчина”. Так проще, точно? Он говорит: “Я беспокоюсь — не женщина ли я”, — его это волнует, подходит для дела. Поговорим с ним об этом — и данный вопрос его больше не беспокоит. Очень легко. Это очень просто.

Ну, а мы делаем гораздо больше. Мы обучаем людей тому, как зафиксировать и расфиксировать свои мнения. Мы делаем даже ещё больше. Мы показываем, как можно зафиксировать или расфиксировать различные соглашения, вещи и постулаты. Вот чем мы занимаемся. И у нас это здорово получается.

Вот организация, деловая организация, в которой даже мы замечаем отсутствие порядка. Некоторые признаки этого доходят до её руководителя — до него начинает доходить, что это господствующее состояние дел в его организации.

Ну, мы можем привести в порядок его персонал и линии общения. Мы могли бы проанализировать ситуацию — и это у нас неплохо получилось бы. Но если мы не улучшим общение в этой организации, то она останется такой же запутанной, как была. Мы могли бы сделать с этим что-нибудь. Мы смогли бы изменить ситуацию в лучшую сторону.

А что мы имеем в виду, когда говорим: “В лучшую сторону”? Ну, можно сказать: “она станет лучше работать”. Звучит неплохо. Но лучше сказать так: “Она сможет лучше справляться с поставленными задачами”. Если мужчина пытается стать ещё более мужественным, мы можем поспособствовать ему в этом — просто достигать цели; либо заставить его изменить свою цель.

Бизнесмену, который считает, что он запутался, мы можем дать образование о том, что он полностью запутался. Могли бы. Мы могли бы просто шарить по углам и щелям, вытаскивать всю на свет божий старый мусор, обращая внимание управляющего на то, как тот и другой сотрудник филолит на работе, забывает о своих обязанностях и так далее. И не предлагать ему никакого решения! И осторожно каждый раз говорить ему о необходимости сдерживать свой гнев и не сходить с ума от всего этого, так как “общий тон организации полностью зависит от настроения управляющего”. Мы бы создали такой хаос, что это место пришлось бы совершенно ужасный вид, мы бы и до конца не успели дойти. Это был бы настоящий хаос.

Вы можете сказать: “Никому не говорите, что это я вам сказал, потому что я не хочу неприятностей ни себе, ни кому-то ещё, но на вашем складе хранится устаревший товар, и ваш отдел снабжения отказывается от новых поставок. Они никому не продают то, что там навалено — никому из других отделов. И с тамошним начальником надо поосторожнее, он, в общем, в плохом состоянии. Работайте с ним очень аккуратно, без резких движений, чтобы ничего не испортить, так как ваше внимание должно быть здесь, на гораздо более важных делах”. Понимаете, что бы вы наделали? Полный атас!

Вы можете усугубить любую данную ситуацию, или упростить любую данную ситуацию; либо, правильно работая с данными, вернуть любой организации собственное самоопределение в отношении того, чем она занимается.

Одним только процессом образования вы можете исправить семейные неурядицы в любой семье. Скажите: “Вот кое-какие данные о жизни. Платите ваши деньги и получайте шанс. Вот они. Не хотите — не надо. Если желаете — пожалуйста. Но дело обстоит именно так. Оглянитесь вокруг и посмотрите — соответствует ли это действительности”. Ориентируйте их немного, дайте им какое-нибудь стабильное данное, рестимулируйте какое-нибудь стабильное данное. И внезапно их жизненные обстоятельства исправятся и станут более приемлемыми. Это можно назвать консультированием. А, может, образованием?

Вот громадная область в Саентологии, и называется, что то, что вы делаете, не просто повышение скорости обучения, но и увеличение свободы выбора человека в отношении того, чему его учат. И если вы умеете это делать, то это приведёт человека к гораздо лучшей и более успешной жизни.

Благодарю вас.

ГЛОССАРИЙ

1984 — роман английского писателя Джорджа ОРУЭЛЛА (настоящее имя Эрик Блэйр, 1903 — 1950), написан в 1949 году. Очень убедительно описывает фантазмагорический мир, в котором свершилась полная победа коммунизма. Слова в коммунистической риторике

теряют смысл и произвольно толкуются коммунистическими вождями.

20 ЛИМИТЕД: скорый поезд на паровом ходу, который в основном ходил между Нью-Йорком и Чикаго с 1902 по 1967 г. Приводился в движение первым в мире мощным па-

ровозом обтекаемой формы (Коммодор Вандербильт). Рекордом скорости была поездка из Нью-Йорка в Чикаго, занявшая 80 часов, что считалось очень быстрым в те дни. Мощность паровоза была примерно в 30 раз больше мощности среднего автомобиля.

7X50: обозначение характеристик биноклей. Производители изготавливают бинокли различной мощности с линзами разных диаметров. В биноклях типа 7x50 объектив становится в 7 раз больше, чем видимый невооруженным глазом. Диаметр линзы (который указывает на поле зрения) составляет 50 мм.

98%: в американских колледжах и университетах применяется преимущественно 100-бальная система оценки знаний студентов, согласно которой наивысшая оценка составляет 100 баллов.

ASDIC: английское устройство для обнаружения подводных лодок, названо так от аббревиатуры Комитет Союзников по Разработке Устройств для Подводных Лодок.

CASUS BELLI [событие, вызывающее начало войны — лат.]

REDUCTIO AD ABSURDUM: (лат) [редукция ад абсурдум] опровержение доказательства путём демонстрации того, что оно сводится к глупому следствию.

UNDERWOOD & UNDERWOOD — фотоагентство в США, первым (в 1896 году) начавшее фотообслуживание газет в Нью-Йорке.

АВТОХРОМ: в ранней цветной фотографии было названием фотографической пластины, а также процесса, использованного в это время.

АЗБУКА МОРЕХОДСТВА: широко известный практический учебник по навигации, написанный полковником Джорджем В. Микстером (1876-1947), впервые опубликованный в 1940 г. Книга была написана, чтобы научить навигации начинающих, но также включала информацию, которую даже самые опытные капитаны и моряки находили ценной. Книга была опубликована, когда в Европе уже шла Вторая Мировая война и Соединенные Штаты собирались в нее вступить. Учебник использовался для обучения навигации большого количества личного состава Военно-морского флота (примерно 100 тысяч человек).

АЗИМУТ: от арабского ас сумат — путь или направление, навигационный термин, использующийся для обозначения положения небесных тел по отношению к другим объектам. Азимуты измеряются корабельным компасом или, как правило, берутся из таблиц в Морском календаре. Они жизненно необходимы для определения положения судна при астрономической навигации.

АЙ-СИ-АЙ: (ICI Imperial Chemical Industries) крупнейший производитель британской химической промышленности.

АКПУ (АНАЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ПОВЫШЕННОГО УРОВНЯ): теоретический и исследовательский курс, дававший углубленное понимание явлений разума и логические обоснования исследований.

АЛМАЗНАЯ ГОЛОВА: геодезический знак возле побережья Вайкики, приморский курорт Гонолулу, Гавайи. (Геодезический знак: наземное сооружение (в виде столба, пирамиды, и т.д.) или подземные бетонные монолиты, которыми обозначаются и фиксируются на местности точки, положение которых в известной системе координат определено геодезическими методами.) Знаменитый мыс (нагорье, выступающее в море) на Гавайях.

АМБАРНЫЕ ВОРОТА: откидные доски, подвешенные на петлях к студийным прожекторам для регулирования распространения света.

АМТОРГ — русское сокращение от Американская Торговая компания: советская торговая фирма, закупавшая в США товары для СССР.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРИЯ: раздел математики, разработанный в 1600-х годах, объединивший арифметику, алгебру и геометрию. В ней излагалась идея, что пара чисел может определить положение — одно число обозначает расстояние, измеренное по горизонтали, другое — по вертикали. Аналитическая геометрия изучает основные свойства размеров и форм. В ней используются графики и методы алгебры.

АНГСТРЕМ: единица, используемая для измерения световых волн. Ангстрем равен одной стомиллионной сантиметра.

АРМСТРОНГ-ДЖОНС, ТОНИ: Энтони Армстронг-Джонс (род. в 1930), известный британский фотограф, первый граф Сноудона, бывший муж принцессы Маргарет.

АУТОЭРОТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: вымышленное название экономической системы, используемое в ироническом смысле для иллюстрации психоанализа, а также сложных и бессмысленных описаний в этом предмете. Слово аутоэротический — психологический термин, обозначающий сексуальное удовлетворение, достигаемое самим человеком, т.е. без партнера.

БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ: отношение отстраненности, отрешенности от мира. Намек на Австрийского исследователя и философа З. Фрейда. Имеется в виду венская школа классического психоанализа З. Фрейда.

БЕЛВЬЮ ХОСПИТАЛ: крупная больница в Нью-Йорке, имеющая психиатрическое отделение и клинику душевной гигиены.

БЕНДЖАМИН ФРАНКЛИН (1706 - 1790) - американский государственный деятель, ученый и философ.

БЕТТИ, КЛАЙД - всемирно-известный цирковой артист, прославившийся своими номерами с дикими африканскими животными.

БИРМИНГЕМ: второй по величине город Англии, расположенный в 100 милях к северозападу от Лондона. Один из важнейших промышленных центров Англии. Известен также благодаря Бирмингемскому университету, основанному в 1900 году.

БОНВИК: Рон Бонвик, шофёр ЛРХ в Сент-Хилле.

БОРГЛУМ, Гатсон (1867 - 1941) - американский скульптор, автор гигантских скульптурных портретов президентов США Вашингтона, Линкольна, Джефферсона и Теодора Рузвельта на скале Маунт Рашмор в Южной Дакоте, США.

БОУДИЧ: Натаниел Боудич (1773-1838), американский навигатор и математик, родился в Салеме, штат Массачусетс. В 1802 г. Боудич опубликовал практический учебник по навигации — Новый американский практический навигатор. Книга сразу же получила признание и вскоре стала стандартом для американских мореплавателей. Ее даже называли Библией моряков, но в основном ссылались на нее, просто как на Боудича, по имени автора. Права на книгу были приобретены Военно-морским флотом США в 1868 г. и с тех пор учебник перерабатывался и издавался под его полномочиями.

БРАТЬЯ РАЙТ: Оруэлл (1871 - 1948) и Уилбур (1867 - 1912), американские пилоты. В США считаются изобретателями авиации.

БРЕЙДИ, МЭТТЮ Б.: (1823?-1896) американский фотограф, ставший одним из первых великих фотографов, запечатлевших сюжеты американской истории. В большинстве своём, его снимки являются единственными изображениями выдающихся личностей и событий 1800-х годов. Он открыл в 1844 году в Нью-Йорке студию, принесшую ему широкую известность. Используя новейшие для своего времени методы в фотографии, он опубликовал удачное собрание фотографий Галерея прославленных американцев (1850). К 1851 году зрение его стало настолько слабым, что он не мог управляться с камерой, поэтому его фотографии выполнялись сотрудниками (так что имя Брейди представляло продукцию фирмы или студии Брейди). Когда началась Гражданская война (1861-1865), Брейди почувствовал, что этот конфликт нужно отразить в фотографии настолько полно, насколько это возможно. Он нанял команду примерно из 100 фотографов, которые сняли 3500 фотографий сцен боевых действий и картин армейской и лагерной жизни. Благодаря его усилиям эти наглядные свидетельства войны были сохранены. Среди наиболее знаменитых портретов студии Брейди - портрет Абрахама Линкольна и генерала времён Гражданской войны Улисса С. Гранта.

БРИТАНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: всеобъемлющий справочник, содержащий статьи по широкой области вопросов, размещенные в алфавитном порядке. Это — самый старый постоянно издаваемый справочник на английском языке (первое издание вышло в 1771 г.).

БРИТАНСКИЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ТРЕСТ - вымышленное название для группы лиц или компаний, контролирующей серебряный бизнес

БРИТАНСКАЯ КОМПАНИЯ ЧАЙНЫХ СЕРВИЗОВ, ЛИМИТЕД Вымышленное имя

компании, производящей чайные принадлежности.

БРОМ-МАСЛЯНАЯ ФОТОПЕЧАТЬ - процесс получения фотоотпечатка. Отбеленный фотооригинал на серебряной пластине или посеребренной бумаге при помощи специальной кисти или валика покрывается масляным красящим веществом, которое прилипает только к тем местам оригинала, которые содержат проявленное серебро (темные места негатива). Затем выполняется обычный граверный оттиск. Одна из ранних форм фототипии.

БУДЖУМ - имя воображаемого существа из произведения английского писателя Льюиса Кэрролла "Охота на Снарка" (где само слово "снарк" образовано как комбинация английских слов "змея" и "акула").

БЭКОН: Френсис Бэкон (1561-1626), английский философ и писатель. Его оппозиция к зависимости от авторитетов, его упор на необходимость новых методов в обучении являлись продвижением вперед, и его настойчивость в том, что исследования должны начинаться с наблюдения фактов, а не с теорий, сделала его важной фигурой в истории научной мысли.

ВАЙКИКИ: пляж на Гавайях возле Алмазной головы.

ВАН ЭЙК, братья Ян (1390 - 1441) и Хуберт (ок.1370 - 1426) - фламандские живописцы.

ВИКСИ: собака, домашний любимец семьи Хаббардов породы Пэмброкширский корги (порода собак из Пэмброка, Уэльс, в Великобритании, имеющая короткий хвост, длинное туловище, короткие лапы, голову, напоминающую лисью, и заостренные уши). Это известная английская порода, очень популярная в Великобритании. Собаку назвали Викиси благодаря сходству с лисой, особенно рыжему окрасу (vixen - англ. лисица-самка). Викиси жила в семье Хаббарда около 10 лет с 1962 года в Сент-Хилле до 1972 (когда ЛРХ был на борту Аполлона).

ВИКТОРИАНСКАЯ ЭПОХА: период английской истории, время правления Королевы Виктории (1837-1901). Характеризовался официальной добропорядочностью и религиозностью, хотя иногда добро и чистота были только притворством (особенно в вопросах секса).

ВИЛЬСОН, ВУДРО (1856 - 1924), двадцать восьмой (1913 - 1921) Президент США.

ВИПСТОЛЛ: срыв потока воздуха во время крутого подъёма вверх, когда нос самолёта резко заваливается вперёд вниз. В дословном переводе с английского означает "кнутобразная потеря скорости" — самолет падает вниз по траектории, подобной изогнутому кнуту.

ВИЧИТА: Вичита, штат Канзас, местонахождения Дианетического Фонда Хаббарда в 1951-1952 гг.

ВИШНУ - индуистский бог. Изображался многоруким.

ВЛАЖНАЯ ПЛАСТИНА: первоначальный вид фотографической пластины (стеклянной пластины, обработанной химическими веществами, которые реагируют на свет, для получения фотографии), которая была предшественницей современной фотоплёнки. Она называлась влажной, потому что должна была оставаться влажной с момента нанесения на неё химических веществ всё время экспозиции, пока она находилась в камере, до тех пор, пока её не вынут и не проявят (обработают другими реактивами, чтобы произвести и проявить на пластине фотографическое изображение). Этот процесс был впервые внедрён в 1851 году английским фотографом Фредериком Скоттом Арчером (1813-1857) и использовался в создании фотографий об американском Западе и Гражданской войне между Северными и Южными штатами (1861-1865). С развитием техники фотоплёнки, процесс создания фотографий с помощью влажной пластины вышел из употребления, вытесненный сухой плёнкой.

ВОЛНА (Реакция Стрелки), внезапное длинное ометание в правую сторону. (Опр. Заметки ЛРХ).

ГАЛИЛЕО ГАЛИЛЕЙ (1564-1642): Итальянский астроном, математик и физик, в 1609 г. впервые провел астрономические наблюдения с помощью телескопа.

ГАРВАРД: Гарвардский университет, США, Кембридж, близ Бостона. Основан в 1636 году как колледж. Носит имя Дж. Гарварда, завещавшего капитал этому колледжу.

ГАРДИАН: имеется в виду газета: Манчестер Гардиан, выпускавшаяся в городе Манчестер, Англия.

ГЕНЕРАТОРЫ в органе: части органа, производящие различные звуки. Генераторы могут звучать как флейты, трубы, барабаны, и т. д. — как отдельно, так и в сочетаниях с другими генераторами.

ГЕТРЫ НА ПУГОВИЦАХ: застёгивающиеся суконные накладки, надевающиеся поверх обуви, особенно популярные в первой половине XX века.

ГИРО-РОТАТОР: вымышленное название специфического механизма в космическом корабле. Гиро - от греческого "gigo", круг

ГОТТЕНТОТЫ - африканское племя, коренное население Южной Африки.

ГРАФИКИ — Оксфордский Анализа Способностей: 2. Специально принятый график, отражающий 10 аспектов характера человека согласно тесту, лично заполненному преклир.

ГУСАР: рядовой легкой кавалерии в ряде европейских армий, обычно выделялись великолепной обильно украшенной формой.

ДАГЕРРОТИП: фотография, сделанная старым способом на покрытой серебром медной пластине. Имеет серебристые тона и обладает зеркальным эффектом.

ДАТТОН: учебник по навигации и морской астрономии, написанный капитаном Бенджаменом Даттоном (1883-1937), предназначен-

ный для обучения курсантов в Военно-морской академии США. Был издан в 1926 г.

ДЕЙЛИ МЭЙЛ: ежедневная утренняя газета, издаваемая в Лондоне, долгое время известная репортажами из-за рубежа, одна из первых британских газет, популяризовавших свои материалы, ориентируясь на массового читателя; основана в 1896 году.

ДЕЙЛИ ЭКСПРЕСС: ежедневная британская газета, имеющая один из самых больших тиражей в мире, известная подробным освещением мировых событий и сенсационными репортажами. Газета была основана в 1900 году и в 1955 имела более 4 миллионов читателей.

ДЕКАРТ: Рене Декарт (1596-1650), французский философ, математик, физик и физиолог. В основе философии Декарта лежит *дуализм* души и тела, мыслящей и протяжённой субстанции. Общая причина движения, по Декарту, - бог, который сотворил материю, движение и покой. Человек - связь безжизненного телесного механизма с душой, обладающей мышлением и волей (мыслью, следовательно, существом).

ДЕРЕВО БОНГ-БОНГ: придуманное название деревьев.

ДЕТРОЙТ: город на севере США, в штате Мичиган, крупнейший в мире центр автомобильной промышленности.

ДИАПАЗОНЫ в органе: два главных ряда органа, покрывающих полный диапазон инструмента и производящих звуки характерного качества.

ДИАПОЗИТИВ: (от греч. dia - через) (слайд), позитивное фотографическое изображение на светочувствительном слое с прозрачной подложкой (стекле или плёнке) для рассматривания на просвет или проецирования на экран. Изготавливаются в виде либо отдельных кадров, либо серии кадров на одной плёнке, объединённых общей темой (в виде диафильмов).

ДИККЕНС, ЧАРЛЬЗ (1812 - 1870) - великий английский писатель, оставивший после себя обширное литературное наследие.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ: раздел высшей математики, в котором развивается аппарат для исчисления скорости изменения значения функции относительно её переменной или переменных.

ДИХРОМАТ КАЛИЯ - химический реактив, используемый при проявлении фотографии.

ДОРЕ, ГЮСТАВ: (1833-1883) французский иллюстратор и живописец, известный своими совершенными, исполненными воображения иллюстрациями к произведениям классической литературы. Во времена Доре иллюстрации выполнялись вручную с печатной формы, которой служил созданный художником офорт.

ДЮРАНТ, УИЛЛ (1885-1981) - американский педагог и писатель, автор "Рассказа Философии", "Рассказа Цивилизации" и других работ, делающих философию понятной среднему читателю.

ЗЕРНИСТОСТЬ - свойство фотоматериала, обусловленное неоднородностью почернения светочувствительного слоя под воздействием света из-за различия размеров частиц серебра (“зерен”) в обработанном материале.

ИЗЗАРД — устаревшее слово, означающее букву Z. В этой лекции имеет то же значение, что и слово назард — органнй регистр с тоном звука флейты.

ИЛФОРД — фамилия владельца и торговая марка производителя фотопленок в Великобритании.

ИНДУКЦИОННАЯ КАТУШКА - туго скрученная катушка провода, используемая для увеличения низкого напряжения в аккумуляторе до более высокого напряжения, требуемого для свечи зажигания. Индуктор Форда - т.е. используемый в автомобилях компании Форд.

ИСТМЕН, ДЖОРДЖ, (1854 - 1932), американский изобретатель и промышленник, усовершенствовал процесс изготовления фотопластинок и фотопленок, изобрел первую фотокамеру, известную как “Кодак”, основал крупную американскую фирму по производству фотооборудования и принадлежностей (“Истмен Кодак Компани”).

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ: название популярной книги, изданной в 1926 г. американским писателем, педагогом и историком Уиллом Дюрантом (1885-1981). Сама по себе книга не является полной историей философии, но вместо этого охватывает работы некоторых значительных философов в форме, доступной для понимания не только ученых. Книга была переведена на десяток языков.

ИСЧИСЛЕНИЕ: способ проведения расчетов с переменными величинами, такими, например, как скорость падающего камня или изгиб кривой.

ИХТИОЛОГИЯ: отрасль зоологии (науки о животных), имеющая дело с рыбами. Эта наука состоит в изучении развития, строения и поведения рыб, классификации многочисленных видов рыб, районов их обитания и взаимосвязи между рыбами и окружающей средой. Она также включает вопросы экологии, например, охрану промысловых рыб.

ЙОХАННЕСБУРГ — город в Южной Африке.

КАВИТЕ: город на юго-западе острова Лусон, Филиппины, расположенный на полуострове Кавите, вдающемся в Манильский залив. В 1898-1941 г.г. - главная морская и топливная база США в Азии.

КАЖДОМУ ПО ЕГО ТРА-ТА-ТА-ТА: ссылка на от каждого по способностям, каждому по потребностям, одно из знаменитых высказываний немецкого политического философа Карла Маркса (1818-1883), доктрины которого являются основой современного социализма.

КАРТ-БЛАНШ - (от французского. une carte blanche - незаполненный чек) все полномочия; свобода делать всё, что угодно.

КАТЕРВАМП: просто выдуманное слово, которому инструктор легко дает определение.

КВЕНТИН - старший сын Р. Хаббарда и Мэри Сью Хаббард.

КИ — Коэффициент Интеллекта: баллы КИ — это показатель способности человека узнавать что-то новое. Это степень, в которой человек может наблюдать и понимать происходящее.

КИЙ-ИН: момент рестимуляции прошлого несчастья или болезненного инцидента. Кий-ин - это момент, когда окружение бодрствующего, но уставшего или переутомленного человека само по себе сходно со спящей инграммой. В этот момент инграмма становится активной. Она кий-ин (включена) и может впоследствии драматизироваться.

КЛАСС II: Одитор класса II. Во время этой лекции класс II определяется как любые одиторы, одитирующие как персонал и получившие отличные финальные оценки на экзаменах в ОХС по четырем узкоспециальным областям, включая Э-метр и проверку на безопасность. Класс II присваивается не в результате посещения занятий, а только после суровых практических демонстраций и устных экзаменов в ОХС.

КЛАСС VI: уровень квалификации одитора, приобретенный после прохождения Специального Краткого Курса Сент-Хилла.

КНИГА СРЕДСТВ ИСПРАВЛЕНИЯ КЕЙСА (BOOK OF CASE REMEDIES): руководство, охватывающее трудности кейса преклира и средства их урегулирования.

КНИГИ ДЛЯ ПОПУЛЯРНОГО ЧТЕНИЯ МАК-ГАФФИ: Собрание книг для популярного чтения Мак-Гаффи, впервые опубликовано в 1830 году американским просветителем Вильямом Холмсом Мак-Гаффи (1800 - 1873).

КОЛУМБИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: крупнейший частный университет в Нью-Йорке, основанный в 1754 г.

КОРНУОЛЛ: бывшее графство, крайняя юго-западная часть Англии, расположенная на полуострове. В древние времена служил источником олова и меди, но в наше время разработки не ведутся. В Корнуолле очень мягкий климат и множество древних развалин, что делает его привлекательным для туристов.

КОРОЛЕВСКИЙ ФЛОТ: военно-морской флот Великобритании.

КОРОНЕР: должностное лицо, чьей основной обязанностью является возбуждение уголовного дела в суде на предмет расследования случая насильственной смерти, если есть подозрение, что таковая имела место.

КОТ НАПЛАКАЛ: В англ. “*This is down there scraping the bottom of the barrel with regard to fundamentals*”. Это идиома, означающая, что чего-то на самом деле имеется крайне мало.

ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА - раздел архитектуры, организующей пейзажные (парковые) пространства.

ЛЕЙБОРИСТСКАЯ ПАРТИЯ: одна из основных политических партий Великобритании. Организована для защиты и улучшения

прав рабочих. В 1964 г. лейбористы стали правящей партией и тотчас же увеличили расходы на социальные нужды, что потребовало в дальнейшем поднять налоги для их оплаты.

ЛИБИДО: теория, созданная в 1894 году Зигмундом Фрейдом, который утверждает, что все жизненные импульсы и поведение сексуально мотивированы.

ЛИТОГРАФИЯ: процесс печати (или продукт такого процесса), который использует гладкие поверхности (например, металлические пластины), обработанные таким образом, что тушь (или краска) удерживается только на изображении, предназначенном для печати, оставляя чистой оставшуюся поверхность.

ЛОКК: Джон Локк (1632-1704), английский философ, создатель идейно-политической доктрины либерализма. Основоположник ассоциативной психологии. Идеи Локка оказали значительное влияние на французских материалистов XVIII в. и утопический социализм XIX в.

ЛОЦИЯ: руководство, публикуемое правительством для моряков, содержащее описание береговых вод, особенностей гаваней т.д. в определенном районе

ЛЭ (“ЛИЧНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ”): курс, предназначенный для изучения элементарных основ Саентологии и для подготовки, и направления людей на коудитинг (т.е. на практический курс, на котором два человека составляют команду и по очереди одитируют друг друга).

МАССАЧУСЕТСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕХНОЛОГИИ (далее - аббревиатура МИТ) - университет штата Массачусетс, известный подготовкой студентов в областях естественных и технических наук.

МЕТАБИСУЛЬФИТ — реактив, используемый при изготовлении фотографий.

МИДАС: по греческой легенде, царь, наделенный силой превращать в золото все, к чему бы он ни прикоснулся. Ему было позволено смыть свое волшебное прикосновение, когда он уже возненавидел его, превратив в золото всю свою пищу и свою дочь.

МИКСТЕР - Джордж У. Микстер, (1876 - 1947), полковник ВВС США, автор “Азбуки мореходства”.

МИЛЛЬ: ссылка на Джона Стюарта Милля (1806-1873), английского философа и экономиста. Один из наиболее значительных либеральных мыслителей XIX века, Милль оказал сильное влияние на современную экономику, политику и философию. Милль был членом Парламента (Британского законодательного органа) и поддерживал такие меры, как равные права для женщин и обязательное образование. Две из его наиболее известных работ — это О свободе (1859 г.), утверждение о ценности свободы и терпимости, и Утилитаризм (1861 г.) Доктрина утилитаризма утверждает, что целью жизни является наибольшее счастье наибольшего количества людей. То, что порождает счастье, является полезным, то, что препятствует этому, является бесполезным.

Он также учредил Утилитарное общество, которое помогало осуществить многие реформы в Англии.

МИНИСТЕРСТВО ТОРГОВЛИ: часть правительства Великобритании, отвечающая за контроль всех вопросов, касающихся регулирования и содействия развитию промышленности в Англии. Министерство торговли имеет пять отделений, каждое из которых отвечает за отдельную область, включая морской флот, порты, трудовые отношения, статистику, железнодорожную систему и коммерцию. Например, отделение морского флота отвечает за проведение инспекций и поддержание стандартов пассажирских судов, их высоких мореходных качеств. Оно экзаменует потенциальных капитанов всех торговых судов, прежде чем выдать им лицензию на управление судном, и следит за наймом и увольнением моряков. В общем, данное отделение отвечает за все вопросы, связанные с невоенными судами и их командами.

МОНА ЛИЗА ДЖОКОНДА - знаменитый портрет, чуть заметно улыбающейся неизвестной женщины, кисти итальянского художника Леонардо да Винчи (1452-1519). На протяжении многих лет хранится в Лувре, в Париже, и никаким образом не продается.

МУЗЕЙ ИСКУССТВ МЕТРОПОЛИТЕН — в Нью-Йорке, один из крупнейших в мире музеев изящных искусств.

НАКТОУЗ: подставка под судовой компас, сделанная из немагнитного материала.

НАПРАВЛЯЮЩАЯ МАРКОНИ: металлическая направляющая на мачте лодки, при помощи которой парус крепится к лодке. Металлические крепления прикрепляются к парусу и скользят по этой направляющей, когда парус поднимают или опускают.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ - главный исполнительный орган Республиканской Партии США

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ — в г. Вашингтон, столице США. Официальное хранилище произведений искусства, исторических ценностей, результатов исследований за пределами США, а так же естественноисторических, ботанических, геологических и минералогических коллекций, принадлежащих США.

НЕОФИТ - (от греч. слова “новообращенный”) - новый приверженец религии, какого-либо учения или общественного движения; новичок.

НОРТУМБРИЯ - область в Англии.

НЬЮСУИК: американский еженедельный журнал новостей, повсеместно распространенный в мире.

НЮНИ, ЮЛИАН: несколько ироничное вымышленное имя художника.

ОВДОВИТЕЛИ - жаргонное название инструмента, подразумевающее, что работать им будто бы так тяжело, что жены рабочих становятся вдовами.

ОВЕРТ — ОН ВСЕХ ГРОМЧЕ ОБВИНЯЕТ: намёк на высказывание из пьесы “Гамлет” Уильяма Шекспира. В этой трагедии Гамлет впадает в меланхолию после смерти своего отца, короля. Брат короля, Клавдий, занимает трон и женится на матери Гамлета, Гертруде, через два месяца после смерти короля. Гамлет встречает призрака своего отца, который обвиняет Клавдия в том, что он убил его, и требует отмщения. Гамлет мучается в сомнениях по поводу утверждений призрака, не решаясь что-то предпринимать. Тогда он просит странствующих актеров разыграть смерть своего отца. В этом представлении есть сцена, в которой актриса, играющая королеву, яростно противится идее о том, чтобы снова выходить замуж после смерти короля. Во время этой сцены Гамлет спрашивает свою мать, нравится ли ей это представление. Ответ королевы: “Эта леди слишком громко протестует, как мне кажется”.

ОКСФОРДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ - один из старейших и наиболее престижных университетов мира.

ОПЕНГЕЙМЕР, Роберт (1904 — 1967) — американский ядерный физик, отец атомной бомбы.

ОСНОВА И УТОК: в ткацком производстве, *основа* - это продольные нити ткани, а *уток* - поперечные нити ткани. Соответственно, ткань образуется основой и утком. Фраза *основа и уток* (чего-либо), используемая фигурально, означает основную структуру, основу этого предмета или то, из чего он состоит.

ОФОРТ: вид гравюры; рисунок процарапывается гравировальной иглой в слое кислотоупорного лака, покрывающего металлическую пластину, процарапанные места протравливаются кислотой и полученные углубления заливаются краской, после чего изображение оттискивается на бумагу.

ПИСЬ-ДОМКРАТЫ: выдуманное слово, не имеющее смысла.

ПАРК-АВЕНЮ - богатая жилая улица в Нью-Йорке, символ фешенебельного высшего общества, моды и т.д.

ПЕДАЛЬНАЯ ДОСКА: набор педалей в органе, на которых играют ногами, состоящий из черных и белых клавиш, аналогичных клавиатуре по форме и расположению, но только большего размера.

ПИККОЛО: органные ряды длиной 2 фута со звучанием флейты.

ПЛАСТИНА: (фото) тонкий плоский лист металла, или стекла, или другого твёрдого материала, покрытый светочувствительным веществом.

ПЛЕТЕННЫЕ БОЕВЫЕ КОЛЕСНИЦЫ кельтов - древнейшего населения Британских островов, похожие на большие плетеные корзины на колесах.

ПЛИНИЙ: (23 -79 гг. н.э.) римский государственный деятель и писатель. Высококультурный и прекрасно образованный военный, администратор и флотоводец. Также известен как адвокат. Главным образом упоминается в

связи с его интересом к естественной истории (отрасль знания, включающая в себя изучение и описание животных, растений и минералов). Его Естественная история - наиболее полная из написанных в древние времена, она включает 32 различных книги. Она рассматривает такие предметы как астрономия, география, природа человека, мир животных, сельское хозяйство, лечение травами, живопись, магия, и т.д. Книга 9, например, посвящена рыбам и другим обитателям моря, книги 12-19 - растениям. Естественная история Плиния служила частью общего образования вплоть до XVII века.

ПО, Эдгар Аллан (1809 — 1849) — великий американский поэт и прозаик.

ПОДОЙДИ-ОТОЙДИ (“дотянься-отпусти”): Под “подойди” имеется в виду дотронуться или подержать. Под “отойди” имеется в виду отодвинуться, отпустить. “Подойди-отойди” - это очень простой, но крайне мощный метод дать человеку освоиться и вступить в общение с вещами, что позволит ему больше быть причиной и лучше управлять ими.

ПОИСК И ОБНАРУЖЕНИЕ: процесс, определяющий подавляющие личность или группу, или личность или группу, подавивших преклира. Аббревиатура П и О.

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ: относящийся к или посвященный специальному обучению большому количеству прикладных искусств или прикладных наук. (WNWTE)

ПОПЕРЕЧНАЯ И ДОЛЕВАЯ НИТИ: уток — горизонтальная нить тканевого полотна, и основа — вертикальная нить тканевого полотна. Вместе они представляют основу ткани. Следовательно, фраза поперечные и долевые нити (чего—либо), образно говоря означает структуру, основу или характер чего-то.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ПАРАД: ЛРХ имеет в виду один из национальных британских праздников, обычно в понедельник, когда школы, банки и т.п. не работают.

ПРИЛИВНОЕ ТЕЧЕНИЕ: внезапное увеличение скорости изменения уровня моря из-за неровностей дна; это изменение неожиданно прекращает или увеличивает поступление воды в определенное место .

ПРИНСТОН: Принстонский университет, США, штат Нью-Джерси. Основан в 1746 году. Крупный учебный и научно-исследовательский центр в области технических и физико-математических наук.

ПЬЮДЖАС-РИВЕР ПРОЕКТ — придуманное название строительного проекта, в котором будто бы участвовали русские.

РАЗДЕЛЕННЫЕ НЕГАТИВЫ: в цветной фотографии негативы, отражающие только один цвет модели; выполняются фотографированием сцены или цветного оригинала через фильтры различных цветов.

РЕГИСТР в органе — ступенчатый набор труб одного вида, производящих звуки одного качества.

РЕМБРАНДТ ХАРМЕНС ВАН РЕЙН (1606 - 1669), гениальный голландский живописец, рисовальщик и гравер.

РИВЕРСАЙД ДРАЙВ — улица в Нью-Йорке, в то время известная дорогом и фешенебельным жильем.

РОЗЕНКРЕЙЦЕРСТВО - одно из ответвлений мистического масонства.

РУЗВЕЛЬТ, Франклин Делано (1882 - 1945) - президент США во время Великой Депрессии и Второй Мировой войны.

РУМПЕЛЬ: рычаг на верхней части оси руля, служит для переключивания (поворота) руля на малых судах.

РЭГ - супервайзер Краткого Инструктивного Курса в Сент-Хилл в 1964 году, где было дано несколько лекций об обучении.

СВЕТОЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ: чувствительность пленки к свету, которая измеряется тем, как долго её нужно экспонировать.

СЕКСТАНТ: инструмент, используемый мореплавателями, землемерами, и т.д., для измерения величины угла между двумя объектами.

СЕНТ-ХИЛЛ: название продвинутой саентологической организации, расположенной в Ист-Гринстед, в Суссексе, в Англии. Термин “Сент-Хилл” также применяется к любой саентологической организации, уполномоченной предоставлять услуги того же продвинутого уровня, что и Сент-Хилл в Англии.

СИСТЕМА УРАВНЕНИЙ - два или более уравнения, использованные вместе в одной и той же задаче и имеющие неизвестные величины одинакового значения.

СКВИРЛ: (жарг.) термин, обозначающий уход в странные практики или искажение Саентологии, а также человека, который этим занимается. Слово “сквирл” (от английского *squirrel* — “белка”) используется (в течение долгого времени) потому, что белки в своих маленьких клетках бегают и бегают кругами, никуда не прибегая.

СЛАЙД-ШОУ: демонстрация диапозитивов.

СЛЕПОЕ ПЯТНО: место выхода зрительного нерва из сетчатки глаза, расположено в его дне. Не имеет светочувствительных элементов и не воспринимает световых раздражений.

СОБОР СВЯТОГО ПАВЛА в Лондоне — одна из наиболее известных в мире церквей.

СПЕНСЕР: Герберт Спенсер (1820-1903), английский философ и социолог. Известен за приложение научных доктрин развития к философии и этике, с главным принципом сохранения силы, как действующего фактора всех изменений, формы и организации познаваемой вселенной.

СПЕЦИАЛЬНОСТИ ПИТА СМИТА: Пит Смит был продюсером и читал текст от автора в коротких юмористических фильмах, где люди учились делать простые вещи, например: играть в кегли, накрывать на стол и т.д.

СПИНБИН (SPINBIN): в переводе с английского означает “психушка”.

СТАНДАРТНАЯ ДЕЙСТВУЮЩАЯ ПРОЦЕДУРА ИЮЛЯ 1950: стандартная процедура, стандартная дианетическая процедура, представляющая собой серию шагов, которые могут быть пройдены механически (наизусть) с целью достать инграммы. Стандартная действующая процедура, упомянутая Хаббардом в лекции, была разработана в июле 1950 года.

СТЕЙНВЭЙ — большое пианино, высоко ценимое знатоками, фирмы Стейнвэй и сыновья, Нью-Йорк.

СТИЛЬ - палочка с заостренным кончиком, которой в Древней Греции и Древнем Риме писали на воощенной дощечке. Написанное можно было заглазить лопаточкой на противоположном конце стилоса. Отсюда - современное слово “стиль”.

СТРАНСТВУЮЩИЕ ОВАЛЫ: упражнение по чистописанию, заключающееся в том, чтобы выводить непрерывные, соединённые между собой и находящиеся друг на друга овалы, размером примерно с заглавную букву О. Например: (рисунок).

СУПЕРМАНЕНТНЫЙ МАГНЕТИЗМ: название, данное той магнитной силе, которая появляется на корабле в процессе его строительства. Она возникает во время работы по сколачиванию, сжиманию, сгибанию металлов в магнитном поле земли.

ТАБЛИЦА ГАЛСОВ: таблица, используемая в навигации для определения местонахождения судна.

ТАБЛИЦА ПРИЛИВОВ: таблица, которая приводит ежедневные прогнозы времени и уровня прилива для определенных мест и дней. Прилив и отлив — это подъем и спад океанических вод. Они главным образом вызываются гравитационным притяжением воды при обращении луны вокруг земли. Влияние таких изменений наиболее существенно там, где океан граничит с земными массивами, т.к. увеличение и уменьшение уровня воды может влиять на возможности кораблей проходить через мелководные места. Так как движение солнца и луны можно предсказать, приливы и отливы также можно предсказать. Так, приливы и отливы для каждого последующего года высчитываются и сообщаются в таблицах, публикуемых в различных изданиях разных стран.

ТАБУ, ИОГАНН: вымышленное имя художника. В оригинале - Hans Verbotten (Ханс Запрещенный - нем)

ТЕЛЕГРАФ МАШИННОГО ОТДЕЛЕНИЯ: механическое устройство, расположенное в машинном отделении корабля и соединенное с мостиком (приподнятая платформа на корабле, с которой капитан и офицеры направляют курс судна).

ТЕОДОЛИТ: высокоточный инструмент, снабжённый визиром и применяемый для определения углов в горизонтальной и вертикальной плоскостях.

ТЕОСОФИЯ - мистико-философское учение, ставящее целью добиться непосредственного общения человека с Богом.

ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ: маленькое море, часть Средиземного, ограниченное на западе островами Корсика и Сардиния, а с востока - большей частью Италии. Море необыкновенно глубокое (в некоторых местах более 3,6 тыс. метров) и известно чистотой воды. Тиррения - греческое название Этрурии, в древности - район в Центральной Италии (совр. Тоскана), около VII в. до н.э.

ТИХАЯ ВОДА: период между приливом и отливом, когда течение воды слабое или его вообще нет.

ТОМПСОН, СТАРПОМ - Джозеф Томпсон (1874 - 1943), командующий медицинским корпусом Военно-Морских Сил США. В молодости учился в Вене вместе с З. Фрейдом. Был другом Р. Хаббарда, когда последний был еще ребенком.

ТОМПСОН: Сильванус Филипс Томпсон (1851-1916), автор учебника "Простое исчисление".

ТРУБЫ ОРГАНА имеют разную длину. Длина и другие факторы определяют высоту и тон звучания, когда воздух проходит через трубу. 8-мифутровая труба звучит выше, чем 16-тифутровая. Фут равен приблизительно 30,5 см.

УАТТ, ДЖЕЙМС (1736 — 1819) — шотландский инженер и изобретатель, один из изобретателей паровой машины.

УГГА-БАГГА: придуманное название для страны.

УЗЕЛ: единица скорости, используемая судами в море (1,15 миль в час).

УПРАВЛЕНИЕ НАВИГАЦИИ: бывшее отделение военно-морского флота США, которое отвечало за набор, обучение, дисциплину, тренировки и распределение личного состава. Оно также обеспечивало поставки судам навигационного оборудования и отвечало за работу служб по найму.

ФРЕЙД: Зигмунд Фрейд (1856-1939), австрийский физиолог и основатель психоанализа, системы умственной терапии, разработанной в 1894 г.

ФОРМУЛА НАКЛОННОЙ: наклонная линия — это линия под углом к горизонтальной. Формула наклонной — математический метод подсчета наклона прямой линии или участка кривой. В простых словах, величина наклона линии равняется частному от деления длины меньшего катета на длину большего.

ФОТОЛИТОГРАФИЯ - литография (печать с плоского литографского камня или металлической пластины, обработанной таким образом, что красящее вещество повторяло рисунок, приставая только к непокрытой маслом поверхности), при которой используется не рисованное, а фото изображение.

ФОТООБОИ: обои, состоящие из сильно увеличенной фотографии или группы соединённых фотографий.

ФУКС: доктор Клаус И. Фукс (1911-1988), английский физик-атомщик, уроженец Германии. Признан виновным 1 марта 1950 г. в нарушении акта о государственной тайне и приговорён к 14 годам тюремного заключения за передачу Советскому Союзу жизненно важных секретов об атомных исследованиях Великобритании и США. Фукс изучал физику и математику в университетах Германии и в 1930 году вступил в Германскую коммунистическую партию. После оккупации Германии нацистами бежал в Великобританию, где продолжил исследования и обучение. Когда Фукс осознал важность исследований, в которых он участвовал, он начал передавать научные секреты Советскому Союзу. В 1943 году он был отправлен в Соединённые Штаты для работы над проектом атомной бомбы в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико, где он приобрёл глубокие знания теории и конструкции бомбы и передал свои знания Советскому Союзу. Считается, что его разведывательная работа сэкономила Советам по меньшей мере год работы над собственной программой разработки атомной бомбы. (Переведено пристрастно, с большой симпатией к Фуку).

ХАВЕРСИНУС - определяемая по специальным таблицам величина, используемая при навигации.

ХАРДИ, ТОМАС: (1840-1928) английский писатель и поэт, наиболее широко читаемый писатель времён королевы Виктории в Англии (1837-1901), называемых викторианской эпохой. В большинстве своих произведений он изображает человека беспомощной жертвой власти или судьбы, которую рассматривает как равнодушную или бессознательную силу, не делающую различия между добром и злом. Он считал, что человеческая жизнь неизбежно трагична. Наиболее известные произведения - Мэр Кэстербриджа (1886), Тэсс и рода Д'Эрбервиллей (1891) и другие. Также автор рассказов и семи томов стихотворений.

ХИД: Эдвард Ричард Джордж Хид (р. 1916), член Британского парламента с 1950; был лидером партии консерваторов с 1965г. по 1975 г. и премьер-министром с 1969г. по 1974г.

ХОРНИ: ссылка на книги Карен Даниельсен Хорни (1885-1952). Влиятельный американский психиатр, преподаватель психоанализа и писательница. Одна из учредителей Ассоциации развития психоанализа и американского Института психоанализа.

ХОББЕМА, МЕЙНДЕРТ (1638 - 1709) - голландский живописец-пейзажист.

ХОУМ: сэр Алекс Дуглас-Хоум (р. 1903), лидер партии консерваторов и премьер-министр Англии в 1963-1964 гг.

ХРИСТИАНСКАЯ НАУКА - "Церковь Христианской Науки", протестантская церковь и религиозное учение в США. Пытается сочетать христианские представления и современные научные достижения, прежде всего в лечении больных.

ЦВЕТОВЫЕ СОСТАВИТЕЛИ: химические соединения в цветной фотографии, которые

смешивают с проявителем для образования красителя.

ЧИКАГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ — в США, в г. Чикаго. Один из крупнейших научных центров США 1-й половины XX века. Здесь в 1942 году была осуществлена первая цепная ядерная реакция (под руководством Энрико Ферми).

ШИЛЛЕР, Иоганн Кристоф Фридрих (1759 - 1805) - великий немецкий поэт и драматург.

ШИРОТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЛЁНКИ: способность эмульсии регистрировать характеристики яркости объекта в точном соотношении друг с другом, выраженная в отношении степени яркости самой тёмной возможной характеристики и степени яркости самой светлой. WEUD.

ЭД — ЭРЫ ДИАНЕТИКИ — летоисчисление с момента рождения Дианетики и выхода в свет книги “Дианетика: Современная наука душевного здоровья” (1950 год).

ЭЙЗЕНХАУЭР: Дуайт-Дэйвид (1890-1969), американский генерал и президент (1953-61)

ЭЙНШТЕЙН: Альберт Эйнштейн (1879-1955), немецкий физик и гражданин Америки с 1940 года, сформулировавший теорию относительности, серию заключений, касающихся взаимоотношений времени, пространства и движения объектов.

ЭЛИЗАБЕТ: город на северо-востоке штата Нью-Джерси, США - местонахождение первого Фонда дианетических исследований Хаббарда.

ЭШДАУН ФОРЕСТ — обширная лесистая местность неподалеку от Сент-Хилла.

ЮМ: Дэвид Юм (1711-1776), шотландский философ, историк, экономист. Сформулировал основные принципы агностицизма - философского учения, отрицающего возможность познания объективного мира и достижимость истины.

ЯТТАПИН — просто бессмысленное словообразование.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аберрация
существует большая доля сходства между
неправильным образованием и аберраци-
ей · 42
- Авторитет
авторитет — это парень, который может это
делать. · 17

Б

- Барьеры в учёбе
основная ошибка в том, что к значимости
просто не добавляют массу или делатель-
ность · 31
- первое препятствие в учёбе — это мнение,
что вы все об этом знаете. · 9
- чудак, который может запомнить почти с
одного взгляда, потом вернуться назад и
выдать заученные на память слова. · 24
- Я изучал что-то, о чем я все знал. · 8
- Беспокойство
Человек начинает беспокоиться только то-
гда, когда он становится кем-то ещё · 135
- Ботаника · 132

В

- Воспроизведение
Всё это решается путём обучения, а не про-
цессинга. Даже и не думайте о процес-
синге. Нужно только обучение, потому
что это новый навык · 130
- Вы совершенно ничего не сможете увидеть,
если не умеете воспроизводить · 124
- Если вы сможете это проделать, то вы разо-
вьёте у себя способность добиваться вос-
произведения своих собственных мыслей
· 125
- научившись воспроизводить, вы сами ока-
жетесь в состоянии, когда вас воспроиз-
водят · 125
- Одитор, который не может это делать — по-
терянный человек · 129
- Они будут начинать, и терпеть неудачи, но
не будут способны воспроизвести этот
курс. · 3
- Вторая динамика
Я не знаю, какое отношение вторая динами-
ка имеет к созданию тел. Просто они ока-
зались связанными, второе всегда следует

за первым, но вовсе не обязательно пер-
вое должно заканчиваться вторым · 94

Д

- Данные
когда мы предлагаем человеку какое-то
данное, то это данное для него должно
находиться под его самоопределением, а
не храниться в его памяти · 134
- состоят из постулатов или присвоенных те-
таном значимостей · 134
- Два маршрута
Есть два подхода к этой проблеме. Один
маршрут — делать одиторов, а другой —
это одитинг. Способ делать одиторов со-
вершенно отличается от способа одити-
рования преклиров · 118
- Два преступления в этой вселенной
которые вы совершили сами и в которых вы
обвиняете других: первое — это присут-
ствовать, а второе — общаться · 127
- Делательность
восстановление делательности зависит
только от устранения непонятого слова ·
88
- Все предметы имеют целью конкретную де-
лательность, если по ним можно полу-
чить образование. И если они не имеют
целью конкретную делательность, то че-
ловек, независимо от того, сколько вре-
мени он потратит на их изучение, не
сможет получить образование по этим
предметам · 86
- делательность — просто-напросто другой
путь достижения понимания · 71
- делательность и масса предмета — это со-
временные, применимые и нужные дела-
тельности и массы предмета, и именно им
нужно обучать · 37
- Диапазон образования
вы в образовании изучаете различие между
Уровнем 0 и Уровнем 1 · 99
- Длина подхода
количество возможностей потерпеть провал
прямо пропорционально длительности
подхода · 81
- чем больше времени занимает подготовка к
образованию, тем выше вероятность
встретить на этой взлётной полосе шипы ·
81
- Длина подхода и постепенность
Взлётная полоса правильной длины не
должна, следовательно, быть настолько

длинной, чтобы без нужды увеличивать вероятность провала, и ей лучше быть не слишком короткой, чтобы человек не прыгал через ступени, приходя в замешательство · 82

этот закон уравновешен тем фактом, что, если изучать что-то не постепенно, то человек может попасть в замешательство, столкнувшись со слишком высоким подъемом, как я рассказывал вам на днях · 82

Дхарма · 106

З

Замешательство

не обязательно возникает только из-за текста или только из-за студента · 56

Знание

вторичное, его ценность · 64

Прямое и вторичное · 63

то, что достигается это то, что достигается посредством учёбы · 63

Значимость

Значимости должны иметься в достаточном объеме для того, чтобы не застрять... · 37

тоже может превратиться в делательность · 36

И

Инструктаж

всегда позволяйте студенту вляпаться в неприятности, прежде чем ему помогать.

Никогда не помогайте студенту до того, как у него начались трудности · 53

Не препятствуйте кому-либо только потому, что вы не уверены в том, что тот продвигается уверенно · 53

никогда не возитесь с тем, чего он [якобы] не понял · 53

одна из причин того, почему одинаковый темп обучения для всей группы будет ошибкой · 53

состоит из постепенного проведения студента по известным данным · 51

то, из-за чего студент находится в очень сильном замешательстве и не способен двигаться вперед, и то, чему Инструктор, кажется, не может научить этого студента — не является правильной целью для инструкторования · 50

К

КИ

Наивысший КИ, который когда-либо регистрировался у учащегося, был у 12-летнего школьника из Йоханнесбурга · 91

самые поразительные увеличения КИ и скорости учёбы возникают тогда, когда вы принимаете во внимание эту очень простую вещь — что надо сделать студента присутствующим там · 47

следствием непонятого слова будет, скорее всего, падение КИ · 96

чем дольше что-то изучаешь, тем больше вероятность столкнуться со словами, которых не знаешь и которым не можешь дать определение · 91

Комитеты

Искусство делать дела с помощью комитета никогда не было совершенным · 123

Коммунизм

Любимый трюк коммуниста — не менять чей-либо лексикон, а оставить те же слова, но с изменённым смыслом · 96

этическая и духовная природа · 64

Коррекция

в любом сильно, сильно техническом предмете, который очень, очень, очень, техничен, как мне представляется, технология копится в области коррекции · 94

Критика

И действительно, не может быть критика одитинга, который не умеет одитировать · 11

Культура

жизнеспособность культуры полностью зависит от обладания технологией образования · 97

и образование · 79

сохранение · 64

Л

Логика и искусство вести спор · 135

Ложные науки

в некоторых предметах можно получить другой урок — что это “никогда и никоим образом не работало вообще” · 71

существует великое множество предметов, которые ложны · 5

М

Медицина

корыстная деятельность, и лекарства — корыстная деятельность, потому что кто-то на этом делает деньги · 98

самое большое, что достигалось в отношении непосредственного познания тела в медицине · 132

Мнение

Мнение может быть основано на многих вещах. Но когда мнение основано на неспособности обнаружить, что это и зачем изначально имело место, то человек выглядит как дурак, причем внезапно кажется дураком даже в собственных глазах — когда совершит этот прорыв. · 9

Мотивационные исследования · 62

Н

Наблюдение

двумя крайностями: “нет никакой необходимости в наблюдении, потому что я знаю всё” и “наблюдение невозможно, потому что я не знаю ни одного слова” находится золотая середина, которая дает вам возможность жить. · 65

образование или учёба, существовавшие в прошлом, представляли собой систему уклонения от наблюдений. А систематическое уклонение от наблюдений рано или поздно приводит к неприятностям, и в эти неприятности попало образование в целом · 132

Он не сможет не познавать, если будет наблюдать вещи · 103

Первый урок в познании учёбы — просто научиться наблюдать · 102

чем менее непосредственным является наблюдение, тем выше должно быть понимание. · 65

Навязчивая "жажда знать"

Люди, которые считают, что существует только мысль, немедленно признают тотальность познавательности · 132

Название

Как легко насытить чью-нибудь жажду знания, просто дав ему название · 132

Намерение

Вся суть учёбы, таким образом, зависит от материала, который изучается, и отношения, с которым он изучается, от цели и намерения студента · 113

Изучая что-то, что вы намереваетесь делать с этой информацией? · 106

Не верю

когда вы сталкиваетесь с невероятностью чего-то, убедитесь, что знаете, во что вы не верите. · 22

Неграмотность

неграмотные люди страдают от подавления. · 65

Неграмотные культуры

не выживают и не достигают достаточно высокого уровня. · 64

Незнательность

неизвестное познать невозможно · 127

Нереальность

Мы для них весьма нереальная группа, и мы нереальны для них потому, что любое более высокое знание для них нереально · 101

подобные нереальности, и это очень точное определение, появляются тогда, когда образование направлено на решение несуществующих проблем или когда образование не может решить действительно существующие проблемы · 85

Нет кейса

Если мы признаем, что одитор имеет кейс, то никто на всей планете никогда не провётся · 119

Как ни странно, эта философия работоспособна, совершенно работоспособна · 119

О

Образование

в противоположность школьной учёбе, должно включать в себя относительную важность преподаваемых данных. · 30
в том виде, как оно сегодня осуществляется, есть сложная технология коррекции · 95
вознаграждается не только пропорционально своей нужности, но также и пропорционально тому, насколько люди в целом понимают этот предмет · 81

вознаграждается пропорционально тому, насколько ценно то, что можно получить с его помощью · 79

должно быть делательностью по передаче мысли или действия от одного существа к другому таким образом, чтобы не свести на нет и не воспрепятствовать их использованию. · 38

имеет своим конечным продуктом определённые делательности, достижение определённых целей или выполнение определённых задач · 76

когда вы имеете дело с образованием, нужно быть очень осторожным, чтобы не склоняться излишне в сторону значимости. · 30

когда вы отделили значимость от действия и разъединили эти две вещи, то у вас может быть школьная учёба, но не может быть образования. · 31

конечный продукт · 77

может выглядеть по-разному, — например, быть наукой уклонения · 133

направлено на профессиональное выполнение определённых действий · 76

Наша система образования менее сострадательна, гораздо менее сострадательна, так как мы основываемся на весьма здравом принципе — что от учёбы не умирают · 133

не должно давать людям технологию таким образом, что технология будет для них бесполезна. · 39

Невозможно просто “дать образование” кому-нибудь, без какой-либо конкретной цели, потому что тогда он не будет иметь образования · 76

Нужно различать школьную технологию и технологию образования · 29

О России

Каким образом государство страдает от неправильного образования · 96

означает изучение, знание или применение знания определённого предмета · 76

он думает, что знает об этом всё · 70

по мёртвому предмету невозможно, поскольку у того нет конечного продукта, просто согласно определению слова “образование” · 78

подходящий учебник, который изложил бы все это последовательно... · 98

практически полностью содержится — кроме самого определения — в старинных логических основаниях Дианетики · 135

Прежнее образование, таким образом, можно было бы определить как (и это ужасно) “помещение данных в память людей” · 134

система образования построена на основе того факта, что образование уже провалилось · 95

чудесный пример того, насколько педантичной может быть школьная учёба, в противоположность образованию. · 29

школьная технология делает человека виноватым, если он не знает предмета · 44

Образовательный процесс · 123

17 АКПУ · 121

Вот ещё один способ откопать тетана · 125

Те, кому это не нравится и кто психует из-за этого, говорят: “Да вы тут рабов делаете; это — рабство” · 125

Общение

Не понимая слов, вы препятствуете любому общению. · 23

непонимание номенклатуры языка при общении — неспособность говорить или общаться — это первый барьер. · 26

Один из способов общения с чем-то — подробно это обсудить · 134

существование общения должно быть продемонстрировано прежде, чем будет предпринято какое-либо образование, и только так оно может стать образованием в саентологическом смысле, а не ещё одной инграммой · 135

Общество

в настоящее время на земле недостаточно одиторов для того, чтобы провести достаточное количество сессий достаточному числу людей для того, чтобы где-нибудь в следующем столетии стало заметно хоть какое-то улучшение в обществе · 120

вы построите общество богатых и бедных, аристократии и рабов · 120

Одитинг

Вы наказывали преклира за озарения, за одитинг, то есть за то, что он освобождался от частей своего банка · 130

Страшнее всего, когда преклир выдает оверты и висхолды, имеющие прямое и непосредственное отношение к вам самому или к вашим друзьям или близким · 130

техники одитинга — это методы приведения людей к знанию · 131

Опечатка · 53

ошибка на самом деле может быть как у студента, так и в самом тексте, если текст не ясен по причине типографской ошибки ещё от чего-то — информация не передаётся в ясной форме, поэтому он попадает в замешательство. · 56

Основы

Все строится на основах · 2

И когда я добрался до этих основ и хорошо выучил их, я двинулся вперед в этом направлении, и затем вышел на уровень, где не только был совершенно готов учиться, но также был совершенно готов говорить. · 8

Мы начинаем с существа — с вас, тетана. · 41

мы подходим к основе саентологического образования, — то есть что общение с чем угодно, где угодно и когда угодно тетану никак не повредит · 134

Фундамент одитинга — это, конечно, учёба: способность познавать · 2

Ответственность

Вам необходимо повисить ответственность, прежде чем вы сможете найти висхолды · 126

Отсутствие массы

Если мы предоставим человеку предмет или его приемлемую замену, то обнаружим, что проблемы исчезли · 88

Он будет чувствовать себя — физиологически — раздавленным; действительно, на самом деле, будет чувствовать себя раздавленным, согнутым, это вызовет у него чувство головокружения. Всё это — физические и психические реакции: он будет чувствовать “умирающим”, придет скука и изнеможение, и много других разнообразных ощущений · 86

Они начинают намного хуже соображать, им становится скучно, они протестуют и раздражаются. · 38

это в самом деле производит физиологическое ощущение. Как будто стоишь лицом к лицу с чем-то, но не можешь через это пройти. · 38

П

ПЛ

Вы обнаружите среди текстов, при помощи которых человек надеется увековечить культуру и цивилизацию, ПЛы очень неплохие представлены · 114

Здесь существует две крайности · 110

И если вы очень внимательно просмотрите эти учебники, то увидите, что большинство этих учебников просто советует вам не ходить в море, так как это очень опасно · 110

учёба — очень привлекательная область для подавляющих личностей. Сюда, как и в область управления государством, подавляющие личности слетаются, как мухи на мёд · 107

Подавляющий предмет

есть то, что минирует учёбу · 110

Подавляющий предмет

Когда предмет заминирован и является до крайности подавляющим, то его можно изучать ради экзамена, но нельзя изучать ради применения · 112

Понимание

должно включать оценку достоверности данной нам информации · 66

должно расти пропорционально тому, насколько непрямым является наблюдение. · 65

должно учитывать факт развития · 72

За воспроизведением приходит понимание.

Понимание идёт после воспроизведения, а не перед ним · 125

может быть, кто-нибудь когда-нибудь даст этому определение, но вам не нужно

знать, что это такое, для того, чтобы продолжить учёбу. · 67

надо быть достаточно сообразительным для того, чтобы знать, что было причиной · 73

Рутинa и механическое запоминание, другими словами — плохой заменитель понимания · 131

того, для чего мне нужна эта информация, для чего я собираюсь ее использовать, понимание ее точности и ценности; понимание того, что я должен получить от неё. · 72

упущенный компонент — это понимание. · 25

частью вашего понимания является понимание того, является ложным или истинным источник информации или то, что вы пытаетесь понять. · 66

чтобы понять данные, необходимо пройти через их воспроизведение к пониманию, и с пониманием данных возникает завершающий шаг — полностью самоопределённое осознание того, что это данное существует · 128

является заменителем массы, и у вас есть ключ к нему — АРО. · 65

Постепенность

Всегда есть первый урок, который надо преподавать. · 13

если вы не нашли достаточно небольшого или достаточно простого первого действия, чтобы человек в нём обрёл уверенность, то тогда он, продвигаясь в следующую зону, обнаруживает, что она очень, очень сложна, и начинает впадать в замешательство · 48

Если они вообще имеют какие-либо трудности с этим, то это гарантирует, что замешательство не в этом. · 49

И стены у него сдвигаются, и перед его глазами появляются маленькие яркие пятна, и он чувствует что-то вроде головной боли. Это физиологическое [проявление] · 50

имеем дело с пропущенным более низким уровнем постепенности · 49

Когда вы видите кого-то в замешательстве, то он не усвоил более фундаментального действия, которое должен был усвоить перед тем, как перейти к более сложному. · 46

Нарушение

Человек испытывает своего рода замешательство, голова у него идёт кругом; по всей вероятности, эта реакция не похожа на другие, она чётко отличима от других реакций · 87

нарушение принципа постепенности · 46
 новое открытие, называемое “шкала постепенности” · 46
 Первый уровень в образовании — это доставить человека туда · 47
 Средство от второго препятствия — это отступление назад · 88
 Студенту порой очень трудно увидеть это, потому что он так уверен, что понял тот последний пункт. · 52
 то, с чем студент вроде бы имел трудности, никогда не являлось тем, с чем студент имел трудности [на самом деле] · 49
 формула такова: узнаёте, где у студента не было неприятностей с предметом, и затем узнаёте, где у него начались трудности, и находите их причину прямо в конце того места, где не было трудностей · 51
 Потерянная технология
 А теряется она потому, что люди оказываются неспособными учиться. · 4
 для того, чтобы предмет продолжал существовать, для того, чтобы он выжил, он должен иметь цель, которая должна выглядеть как достижимое действие · 79
 Единственное место, где она может быть потеряна — это нежелание изучать ее, и единственное место, где она может быть потеряна — это просто не знание ее вообще, и особенно не знание того, что причина, по которой кто-то не может учиться, заключается в том, что он думает, что здесь нет ничего, чего бы он не знал, и чувствует, что знает все, и следовательно, ему не нужно учиться. · 12
 если Саентологии и грозит какая-то опасность, то это — опасность отупения ее последователей из-за того, что они больше не будут считать нужным наблюдать, применять знания, и держать марку. · 65
 как только предназначение предмета вырождается, перестает упоминаться или передаваться — по мере того, как предназначение предмета вырождается — сам по себе предмет тоже отмирает · 78
 Они [цивилизации] начинают специализироваться на каком-нибудь техническом приеме, нет ничего, что поддерживало бы этот прием, и, наконец, части этих приемов теряются, и они исчезают. · 4
 постоянно существующая потребность в том, что этот предмет даёт, может этот предмет сохранить · 81
 Предмет, предназначения которого не указаны, умрёт не только в обществе, но и в человеке · 78

техника — это одно, а то, как она применяется, — то есть как раз то, что заставляет машину бежать по дороге — и теряется чаще всего. · 6

То, что вы изучаете сейчас, есть потерянная технология. · 4

Преподавание

“Слоёное обучение” — вот что используют сейчас во всех технических областях · 100

для человека, который не умеет делать это, заниматься преподаванием этого — ужасная ошибка. · 31

На протяжении всего АКПУ никто никого не одитировал, но у всех потрясающе росли графики. Так что это само по себе было разновидностью процессинга · 127
 наша цель — улучшить способность студента учиться посредством изменения характера и методологии преподавания. · 44
 они вообще ничего не видят, потому что их заучили до глупости. И вы говорите со слепыми, вот и все · 99

они не ждут никаких результатов, потому что их никогда не было. Так что они на самом деле не знают, что есть знание · 100

Помните это, когда будете обучать аудиторов — берите самых способных и тратьте на них максимально возможное время · 121

Следовательно, то, с чем вы имеете дело в Саентологии — это в действительности не подлость общества, и не упрямство общества, и не нежелание общества принять помощь. Это даже не невежественность общества — на самом деле вы имеете дело с неверной технологией учёбы общества, которая блокирует познание того, о чем вы говорите, и блокирует познание того, о чем можно знать больше. Вы сталкиваетесь с технологией, которая губит интеллект, вмораживает индивидуума в тотальное непонимание, загоняет его в одеревенение, которое нельзя назвать хорошим состоянием · 103

Так что проваливается не ваш подход — вы просто не достигаете его · 101

учителю совершенно необходимо оставлять за студентом право выбора в отношении тех данных, которые ему преподают. И если что-то не согласуется с опытом этого студента и не является истинным в окружающем его мире, то преподаватель должен позволить такому студенту самому проанализировать это, и поступать соответствующим образом. И только таким

образом можно что-либо успешно использовать · 136

хороший тест для преподавателя — для определения того, знает тот свой предмет или нет. Это количество данных, которые он заставляет студента усваивать, не задавая вопросов · 136

Человек не только может понять, зачем он их учит, но и то, зачем ему эти данные преподают, и понимает и осознаёт — что использование, естественно, включает в себя независимую истину этого данного, вне связи с тем, было это преподано или нет · 128

Применение

в образовании, если значимость никогда не добавляется к массе, а стоит в первоизданной чистоте совершенно особняком, вы обычно застреваете на курсе: никакой делательности. · 31

в Саентологии есть одна вещь — одна вещь — которую не слишком легко поместить в тексты, и которая, возможно, никогда не будет помещена в тексты: наука о том, как это делать. · 5

вам нужно и должно быть способным просто взять учебник — если это достоверный учебник и достоверный предмет — и применить его напрямую, даже не обладая опытом. · 25

Вероятно, одна из причин того, почему эта цивилизация не смогла добиться значительного прогресса в этом направлении, состоит в том, что к этой категории относятся лишь немногие предметы — где сразу же после преподавания профессор может посмотреть на практику. · 45

Вы должны приложить это к себе, приложить это к жизни. · 22

вы обладаете способностью применять учебник настолько хорошо, что в то время, когда делаете это, способны еще и думать. · 32

вы ошибаетесь пропорционально тому, сколько вы преподаёте ему материала, которым он никогда не будет заниматься. · 35

главная претензия к учёбе — то, что она не даёт непосредственного и мгновенного результата в виде хорошего, чистого, ясного применения. · 25

Добрая половина Саентологии состоит в дисциплине применения, технологии применения, ноу-хау применения. Это более, чем 50% предмета. · 2

Если вы хотите иметь образование по какому-то предмету, нужно применять его · 84

Если они не делают что-то, что немедленно будет приводить к применимому в жизни действию, с достижением результата, то будут оставаться в области значимости.

Они и реагируют так, как будто они в области значимости. · 38

если они просят помощи, я всегда задаю им что-то сделать · 70

Если превратить все делательности предмета в значимость... · 36

И если у кого-то есть хоть какие-то проблемы с материалами по Дианетике, то это случается потому, что они изучали плёнки по Дианетике или бюллетени не для применения · 112

помимо классификации и знания того, на что направлена технология, я бы не сказал, что есть что-то, чему можно учиться в этой сфере. Вам не надо изучать команды одитинга. · 6

чем это достигается · 5

Что ему следует изучить — вот эту науку одитировать. · 6

Принуждение

Вы сделаете его абсолютной “одиноким волком” по отношению к сути его предмета и информации. И вместо того, чтобы помочь ему, вы заберете у него всю информацию, которая могла бы ему помочь · 96

необходимость во всём этом принуждении возникла потому, что никто так ничего и не понял, вообще не получал образования · 95

что происходит с молодёжью, получившей образование под коммунистическим принуждением · 96

Проверки

(1) Научились ли вы чему-то из этой лекции и (2) Как вы могли бы применить ее? (3) Каково ваше мнение по содержанию предмета?. · 11

было бы весьма педантично (а мы такой системой не пользуемся) со стороны инструктора спрашивать: “Каковы первые семь слов в пятом параграфе третьего бюллетеня, написанного в июне месяце 1959 года?” · 129

Пропущенное определение

Оно вызывает отчётливо распознаваемые ощущения — чувство изможденности, ощущение пустоты, такое впечатление, “будто тебя здесь нет”, а потом следует что-то вроде нервной истерики · 87

Такое явление, как “срыв”, возникает из-за третьего источника · 87

Профессионализм

вы не обязаны делать все, что было сделано до вас, для того чтобы стать профи · 34
 Дело, действительно, не сводится к тесту на “Что человек знает?”, оно сводится к тесту на “Что человек может делать?”. · 10
 разница между “знающим” человеком и профессионалом · 68
 связан со значимостью и делательностью и массой. · 34
 тот, кто добивается успеха, — это не тот, кто просто притопал с какой-то идеей · 83

Р

Равновесие

Образование, следовательно, должно представлять собой уравновешенную делательность, для которой одинаково важны и значимость, и делательность предмета. · 34

профессиональный риск саентолога состоит в том, что он имеет дело со значимостями и массами · 61

Разница

основная и существенная разница между практической и академической учёбой · 111

С

Саентология

Вы изучаете предмет [Саентологию], в котором нет тайных капканов · 114

Мы в действительности занимаемся (разумеется, не рассматривая уровень твёрдых тел, усилий и тому подобного), управлением мыслью. · 131

Свобода

У нас долгое время была “свобода”. Все знали, что значит “свобода”. Рузвельт сделал это “свободой от чего-то”. Теперь стало необходимо быть свободным от чего-то. Вот за какую свободу нам стало нужно бороться — мы боролись за свободу от чего-то. Да, это интересная точка зрения. Свобода от чего-то. За такую свободу надо бороться, значит, вы при это несвободны. “Свобода” есть “свобода”. Это не есть необходимость бороться против чего-то, отталкивать что-то от себя, беспокоиться о том, что что-то опять может вас захватить, работать день и ночь, чтобы этого с вами не случилось. Это не свобода · 97

Семья

Одним только процессом образования вы можете исправить семейные неурядицы в любой семье · 138

Скорость обучения

единственное, что мы пытаемся повысить · 122

Рискованно обозначать определённые сроки обучения, в течение которых можно что-то выучить. Фактически, это сделать невозможно · 121

Слова

если бы вы не читали и не писали по-английски, вам бы потребовалась большая работа в изучении номенклатуры. Но помните, что это была бы просто большая работа в изучении номенклатуры. · 26

Если вы считаете, что “Саентология неприемима из-за её номенклатуры”, то с таким же успехом можно пожаловаться на номенклатуру любого технического предмета, и вдобавок та номенклатура зачастую будет в пять раз глупее. · 18

жалобы несерьёзных студентов по поводу · 68

знать слова и оставаться начеку. · 65

когда вы входите в святая святых любой профессии, вы вполне естественно оставляете простой язык сноба и попадаете в область “сленга”. · 19

Можно быть достаточно искусным для того, чтобы уметь прочесть диссертацию преподавателя МИТ, при полном наборе инженерных терминов, на тему древнеегипетских мостов, при этом не посмотрев в словаре ни одного из этих чертовых навороченных терминов, и выжить до конца этой диссертации и — что бы вы думали? — узнать что-то о мостах! · 67

номенклатура есть главный камень преткновения в любой учёбе. · 16

предмет слов минует все пути к определению того, что происходит, к определению того, из чего состоит мир. Слова — это минное поле: значимость. · 63

причина по которой вы не можете перемещивать терминологии · 16

Решение этой проблемы состояло в превращении глаголов в существительные · 111

термин может быть спутан по причине использования его для двух определённо разных задач. · 55

терминология должна иметь дело с фактором эволюции в использовании. · 18

целый абзац, идущий после предложения, содержащего непонятое слово, может напрочь исчезнуть из этой вселенной. · 52

я не впал в навязчивое состояние и не стал беспокоиться о том, что мне никак нельзя пропускать это · 67

Согласие

вас нельзя с пользой обучить — так чтобы вы могли этим пользоваться — какому-либо данному о человеческом уме, с которым вы уже не согласны · 136

Сталин

Материал, который мы сейчас имеем в Саентологии, как ни странно, представлял огромный интерес для самого старика Сталина · 97

Студент

это немедленно дает нам представление о тех, кто не относится серьезно к изучению Саентологии · 68

я не думаю, что есть толковые студенты и тупые студенты. · 24

Суждение

А суждение, таким образом, возникает при свободе от фиксированных мнений и в присутствии реальной трезвой оценки. · 10

Всё начинается с воспроизведения · 127

вы можете научиться обладать суждением, и для этого потребуется только два шага: воспроизведение данного, и потом — понимание · 127

если у вас нет суждения по какому-то предмету, что ж, это потому, что вы не знаете предмета. · 10

путь к созданию способности суждения · 127

Самое плохое, что способен сделать тетан самому себе — обесценить своё собственное суждение · 127

Сортировка данных по важности — вот что предстаёт перед нами в качестве следующего шага · 126

Я освободил свое собственное суждение. · 8

T

Талант

Если бы у человека не было непонятых слов, таланта у него могло быть и не быть, но его делательность бы присутствовала. Возможно, он не создал бы шедевра живописи, но просто картины он бы писал · 88

можно утверждать, что неспособность Джо рисовать, в смысле его неспособности совершать движения кистью, зависит целиком и полностью только от определения слов · 88

ничто нельзя разрушить легче этого, потому что это не основано на знании или понимании · 69

Техника исправления жажды знания · 132

Тождественность

чувствуют себя удобно, когда у них есть идея; и идея, при которой они ощущают удобство — это идея о тождественности · 127

Томпсон

математик · 114

старпом · 53

У

Уилл Дюрант · 114

Успех

разница между человеком, добивающимся успеха и не имеющим его · 65

успех любого преподаваемого предмета пропорционален тому, насколько он сохраняет разумное равновесие между своей значимостью и своими действиями и массами, связанными с ним. · 40

Учёба

академическая

при истинном знании предмета внимание будет обращаться на то, что нужно, а при только теоретическом знании внимание будет обращаться не на то, что нужно. · 85

включает в себя распознавание достоверности источника информации · 66

Живая учёба — это та, у которой есть предназначение, использование; а мёртвая учёба — это та, у которой нет никакого использования · 78

имеет отношение, в общем и в частности, просто к одной вещи: к готовности знать что-то. · 5

Когда недоступно абсолютно никакое обучение, что ж, вам нужно просто взять все книги по этому предмету, которые вам попадутся на глаза, и затем просто прочесть их все от корки до корки. · 24

может производить физиологическую реакцию · 50

на уровне регулируемой делательности · 70
направление и конечная цель учёбы — это понимание · 25

образовательный предмет — это просто то, что имеет своим результатом делательность, и достигается получением образования по этому предмету · 82

Осторожная учёба не обязательно должна быть скрупулёзной, блестящей, мудрой

или какой-то еще. Она просто осторожна.
· 23

сама по себе есть отличный инструмент для распространения · 103

только практической учёбы недостаточно · 33

Тот, кто занимается только теорией, и ничем, кроме теории, не обладает образованностью · 37

Я разработал свой “метод учёбы” · 23
является дверью — закрытой или открытой — к умению одитировать · 2

Ф

Факт

Присвоив чему-то определенную значимость и придя по этому поводу к единому согласию, тетаны получают “факт” · 134

Фиксирование-расфиксирование

нам всегда легко удаётся расфиксировать что-то настолько же, насколько оно было расфиксировано изначально, либо зафиксировать что-то так, как оно было изначально зафиксировано · 137

Фиксированные идеи

Другими словами, у вас есть гибкость, гибкость направления действий, и, следовательно, у вас может быть мнение, а не фиксированная идея или предрассудок. Есть большая разница между предрассудком или фиксированной идеей — и способностью иметь мнение. · 9

Человек вынужден иметь определенные фиксированные мнения, для защиты от того факта, что он глуп в этом предмете и что он не может дать никакого дельного суждения по вопросу, поскольку он завяз в клубке фиксированных мнений. · 10

Фрейд

Забавно, можно почитать записи Фрейда и обнаружить, что каждый раз, когда малый раскрывал оверт, он поправлялся; но Фрейд этого никогда не замечал · 95
по поводу второй динамики · 94
построил на этом свой психоанализ, который оказался очень популярным. Он не эффективен, но популярен. Его результат зависит от цикла общения аналитика, а не от правильности теории Фрейда · 94

Я уверен, что у Фрейда было много работающей технологии. Просто она не вышла в практику психоанализа · 114

Френсис Бэкон · 132

Ц

Цель

люди никогда не слушают вас, когда вы говорите о Саентологии, или бывают раздражены тем, что вы изучаете этот предмет, и все это оттого, что вы не рассказали им о цели Саентологии, о том, что она может дать лично им · 79

может перестать быть достижимой или ценной просто потому, что она не понята · 79
предмет можно было бы разрушить, разрушая его цель · 81

С какой целью вы учитесь? До тех пор, пока вы не проясните этого, вы на самом деле не сможете превратить это в разумную деятельность · 111

Ценность предмета

зависит целиком и полностью от ценности того, что вы получите, достигнув этой указанной цели · 79

Ч

Четыре стадии усвоения

Первый — отсутствие понимания, отсутствие воспроизведения, замешательство. Второй шаг — просто способность воспроизводить. И после этого мы достигаем способности усвоить, понять и, следовательно, наблюдать. В этой области лежит способность иметь суждение, и это путь к этой способности · 126

Э

Экзамен

на получение диплома психиатра, и, знаете, он состоит только из дат, оглавления и заголовков, выходных данных и дат публикаций лекций Фрейда · 10

Экономика · 113

Эра Любви · 106